

Классика российской
Цивилистики

В. П. ГРИБАНОВ

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ И ЗАЩИТА
ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

КАФЕДРА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ
ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА

СТАТУТ

УДК 347

ББК 67.404

Г 82

председатель редакционной коллегии серии:
д. ю. н., профессор СУХАНОВ Е. А.

зам. председателя редакционной коллегии:
генеральный менеджер проекта,
к. ю. н., доцент ЕМ В. С.

редакционная коллегия:
д. ю. н., профессор КОРНЕЕВ С. М.
к. ю. н., доцент КУЛАГИНА Е. В.
к. ю. н., доцент КОЗЛОВА Н. В.
к. ю. н., доцент ПАНКРАТОВ П. А.

Научный редактор тома:

к. ю. н., доцент ЕМ В. С.

Грибанов В. П.

Г 82 Осуществление и защита гражданских прав. Изд. 2-е, стереотип. - М.: "Статут", 2001.
- 411 с. (Классика российской цивилистики).

ISBN 5-8354-0033-0

В предлагаемой вниманию читателей книге помещены труды профессора В.П. Грибанова, посвященные проблемам осуществления субъективных гражданских прав; методологии обнаружения признаков злоупотребления правом; классификации и системного анализа принудительных мер защиты субъективных гражданских прав. В книге публикуются также монографические исследования, касающиеся институтов права собственности и правопреемства. Публикуемые работы, бесспорно, относятся к классическому наследию российской цивилистики.

УДК 347

ББК 67.404

Данная работа издана при поддержке Российского фонда правовых реформ

Профессор Московского университета Вениамин Петрович Грибанов (1921 – 1990)
(краткий очерк жизни и деятельности)

ПРЕДЕЛЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

РАЗДЕЛ I ПРЕДЕЛЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

1. Правовая природа и социальное назначение принципа недопустимости злоупотребления гражданскими правами

2. Понятие злоупотребления правом

3. Развитие принципа недопустимости осуществления гражданских прав в противоречии с их назначением

4. Статья 5 основ гражданского законодательства как общий принцип и как специальная норма советского гражданского права

РАЗДЕЛ II ПРЕДЕЛЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ УПРАВМОЧЕННЫМ ЛИЦОМ ПРАВА НА ЗАЩИТУ

1. Право на защиту как одно из правомочий субъективного гражданского права

2. Пределы самозащиты гражданских прав

3. Пределы применения управомоченным лицом правоохранительных мер оперативного характера

4. Пределы осуществления управомоченным лицом требования о защите права, обращенного к компетентным государственным или общественным органам

ПРИНЦИПЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

ИНТЕРЕС В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

СРОКИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Введение

Значение и виды сроков в советском гражданском праве

Сроки существования гражданских прав

Пресекательные сроки

Гарантийные сроки

Претензионные сроки

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ

I. Гражданские права и обязанности

II. Понятие гражданско-правовой ответственности

III. Условия гражданско-правовой ответственности

IV. Виды и размер гражданско-правовой ответственности

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРЕХОДА ИМУЩЕСТВА ПО ДОГОВОРУ КУПЛИ-ПРОДАЖИ В СОВЕТСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА В. П. ГРИБАНОВА

Профессор Московского университета Вениамин Петрович Грибанов (1921 – 1990) (краткий очерк жизни и деятельности)

Серия <Классика российской цивилистики> не случайно была открыта с публикации курса русского гражданского права Д. И. Мейера, а сейчас продолжается настоящим изданием трудов профессора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова Вениамина Петровича Грибанова. Дело в том, что в свое время именно профессор В. П. Грибанов, прекрасно знавший русскую дореволюционную юридическую литературу, убедительно доказал своим многочисленным ученикам (включая авторов настоящего очерка), что классическая российская цивилистика начинается с курса гражданского права Д. И. Мейера. Глубокие познания в области истории правовой мысли России были лишь частью огромного багажа научных знаний, приобретенных В. П. Грибановым в процессе почти полувекового профессионального изучения и преподавания курса гражданского права, создания современной научной школы цивилистов МГУ им. М. В. Ломоносова.

В. П. Грибанов был ярким представителем <могучей кучки> российских цивилистов советского периода, прошедших суровую школу Великой Отечественной войны. На долю его поколения выпали самые трудные и героические годы истории нашей Отчизны: разруха и голод после гражданской войны, лихолетье самой страшной в истории человечества второй мировой войны, восстановление разрушенной страны. Это поколение обладало высоким мужеством, достойным добродетельных людей, стойко переносивших все превратности судьбы и создававших во имя идеалов доброты и справедливости.

В своей автобиографии^[1], датированной 2 февраля 1980 г., В. П. Грибанов писал:

<Я, Грибанов Вениамин Петрович, родился 11 февраля 1921 г. в семье крестьян Куйбышевской области, Пугачевского района, села Корнеевка. В том же году мои родители переехали на постоянное место жительства в Московскую область, Волоколамский район, деревня Куликово, где мать занималась сельским хозяйством, а отец работал счетоводом в сельпо. В 1929 г. пошел в школу. В том же году отец переехал в Ленинград, а в 1930 г. туда же переехала вся наша семья. Отец работал управдомом, мать была домохозяйкой. После смерти отца в 1942 г. мать сначала работала в подсобном хозяйстве, а затем на вязально-трикотажной фабрике.

В 1930 г. я пошел учиться в среднюю школу, где окончил 9 классов. Здесь же в 1938 г. был принят в члены ВЛКСМ. В 1938 г. перешел учиться в 10-й класс 9-й артиллерийской Спецшколы города Ленинграда, по окончании которой был зачислен курсантом 3-го Ленинградского артиллерийского училища. В 1941 г. окончил училище и в звании <лейтенант> был направлен в действующую армию. С этого времени и до 19 ноября 1944 г., т. е. до момента тяжелого ранения, находился на фронте, служил сначала командиром батареи, заместителем командира дивизиона 850-го артиллерийского полка, 271-й стрелковой дивизии, а затем заместителем командира дивизиона, ПНШ-1, командиром дивизиона 58-го Гвардейского Севастопольского полка 32-й Гвардейской Таманской Краснознаменной ордена Суворова дивизии. В период октября-ноября 1944 г. - командир дивизиона 2-й Гвардейской Таманской дивизии, 21-го Гвардейского Севастопольского артиллерийского полка. На фронте в ноябре 1942 г. был принят в члены КПСС.

19 ноября 1944 г. был тяжело ранен, в связи с чем была ампутирована левая нога в средней трети бедра. До 26 марта 1946 г. находился на излечении в ЭГ N 3447 города Москвы. По инвалидности был уволен из рядов Советской Армии в должности командира дивизиона в звании <гвардии майор>. Имею правительственные награды: Орден <Отечественной войны I степени> [2], три ордена <Красная Звезда>, медали <За оборону Кавказа>, <За победу над Германией в Великой Отечественной войне> и др.

В 1946 г. поступил учиться в Московский юридический институт, который окончил с отличием в 1950 г., и был оставлен в аспирантуре по кафедре гражданского права. В 1953 г. окончил аспирантуру с защитой кандидатской диссертации и с 6 июля 1953 г. начал работать старшим преподавателем МЮИ, а с 1954 г. в связи со слиянием МЮИ с юридическим факультетом МГУ работал сначала старшим преподавателем, а затем доцентом юридического факультета МГУ. В октябре 1970 г. защитил докторскую диссертацию. 9 апреля 1971 г. решением ВАК мне была присуждена ученая степень доктора юридических наук, а решением ВАК от 7 марта 1973 г. был утвержден в звании профессора. С 1972 г. работаю заведующим кафедрой гражданского права юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

За большую работу по подготовке кадров и в связи с 225-летием МГУ им. М.В. Ломоносова Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом <Трудового Красного Знамени>.

За скупыми строками приведенной автобиографии стоят такие факты фронтовой жизни В. П. Грибанова, как трагическое отступление с нашими войсками из Крыма через Керченский пролив в 1942 г., участие в наступлении на немецкую <Голубую линию> на Тамани в 1943 г. и в героическом штурме Сапун-горы под Севастополем в 1944 г., в тяжелых боях за Кенигсберг [3]. До последних дней жизни В. П. Грибанов был председателем Совета ветеранов Гвардейского Севастопольского полка Таманской стрелковой дивизии и председателем Совета ветеранов юридического факультета МГУ [4].

В силу скромности В. П. Грибанова в его автобиографии нет ни слова о том, что долгие годы он возглавлял Специализированный совет по защите докторских диссертаций в области гражданского права и процесса, руководил секцией гражданского права Всесоюзного совета по юридическому образованию, был членом редколлегий научных журналов <Вестник Московского университета> (серия <Право>) и <Правоведение>. В течение многих лет В. П. Грибанов был членом научно-консультативных советов при Верховном Суде СССР и Государственном арбитраже СССР. Кроме того, он исполнял обязанности арбитра Арбитражного суда при Торгово-промышленной палате СССР, реализуя в правоприменительной практике собственные научные идеи и положения. 18 июля 1982 г. Президиум ТПП СССР удостоил В. П. Грибанова диплома за активное участие в деятельности ТПП СССР и содействие развитию торговых, экономических и научно-технических связей Советского Союза с зарубежными странами.

Говоря о внешних атрибутах официального признания заслуг Вениамина Петровича, нельзя обойти молчанием то обстоятельство, что он не получил звания <Заслуженный деятель науки>, не был избран членом-корреспондентом Академии наук. Во многом это явилось следствием научной принципиальности, которую он доказал в своей многолетней борьбе с теоретиками <хозяйственного права>, обласканными в тот период государственной и партийной властью за полное соответствие их подхода идеологическим догматам того времени. В этой борьбе Вениамин Петрович нередко выступал в союзе с другим выдающимся российским цивилистом профессором О. С. Иоффе [5].

В личности профессора В. П. Грибанова органически сочетались не только талант и трудолюбие, но и редкие душевные качества - заботливость, внимательность, уважительное отношение к людям, умение выслушать и понять своего оппонента. Максимум его жизненного поведения были истина, искренность и честность в отношениях с людьми.

К числу выдающихся качеств личности Вениамина Петровича следует отнести его потрясающий дар <селекционера> научных талантов - умение разглядеть в студенте или аспиранте человека, способного к решению в будущем сложных научных задач. Этот дар в сочетании с энциклопедическими познаниями в области правоведения и выдающимися организаторскими способностями позволил В. П. Грибанову создать свою цивилистическую школу. Воспитанные им кандидаты и доктора юридических наук являются представителями единой научной школы, опирающейся на фундаментальные идеи своего Учителя и творчески их развивающей, о чем наиболее ярко свидетельствует подготовленный представителями этой школы современный двухтомный (в трех книгах) курс российского гражданского права^[6]. В наши дни профессора и доценты - ученики профессора В. П. Грибанова - составляют костяк кафедры гражданского права МГУ.

После сказанного нетрудно понять, почему для многочисленных учеников, коллег и всех знавших его людей В. П. Грибанов остается образцом университетского профессора, сочетавшим качества ученого-энциклопедиста, организатора науки, прекрасного педагога и блестящего лектора. Все эти качества позволили ему занять достойное место в ряду корифеев отечественного правоведения, стать одним из тех мудрых наставников молодежи, которыми всегда славился Московский университет.

Многочисленные заслуги профессора В. П. Грибанова можно перечислять и далее. Однако для их реальной оценки важна не только формальная, но и содержательная сторона, что требует обращения к существу научного и педагогического творчества Вениамина Петровича.

II

Как ученый-цивилист и педагог В. П. Грибанов сложился и вырос на кафедре гражданского права сначала МЮИ, а потом МГУ, где его наставниками были выдающиеся отечественные правоведы, начинавшие работу в Московском университете еще в начале нынешнего века: профессора Иван Борисович Новицкий и Иван Сергеевич Перетерский. Именно эти знаменитые учителя, о которых В. П. Грибанов вспоминал с неизменной признательностью, заложили в своего талантливую ученика основы цивилистической культуры и педагогического мастерства, привили ему любовь к гражданско-правовой науке.

Уже кандидатская диссертация <Основные черты плановых гражданско-правовых договоров и история их развития>, подготовленная под научным руководством профессора И. С. Перетерского, сделала имя В. П. Грибанова известным в гражданско-правовой науке. В этой ранней работе обнаруживается стремление автора к общетеоретическим обобщениям, касающимся фундаментальных проблем цивилистической науки. Именно в ней В. П. Грибанов одним из первых в советской цивилистике сформулировал вывод о том, что имущественные отношения, являясь волевыми отношениями, вместе с тем выступают как форма выражения производственных отношений [7]. После защиты кандидатской диссертации последовали глубоко научные работы о юридических лицах, договорах поставки, купли-продажи, о праве личной собственности, жилищном праве.

Среди работ того периода в настоящем издании представлены две статьи Вениамина Петровича: <Правовые последствия перехода имущества по договору купли-продажи в советском гражданском праве> [8] и <К вопросу о понятии права собственности> [9]. Указанные статьи Вениамина Петровича интересны и ценны тем, что в них он научно обосновал систему фундаментальных положений о сущности собственности как экономической категории, праве собственности, механизмах возникновения и прекращения права собственности, которые использовались им в дальнейшем при исследовании различных аспектов институтов права собственности, права оперативного управления, права хозяйственного ведения, а его учениками - для создания целостной концепции права собственности и ограниченных вещных прав. Положения этой концепции в значительной мере были реализованы учениками Вениамина Петровича в новейшем российском гражданском законодательстве, в том числе в разделе II действующего ГК РФ <Право собственности и другие вещные права>.

В статье <К вопросу о понятии права собственности>, вскрыв экономическую сущность отношений собственности, Вениамин Петрович сформулировал определение права собственности, которое явилось заметной вехой в научном познании этого феномена права собственности. Он указал, что право собственности есть установленная государством совокупность правовых норм, закрепляющих исторически определенную форму присвоения средств и продуктов производства путем установления принадлежности имущества определенным лицам, определения объема и содержания правомочий по использованию принадлежащего им имущества, а также гарантий их осуществления [10]. В. П. Грибанов первым в отечественной цивилистике охарактеризовал двустороннюю сущность присвоения как динамического процесса и как статического состояния присвоенности имущества.

В статье <Правовые последствия перехода имущества по договору купли-продажи в советском гражданском праве> сформулирован вывод о том, что заключение и исполнение сторонами договора купли-продажи влечет не переход права собственности

от продавца к покупателю, а одновременное прекращение права собственности продавца и возникновение права собственности у покупателя на приобретенное имущество. Данное научное положение в числе ряда других послужило причиной того, что законодатель отказался от формулы ч. 1 ст. 66 ГК РСФСР 1922 г., согласно которой право собственности переходило на основании договора, заключаемого между отчуждателем и приобретателем. В нормах ст. 135 ГК РСФСР 1964 г. и ст. 223 действующего ГК РФ говорится о том, что право собственности <возникает> у приобретателя имущества. Вместе с тем нормы ст. 551 ГК РФ опять-таки говорят о переходе права собственности на покупаемую недвижимость. Дуализм законодательного решения одного и того же явления порождает не только теоретическую неразбериху, но является первопричиной многочисленных сложностей при судебном решении экономических споров[11].

Иные произведения, помимо выше упомянутых статей, вошедшие в настоящее издание, воплощают в себе научные результаты исследования В. П. Грибановым сложнейшего направления цивилистической науки - осуществления и защиты гражданских прав и представляют одну из главных вершин творчества ученого. Сама целостная концепция данного направления была создана Вениамином Петровичем на базе анализа таких теоретических проблем, как: а) учение о субъективных правах; б) понятие, принципы и способы осуществления гражданских прав; в) сроки осуществления гражданских прав; г) пределы осуществления гражданских прав; д) осуществление управомоченным лицом права на защиту[12].

Существенным вкладом в общее учение о субъективных правах являются научные положения статьи В. П. Грибанова <Интерес в гражданском праве>[13]. Опираясь на понимание интереса как потребности, принявшей форму сознательного побуждения и проявляющейся в жизни в виде желаний, намерений, стремлений, в конце концов в тех отношениях, в которые вступают лица в процессе своей деятельности, Вениамин Петрович сформулировал два постулата, которые впоследствии были использованы при обосновании возможности утраты субъектом принадлежащего ему права по причине осуществления такового в противоречии с общественным интересом. Суть первого постулата заключается в том, что нормы объективного права должны обеспечить баланс разнообразных и противоречивых интересов общества и его отдельных индивидов. С этой точки зрения на стадии отражения интересов в нормах объективного права мы имеем дело с проблемой научности правотворчества, с необходимостью отражения начал социальной справедливости и типичных интересов в праве и т. п. Суть второго постулата содержится в тезисе - удовлетворение интересов управомоченного лица есть цель субъективного права, а субъективное право в свою очередь есть средство удовлетворения интересов этого лица. Отсюда логически следует, что круг признаваемых законом и социально значимых индивидуальных интересов, для удовлетворения которых может быть использовано субъективное право, определяет не содержание субъективного права, а его социальное назначение, сферу использования, т. е. пределы его осуществления и защиты[14]. Следовательно, на стадии осуществления субъективного права имеет место <проблема субъекта> и, в частности, проблема ответственности за осуществление субъективного права в противоречии с его назначением вопреки общественным интересам.

Установление объективно существующих взаимозависимостей между нормами объективного права и социальными интересами, между субъективным правом и интересом поставило перед Вениамином Петровичем задачу найти ответ на вопрос, в какой правовой категории (помимо норм закона) в наиболее общем виде находят отражение общественные интересы. Такой правовой категорией, как он убедительно показал, являются принципы права. Исследованию данной категории посвящена статья

<Принципы осуществления гражданских прав>[\[15\]](#). В ней закреплено, что правовые принципы - это руководящие положения права, его основные начала, выражающие его объективные закономерности, тенденции и потребности общества, определяющие сущность всей системы, отрасли или института права и имеющие в силу их правового закрепления общеобязательное значение. Как видно, по В. П. Грибанову, правовые принципы не некие руководящие идеи, а объективно детерминированные закономерностями общественного развития основные положения права. Налицо был новый подход в юридической науке, показавший принципы права не в качестве субъективно обнаруживаемых общих идей, а в качестве объективно обусловленных форм[\[16\]](#). Экстраполируя общетеоретическое определение правовых принципов на предмет своего исследования, Вениамин Петрович доказал, что принципы осуществления гражданских прав проявляются как основные требования, которые общество и выражающее его интересы гражданское право предъявляют к управомоченному лицу и тем лицам, которые от его имени осуществляют принадлежащие управомоченному субъективные гражданские права[\[17\]](#).

Логическое продолжение и дальнейшее развитие концепция объективной обусловленности правовых принципов получила в монографии <Пределы осуществления и защиты гражданских прав>, которую без всякого сомнения можно считать самой большой <жемчужиной> творческого наследия В. П. Грибанова. За эту монографию решением ученого совета МГУ от 22 октября 1973 г. ему - первому среди ученых юридического факультета - была присуждена Ломоносовская премия 2-й степени.

Принимая решение о награждении В. П. Грибанова, ученый совет исходил из того, что монография стала завершением его многолетнего и плодотворного труда, впервые позволившего представить во всей сложности и противоречивости как многовековую историю законодательства о пределах осуществления гражданских прав, так и решение данной проблемы в советском гражданском праве. При этом ученый совет оценил то, что на огромном нормативном и фактическом материале В. П. Грибанов убедительно показал, что закрепление законодательного принципа осуществления прав в соответствии с их социальным назначением имеет значение не только для правотворчества, но и для правоприменения при решении практических вопросов оценки правомерности действий носителей субъективного права. Вениамин Петрович Грибанов доказал, что какова бы ни была степень детализации и конкретизации запретов, они не могут исчерпать все возможные проявления способов, средств и целей осуществления субъективных гражданских прав в противоречии с их социальным назначением. Именно в связи с этим существует принципиальное правило о том, что гражданские права охраняются законом, за исключением случаев, когда они осуществляются в противоречии с их назначением. Ученый совет воздал должное и тому, что в монографии проблема осуществления и защиты гражданских прав из узкоспециальной, частной, какой она иногда казалась отдельным исследователям, стала общетеоретической, общеправовой и философской, непосредственно касающейся столь важных общечеловеческих категорий, как социальные и экономические права личности в современном обществе[\[18\]](#).

Содержащийся в рассматриваемой монографии вывод о том, что принципы права имеют не только правотворческое, но правоприменительное значение, ошеломил многих правоведов советского периода[\[19\]](#). Ведь это практически означало, что с точки зрения гражданского права необходимо признавать неправомерным не только поведение, нарушающее предписания норм права, субъективные права и обязанности в договорных и внедоговорных обязательствах, но и поведение, нарушающее принципы права. Органически единым с вышеупомянутым пониманием неправомерного поведения выглядит и определение злоупотребления правом как особого типа гражданского

правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении принадлежащего ему субъективного права, связанного с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения[20].

Следует иметь в виду, что все приведенные положения, во многом предопределившие развитие современного законодательства о злоупотреблении правами, были сделаны на весьма узкой нормативной площадке, созданной правилом ч. 1 ст. 5 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г., гласившей, что гражданские права охраняются законом, за исключением случаев, когда они осуществляются в противоречии с назначением этих прав в социалистическом обществе, строящем коммунизм. Все это лишь свидетельствует о великой научной интуиции Вениамина Петровича. И как здесь не вспомнить слова знаменитого философа Томаса Гоббса о том, что <для мудрых людей слова лишь суть марки, которыми они пользуются для счета, для глупцов они полноценные монеты, освященные авторитетом какого-нибудь Аристотеля, или Цицерона, или Фомы, или какого-либо другого ученого мужа>[21].

В свете сказанного становится очевидным, что неслучайно многое из теоретического арсенала Вениамина Петровича о пределах осуществления права, о злоупотреблении правом нашло отражение в нормах ст. 10 ГК РФ, запретившей действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах и разрешившей суду при совершении этих действий отказывать лицу в защите принадлежащего ему права.

Складывающаяся практика применения ст. 10 ГК РФ дает весомые доказательства верности определения злоупотребления правом, данного В. П. Грибановым. Помимо дел, приведенных в печати[22], об этом свидетельствуют и другие. Так, еще совсем недавно в тех случаях, когда незадачливый покупатель якобы в обеспечение исполнения обязательств по оплате покупаемого товара выдавал продавцу вексель, а впоследствии не исполнял это обязательство, суды взыскивали с таких покупателей как задолженность по договору, так и сумму вексельного долга, ссылаясь при этом на абстрактность векселя. В настоящее время в аналогичных случаях суды зачастую отказывают во взыскании по векселю, правильно расценивая действия вексельного кредитора как злоупотребление правом. С теоретической точки зрения, нет препятствий для отнесения к разновидности злоупотребления правом действий субъектов, требующих от суда признания недействительной сделки, уже исполненной к взаимной выгоде ее участников. Конечно, при этом необходимо использовать методологические приемы и способы определения пределов осуществления субъективного права, его социального назначения, обнаружения признаков злоупотребления правом, разработанные В. П. Грибановым.

Составной частью целостной концепции Вениамина Петровича об осуществлении субъективных прав являлась проблематика права на защиту и пределов его осуществления. Несомненной заслугой и достижением В. П. Грибанова в этом вопросе следует признать обоснованную им классификацию правоохранительных мер, содержательное описание их отдельных разновидностей[23]. Совершенно новой для юридической науки была трактовка такой меры, как самозащита права[24]. Ее значимость становится реально осязаемой при обращении к норме ст. 14 действующего ГК, указывающей, что способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения. Особо следует отметить созданную ученым теоретическую модель мер оперативного воздействия, которая частично реализована в ГК РФ[25]. Важно отметить, что при анализе затронутой проблематики В. П. Грибанов исходил из следующего: принудительные меры, обеспечивающие защиту гражданских прав, являются ничем иным, как гражданско-право-

выми формами, подчиненными общим принципам регулирования общественных отношений, и регламентируют отношения, составляющие предмет гражданского права, но находящиеся в нарушенном состоянии.

На протяжении долгих лет объектом пристального внимания В. П. Грибанова являлась такая правоохранительная мера, как ответственность. В его многочисленных работах были изложены и обоснованы положения об особенностях, условиях и содержании гражданско-правовой ответственности как одном из способов защиты гражданских прав, о классификации санкций как мер ответственности. Им было сформулировано определение гражданско-правовой ответственности и раскрыты ее основные признаки, позволяющие отличать ее от иных мер принудительного характера, используемых для защиты гражданских прав. Вениамин Петрович был научным апологетом понимания ответственности как общего института гражданского права, имеющего две разновидности - договорную и внедоговорную ответственность. Все указанные положения не утратили своего значения и активно используются в настоящее время в научной и учебной литературе. В настоящем издании взгляды В. П. Грибанова на гражданско-правовую ответственность изложены в книге <Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей> [26].

Особым вкладом В. П. Грибанова в сокровищницу цивилистических знаний явилось его исследование сроков в гражданском праве [27]. Он первым в отечественной литературе доказал, что срок занимает особое место в системе юридических фактов и не может быть отнесен ни к событиям, ни к действиям, так как он имеет двойственную природу. Истечение срока как отрезка времени или наступление срока как рубежа во времени объективны, не зависят от воли людей, но при этом срок может быть определен законодателем, соглашением субъектов, восстановлен судом. Наряду с этим В. П. Грибанов обосновал классификацию сроков, которая и в настоящее время в неизменном виде воспроизводится во всей учебной литературе.

Особую теоретическую и практическую значимость имеют его суждения о природе и особенностях пресекательных сроков. Он пишет, что пресекательные сроки - это не обычные, нормальные сроки существования субъективных гражданских прав, а сроки исключительные, с истечением которых субъективное право прекращается досрочно. Основанием такого досрочного прекращения является неосуществление или ненадлежащее осуществление субъективного права управомоченным лицом в течение установленного срока. Следует особо отметить, что пресекательный срок прекращает неосуществленное или ненадлежаще осуществленное самим управомоченным лицом субъективное право. Забвение отмеченного обстоятельства ведет к серьезным ошибкам в правоприменительной практике. Так, в п. 20 вышеупомянутого постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 февраля 1998 г. N 8 <О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав> закреплено, что в соответствии с п. 1 ст. 250 ГК РФ при продаже доли в праве общей собственности с нарушением преимущественного права покупки продаваемой доли других участников долевой собственности любой участник долевой собственности имеет право требовать в судебном порядке перевода на него прав и обязанностей покупателя. Иск о переводе на истца прав и обязанностей покупателя должен быть заявлен не позднее, чем в течение трех месяцев после продажи доли третьему лицу согласно п. 3 ст. 250 ГК РФ. И далее в этом же пункте утверждается, что данный срок является пресекательным, поэтому исковые требования, заявленные с пропуском указанного срока, подлежат отклонению. Авторы постановления как бы не заметили того, что нарушение права преимущественной покупки согласно норме п. 3 ст. 250 ГК РФ может быть совершено третьими лицами, но никак не самим управомоченным лицом - обладателем права

преимущественной покупки. Поэтому трехмесячный срок, предусмотренный п. 3 ст. 250, является ничем иным, как сокращенным сроком исковой давности[28]. В отличие от пресекательного срока это срок начинает течь не с момента нарушения права, а с момента, когда управомоченное лицо узнало или должно было узнать о том, что его право нарушено. Помимо этого, данный срок в отличие от пресекательного может быть восстановлен по правилам ст. 205 ГК РФ. Как видно, ошибка высшего судебного органа в квалификации срока, обусловленная пренебрежением устоявшимся теоретическим положением, привела к существенному незаконному ущемлению прав субъектов.

III

В настоящем издании представлена лишь самая значимая часть огромного творческого наследия В. П. Грибанова, в состав которого входит около 150 научных работ, в том числе ряд монографий и брошюр, ответственное редактирование и соавторство в ряде коллективных научных работ. Вениамин Петрович возглавлял авторские коллективы и был соавтором трех изданий двухтомного учебника по гражданскому праву (одно из которых переведено на испанский и китайский языки), первого учебника по хозяйственному праву, нескольких учебников по основам права. Ряд его работ был издан в издательстве <Знание> в качестве пособий для слушателей народных университетов. Среди них нельзя не отметить учебных пособий по основам гражданского права и по жилищному праву, отличавшихся высоким уровнем методики изложения сложного юридического материала.

Со второй половины 70-х годов внимание ученого привлекает крупная комплексная проблема эффективности правового, в том числе гражданско-правового, регулирования общественных отношений. Для ее исследования он создает и возглавляет ряд творческих коллективов из числа преподавателей кафедры гражданского права и всего юридического факультета МГУ, а также привлекает к данным исследованиям группу зарубежных коллег (цивилистов Карлова университета в Праге). В результате их деятельности появляется ряд коллективных монографий под редакцией профессора В. П. Грибанова^[29], где соответствующая проблематика изучается с позиций не только различных институтов и подотраслей гражданского права, но и с позиций различных правовых отраслей и даже различных правопорядков. Это дает возможность обосновать новые оригинальные выводы и предложения теоретического и прикладного характера.

В. П. Грибанов был ученым с мировым именем. Ряд его работ переведен на немецкий, чешский, испанский, китайский и другие языки. Он выступал с докладами на научных конференциях в разных странах, в том числе в Чехии, Германии, Сербии, Болгарии, был организатором и участником многих международных научных конференций цивилистов в Москве и других городах бывшего Союза ССР.

Научные труды В. П. Грибанова отличает неизменная актуальность, ясность и четкость изложения, свежесть мысли и новизна подхода, фундаментальный характер выводов. Многие его исследования комплексные, они были проведены с привлечением обширных данных экономической, социологической, философской, а также различных правовых наук. Не замыкаясь в рамках одной правовой отрасли, В. П. Грибанов вместе с тем всегда учитывал цивилистическую направленность своей работы, обращая особое внимание на обоснование конкретных выводов и практических рекомендаций по совершенствованию гражданского законодательства и практики его применения. Это делало его труды полезными не только для студентов или коллег-преподавателей: ко многим из них часто обращались судьи, юрисконсульты и другие практические работники в поисках ответа на возникающие в их деятельности сложные вопросы.

При чтении произведений В. П. Грибанова возникает ощущение, что они написаны рукой энциклопедически образованного интеллигента, тонкого ценителя русской словесности, - настолько тщательно подобраны аргументы, безукоризненна логика анализа, выверены и точны формулировки. И это все при том, что Вениамин Петрович был высокорослым красавцем богатырского телосложения, обладателем ошеломляющих усов.

IV

Своим основным делом Вениамин Петрович всегда считал педагогическую деятельность. В конечном счете ей была подчинена и научная работа. Его блестящие лекции неизменно собирали полную аудиторию. Он привил интерес и любовь к гражданскому праву многим сотням студентов и аспирантов. С благодарностью и восхищением все его многочисленные ученики вспоминают спецкурсы и спецсеминары, которые он вел по актуальным, новым и наиболее сложным проблемам цивилистики. Заседания руководимого им студенческого научного кружка по гражданскому праву, где проявлялись неизменная доброжелательность и искренний интерес к студенческим работам, всегда искрились россыпью его научные идеи, которыми он щедро делился со всеми учениками и коллегами.

Уже к концу жизни В. П. Грибанов начал искать подходы к перестройке преподавания курса гражданского права в юридических вузах. Этой проблеме был посвящен ряд его публикаций, в которых убедительно доказывалась необходимость перехода от преимущественно информационного к преимущественно научно-аналитическому подходу в преподавании. Это требовало отказа от традиционного изложения содержания многочисленных нормативных актов и обращения большего внимания на основные неизменные, в сущности, цивилистические категории и конструкции, на формы и способы их воплощения в различных правопорядках. О перспективности и значимости такого подхода можно судить из того факта, что в условиях почти коренной и всеобъемлющей переработки действовавшего ранее законодательства, в период с 1993 по 1996 г. <работал> лишь один учебник по гражданскому праву, созданный в 1993 г. коллективом кафедры гражданского права МГУ на основе его идей и концепций.

Весомым плодом этого творческого поиска стала новая программа курса гражданского права, разработанная В. П. Грибановым в конце 80-х гг. На ее базе построен и весь комплекс учебно-методической литературы (учебник, практикум, сборник образцов документов, сборник учебно-методических материалов), подготовленный и дважды переизданный коллективом кафедры гражданского права МГУ уже после смерти Вениамина Петровича.

Педагогическое и лекторское мастерство профессора В. П. Грибанова в значительной мере покоилось на его необыкновенном человеческом таланте, представлявшем собой уникальный сплав доброты и требовательности, заботливости и справедливости, а главное - на его огромном обаянии и душевной щедрости, о которых неизменно вспоминают все, кому довелось так или иначе общаться с Вениамином Петровичем.

До последних своих дней В. П. Грибанов направлял работу кафедры, трудился над новым учебником и практикумом, руководил научной деятельностью своих учеников. Им он завещал свою творческую неуспокоенность и целеустремленность, жажду познания и справедливости, любовь к науке и университету.

Ученики профессора В. П. Грибанова:

Е. А. Суханов - профессор, доктор юридических наук,

В. С. Ем - доцент, кандидат юридических наук

ПРЕДЕЛЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

РАЗДЕЛ I ПРЕДЕЛЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

1. Правовая природа и социальное назначение принципа недопустимости злоупотребления гражданскими правами

Вопрос о пределах осуществления гражданских прав - это проблема борьбы со злоупотреблением гражданскими правами. Исследованию этой проблемы в советской правовой литературе посвящено значительное количество работ [\[30\]](#). Причем имеются две особенности, характеризующие исследование этой проблемы: во-первых, ее изучение как применительно к Гражданскому кодексу 1922 г., так и к действующему гражданскому законодательству в основном сводится к рассмотрению ст. 1 Гражданского кодекса 1922 г. и ст. 5 Основ гражданского законодательства 1961 г., и, во-вторых, исследование этой проблемы до настоящего времени не вышло за рамки отдельных статей, освещающих ту или иную сторону вопроса. Монографически эта проблема в науке советского гражданского права не исследовалась.

Тот факт, что внимание ученых привлекают прежде всего ст. 1 ГК 1922 г. и ст. 5 Основ гражданского законодательства, обусловлен тем, что именно в этих статьях нашел свое закрепление один из основополагающих принципов советского гражданского права - принцип соответствия осуществления прав их назначению в социалистическом обществе, являющийся юридическим выражением требования гармонического сочетания общественных и личных интересов в обществе, строящем коммунизм.

Отсутствие монографической разработки этой проблемы объясняется как трудностью такой задачи, в значительной мере обусловленной той осторожностью, с которой судебная практика на протяжении многих лет подходила к применению этого принципа, так и известной недооценкой значения этого принципа, а в некоторых случаях, по-видимому, также и не совсем правильным пониманием его социальной природы и назначения в социалистическом обществе.

Недооценка роли и значения принципа недопустимости злоупотребления правом в социалистическом обществе нашла свое выражение в работах М. М. Агаркова и С. И. Вильнянского, по мнению которых ст. 1 ГК 1922 г. была введена в гражданское законодательство исключительно в целях борьбы со злоупотреблением нэпом, была рассчитана на переходный период и потому естественно должна была в дальнейшем утратить свое значение [\[31\]](#).

В значительной мере такие взгляды были вызваны опасениями того, что закрепление в законе принципа недопустимости злоупотребления правом даст достаточно широкий простор для судебного усмотрения, что может привести на практике к нарушению основного принципа советского гражданского права - принципа социалистической законности, к незаконному ограничению прав социалистических организаций и граждан.

Однако опасения такого рода нельзя было признать убедительными, так как они по существу исходили из неправильной оценки социального значения и социальной природы принципа недопустимости злоупотребления правом в социалистическом обществе и в значительной мере представляли собой лишь справедливую отрицательную реакцию на каучуковое буржуазное законодательство, отдающее решение вопроса о злоупотреблении правом на усмотрение и произвол судейских представителей класса буржуазии.

Поэтому эта позиция не получила поддержки в литературе и в законодательстве. В период подготовки нового гражданского законодательства неоднократно вносились предложения о закреплении в законодательстве принципа недопустимости злоупотребления правом [32], а Основы гражданского законодательства и гражданские кодексы республик четко регламентировали не только сам принцип, но и отдельные случаи злоупотребления правом, поставив тем самым борьбу со злоупотреблением правом на более широкую правовую основу. При этом важно отметить особенную четкость регламентации подобного рода случаев, что несомненно будет способствовать дальнейшему укреплению принципа социалистической законности в сфере гражданско-правовых отношений.

Такое отношение законодателя к случаям злоупотребления правом не случайно. Оно обусловлено как самой природой права, так и тем социальным назначением, которое приобретает борьба со злоупотреблением правом в социалистическом обществе.

Регламентация законом принципа недопустимости злоупотребления правом обусловлена прежде всего самой социальной природой субъективного права. Всякое субъективное право представляет собой социальную ценность лишь постольку, поскольку его можно реализовать, т. е. воспользоваться предоставляемыми данным субъективным правом возможностями для удовлетворения материальных и культурных потребностей управомоченного лица. Предоставляя гражданам и организациям определенные субъективные права, советское гражданское законодательство предоставляет управомоченному субъекту также и необходимую свободу поведения, обеспечивающую превращение этих возможностей в действительность, устанавливает правовые гарантии осуществления этих прав.

Однако как само субъективное право по своему содержанию, так и та свобода, которая гарантируется законом в целях реального осуществления права управомоченным лицом, не могут быть безграничными. Всякое субъективное право, будучи мерой возможного поведения управомоченного лица, имеет определенные границы как по своему содержанию, так и по характеру его осуществления. Границы эти могут быть большими или меньшими, но они существуют всегда. Границы есть неотъемлемое свойство всякого субъективного права, ибо при отсутствии таких границ право превращается в свою противоположность - в произвол и тем самым вообще перестает быть правом [33].

Каково же социальное назначение борьбы со злоупотреблением правом в социалистическом обществе?

Основной особенностью советского социалистического права, в том числе и советского гражданского права, является то, что оно не только провозглашает определенные права граждан и организаций, но обращает свое главное внимание на обеспечение реальной возможности осуществления этих прав каждым управомоченным субъектом. Эта особенность советского права обуславливается как экономическим строем социалистического общества, так и основанном на нем характером социалистической демократии, демократии для трудящихся, для подавляющего большинства членов общества.

В отличие от этого буржуазная демократия и буржуазное законодательство лишь провозглашают определенные права, но гарантируют реальное их осуществление лишь для класса буржуазии. <При капитализме, - писал В. И. Ленин, - обычны, не как отдельные случаи, а как типичное явление, такие условия, когда для угнетенных классов <реализовать> их демократические права невозможно>[34]. Рассматривая вопрос о праве на развод при капитализме, В. И. Ленин отмечал, что <право развода, как и все без исключения демократические права, при капитализме трудно осуществимо, условно, ограничено, формально, узко...>[35]. А в этом, говорил В. И. Ленин, - вся суть. <Вся <демократия>, - подчеркивал он, - состоит в провозглашении и осуществлении <прав>, осуществимых весьма мало и весьма условно при капитализме>[36].

Только социалистическая демократия и социалистическое право в полной мере обеспечивают трудящимся необходимые права и свободы. Это в полной мере относится и к советскому гражданскому праву, которое, предоставляя субъектам определенные гражданские права, вместе с тем обеспечивает и их реальное осуществление.

Однако установление в законе правовых гарантий реальности прав граждан и организаций не сводится и не может быть сведено исключительно к обеспечению реального осуществления субъективных прав только управомоченного лица. Наряду с этим право призвано также гарантировать и правовую защиту интересов всего общества в целом, прав и интересов других граждан и организаций, которые могут быть затронуты при осуществлении права управомоченным лицом.

Одной из правовых форм обеспечения этих интересов является законодательное закрепление определенных границ осуществления субъективных гражданских прав, пределов их осуществления и установление обязанности каждого управомоченного лица осуществлять свои права надлежащим образом, в соответствии с требованиями закона, правил социалистического общежития и норм коммунистической морали, в частности в соответствии с назначением этих прав в социалистическом обществе в период строительства коммунизма (ст. 5 Основ).

В этих положениях закона нашел свое законодательное закрепление выдвинутый Ф. Энгельсом принцип обязательного сочетания равных прав с равными обязанностями каждого члена общества. <Равные обязанности, - писал Ф. Энгельс в своих замечаниях на проект социал-демократической программы 1891 года, - являются для нас особо важным дополнением к буржуазно-демократическим равным правам, которое лишает последних их специфически буржуазного смысла>[37].

Установление в законе единых для всех границ осуществления субъективных гражданских прав и закрепление общей обязанности всех осуществлять их надлежащим образом является юридическим выражением социалистического способа производства, основанного на общественной социалистической собственности и плановой социалистической системе хозяйства, исключающей эксплуатацию человека человеком, обеспечивающих действительно равное положение людей в системе социалистических производственных отношений.

Поэтому определение пределов осуществления гражданских прав не есть ограничение этих прав, а является юридическим выражением уже существующего экономически равного положения людей в системе социалистических общественных отношений, есть правовое обеспечение, юридическая гарантия этого действительного равенства. Попытка отдельных лиц выйти за пределы этого экономического и правового равновесия путем использования принадлежащих им гражданских прав, нарушение пределов их

осуществления и есть злоупотребление правом, не допустимое в социалистическом обществе.

Закрепление в законе принципа недопустимости злоупотребления гражданскими правами в социалистическом обществе является необходимым дополнением правовых гарантий реальности и осуществимости субъективных гражданских прав, своеобразной формой правового обеспечения правильного сочетания общественных и личных интересов в социалистическом обществе. А из этого следует, что проблема борьбы со злоупотреблением правом в социалистическом обществе есть лишь одна из сторон более общей проблемы - проблемы обеспечения реальности и гарантированности прав граждан и организаций в социалистическом обществе.

Этим в свою очередь определяется и характер правового регулирования злоупотребления правом в советском гражданском праве. В самом деле, если законодательное закрепление недопустимости злоупотребления правом есть одна из правовых форм гарантии реальности прав и интересов граждан и организаций, одна из форм защиты интересов всего общества от лиц, допускающих неправильное использование своего права, то очевидно, что борьба со злоупотреблением правом должна быть тем шире и полнее, чем полнее и шире демократия, чем реальнее общество обеспечивает права своих сограждан. Именно этим и объясняется тот факт, что новое гражданское законодательство регламентировало недопустимость злоупотребления правом более широко, чем это имело место в Гражданском кодексе 1922 г.

Необходимо также отметить, что закрепление и дальнейшее развитие в советском гражданском законодательстве принципа недопустимости злоупотребления правом вовсе не обусловлено большим количеством такого рода дел, встречающихся на практике. Включение в закон той или иной нормы и ее социальное назначение не всегда определяются количеством случаев, встречающихся на практике^[38], так как служебная роль советского права, в том числе и советского гражданского права, далеко выходит за рамки только регулятора существующих общественных отношений. Созидательная, творческая роль советского права, его организующая и воспитательная функции приобретают все большее значение^[39], что является одной из важнейших закономерностей его развития.

Проблема злоупотребления правом известна не только советскому гражданскому праву и праву других социалистических стран. Она известна также и гражданскому праву эксплуататорских государств, где решение ее, однако, носит откровенно классовый, антинародный характер.

С проблемой злоупотребления правом мы встречаемся уже в римском праве. По общему признанию в римском праве действовал принцип: *qui jure suo utitur, neminem laedit*, т. е. тот, кто пользуется своим правом, никому не причиняет вреда. Этот принцип, выведенный из римского законодательства, высказываний римских юристов и сформулированный позднее юриспруденцией в качестве общего принципа^[40], выражает сущность рабовладельческого государства, предоставляющего управомоченному лицу - рабовладельцу неограниченный простор в осуществлении принадлежащих ему прав. А это в свою очередь означает, что осуществление права, в какой бы форме оно ни происходило и с какими бы последствиями оно ни было связано, в принципе не рассматривается как злоупотребление правом. Как говорил в одном из своих отрывков Гай: *Nullus videtur dolo facere, qui jure suo utitur* (Д. 50.17.55), т. е. никто не считается поступающим злоумышленно, если он пользуется своим правом.

Классовый смысл этого правила очевиден. В условиях рабовладельческого строя, который всецело покоился на безудержной эксплуатации рабов, производство могло осуществляться лишь при применении самых жестоких, самых варварских способов принуждения.

Эта экономическая причина и была той материальной основой, которая нашла свое выражение в юридическом признании <неограниченной> власти собственника - рабовладельца, в закреплении максимально широких границ осуществления собственником принадлежащего ему права.

Но несмотря на это, из высказываний римских юристов вытекает, что отдельные случаи недопущения злоупотребления правом все же имели место. И этому есть свои причины. Одна из таких причин состоит в том, что в процессе осуществления права интересы имущих слоев общества приходили в столкновение, которое в отдельных случаях приводило к ситуации, характерной для злоупотребления правом.

С этой точки зрения, например, представляет известный интерес высказывание Цельса о том, что <не следует снисходить к злобе> (Д. 6.1.38). Как указывал проф. И. С. Перетерский^[41], это высказывание относилось к одному конкретному случаю, когда собственник, продав дом, счищает с его стен картины или гипсовые украшения с целью досадить новому собственнику. Действия такого характера по римскому праву не подлежали защите.

По-видимому, в эпоху Юстиниана к случаям злоупотребления правом относились также некоторые случаи недозволенного пользования земельным участком. Один из отрывков Дигест гласит: <Наконец, Марцелл пишет, что нельзя ничего взыскивать с того, кто, копая на своем участке, отвел источник соседа (нельзя также предъявлять иска об умысле: понятно, не должен иметь иска, если копавший сделал это без намерения причинить вред соседу, но для улучшения своего участка)> (Д. 39.3.1.12).

Как полагает проф. В. А. Краснокутский, мы имеем здесь случай интерполяции, внесенной Юстинианом в текст классиков^[42] (указанное в скобках). Из интерполированного текста видно, что к собственнику, который отвел источник соседа с намерением причинить вред последнему, может быть предъявлен иск как к лицу, злоупотребившему своим правом пользования земельным участком.

В некоторых случаях, по-видимому, как злоупотребление правом (хотя термина злоупотребление правом в римском праве еще не было) рассматривались и отдельные случаи неосуществления права, когда это затрагивало интересы других лиц. В частности, например, в конце I в. н. э. претору было предоставлено право принудить наследника вступить в наследство, если наследник обязан был выдать наследство другому лицу, но от принятия наследства уклонялся^[43].

Как видно из приведенных примеров, они относятся лишь к тем случаям ограничения пределов осуществления гражданских прав, когда осуществление их в той или иной мере затрагивало интересы других представителей господствующего класса. Но наряду с этим известны и отдельные случаи, когда произвольное осуществление права сдерживалось в интересах всего класса рабовладельцев.

Известно, что после восстания Спартака (73 - 71 гг. до н. э.), резко усиливается террор рабовладельцев, стремившихся посредством жестокости и устрашения сохранить существующее положение. Террор и жестокость иногда принимали такие необузданные

формы, что даже императоры в отдельных случаях были вынуждены некоторым образом одергивать зарвавшихся рабовладельцев во избежание дальнейших волнений и восстаний рабов и [ради] сохранения самого рабовладельческого строя.

Об одном из таких случаев сообщает Гай в институциях, где он дает толкование распоряжения императора Антонина Пия. Гай пишет, что император, <запрошенный управителями провинций о тех рабах, которые прибегают в храмы или к статуям принцепсов, распорядился, чтобы, если окажется, что свирепость господ является нестерпимой, то господа принуждались бы продать своих рабов. И хорошо сделал - мы не должны плохо пользоваться своим правом; в силу этого основания и расточителям запрещается управление их имуществом> (Гай, 1.53)[44].

Из этого видно, что последствием такого <злоупотребления правом> могла быть лишь продажа рабов в другие руки, а отнюдь не смягчение положения рабов, которые как были, так и оставались вещью, подлежащей лишь в некоторых исключительных случаях принудительному отчуждению от собственника, который плохо пользовался своей вещью. Не случайно Гай ставит этот случай в один ряд с лишением права расточителя управлять своим имуществом. Речь в обоих случаях идет об <управлении> имуществом. Разница лишь в особенностях имущества и особенностях управления им: в первом случае <управление> ставит под угрозу само существование рабовладельческого общества, тогда как во втором нарушаются интересы наследников или иных лиц, в той или иной мере претендующих на блага от имущества расточителя. Но в обоих случаях классовый характер решения приведенных казусов не вызывает сомнений.

Из сказанного вытекает, что проблема злоупотребления правом в римском праве существует лишь как проблема решения отдельных, исключительных по своему характеру случаев. Римское право еще не знает самого понятия злоупотребления правом и не формулирует недозволенность злоупотребления правом в качестве общего принципа права.

Иначе обстоит дело в буржуазном гражданском законодательстве и практике его применения. Мы уже видим здесь, что закон в ряде случаев прямо регламентирует недопустимость <злоупотребления правом>. В других же случаях закон, хотя и не предусматривает такого принципа, однако практика буржуазных судов в действительности очень широко использует его для защиты интересов господствующего класса.

Для буржуазного законодательства характерно, что проблема злоупотребления правом встает во всей ее полноте лишь с переходом промышленного капитализма в стадию империалистического развития[45]. Если для промышленного капитализма характерна тенденция известного укрепления буржуазной <законности> в целях упрочения и развития порядков, угодных буржуазии, то период империализма, наоборот, характеризуется тенденцией разложения буржуазной законности, отказом от тех урезанных, формальных начал буржуазной <демократии> и буржуазной <законности>, которые ранее были провозглашены.

Эти тенденции развития капитализма были раскрыты В. И. Лениным в его статье <Два мира>. Буржуазная <законность> и буржуазное <равенство>, писал В. И. Ленин, имеют свои <исторические пределы>. Когда дело коснется главного вопроса - вопроса сохранения буржуазной собственности и буржуазного строя, то <вся эта законность должна неизбежно разлететься вдребезги>[45].

Эти две тенденции в развитии капиталистического общества нашли свое выражение и в двух направлениях буржуазной юридической науки. Периоду промышленного капитализма соответствует развитие идей буржуазного юридического позитивизма и правового государства. Эти воззрения наиболее последовательно опираются на буржуазный закон, пропагандируют строгое соблюдение закона в целях укрепления позиций буржуазии, создавшей эти законы. При этом, однако, сам закон рассматривается как инструмент надклассовый, как нечто самодовлеющее, в отрыве от экономических отношений общества, его классовой структуры. Идея буржуазного позитивизма основана на формально-догматическом методе изучения права, исходя только из самих норм права. Такая методологическая позиция была удобной и вполне достаточной для маскировки классового характера буржуазного государства и права в эпоху промышленного капитализма.

В период империализма, когда формальные рамки буржуазной законности начинают мешать интересам монополистического капитала, появляются идеи, критикующие юридический позитивизм, отрицающие понимание права как совокупности правовых норм. Развиваются различные так называемые <социологические> направления, рассматривающие право как <совокупность отношений>, как <деятельность должностных лиц> и т. п. Таким путем фактическое экономическое господство монополистического капитала в сфере имущественных отношений, произвол судебных органов и государственной администрации, стоящей на службе монополий, выдается за право, чем создается широкий простор для отказа от самой же буржуазией созданной законности[46].

Эти два основных направления буржуазной юриспруденции нашли свое четкое выражение и в теории злоупотребления правом. Одни буржуазные авторы, в основном сторонники буржуазного юридического позитивизма, исходят из того, что осуществление права не может быть противоправным. По их мнению, злоупотребление правом выходит за рамки содержания субъективного права, есть действие без права (Handeln ohne Recht)[47]. При этом обычно ссылаются на Планиоля, по мнению которого, т. е. право кончается там, где начинается злоупотребление правом[48].

Другое направление в решении проблемы злоупотребления правом опирается на современные социологические идеи, либо полностью отрицающие нормативный характер права, либо обосновывающие возможность выхода за рамки буржуазной законности путем ссылки на <социальную цель> права[49], на необходимость исходить из соблюдения <прав высшего порядка (hoherer Ordnung), возвышающихся над всеми формальными правами и предписаниями>[50], на так называемые общие принципы права, не предусмотренные законом[51], и т. п.

Все эти идеи в конечном счете имеют целью обоснование основополагающего положения в капиталистическом обществе буржуазной морали, буржуазной <справедливости>, <доброй совести>, <добрых нравов>, благодаря чему создается широкая идеологическая база для отказа даже от тех урезанных рамок буржуазной <законности>, которые были провозглашены буржуазией в период борьбы с феодализмом. Эти идеи и находят свое широкое применение в законодательстве и судебной практике периода монополистического капитализма.

Первым по времени нормативным актом периода монополистического капитализма, закрепившим принцип недопустимости злоупотребления правом, было Германское Гражданское Уложение 1896 г. Впоследствии сходные правила были закреплены в гражданских кодексах ряда других капиталистических стран, в частности Швейцарии, Греции, Японии. В ряде стран, в том числе во Франции и в дореволюционной России,

аналогичных правил в законодательстве не было предусмотрено, однако судебная практика в одних случаях достаточно широко (например, во Франции), в других более сдержанно (в дореволюционной России) все же шла по пути освоения этого принципа при рассмотрении конкретных дел.

Германское Гражданское Уложение содержит целый ряд норм, регламентирующих как общий принцип, так и отдельные случаи недопустимости злоупотребления правом [52]. Так, § 226 ГГУ гласит: <Недопустимо осуществление права исключительно с целью причинения вреда другому>.

Как видно из текста, § 226 предусматривает недопущение так называемой шиканы, т. е. использования права с исключительной целью причинения вреда другому лицу. При применении этого, в целом достаточно ясного, правила наметились две основные тенденции.

С одной стороны, этот принцип рассматривается как всеобщий и распространяется не только на частные, но и на публичные права, а также как на права имущественные, так и на права неимущественные (например, на случай, когда отец запрещает сыну входить на свой земельный участок, где находится могила матери). С другой стороны, если первоначально ясно наметилась тенденция ограниченного применения этого принципа вследствие того, что выражение <с исключительной целью причинить вред другому> понималось в его буквальном смысле, то в современной практике ему дается более свободное толкование.

Так, по мнению Эннексеруса (который был одним из докладчиков при рассмотрении проекта ГГУ в рейхстаге), смысл правила, закрепленного в § 226, состоит в следующем: <Запрещено не всякое осуществление права, причиняющего вред другому. Без нанесения вреда другим лицам при осуществлении некоторых прав даже нельзя обойтись, если вообще их осуществлять. Недостаточно также, чтобы осуществление права имело целью причинить вред. Требуется большее: из обстоятельств дела должно вытекать, что осуществление права для лица, совершающего данное действие, не может иметь никакой другой цели, чем причинение вреда:> [53].

В отличие от этого в изданном в ФРГ в 1969 г. комментарии к BGB разъясняется, что <если законные интересы являются определяющими, то шикана отсутствует> [54]. А это значит, что современная теория и практика допускают возможность применения принципа шиканы и при наличии иных, кроме цели причинения вреда, интересов. Все зависит лишь от того, какой из этих интересов будет признан определяющим. Но так как решение вопроса о признании интереса <определяющим> или <не определяющим> всецело зависит от суда, то очевидно, что здесь мы имеем дело со случаем, когда возможность произвольного применения этой нормы не только не исключается, а, наоборот, расширяется.

Значительно более широкое применение в судебной практике ФРГ получила норма, закрепленная в § 826 ГГУ, которая предусматривает: <Тот, кто действиями, грешащими против добрых нравов, умышленно причиняет вред другому лицу, обязан возместить последнему причиненный вред>.

Как судебная практика ФРГ, так и теория придают правилу, закрепленному в § 826, очень большое значение. Так, например, И. Ессер подчеркивает, что с точки зрения § 826 противонравственное причинение убытков есть действие противоправное. Более того, <§ 826, - пишет он, - является к тому же, как это подчеркивается также и практикой,

исходным пунктом учения о недопустимом осуществлении права, гораздо больше запрещения шиканы, более или менее охватываемого § 226>[\[55\]](#). И это не случайно.

В отличие от § 226, где граница осуществления права определена более или менее четко, § 826 дает нам пример, когда современное буржуазное законодательство использует в качестве критерия определения пределов осуществления права моральный принцип <доброй совести> и добрых нравов. Гражданское законодательство ряда других капиталистических стран также восприняло эту идею.

Так, например, ст. 2 Швейцарского Гражданского Уложения 1907 г. предусматривает: <При осуществлении прав и исполнении обязанностей каждый должен поступать по доброй совести. Явное злоупотребление правом не пользуется защитой>[\[56\]](#). Статья 1 Гражданского кодекса Японии устанавливает: <Все частные права должны соответствовать общему благу. Осуществление прав и исполнение обязанностей должно быть добросовестным и соответствовать принципам доверия. Злоупотребление правами не допускается>[\[57\]](#). Статья 281 Гражданского кодекса Греции также исходит из того, что осуществление какого-либо права запрещается, если оно явно превышает пределы, установленные доброй совестью или добрыми нравами или социальной и экономической целью права[\[58\]](#).

Для законодательства периода империализма такой подход к проблеме осуществления прав весьма симптоматичен. При помощи такого приема достигаются две цели: с одной стороны, осуществление прав в капиталистическом обществе всецело подчиняется принципам буржуазной морали, которая таким образом не только в силу экономических, но также и в силу правовых оснований приобретает характер господствующей морали, а с другой стороны, благодаря этому появляется возможность создания таких каучуковых, неопределенных правил, которые позволяют значительно расширить рамки <свободного> судейского усмотрения и тем самым в необходимых случаях выйти за формальные рамки буржуазной законности[\[59\]](#).

Эта последняя идея особенно четко выражена в названном ранее комментарии к BGB, где авторы, разъясняя существо § 826, пишут: <Предписание служит осуществлению прав высшего порядка, возвышающимся над всеми формальными правами и предписаниями, оно допускает принятие во внимание любой точки зрения, которая может быть достигнута в рамках справедливости и, наряду с § 226, 242, является отправной точкой всеобщего правового порядка, как возражение недозволенному осуществлению права>[\[60\]](#).

К такому комментарию, по-видимому, не нужны никакие разъяснения. Рекомендации в нем достаточно откровенны. Они направлены на пренебрежительное отношение к закону, как моменту формальному, на возведение в абсолют принципа буржуазной <справедливости>, как некоего права <высшего порядка, допускающего принятие во внимание любой точки зрения>, но, разумеется, только такой, которая наилучшим образом будет обеспечивать интересы монополистического капитала. Не случайно поэтому под правила § 826 подпадают рассматриваемые как <злоупотребление правом> забастовки рабочих, не объявленные или не санкционированные <профсоюзами> (т. е. практически - не одобряемые реакционным руководством профсоюзов), борьба рабочих, противоречащая так называемому принципу <честного ведения борьбы>, например, использование так называемой <подрывной пропаганды> и т. п.

Параграф 826 ГГУ, несмотря на то, что он помещен в разделе, регламентирующем причинение вреда и иные недозволенные действия (Unerlaubte Handlungen), по существу

является общим правовым принципом и применяется также в сфере договорных отношений.

Как отмечает Карл Ларенц, имперский суд уже в 1901 г. признал, что из содержания § 826 в ряде случаев может косвенно вытекать обязанность заключить договор (Kontrahierungszwang)[61]. <Отказ от заключения договора, - пишет Ларенц, - может быть признан противонаправственным прежде всего, когда он преследует цель недобросовестной конкуренции, при использовании фактически монопольного положения в целях отстранения возможных конкурентов или достижения объективно неприличных, несправедливых условий>[62].

В качестве единственного примера автор приводит случай, когда врач отказывается от лечения тяжелообольного человека без уважительной причины (ohne triftige Grund). Не говоря уже о том, что вопрос об <уважительности причин> также будет рассматриваться судом с точки зрения современной, основанной на чистогане морали буржуазии, сам по себе факт перевода автором исследования в область такого рода отношений по существу есть попытка уклониться от разъяснения действительной социальной природы института Kontrahierungszwang, призванного, с одной стороны, в той или иной мере сгладить те неразрешимые противоречия, которые раздражают современное буржуазное общество, а с другой - обеспечить более легкие условия для приложения капитала.

В отличие от названных стран законодательство Франции и дореволюционной России не знают норм, прямо запрещающих злоупотребление правом. Правда, в свое время попытки создания таких норм предпринимались[63], но по разным причинам они не привели к изменению законодательства.

Между тем принцип недопустимости <злоупотребления правом> так или иначе находил свое выражение в судебной практике. Французская судебная практика исходила при этом из ст. 1382 ФГК, согласно которой, <какое бы то ни было действие человека, которое причиняет другому ущерб, обязывает того, по вине которого ущерб произошел, к возмещению ущерба>[64]. Судебная практика и французская доктрина уже во второй половине XIX века выработали два понятия: <шिकаны>, т. е. осуществления субъективного права с исключительной целью причинить вред другому, и <злоупотребления правом>, т. е. его осуществление <с нарушением его пределов либо содержания>[65]. При этом как злоупотребление правом рассматриваются: отдельные случаи недозволенных форм конкурентной борьбы; акты рабочей борьбы, например, забастовки рабочих, выходящие в той или иной мере за рамки исключительно экономических требований; занятие бастующими рабочими помещений предприятий и т. п. При этом возмещение вреда обычно возлагается на профессиональные союзы. К случаям шиканы, например, относится предъявление иска или возражение против него <без серьезного в том интереса>, с целью побудить своего противника к излишним хлопотам и издержкам[66].

Однако, несмотря на идею генерального деликта, заложенную в формулировке ст. 1382, оказалось, что она не совсем пригодна для решения случаев <злоупотребления правом>, так как эта норма регламентирует возмещение вреда, возникшего вследствие правонарушения, тогда как злоупотребление правом неразрывно связано с осуществлением управомоченным лицом принадлежащего ему права. Кроме того, развитие монополистического капитализма и необходимость защиты интересов монополий, пришедших в ряде случаев в противоречие с самой же буржуазией созданной <законностью>, потребовали новых теоретических обоснований еще более широкого

судебного произвола, чем тот, которым можно было воспользоваться, опираясь на ст. 1382 ФГК. Нужна была новая теория.

И такая теория появилась. Констатируя этот процесс изменения доктрины, Рене Давид пишет: <Франция, несомненно, является страной, где исторически юристы были первыми соблазнены тезисами законодательного позитивизма, и естественно поэтому, что они также первыми от них освобождаются>[\[67\]](#).

Такое освобождение от идеи <законодательного позитивизма> нашло свое яркое выражение в теории <общих принципов, не предусмотренных законом>, руководствуясь которыми можно выносить решения, вовсе не основанные на законе. Формулируя эту идею на материалах практики Верховного суда и Конституционного суда, Рене Давид пишет, что, по мнению последнего, <конституционное право не ограничено текстом основного закона, а включает также <некоторые общие принципы, которые законодатель не конкретизировал в позитивной норме>>; и что, с другой стороны, <существует надпозитивное право, которое связывает даже учредительную власть законодателя>[\[68\]](#).

Здесь мы видим тот же процесс практического и теоретического отступления даже от принципов буржуазной <законности>, призванный использовать все средства борьбы для удержания господства монополистического капитала[\[69\]](#), в том числе, как одно из таких средств, теорию злоупотребления правом.

Но, если во французской судебной практике, несмотря на отсутствие прямой законодательной регламентации, принцип недопустимости <злоупотребления> правом уже в конце XIX века применялся достаточно широко, то в дореволюционной России, наоборот, проникновение этого принципа в судебную практику характеризуется, во-первых, тем, что его использование на практике началось значительно позже, и, во-вторых, тем, что применение его отличается крайней нерешительностью прежде всего высших судебных инстанций.

И на это есть свои причины. История показывает, что развитие буржуазной правовой идеологии и переход с позиций <юридического позитивизма> на позиции широкого судейского усмотрения с использованием для этой цели принципа недопустимости <злоупотребления> правом, основанного на недопущении поведения, противоречащего принципам буржуазной <морали>, происходит параллельно экономическому процессу перерастания промышленного капитализма в капитализм монополистический. В России же процесс более или менее быстрого развития капитализма начался лишь в пореформенный период, и к началу XX века Россия сильно отставала от западных стран в своем капиталистическом развитии[\[70\]](#). К этому времени русская буржуазия не завоевала еще также и политической власти. Поэтому и правовая идеология буржуазии даже в более поздние годы в условиях буржуазно-помещичьей России не получила такого бурного развития, какое она получила на Западе.

Вместе с тем буржуазная правовая идеология Запада не могла не оказать влияния и на правовую жизнь России. В. П. Доманжо, исследовавший проблему злоупотребления правом, отмечает, что, несмотря на более или менее устойчивый принципиальный взгляд кассационной практики, исходившей из того, что в законе <нет правила, чтобы лицо, действовавшее по праву, законом ему предоставленному, могло подвергаться за деяние свое какой бы то ни было ответственности>[\[71\]](#), уже в практике 70-х годов встречаются несколько случаев, когда при нарушении так называемых <соседских прав> Сенат допускал возмещение вреда по мотивам <превышения законного права>[\[72\]](#).

Сам же принцип ограничения пределов осуществления гражданских прав впервые получил свое четкое выражение лишь в одном из решений Сената 1902 г., в котором было записано: <Никто не свободен пользоваться своим правом так, чтобы лишать другого возможности пользоваться его правом. Положить точно определенную грань между свободой пользоваться своим правом и обязанностью уважать право соседа - теоретически нельзя; грань эта в каждом спорном случае должна быть определена судом> [73]. Мы видим здесь уже довольно четкое выражение идеи злоупотребления правом, причем с обязательным для нее буржуазным реквизитом - расширением судейского усмотрения при решении подобного рода вопросов.

Однако этот принцип, хотя и применялся на практике, однако не получил достаточно широкого развития в России. И это тоже не случайно, ибо как только дело касалось крупного помещичьего землевладения, являвшегося главной опорой русского самодержавия, так Сенат весьма решительно отступал от этого принципа. Так, в одном из решений Сената 1910 г. мы читаем: <ограждение имения и пользования оным составляет бесспорное право собственника, и если предпринятые им меры не составляют прямого воздействия на соседнюю недвижимость, то нельзя говорить о нарушении владения соседа, хотя бы косвенным последствием таких мер, вследствие действия природных сил, явилось известное обременение соседнего участка> [74].

В России, как и во Франции, в начале XX столетия были предприняты попытки пересмотра Гражданского Уложения. Было подготовлено несколько проектов, некоторые из них включали также и правила о недопустимости злоупотребления правом. Однако попыткам этим не суждено было сбыться. Бурные революционные события в России начала XX века, завершившиеся Великой Октябрьской социалистической революцией, навсегда положили конец как правотворчеству, так и самому существованию русского империализма.

2. Понятие злоупотребления правом

В советской правовой литературе можно отметить различное отношение к самому понятию <злоупотребление правом>. Одни авторы полностью отвергают это понятие, считают его противоречивым, лишенным всякого правового смысла. Так, по мнению М. М. Агаркова, который в этом отношении опирается на высказывания Планиоля, осуществление права не может быть противоправным. <Те действия, которые называют злоупотреблением правом, - писал он, - на самом деле совершены за пределами права>[75]. Аналогичную позицию занимает и М. В. Самойлова, полагающая, что, осуществляя свое право, собственник всегда действует правомерно, что противоправного осуществления права вообще быть не может[76].

Суть этой точки зрения сводится к тому, что поскольку лицо в своем поведении вышло за пределы содержания предоставленного ему субъективного права, постольку его нельзя считать лицом, осуществляющим свое право. В данном случае он не злоупотребляет своим правом, а лишь действует противоправно. С этой позиции термин <злоупотребление правом> действительно выглядит противоречивым и едва ли приемлемым.

Опираясь на эту идею, М. М. Агарков полагал, что сам термин <злоупотребление правом> не точно выражает существо дела и им можно пользоваться, <если не забывать условности этого термина>[77]. Противоположное мнение высказал М. И. Бару, который считает, что термин <злоупотребление правом> имеет право на существование и выражает такие существующие в действительности отношения, где управомоченный субъект допускает недозволенное использование своего права, но при этом <всегда внешне опирается на субъективное право>[78].

Возражая против этого, проф. С. Н. Братусь отмечает, что такая позиция противопоставления формы содержанию права может привести к нарушению законности, к неосновательному расширению судейского усмотрения и что в таком противопоставлении вообще нет необходимости, так как <отход в использовании права от его социального назначения есть отступление от закона со всеми вытекающими отсюда последствиями>[79]. По этим основаниям он полагает, что осуществление права в противоречии с его назначением не следует квалифицировать как злоупотребление правом[80].

Против употребления термина <злоупотребление правом> возражает и В. А. Рясенцев по тем основаниям, что термин <злоупотребление правом>, во-первых, подчеркивает субъективный момент в поведении управомоченного в большей степени, чем термин <осуществление права в противоречии с его назначением>, а во-вторых, он недостаточно четко раскрывает суть данного социального явления[81]. В ряде работ термин <злоупотребление правом> используется авторами без какого-либо его разъяснения[82].

Несмотря на то, что действующее советское гражданское законодательство не употребляет термина <злоупотребление правом>, однако есть основания считать, что понятие <злоупотребление правом> имеет особый, специфический правовой смысл.

Нельзя прежде всего не отметить, что термин <злоупотребление> встречается и в гражданском законодательстве. Так, ст. 16 ГК РСФСР говорит, например, о <злоупотреблении> спиртными напитками и наркотическими веществами. Но что это практически означает? Очевидно, что нельзя злоупотребить спиртными напитками или наркотиками, не осуществляя своих имущественных прав, в частности права

распоряжения своим имуществом. Поскольку такое осуществление права ставит семью управомоченного лица в тяжелое материальное положение, закон допускает ограничение дееспособности таких лиц, а следовательно, ставит и известные границы осуществлению субъективных гражданских прав именно потому, что право осуществляется в данном случае в противоречии с его назначением в социалистическом обществе. Логично поэтому предположить, что в данном случае мы имеем дело с одним из видов злоупотребления правом.

Прав, на наш взгляд, и В. Ф. Маслов, когда он рассматривает нормы ст. ст. 111, 142 и др. ГК как нормы, устанавливающие санкции <за вполне определенный вид злоупотребления правом> [83], хотя и в этих нормах термин <злоупотребление правом> не употребляется.

Вместе с тем, понятие злоупотребления правом известно и другим отраслям советского права. Так, ст. 170 УК РСФСР, предусматривающая ответственность должностных лиц за злоупотребление властью или служебным положением, имеет в виду <использование> должностным лицом предоставленных ему в силу закона прав и полномочий, т. е. и в данном случае речь идет по существу о злоупотреблении правом.

Наконец, законодательство о браке и семье прямо употребляет термин <злоупотребление правом>. Так, ст. 92 КЗоБСО 1926 г. предусматривала отстранение опекуна или попечителя в случае <злоупотребления своими полномочиями>. Статья 59 Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 г. прямо предусматривает лишение родительских прав, если родители <злоупотребляют своими родительскими правами>.

Используется термин <злоупотребление правом> и в законодательстве других социалистических стран. Так, ст. VII ГК ЧССР 1964 г. предусматривает, что <никто не должен злоупотреблять своими правами против интересов общества или сограждан...>. ГК ВНР 1959 г. в § 5 устанавливает, что <злоупотребление правом запрещается законом>. О злоупотреблении правом, на наш взгляд, говорит также и ст. 6 ч. I Закона о прокуратуре Польской Народной Республики от 14 апреля 1967 г., которая предусматривает ответственность за <злоупотребление прокурором свободой слова при исполнении служебных обязанностей...> [84].

Использование термина <злоупотребление правом> в правовой литературе, в законодательстве СССР и других социалистических стран с необходимостью требует выяснения вопроса о том, что же означает злоупотребление правом, какие реальные общественные отношения выражает это понятие. При этом с методологической точки зрения едва ли можно согласиться с подходом к понятию <злоупотребление правом> как к понятию условному. Такая методологическая предпосылка заранее обрекает исследование на неудачу, так как признание того или иного понятия заведомо <условным> открывает широкий простор для произвольного его истолкования.

Что же такое злоупотребление правом?

Сам термин <злоупотребление правом> в его буквальном понимании означает - употребление права во зло. Уже из этого вытекает, что понятие <злоупотребление правом> может быть использовано лишь тогда, когда управомоченный субъект обладает определенным субъективным правом. В тех же случаях, когда лицо совершает какие-либо действия, не основанные на субъективном праве, говорить о злоупотреблении правом нельзя. Действия такого рода могут быть противоправными, если они противоречат требованиям закона. Но они могут быть и правомерными, когда лицо, хотя и совершает действия, не опирающиеся на имеющееся у него субъективное право, тем не менее

допускает такое поведение, которое подпадает под категорию <охраняемого законом интереса>[\[85\]](#).

Независимо от того, являются ли совершенные лицом действия противоправными или правомерными, в данном случае не может быть и речи о злоупотреблении правом, поскольку эти действия субъекта не опираются на принадлежащее ему субъективное право.

Аналогичное положение создается и в том случае, когда лицо, обладая определенным субъективным правом, в своем поведении выходит за границы содержания принадлежащего ему права. Сам термин <злоупотребление правом> уже говорит о том, что подобного рода действия могут быть связаны только с <использованием> права, с его использованием. А это значит, что проблема злоупотребления правом связана не с субъективным правом вообще, не с его содержанием, а с процессом его реализации, с его осуществлением.

Едва ли поэтому можно согласиться с М. И. Бару, который полагает, что и в том случае, когда действия управомоченного лица не соответствуют содержанию его права, <безусловно имеет место злоупотребление правом>[\[86\]](#). В данном случае лицо не осуществляет своего права, не совершает тех действий, которые <соответствуют содержанию принадлежащего ему права>, а следовательно, действует за рамками данного субъективного права. Подобного рода действия управомоченного лица так же могут быть как противоправными, так и правомерными, но ни при каких условиях они не могут быть отнесены к случаям злоупотребления правом.

Тот факт, что злоупотребление правом связано не с содержанием субъективного права, а с его осуществлением, с необходимостью требует выяснения тех критериев, которые позволяют отграничить содержание субъективного права и его границы от осуществления субъективного права и его пределов. Проблема эта представляет значительную трудность прежде всего потому, что как само содержание субъективного права, так и его осуществление предполагают определенное поведение управомоченного лица.

Всякое субъективное право представляет собой определенную меру возможного поведения управомоченного лица. Осуществление же субъективного права есть реализация этих возможностей. А из этого следует, что различие между содержанием субъективного права и его осуществлением состоит прежде всего в том, что содержание субъективного права включает в себя лишь возможное поведение управомоченного лица, тогда как осуществление права есть совершение реальных, конкретных действий, связанных с превращением этой возможности в действительность. Это значит, что соотношение между поведением, составляющим содержание субъективного права, и поведением, составляющим содержание осуществления права, представляется прежде всего как соотношение между возможностью и действительностью.

Но всякое субъективное право это не только мера возможного поведения, но также и мера поведения, дозволенного управомоченному лицу законом. Независимо от того, возникает ли субъективное право помимо воли управомоченного субъекта (например, право требовать возмещения причиненного вреда, право требовать выплаты определенных сумм при наступлении страхового случая и т. п.) или оно возникает в результате волевых действий самого управомоченного (например, в результате заключения договора), содержание его всегда предопределено законом, который либо прямо предписывает управомоченному лицу определенное поведение, либо его санкционирует.

В отличие от этого процесс реализации права, процесс его осуществления всегда имеет волевой характер, всегда зависит от воли управомоченного лица. А из этого следует, что соотношение между поведением, составляющим содержание субъективного права, и поведением, составляющим содержание процесса его осуществления, можно с известным основанием представить как соотношение объективного и субъективного.

При этом, однако, следует иметь в виду известную относительность такого разграничения, так как, с одной стороны, воля управомоченного лица в рамках предоставленной ему законом диспозитивности все же участвует в определении содержания ряда приобретаемых им субъективных прав, а с другой стороны, процесс осуществления права в ряде случаев также регламентирован законом и в некотором отношении может от воли управомоченного лица не зависеть.

Поэтому названное соотношение можно рассматривать, по-видимому, лишь как некое превалирование в одном случае объективного, а в другом случае субъективного моментов.

Вместе с тем право как совокупность правил поведения предполагает приложение равного масштаба, равной мерки к сходным в основном, но различным по конкретике случаям. Поэтому всякое правило поведения всегда обладает известной степенью общности, абстрактности вследствие невозможности учесть в нем все конкретные особенности того или иного случая. А из этого следует, что, определяя содержание субъективных гражданских прав, закон регламентирует их обычно как некий общий тип поведения, разрешенного управомоченному лицу. Таковы, например: легальное определение права собственности как права владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом в пределах, установленных законом (ст. 19 Основ); признание за нанимателем жилого помещения права сдать его в поднаем (ст. 60 Основ); право каждого гражданина завещать свое имущество на случай смерти (ст. 119 Основ), и т.п.

В отличие от этого поведение, составляющее процесс осуществления права, всегда есть определенный, конкретный вид реальных действий управомоченного лица, вытекающий из особенностей данного конкретного случая. Поэтому соотношение между поведением, составляющим содержание субъективного права, и поведением, составляющим содержание процесса его осуществления, представляется так же, как соотношение общего и конкретного, как соотношение общего типа поведения и конкретных форм его проявления в условиях данного конкретного случая^[87].

Таким образом, если содержание субъективного гражданского права может быть охарактеризовано как общий тип возможного поведения управомоченного лица, санкционированный объективным правом, то содержание процесса его осуществления сводится к совершению управомоченным лицом реальных, конкретных действий, в которых находят свое выражение как воля самого управомоченного лица, так и специфические особенности данного конкретного случая. При этом содержание субъективного права как бы характеризует право в его статическом состоянии, тогда как осуществление права есть динамический процесс его развития, его реализации.

Вопрос о наличии или отсутствии злоупотребления правом может быть решен прежде всего в зависимости от соотношения между санкционированным законом общим типом возможного поведения управомоченного лица и тем его конкретным поведением, которое он предпринимает в целях реализации своего субъективного права.

При этом возможны различные ситуации. В тех случаях, когда лицо вообще выходит за рамки предоставленного ему субъективного права, за рамки его содержания, оно

действует уже не как носитель данного субъективного права, не как управомоченный субъект. Здесь отсутствует само <употребление> права, и независимо от того, использует ли в данном случае лицо дозволенные или недозволенные конкретные формы поведения, т. е. действует ли он правомерно или противоправно, последнее в любом случае не может быть отнесено к случаям злоупотребления правом.

Нет оснований говорить о злоупотреблении правом и в тех случаях, когда конкретные формы поведения управомоченного лица по осуществлению права, по реализации дозволенных ему законом возможностей полностью соответствуют общему типу предписанного законом поведения, когда, следовательно, между содержанием субъективного права и его осуществлением нет расхождений. В данном случае мы имеем дело с нормальным процессом реализации права.

О злоупотреблении правом речь может идти лишь в случае, когда управомоченный субъект, действуя в границах принадлежащего ему субъективного права, в рамках тех возможностей, которые составляют содержание данного права, использует такие формы его реализации, которые выходят за установленные законом пределы осуществления права.

Однако для понимания проблемы злоупотребления правом еще недостаточно установить, что злоупотребление правом есть нарушение пределов осуществления субъективного гражданского права. Для этого необходимо выяснить также, каковы пределы осуществления гражданских прав, как они определяются в законе и в каких именно случаях выход управомоченного лица за пределы осуществления права может быть признан злоупотреблением правом?

В свое время проф. М. М. Агарков полагал, что в будущем гражданском законодательстве следует установить такие границы осуществления гражданских прав, которые запрещали бы шикану, т. е. действия, совершаемые с исключительной целью причинить вред другому лицу. Он полагал, что именно такое решение вытекает из ст. 130 Конституции СССР и из ст. 6 ГК 1923 г., которая, по его мнению, запрещала процессуальную шикану. Принцип же ст. 1 ГК 1922 г. он рассматривал как несовместимый с действовавшим в то время советским правом^[88].

Как известно, эта позиция не нашла отражения в действующем законодательстве, так как практика показала, что злоупотребление правом может выходить в ряде случаев за рамки шиканы.

В последнее время при обсуждении нового гражданского законодательства в литературе проблема пределов осуществления гражданских прав нередко сводится лишь к проблеме осуществления права в соответствии с его назначением. Так, по мнению проф. О. С. Иоффе, <под пределами осуществления гражданских прав нужно понимать пределы, вытекающие из их целевого назначения...>^[89]. Аналогично решает этот вопрос и М. В. Самойлова^[90]. Профессор С. Н. Братусь, отметив, что конкретизация содержания субъективного права в законе <не может исчерпать всех возможных его проявлений, поскольку соответствующая норма права остается общим правилом поведения>, подчеркивает, что критерием определения границ осуществления права является <такое осуществление права, которое соответствует его назначению в социалистическом обществе в период строительства коммунизма>^[91]. В другом месте С. Н. Братусь замечает, что <субъективное право включает в себя не только содержание, но и его социальное назначение>^[92].

Несомненно, что такая позиция представляется более предпочтительной, чем идея М. М. Агаркова, так как она в известной мере опирается на закон (ст. 5, ч. 1 Основ) и, кроме того, учитывает некоторые другие случаи злоупотребления правом, которые выходят за рамки шиканы.

Тем не менее, сведение пределов осуществления права только к осуществлению прав в соответствии с их назначением представляется неправильным, так как, с одной стороны, требование закона относительно осуществления гражданских прав в соответствии с их назначением - это не единственное указание закона о пределах (границах) осуществления гражданских прав; действующее законодательство знает на этот счет и многие иные правила. А с другой стороны, само по себе осуществление субъективных гражданских прав, хотя в конечном счете и преследует достижение определенной дозволенной законом цели, не сводится только к этому. Осуществление права включает в себя также, например, и использование того или иного способа его реализации, использование определенных средств самозащиты права, наконец, обращение к компетентным органам с требованием его принудительного осуществления и защиты^[93].

Действующее гражданское законодательство определяет пределы (границы) осуществления субъективных гражданских прав по-разному.

Гражданские права реализуются определенными лицами: управомоченным лицом, его представителями, а в ряде случаев и иными лицами и органами, действующими в интересах управомоченного лица. Субъектные границы осуществления субъективных гражданских прав определяются рамками гражданской дееспособности субъектов гражданского права. Всякое субъективное право может быть реализовано лишь тем субъектом, который обладает нужным объемом гражданской дееспособности.

Осуществление субъективных гражданских прав ограничено, далее, определенными временными границами. Действующее законодательство устанавливает в необходимых случаях определенные сроки осуществления гражданских прав. Эти сроки и определяют временные пределы осуществления того или иного субъективного права^[94].

Бесспорно, вместе с тем, что одним из важнейших критериев, определяющих пределы осуществления гражданских прав, является требование осуществления этих прав в соответствии с их назначением в социалистическом обществе. Устанавливая это правило, ч. 1 ст. 5 Основ предписывает управомоченному лицу использовать свое право для таких целей, которые не только обеспечивали бы интересы самого управомоченного лица, но и были бы также совместимы с интересами всего общества на данном этапе его развития.

Пределы осуществления гражданских прав определяются также в зависимости от способа осуществления права. Так, например, право распоряжения имуществом может быть реализовано собственником путем его продажи, дарения, передачи по наследству, сдачи внаем и т. п. При этом закон в ряде случаев еще более конкретизирует способ осуществления того или иного субъективного права. Так, например, продажа легковой автомашины личным собственником может быть осуществлена лишь через комиссионный магазин; строение может быть продано любому лицу, но при этом договор продажи должен быть нотариально оформлен; при продаже доли в общей собственности продавец должен соблюсти определенные правила, в частности известить других собственников о продаже доли, и т. п.

Наконец, пределы осуществления субъективного права определяются также характером и пределами предоставляемых управомоченному лицу средств принудительного

осуществления или защиты принадлежащего ему субъективного права, например, пределами необходимой обороны, подведомственностью того или иного спора, пределами использования управомоченным лицом так называемых мер оперативного воздействия^[95] и др.

А из этого вытекает, что пределы осуществления гражданских прав, а, следовательно, по-видимому, также и случаи злоупотребления правом не могут быть сведены не только к шикане, но и к случаям осуществления гражданских прав в противоречии с их назначением в социалистическом обществе. Понятие пределов осуществления права значительно шире понятия осуществления права в противоречии с его назначением и не может быть сведено к последнему.

Но, с другой стороны, неправильно было бы также все случаи выхода управомоченного лица за пределы осуществления права считать злоупотреблением правом. Если, например, покупатель не использовал предоставленный ему законом гарантийный срок для заявления требования о качестве проданной вещи, то впоследствии ему будет отказано в удовлетворении требования об устранении недостатков вещи или ее замене. Очевидно при этом, что заявление такого требования после истечения указанного срока осуществления права следует признать выходом управомоченного за временные границы осуществления права. Однако с его стороны в данном случае нет никакого злоупотребления правом и отказ ему в удовлетворении требования не есть санкция за злоупотребление правом.

Это объясняется прежде всего тем, что гарантийный срок есть не только срок осуществления права требовать устранения недостатков в купленной вещи или ее замены, но и срок существования самого этого права. Заявление названного требования за пределами гарантийного срока есть, следовательно, не только выход за временные границы осуществления этого права, но и выход за пределы самого права, т. е. действие, вообще не основанное в данном случае ни на каком праве. Между тем, как уже было показано, злоупотребление правом имеет место там, где управомоченный субъект выходит за рамки установленных для данного субъективного права пределов его осуществления, оставаясь, однако, в рамках общих границ содержания данного субъективного права.

Вместе с тем сам термин <злоупотребление правом> говорит уже о том, что в данном случае речь идет об употреблении субъективного права <во зло>. Очевидно, что в приведенном случае с выходом управомоченного лица за пределы гарантийного срока ничего даже отдаленно похожего на это усмотреть нельзя. Следовательно, и с этой точки зрения такое несоблюдение пределов осуществления субъективного права не может быть признано злоупотреблением правом.

А отсюда вытекает, что не всякий выход управомоченного за пределы осуществления права есть злоупотребление правом. Злоупотребление правом имеет место лишь тогда, когда данное субъективное право используется <во зло>. При этом сразу же возникает вопрос о том, что могло бы означать это выражение применительно к действующему гражданскому законодательству?

Поскольку злоупотребление правом связано с осуществлением права, с его реализацией в конкретных, реальных действиях управомоченного лица, постольку и ответ на вопрос, что значит использование права <во зло>, следует искать в характере самого поведения управомоченного лица по осуществлению права. Поведение же людей всегда включает в себя два момента: момент субъективный, связанный с той или иной степенью осознания

своего поведения человеком, и момент объективный, т. е. само фактически совершенное лицом действие (или воздержание его от действия).

Это единство субъективного и объективного в поведении людей отмечал К. Маркс, который писал, что <самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове>[96].

Критикуя субъективистские взгляды народников, В. И. Ленин ставил вопрос: <по каким признакам судить нам о реальных <помыслах и чувствах> реальных личностей?>. И отвечал: <Понятно, что такой признак может быть лишь один: действия этих личностей, - а так как речь идет только об общественных <помыслах и чувствах>, то следует добавить еще: общественные действия личностей, т. е. социальные факты>[97].

Поведение управомоченного лица по осуществлению права, хотя и представляет собой действие индивидуального характера, есть вместе с тем также и действие общественное, которое должно быть подчинено определенным требованиям общества, выраженным в нормах права, правилах социалистического общежития и нормах коммунистической морали. Требования эти выражены в ч. 2 ст. 5 Основ как основные принципы, которые должны соблюдаться гражданами и организациями при осуществлении прав и исполнении обязанностей. Поэтому оно не является только <привязкой> к ч. 1 ст. 5, а имеет общее значение для правильного понимания и применения всех норм советского гражданского права[98], в том числе и для понимания существа злоупотребления правом.

Часть 2 ст. 5 Основ прежде всего требует от управомоченного лица соблюдать законы при осуществлении права. При этом понятно, что под законом в данном случае понимаются не только акты, принятые высшими органами власти и имеющие высшую юридическую силу, но и все иные нормы советского гражданского права.

Поскольку, как уже отмечалось, поведение лица по осуществлению права характеризуется известным единством объективного и субъективного моментов, постольку и требования закона касаются прежде всего этих двух его сторон. Объективный критерий поведения субъектов права состоит в установлении соответствия их поведения тому, которое предписано законом и находит свое выражение в понятиях правомерного или противоправного поведения. Субъективная же оценка поведения субъекта права находит свое выражение в закреплённом законом принципе вины, являющемся основным началом ответственности по советскому гражданскому праву.

Что же представляет собою злоупотребление правом с точки зрения названных критериев?

Вопрос о противоправности поведения субъектов права широко обсуждается в советской правовой литературе. Под противоправным обычно понимают такое поведение лица, которое нарушает нормы права[99]. Во многих случаях к этому добавляют, что противоправное поведение в то же самое время нарушает и субъективные права других лиц[100]. Приведенные определения характеризуют противоправность самым общим образом. И хотя они обращают внимание на самое существенное, их все же нельзя признать достаточно полными и конкретными. Три момента заслуживают внимания с этой точки зрения.

Во-первых, поведение, нарушающее нормы права, есть поведение противоправное. Однако, как известно, нормы права при всей их полноте и многочисленности никогда не

могут охватить всех конкретных видов возможного поведения субъектов права. Поэтому, как справедливо отмечается в литературе, не все то, что не запрещено законом, - дозволено, но и дозволено не только то, что прямо разрешено законом[101]. Поэтому в тех случаях, когда отсутствует конкретная норма права, предусматривающая тот или иной вид поведения, правомерность или противоправность последнего может и должна быть установлена, исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (ст. 4 Основ), т. е. на основе тех общих правовых принципов, которые определяют сущность всей данной системы, отрасли или института права[102]. Следовательно, противоправным следует считать не только поведение, нарушающее конкретные нормы права, но и поведение, противоречащее правовым принципам данной системы, отрасли или института права, хотя бы это поведение и не противоречило конкретной норме права.

Во-вторых, едва ли можно согласиться с тем, что противоправное поведение не только нарушает норму права, но во всех случаях нарушает также и субъективные права других лиц. Очевидно, например, что при бесхозяйственном содержании строения собственник может и не нарушать субъективных прав других лиц, однако несомненно, что закон признает такое поведение противоправным (ст. 141 ГК). Поэтому более правильным представляется мнение тех авторов, которые полагают, что противоправное поведение всегда нарушает объективное право, но во многих случаях одновременно нарушает также и право субъективное какого-либо другого лица[103].

В-третьих, понимание противоправности как нарушения норм права недостаточно конкретно и в том отношении, что оно требует разъяснения того, что следует понимать под <нарушением нормы права>. Как отметил И. С. Самощенко, не всякое отступление от поведения, указанного в норме права, есть ее нарушение[104]. Поэтому естественны попытки многих авторов более детально раскрыть это понятие.

Так, по мнению Л. А. Майданика и Н. Ю. Сергеевой, противоправным следует считать такое действие, которое <нарушило правовую норму, охранявшую субъективное право или благо потерпевшего>[105]. Такое определение несколько конкретизирует понятие противоправности лишь применительно к обязательствам из причинения вреда, но и оно не раскрывает понятия <нарушение нормы права>.

Другие авторы при определении противоправности исходят из специфики форм воздействия права на человеческие поступки. Такими формами являются запреты, предписания и дозволения[106]. Исходя из этого противоправность определяют обычно как действие, запрещенное законом или иными нормативными актами[107], нарушающее <выраженные в нормах запреты>[108]. Это правильная идея. Однако запрет как одна из форм правового воздействия на поведение субъектов права, т. е. запрет как таковой, больше свойствен таким отраслям права, как уголовное право. В гражданском же праве основными формами воздействия норм на поведение участников отношений являются предписания, находящие свое выражение в гражданско-правовых обязанностях, и дозволения, выражающиеся прежде всего в субъективных гражданских правах.

Однако <запрет> в широком смысле, или, как более точно говорит И. С. Самощенко[109], <запрещенность> свойственна не только запрету в собственном смысле слова, но и предписанию, и дозволению. Во всех случаях мы имеем дело с известной юридической обязанностью не допускать запрещенного поведения, не совершать действий, выходящих за рамки установленных законом предписаний и дозволений. Поэтому при решении проблемы противоправности в советском гражданском праве более предпочтительным представляется мнение тех авторов, которые делают акцент на нарушении юридической обязанности[110]. Такой подход представляется более правильным, во-первых, потому,

что он больше соответствует самому характеру гражданско-правового регулирования, которое придает регулируемым имущественным и личным неимущественным отношениям характер правовых отношений, определяет права и обязанности участников этих отношений; и, во-вторых, потому, что острие огромного числа гражданско-правовых обязанностей непосредственно направлено не на запрещение того или иного поведения, а прежде всего на побуждение обязанного лица к совершению определенного действия в интересах управомоченного субъекта. Иначе говоря, юридическая обязанность в советском гражданском праве есть прежде всего одна из важнейших правовых гарантий реального осуществления субъективных гражданских прав.

Необходимо при этом иметь в виду, что юридические обязанности в советском гражданском праве устанавливаются не только конкретными нормами права, но они вытекают также из общих принципов советского гражданского права, а во многих случаях также и из санкционированных правом индивидуальных волевых актов (административных, административно-плановых актов, из договоров, односторонних сделок).

Исходя из этого можно сказать, что противоправным по советскому гражданскому праву следует считать такое поведение, которое нарушает нормы права либо общие правовые принципы советского гражданского права или его институтов. При этом под нарушением норм или принципов права понимается несоблюдение лицом юридических обязанностей независимо от того, вытекают ли эти обязанности из запретов, предписаний или дозволений, являются ли они общими или конкретными^[111].

Злоупотребление правом также представляет собою поведение, связанное с нарушением обязанности, и потому есть поведение противоправное. Однако противоправность злоупотребления правом имеет известные особенности. Особенность злоупотребления правом состоит в том, что оно возникает на базе осуществления субъективного права, т. е. на базе дозволенного законом поведения. При этом обязанность управомоченного лица состоит в том, чтобы не нарушать пределов осуществления права. Мы имеем в данном случае дело с тем положением, где гражданские субъективные права органически соединяются с обязанностями управомоченного лица использовать принадлежащее ему право надлежащим образом. При этом, как правильно отмечается в литературе, обязанность эта носит общий характер^[112].

Так как субъективное право представляет собой некий предусмотренный законом общий тип поведения, а его осуществление происходит в различных конкретных формах, то под противоправностью злоупотребления правом и следует понимать использование управомоченным лицом недозволенных конкретных форм поведения в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения.

Приведенное определение в свое время было выдвинуто в качестве характеристики пределов осуществления гражданских прав^[113]. В связи с этим оно встретило в литературе возражения. Так, по мнению М. В. Самойловой, такое «соединение правомерного и неправомерного поведения представляется невозможным, во-первых, по логическим соображениям (по существу это то же самое, что и злоупотребление правом); во-вторых, потому, что подобного рода «сплав» не может быть назван ни осуществлением права (из-за наличия элемента неправомерности), ни противоправным деянием (из-за наличия элемента правомерности); и, в-третьих, потому, что устанавливаемые законом санкции являются мерой ответственности только за противоправное деяние, но не за осуществление права, тогда как в предлагаемой авторами конструкции санкции наступают и за осуществление правомерных действий»^[114].

Следует согласиться с М. В. Самойловой в том, что критикуемое определение и есть определение злоупотребления правом по его объективным признакам. Но никакого логического противоречия в таком понимании нет. Такое логическое противоречие возникло, если бы речь шла о понятии злоупотребления правом в том его значении, которое ему придавал Планиоль, а вслед за ним также М. М. Агарков и М. В. Самойлова, т. е. в смысле выхода управомоченного лица за границы содержания субъективного права. Но, как уже было показано выше, в таком значении употреблять термин <злоупотребление правом> вообще неправильно, так как ни о каком <употреблении> права в данном случае и речи быть не может.

Неверно вместе с тем понимать соотношение между дозволенным законом общим типом поведения и конкретными формами его реализации как некий <сплав>, так как при таком понимании исчезает различие между содержанием субъективного права и его осуществлением. Между тем закон по-разному регламентирует содержание субъективного права и его осуществление. Известно, что собственнику автомашины принадлежит право владеть, пользоваться и распоряжаться этим объектом права собственности. Определяя содержание этого субъективного права, закон отвечает на вопрос, что именно может делать собственник с принадлежащей ему вещью? Но вместе с тем закон устанавливает также, что, например, продажа автомашины может быть произведена только через комиссионный магазин. В данном случае закон дает ответ уже на иной вопрос, на вопрос о том, как именно, каким способом собственник может реализовать принадлежащие ему правомочия?

Поэтому понятия дозволенного и недозволенного относятся к разным явлениям: первое к содержанию субъективного права, а второе к его осуществлению. Ни о каком <сплаве> в этом случае нет и речи. Но вместе с тем очевидно, что с точки зрения содержания права продажа собственником автомашины есть действие правомерное, разрешенное законом, тогда как с точки зрения осуществления права, при нарушении собственником установленного порядка продажи автомашин через комиссионные магазины, такой способ реализации дозволенного ему возможного поведения есть действие противоправное.

Не убедителен и последний довод М. В. Самойловой, так как, с одной стороны, ст. 5 Основ называет осуществление права <в противоречии с его назначением> также осуществлением права, недозволенным осуществлением права; а с другой - она предполагает применение отказа в защите права не вообще за использование возможностей, предоставленных управомоченному лицу содержанием определенного субъективного права, а за то, что лицо использует эти возможности недозволенным образом. В этом и состоит суть проблемы злоупотребления правом.

Что же представляет собой злоупотребление правом с субъективной стороны поведения управомоченного лица?

Уже само выражение <употребление права во зло> свидетельствует о том, что в данном случае мы имеем дело с таким поведением управомоченного лица, которое не только противоправно, но и упречно с его субъективной стороны. Нельзя злоупотреблять своим правом, не зная об этом. Случайное причинение вреда другому лицу при осуществлении своего права не есть причинение вреда <во зло>, не есть, следовательно, и злоупотребление правом. Равным образом, если лицо не знало и по обстоятельствам дела не могло и не должно было знать, что осуществляет свое право с недозволенной целью, избирает запрещенный законом способ его осуществления либо выходит за пределы предоставленных ему средств защиты, - налицо противоправное поведение, однако и здесь нет оснований для признания злоупотребления правом.

Из этого следует, что злоупотребление правом есть один из видов гражданского правонарушения, т. е. поведение не только противоправное, но и по меньшей мере виновное^[115]. При этом, однако, возникает вопрос, о какой именно форме вины можно говорить при злоупотреблении правом: достаточно ли для признания поведения управомоченного лица злоупотреблением правом любой формы вины, либо злоупотребление правом есть всегда поведение умышленное?

Ответ на этот вопрос представляет значительные трудности, так как советское гражданское законодательство не знает термина <злоупотребление правом> и в силу этого воспользоваться толкованием этого термина на основании норм гражданского права или судебной (арбитражной) практики не представляется возможным. Поэтому при решении поставленного вопроса естественно прежде всего обратиться к тем высказываниям, которые имеются в цивилистической литературе, и к тем отраслям советского права, которые содержат нормы, предусматривающие (или предусматривавшие) ответственность именно за злоупотребление правом.

В цивилистической литературе высказано мнение, что злоупотребление правом всегда предполагает действия намеренные^[116]. Но что означает выражение <намеренные действия>? Равнозначно ли это понятию <умышленные действия>? На этот вопрос авторы, к сожалению, не дают ответа. Термин <намеренные действия>, <намерение> встречается в гражданском законодательстве. Так, ст. 53 ГК говорит о недействительности сделки, совершенной лишь для вида, <без намерения создать юридические последствия>, ст. 58 ГК говорит о <злонамеренном соглашении> представителя одной стороны с другой.

Однако все это еще больше осложняет дело. Как видно из приведенных статей, гражданское право знает термины: <намеренные действия> и <злонамеренные действия>. Поскольку понятие <злонамеренное соглашение> употребляется наряду с понятиями обмана, насилия, угроз, то очевидно, что злонамеренное соглашение представителя с контрагентом рассматривается законодателем как действие умышленное. Но так как термин <злонамеренное соглашение> более созвучен термину <злоупотребление правом>, то можно предположить, что названные авторы, желая подчеркнуть умышленный характер злоупотребления правом, должны были бы охарактеризовать его как поведение <злонамеренное>. Однако они характеризуют злоупотребление правом как намеренное действие, т. е., по-видимому, как действие виновное, которое может быть как умышленным, так и неосторожным.

Но и такое предположение также оказывается спорным. По мнению В. А. Рясенцева, понятие злоупотребления правом в большей степени подчеркивает субъективный момент, чем понятие осуществления права в противоречии с его назначением. Из этого вытекает, что ст. 5 Основ также применяется при наличии <субъективного момента>, т. е. при наличии вины управомоченного лица (в любой форме). А так как злоупотребление правом, по мнению В. А. Рясенцева, предполагает более высокую степень <субъективного момента>, то следует предположить, что, употребляя характеристику злоупотребления правом как намеренного действия, имелось в виду подчеркнуть его умышленный характер.

Какое из этих или иных возможных предположений правильно, сказать трудно. Можно лишь констатировать, что, высказав свое мнение, авторы не потрудились его доказать и тем самым поставили еще одну задачу, которую цивилистической науке еще предстоит разрешить.

Одним из возможных путей исследования субъективной стороны состава такого гражданского правонарушения, как злоупотребление правом, является использование правовых норм и практики их применения других отраслей советского права, предусматривающих ответственность за злоупотребление правом.

К таким нормам относится прежде всего ст. 170 УК РСФСР, предусматривающая ответственность за злоупотребление властью или служебным положением. Поскольку <власть> практически выражается в осуществлении тех или иных прав и полномочий властного характера, а <служебное положение> приводит лицо к обладанию этими правами и полномочиями, то совершенно очевидно, что в данном случае мы имеем дело со злоупотреблением правами и полномочиями.

Характеризуя состав этого преступления с его субъективной стороны, ст. 170 УК указывает на умышленное использование должностным лицом своего служебного положения, своих прав и полномочий для достижения недозволенной цели.

В отличие от этого, ст. 125 УК РСФСР, предусматривая ответственность за злоупотребление опекунами обязанностями, прямого указания на этот счет не содержит. Однако, поскольку в данном случае речь идет об использовании опеки в корыстных целях, нет оснований сомневаться, что и в данном случае уголовный закон имеет в виду ответственность за умышленное правонарушение^[117]. Необходимо при этом обратить внимание на то, что закон говорит в данном случае лишь о злоупотреблении <опекунами обязанностями>, хотя несомненно, что <использование опеки в корыстных целях> в ряде случаев сопровождается также и злоупотреблением опекунами правами. Практике, например, известен такой случай, когда опекун, пользуясь правом распоряжения денежными средствами, находящимися во вкладе в сберегательной кассе, в течение года по частям снял со вклада все деньги подопечного и использовал их на свои личные нужды^[118]. В данном случае налицо злоупотребление правом в форме осуществления права в противоречии с его назначением.

Тот факт, что в данном случае мы имеем дело не только со злоупотреблением обязанностями, но и со злоупотреблением правами, подтверждается законодательством других союзных республик. В частности, ст. 115 УК УССР, ст. 134 УК Туркменской ССР, ст. 113 УК КазССР в отличие от УК РСФСР содержат в своем заголовке указание на злоупотребление опекунами правами.

Термин <злоупотребление правом> использовался ранее и используется в настоящее время в семейном законодательстве. В объяснении условий применения правовых последствий к случаям, связанным со злоупотреблением правом, взгляды представителей советской науки семейного права единодушны. Так, по мнению А. И. Пергамент, злоупотребление опекунами правами, которое предусматривалось ст. 92 КЗоБСО 1926 г., влекло за собой отстранение опекуна <лишь вследствие виновных действий с его стороны>^[119]. Лишение родительских прав в случае невыполнения родителями своих обязанностей или неправильного осуществления ими своих прав по отношению к детям, предусматривавшееся ст. 46 КЗоБСО 1926 г., по мнению Г. М. Свердлова, <тоже является последствием виновного поведения>^[120]. Наличие вины, без различия ее форм, как одного из условий лишения родительских прав отмечают также В. А. Рясенцев^[121], а применительно к новому семейному законодательству Е. М. Ворожейкин^[122].

Значит ли это, что злоупотребление опекунами или родительскими правами с точки зрения семейного права (в отличие от злоупотребления правом по советскому уголовному праву) может иметь место как в форме умышленного, так и в форме неосторожного

действия? Такой вывод, по-видимому, не исключается, так как названные авторы не выделяют злоупотребление правом в субъективном отношении из иных запретов, предусмотренных теми же правовыми нормами.

Такой вывод представляется наиболее приемлемым и применительно к советскому гражданскому законодательству, устанавливающему определенные санкции за нарушение пределов осуществления гражданских прав.

Так, ст. 5 Основ, предусматривающая отказ в защите права, если оно осуществляется в противоречии с его назначением в социалистическом обществе в период строительства коммунизма, применима как при умышленном, так и при неосторожном осуществлении права в противоречии с его назначением, поскольку по общему правилу ответственность в гражданском праве наступает независимо от вины лишь в случаях, прямо предусмотренных законом или договором (ст. 37 Основ).

Равным образом вина в любой форме является основанием лишения собственника права на бесхозяйственно содержимые культурные ценности в том случае, когда иск об изъятии указанного имущества предъявляется без предварительного предупреждения собственника при неотложной необходимости (ч. 2 ст. 142 ГК).

В тех же случаях, когда о необходимости принятия соответствующих мер к сохранению ценностей собственнику было сделано предварительное предупреждение, а также в случае изъятия бесхозяйственно содержимого строения (ст. 141 ГК), где такое предварительное предупреждение является обязательным во всех без исключения случаях, изъятие имущества может иметь место лишь при умышленном непринятии собственником требуемых мер к его сохранению. Указание же ст. 141 ГК об уважительности причин непроизводства ремонта дома, являющихся основанием неприменения к нему названной санкции, относится не к субъективной стороне поведения собственника дома, а лишь к таким обстоятельствам, которые создают объективную невозможность производства такого ремонта.

Аналогично следует решать вопрос и о субъективной стороне состава правонарушения, предусмотренного ст. 111 ГК РСФСР, которая устанавливает санкцию в виде безвозмездного изъятия у личного собственника имущества, систематически используемого для извлечения нетрудового дохода. Названная санкция установлена как мера воздействия на лицо, которое умышленно допустило такое противоправное поведение, так как признак систематичности, предусмотренный законом, свидетельствует об устойчивости намерения лица в достижении недозволенной законом цели.

Думается, что независимо от того, какая предусмотренная законом форма вины характерна для правонарушения того или иного вида, связанного с выходом управомоченного за пределы осуществления гражданских прав, во всех этих случаях мы имеем дело со злоупотреблением правом. Использование в данном случае термина <злоупотребление правом> представляется не только возможным, но и необходимым по следующим основаниям:

Во-первых, когда мы говорим о неисполнении или ненадлежащем исполнении обязанности, то вполне применим термин <нарушение обязанности>. При недозволенном осуществлении субъективного права нельзя сказать, что в данном случае мы имеем дело с нарушением права. Нарушение права означает его нарушение не самим управомоченным, а другим лицом вследствие неисполнения обязанности, причинения вреда,

неосновательного получения или сбережения имущества и т. п. Поэтому термин <нарушение права> к случаям недозволенного его осуществления не применим.

Во-вторых, невозможно в данном случае также и использование термина <осуществление права в противоречии с его назначением>, так как недозволенное осуществление права, как уже было отмечено выше, выходит за рамки этого понятия. Недозволенное осуществление права может состоять как в осуществлении права в противоречии с его назначением в социалистическом обществе, так и в использовании для достижения дозволенной цели недозволенных средств, равно как и в превышении пределов предоставленных управомоченному лицу средств его защиты. Использование во всех этих случаях формулы ч. 1 ст. 5 Основ было бы по меньшей мере условным, не совсем точно отражающим существо дела.

В-третьих, невозможным представляется в данном случае также и использование термина <недозволенное осуществление права>, так как это понятие отражает лишь объективную сторону составов названных правонарушений. Между тем, как правильно отметил В. А. Рясенцев, субъективный момент в характеристике этого рода правонарушений в равной мере имеет существенное значение.

В-четвертых, едва ли правильно относить слова <во зло>, входящие в понятие злоупотребления правом, исключительно к субъективной стороне состава этого рода правонарушений и на этом основании отождествлять злоупотребление правом с поведением умышленным. Злоупотребление правом представляет собой зло уже потому, что в данном случае право используется управомоченным лицом в ущерб интересам общества и отдельных его членов, т. е. по объективному характеру такого поведения управомоченного лица, по его противоправности.

Вместе с тем очевидно, что злоупотребление правом имеет место лишь тогда, когда такое осуществление права допускается управомоченным лицом сознательно. Однако при этом степень осознания им своего противоправного поведения может быть различной.

Можно согласиться с В. А. Рясенцевым в том, что злоупотребление правом всегда есть <намеренное> поведение. Но намерение не всегда означает умысел. Намерение, желание, стремление - действительно характеризуют поведение управомоченного лица с субъективной стороны. Но понятия эти, строго говоря, не юридические. Ведь преступить закон можно и действуя с самыми лучшими намерениями.

Например, в случае использования недозволенных способов реализации права управомоченный субъект может иметь вполне законные намерения и действия его по осуществлению права будут действиями намеренными, но они будут умышленными не всегда, а лишь тогда, когда к намерению достичь определенной цели прибавится намерение воспользоваться недозволенными способами для ее достижения. Если же последнего <намерения> не будет, то и об умысле говорить нет оснований.

В связи с этим также едва ли можно согласиться с И. С. Самощенко в том, что цель всегда входит в состав прямого умысла [\[123\]](#), так как и достижение дозволенной цели может быть осуществлено недозволенными средствами. Такое утверждение верно лишь в отношении цели, заведомо (для правонарушителя) противной интересам государства и общества.

В-пятых, не убедительными также представляются возражения против использования термина <злоупотребление правом>, основанные на том, что это создает возможность для произвольного подхода к конкретным случаям, открывает неосновательно широкий

простор для судебного усмотрения и может повлечь за собой нарушение принципа социалистической законности.

Понятие злоупотребления правом можно и нужно использовать в науке гражданского права для характеристики определенного типа гражданского правонарушения.

Злоупотребление правом есть особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения.

При этом необходимо иметь в виду, что конкретные случаи злоупотребления правом прямо предусмотрены законом. Нормы, регламентирующие отдельные виды злоупотребления правом, предусматривают достаточно ясные и четкие критерии их применения. Отнесение всех этих видов правонарушений к одному типу - злоупотреблению правом - ни в какой мере не освобождает юрисдикционные органы от точного и неуклонного применения на практике предусмотренных законом конкретных составов этих правонарушений. Поэтому опасений, что при этом будет нарушен закон, в этих случаях ничуть не больше, чем при применении любой другой нормы советского гражданского права. Действующее гражданское законодательство на этот счет, а также судебная и арбитражная практика полностью опровергают миф о необъятном просторе судебного усмотрения, порожденный каучуковым буржуазным законодательством и некритически используемый иногда в нашей правовой литературе.

3. Развитие принципа недопустимости осуществления гражданских прав в противоречии с их назначением

Принцип недопустимости осуществления гражданских прав в противоречии с их назначением в социалистическом обществе впервые нашел свое закрепление в советском гражданском законодательстве - в ст. 1 ГК РСФСР 1922 г., которая устанавливала, что <гражданские права охраняются законом, за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением>.

Первый советский Гражданский кодекс был разработан и принят в период проведения в жизнь новой экономической политики, которая предусматривала допущение на известных условиях частного капитала. Основные направления развития гражданского законодательства этого периода были определены непосредственно В. И. Лениным. В письме Д. И. Курскому <О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики> В. И. Ленин писал: <Идет подготовка нового гражданского законодательства. НКЮст <плывет по течению>; я это вижу... Не перенимать (вернее, не дать себя надувать тупоумным и буржуазным старым юристам, кои перенимают) старое, буржуазное понятие о гражданском праве, а создавать новое>[124]. Исходя из того, что <для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное>, В. И. Ленин требовал <расширить применение государственного вмешательства в <частноправовые> отношения>[125].

Характеризуя основные направления правовой политики в период нэпа по отношению к частнокапиталистическим элементам, В. И. Ленин писал: <Торгуй, наживайся, мы это тебе позволим, но втрое подтянем твою обязанность быть честным, давать правдивые и аккуратные отчеты, считаться не только с буквой, но и с духом нашего, коммунистического законодательства, не допускать ни тени отступления от наших законов, - вот какова должна быть основная заповедь НКЮста в отношении нэпа>[126].

В своем письме в Политбюро ЦК РКП(б) о Гражданском кодексе РСФСР В. И. Ленин наметил главную задачу комиссии по разработке кодекса, которая должна состоять в том, чтобы <полностью> обеспечить интересы пролетарского государства с точки зрения возможности контролировать (последующий контроль) все без изъятия частные предприятия и отменять все договоры и частные сделки, противоречащие как букве закона, так и интересам трудящейся рабочей и крестьянской массы. Не рабское подражание буржуазному гражданскому праву, а ряд ограничений его в духе наших законов, без стеснения хозяйственной или торговой работы>[127].

По этим же основаниям В. И. Ленин настоял на сохранении в гражданском кодексе ст. 1 в том ее виде, как она была приведена выше. Вспоминая об этом, П. И. Стучка в своей речи на одном из Пленумов Верховного суда РСФСР в 1930 г. говорил: <Когда мы писали первую статью ГК, эти слова [имелись в виду слова: <социально-хозяйственное назначение>. - В. Г.] были неудачно взяты из буржуазной науки, но Владимир Ильич, очевидно, уже предвидел дальнейшие события и сказал, что статья должна остаться, потому что она нам очень и очень пригодится>[128]. В статье <Революция и революционная законность> П. И. Стучка писал: <В. И. Ленин, как диалектик, одобрил эту фразу в целом с точки зрения будущего (он так и подчеркнул эту мысль: <Может пригодиться>)>[129].

И ст. 1 ГК РСФСР действительно пригодилась. Более того, она определила два чрезвычайно важных принципа советского гражданского права, нашедших свое закрепление также и в действующем гражданском законодательстве (ст. 5 Основ).

Прежде всего, ст. 1 ГК 1922 г. четко определила основную направленность советского гражданского законодательства на охрану тех субъективных гражданских прав, которые ГК предоставил гражданам и организациям. В отличие от буржуазного гражданского законодательства, которое главный упор делает на провозглашение прав, но гарантирует их главным образом лишь для представителей класса буржуазии, первый советский гражданский кодекс в ст. 1 ГК провозгласил принцип охраны представляемых законом гражданских прав, принцип юридической гарантированности их реального осуществления.

Но наряду с этим ст. 1 ГК 1922 г. определяет и пределы осуществления гражданских прав, закрепляет принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами. При этом характерно, что уже первый гражданский кодекс регламентирует отказ в защите права лишь как исключение из общего правила о защите субъективных гражданских прав, который допускается только в случае осуществления уполномоченным лицом своего права в противоречии с его <социально-хозяйственным назначением>.

В отличие от буржуазного гражданского законодательства, которое использует в качестве критериев злоупотребления правом категории <доброй совести>, <добрых нравов>, <справедливости>, допускающие возможность субъективного, произвольного их толкования буржуазным судом, ст. 1 ГК РСФСР 1922 г. содержит объективный критерий определения пределов осуществления гражданских прав: соответствие осуществления прав их <социально-хозяйственному назначению> [\[130\]](#).

Можно, таким образом, констатировать, что ст. 1 ГК 1922 г. сформулировала для советского гражданского права такие основополагающие принципы, которые коренным образом отличаются от принципов буржуазного права. Как образно заметил проф. И. С. Перетерский, ст. 1 и ст. 4 ГК 1922 г. закрепили начала, <которые являются подлинной <революцией> с точки зрения буржуазного права> [\[131\]](#).

Статья 1 ГК 1922 г. оказалась, однако, трудным <орешком> для цивилистической науки. В литературе 20-х годов был высказан целый ряд предложений ее истолкования.

Одни авторы в обосновании содержания ст. 1 ГК исходили из теории <социальных функций> Дюги. Так, по мнению Я. Канторовича, в ст. 1 нашла свое выражение <идея частной собственности как социальной функции> [\[132\]](#). Объясняя понятие <социально-хозяйственного> назначения, Ал. Малицкий во введении к комментарию ГК также опирается на право как социальную функцию, на гражданское право как общественную обязанность [\[133\]](#). Даже по мнению П. И. Стучки, которому в значительной мере принадлежит заслуга разоблачения антинародной сущности дюгизма [\[134\]](#), <в ст. 1 отражены солидаристские идеи Дюги, но статья наполнена марксистским содержанием> [\[135\]](#).

Нет сомнения в том, что сам термин <социально-хозяйственное назначение> мог быть заимствован из арсенала теории <социальных функций>. Но теперь, спустя много десятков лет, стало очевидным, что ст. 1 в той формулировке, в которой она была записана в ГК, ничего общего не имеет с теорией <социальных функций>, хотя бы уже потому, что она допускает признание и защиту субъективных гражданских прав, в то время как теория <социальных функций> в своей основе есть теория <субъективных обязанностей>, отвергающая субъективное право как социальную категорию в целом [\[136\]](#). Именно по этой причине прежде всего и существует объективная невозможность наполнить <теорию> Дюги <марксистским содержанием>, как ошибочно полагал П. И. Стучка.

Вместе с тем необходимо различать дюгизм как теорию, как совокупность определенных идей, проникнутых единством принципов, и ее словесное выражение, ее терминологию, которая во многих случаях призвана лишь замаскировать антинародную сущность этих теоретических взглядов. Поэтому заимствование термина еще не есть заимствование идеи. Все зависит от того, какое содержание вкладывается в тот или иной термин. И хотя в словесном, терминологическом выражении ст. 1 ГК и есть известное созвучие с терминологией названной теории, по своему существу, по своей классовой направленности ст. 1 ГК 1922 г. есть полное отрицание дюгизма. Статья 1 ГК 1922 г. по своему происхождению и по своему содержанию является юридическим выражением новой экономической политики Коммунистической партии и Советского государства, вытекающей из необходимости известного допущения частного капитала, предоставления частнику определенных гражданских прав в известных пределах, с определенной целью и на строго определенных условиях, в частности, при условии недопущения злоупотребления правом.

В обосновании сущности ст. 1 ГК ее нередко рассматривали неразрывно со ст. 4 ГК, которая предоставляла гражданам РСФСР гражданскую правоспособность <в целях развития производительных сил страны>. При этом нередко развитие производительных сил рассматривалось как единственная и исключительная цель, ради которой предоставляются гражданские права^[137]. Между тем, как правильно отмечал С. И. Вильнянский, развитие производительных сил нельзя рассматривать как самоцель^[138]. Развитие производительных сил предполагало дальнейшее развитие и упрочение социалистического строя. Забвение этого основополагающего принципа было равносильно теоретическому обоснованию допущения частного капитала в сферу <развития производительных сил> без какого бы то ни было ограничения.

Между тем ст. 1 ГК, предусматривая <социально-хозяйственное> назначение прав, имела в виду не только экономическую, хозяйственную цель, но и цель <социальную>, общественную и обеспечивала возможность отказа в защите прав, осуществляемых в противоречии с задачами и целями социалистического строительства. Следует также иметь в виду и то обстоятельство, что не все гражданские права непосредственно связаны с развитием производительных сил, хотя и к ним при осуществлении их в противоречии с социально-хозяйственным назначением может быть применена и применялась на практике ст. 1 ГК.

Едва ли, например, можно связать с <развитием производительных сил> случай, когда на основании ст. 1 ГК суд изъял у нанимателя комнату, которая использовалась им не для проживания членов его семьи, а под вещевой склад^[139].

Среди многочисленных высказываний, характеризующих существо ст. 1 ГК, наибольший интерес представляют те высказывания, которые были направлены на уяснение смысла ст. 1 ГК с точки зрения ее практического применения. При этом одни авторы пытались давать более или менее общие решения, тогда как другие ограничивались рассмотрением отдельных конкретных случаев. Например, ряд авторов исходили из того, что статьей 1 ГК охватывается не только шикана, но и иные случаи злоупотребления гражданскими правами^[140]. А. М. Ладыженский подходил к решению этой проблемы еще более конкретно, полагая, что в ст. 1 ГК речь идет лишь <о шикане и о clausula rebus sic stantibus>^[141]. По мнению И. Б. Новицкого, содержанием ст. 1 ГК охватываются случаи не известного советскому праву так называемого <соседского права>, а также случаи бесхозяйственности, небрежности, хищнического отношения к имуществу^[142]. И. С. Перетерский полагал, что ст. 1 может быть применима в ряде случаев также и в сфере

договорных отношений[143]. Ряд конкретных случаев применения ст. 1 ГК рассматривает Е. И. Кельман[144] и т. п.

Несмотря на то что в ряде работ, посвященных ст. 1 ГК 1922 г., можно наряду с ошибочными найти также и ряд очень интересных и глубоких выводов относительно ее содержания и применения, следует все же сказать, что эта норма в 20-х годах не получила еще достаточно убедительного теоретического обоснования.

Правильный подход к пониманию ст. 1 ГК 1922 г. в значительной мере был выработан судебной практикой, хотя и на ее пути встретилось немало трудностей. В первые годы действия ГК 1922 г. ст. 1 была чрезвычайно популярна и применялась судами очень широко[145]. Это объясняется двумя основными причинами: во-первых, сравнительно невысоким уровнем правовой культуры судов того времени, которые, как отмечалось Пленумом Верховного суда РСФСР уже в наказе ГKK 1924 г., <не находя иного выхода по сложному вопросу, ограничиваются голословной ссылкой на ст. 4 ГПК или ст. ст. 1 и 4 ГК>[146]; и, во-вторых, тем, что ст. 1 ГК в то время еще не была достаточно четко обоснована теоретически. Как указывается в докладе ГKK за 1925 г., <беда заключается в том, что и вся наша теория, касающаяся толкования сущности и значения этой статьи, не дала ни одного более или менее удачного примера вполне правильного применения этой статьи>[147].

Такое положение дел на практике побудило высшие судебные органы к максимальной активности в руководстве практикой ее применения. Как показывает анализ судебной практики 20-х годов, в этот период были выработаны три основных требования, предъявляемых к решениям судов, основанным на ст. 1 ГК. Такими требованиями были: во-первых, требование обоснованности применения судами ст. 1 ГК к тому или иному конкретному случаю; во-вторых, требование классового подхода к случаям, когда эта статья могла быть применена; и, наконец, в-третьих, требования соблюдения законности при применении ст. 1 ГК.

Требования эти вырабатывались на практике постепенно. Прежде всего внимание ГKK было обращено на недостаточную обоснованность решений большинства местных судов, применявших ст. 1 либо вообще без каких-либо обоснований, либо ограничивающихся ссылкой на то, что те или иные действия противоречат <социально-хозяйственному> назначению, на недопустимость противопоставления частных интересов интересам государства и т. п. В связи с этим ГKK Верховного суда РСФСР в инструктивном письме N 1 за 1927 г. указала, что <в каждом отдельном случае судам надлежит установить, в чем именно со стороны частного предпринимателя или арендатора выразилось нарушение ст. 1 ГК - в полном ли неиспользовании предпринимателем своих прав на предприятие или в использовании их таким способом, который явно не соответствует социально-хозяйственному назначению предприятия; лишь такие фактические данные о пользовании предпринимателей своими правами создают их противоречие ст. 1 ГК>[148].

В условиях новой экономической политики, когда в сферу хозяйственной деятельности на известных условиях были допущены частнокапиталистические элементы, основное острие ст. 1 ГК естественно было направлено против злоупотребления нэпом. И это обстоятельство было отчетливо понято судебной практикой. Пленум Верховного суда РСФСР уже в наказе ГKK от 12 декабря 1924 г. указывал, что ст. 1 ГК - это одна из тех норм, которые пресекают контрреволюционные попытки произвольного расширения гражданских прав, с одной стороны, а с другой - охраняют интересы рабоче-крестьянского государства и трудящихся масс.

Практике известны случаи, когда частники использовали предоставленные им гражданские права в явном противоречии с их назначением в социалистическом обществе, скрыто или явно противодействуя интересам строительства социализма. Поэтому ст. 1 ГК применялась, например, в случаях, когда владелец мельницы длительное время отказывался пустить ее в ход, не желая вносить гарнцевого сбора[149]; когда строение промышленного типа вместе с оборудованием не использовалось собственником и постепенно разрушалось[150], когда типографские машины в течение длительного времени <находились в <хаотическом> состоянии и никак не использовались>[151] и др.

Имели место случаи, когда гражданские права использовались частными элементами непосредственно в целях классовой борьбы. Показательно в этом отношении дело братьев Хазовых, которые, имея на праве собственности паровую мельницу, использовали ее таким образом: они мололи зерно своим родственникам, знакомым кулакам, но отказывали в этом беднякам и представителям Советской власти. Используя эту возможность, они привлекали на свою сторону часть бедняков, заставляли их выступать на собраниях против решений Советской власти и т. п. Суд признал такое осуществление права злоупотреблением нэпом, противоречащим социально-хозяйственному назначению права собственности, и изъял мельницу, передав ее в ведение местного Совета.

В связи с применением ст. 1 ГК очень остро стоял вопрос о соблюдении социалистической законности. Как в теории, так и в практике применения ГК нескольких первых лет ст. 1 нередко рассматривалась как норма, дающая полную свободу судебному усмотрению, вследствие чего имели место случаи применения ст. 1 ГК в противоречии с действующим законодательством. В докладе ГКК за 1925 г. приводятся такие случаи, когда суд, ссылаясь на ст. 1 ГК, расторг договор аренды мельницы по тем основаниям, что <общественная мельница не может служить объектом наживы частного арендатора и должна принадлежать крестьянскому комитету общественной взаимопомощи>, хотя никаких злоупотреблений правом со стороны арендатора не было допущено; в другом случае аналогичный договор был расторгнут судом просто потому, что договор этот через год после его заключения стал невыгодным для уездного исполнительного комитета[152].

Такое явно неправильное понимание смысла ст. 1 ГК и ее соотношения с принципом социалистической законности в ряде случаев находило известное обоснование в теории. Так, по мнению Я. А. Канторовича, в силу ст. ст. 1 и 4 ГК <каждое действие, каждая сделка в области оборота, которые прямо не содействуют развитию производительных сил, могут быть опорочены, как осуществляемые в противоречии с социально-хозяйственным назначением прав, вытекающих из этих действий и сделок>[153].

Нередко из содержания ст. 1 ГК делалось заключение об особом, относительно характере социалистической законности. Так, например, Б. Рубинштейн писал: <В понимании советского правоведения законность является не соблюдением законов как таковых, как норм, и потому подлежащих соблюдению; здесь эти нормы соблюдаются потому, что они - одно из необходимых средств социальной организации. Они постоянно находятся в связи со всей социально-экономической обстановкой. Они проверяются и меняются. Они носят относительный, а не абсолютный характер. Поэтому и создали термины - революционная законность, которая и стоит сейчас в порядке дня>[154].

Такое понимание законности по существу есть отказ от нее, подмена принципа социалистической законности принципом социально-хозяйственной целесообразности. Между тем В. И. Ленин очень четко различает законность и целесообразность. В своем письме <О <двойном> подчинении и законности> В. И. Ленин писал: <Рабкрин судит не только с точки зрения законности, но и с точки зрения целесообразности. Прокурор

отвечает за то, чтобы ни одно решение ни одной местной власти не расходилось с законом»[\[155\]](#). Причем под «местной властью» В. И. Ленин понимал также и суды, которые были обязаны «абсолютно соблюдать единые, установленные для всей федерации законы»[\[156\]](#).

Особое внимание В. И. Ленин обращал на необходимость строгого соблюдения законности при переходе к новой экономической политике. В докладе IX Всероссийскому съезду Советов В. И. Ленин говорил: «Перед нами сейчас задача развития гражданского оборота, - этого требует новая экономическая политика, - а это требует большей революционной законности... Чем больше мы входим в условия... прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности»[\[157\]](#).

Этой же задаче укрепления законности служило и принятие первого Гражданского кодекса. Поэтому ст. 1 ГК ни в какой мере не могла быть применима в противоречии с требованием социалистической законности. Практически это означало, что там, где то или иное отношение регулируется прямым указанием закона, ст. 1 неприменима. Она действует лишь тогда, когда имеет место злоупотребление со стороны управомоченного лица предоставленными ему гражданскими правами.

Такое отношение к ст. 1 ГК на практике также сложилось не сразу. В решениях судов первых двух лет применения ГК 1922 г. ст. 1 очень часто обосновывалось требованием «хозяйственной целесообразности», «хозяйственной полезности» и т. п.[\[158\]](#) Термин «хозяйственная целесообразность» встречается и в указаниях Верховного суда РСФСР. Так, в циркуляре N 24 от 16 июля 1924 г. Верховный суд РСФСР указал, что «продажу сада на сруб надлежит считать противоречащей хозяйственной целесообразности (ст. 1 ГК) и недопустимой»[\[159\]](#).

Однако уже в докладе ГКК за 1925 г. отмечается, что, «поскольку не установлено еще твердых взглядов на ст. 1 ГК, ГКК считала, что лучше пусть суды меньше оперируют этой общей статьей и более останавливаются на конкретных данных каждого дела, тогда будет и меньше ошибок в ее применении»[\[160\]](#).

В инструктивном письме ГКК Верховного суда РСФСР N 1 за 1927 г. отмечается неправильность использования ст. 1 ГК в тех случаях, когда «имелись иные правильные юридические основания для разрешения спорного по делу вопроса»[\[161\]](#).

С еще большей определенностью относительно строгого соблюдения законов высказался Пленум Верховного суда РСФСР в разъяснении от 18 февраля 1930 г., которым было отменено постановление Президиума Московского областного суда от 25 января 1930 г. как несоответствующее общей политике правительства и действующим законам[\[162\]](#).

Таким образом, несмотря на всю сложность ее понимания и применения, ст. 1 ГК сыграла в период новой экономической политики важную роль средства борьбы с частнокапиталистическими элементами, допускавшими нередко злоупотребления предоставленными им гражданским законодательством правами. Она служила средством, обеспечивающим постепенное вытеснение капиталистических элементов из хозяйственной жизни нашей страны.

С ликвидацией частнокапиталистических элементов и построением социализма в СССР сфера применения ст. 1 ГК резко сократилась. В судебной практике предвоенных лет можно отметить лишь несколько случаев, имеющих некоторое отношение к ст. 1 ГК.

Одним из таких дел было известное дело Полякова, который в 1937 г. за хорошую работу на строительстве Горьковского автозавода был премирован легковой автомашиной М-1, но сам ею не пользовался, а сдал в аренду спецконторе треста N 30 сроком на один год за плату в 1200 руб. в месяц. В 1940 г. Поляков предъявил иск в суд о взыскании арендной платы и стоимости среднего ремонта автомашины. Иск Полякова был удовлетворен. Однако Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда СССР признала такой договор недействительным по ст. 30 и 147 ГК РСФСР 1922 г. по тем основаниям, что собственник превратил автомашину в источник нетрудового дохода[163].

Несмотря на то что данное дело было разрешено судом по правилам о недействительности противозаконных сделок, оно тесно связано со ст. 1 ГК, так как в данном случае мы имеем дело с использованием права личной собственности в противоречии с предусмотренным ст. 10 Конституции потребительским назначением права личной собственности.

Статья 1 ГК нашла свое применение в некоторых случаях решения жилищных дел. Так, в Постановлении по делу Козлова от 29 августа 1940 г. Пленум Верховного Суда СССР прямо ссылается на ст. 1 ГК и отмечает, что систематическое использование жилой площади в целях извлечения нетрудового дохода есть осуществление права в противоречии с его социально-хозяйственным назначением[164].

Нельзя вместе с тем не отметить, что наши высшие судебные инстанции в дальнейшем в течение довольно продолжительного времени как бы избегают прямой ссылки на ст. 1 ГК. Начало этому было положено еще Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 12 декабря 1940 г. <О судебной практике по применению постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 года <О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах>>[165].

Интересен в этом отношении п. 9 Постановления, который гласит: <В случае систематической сдачи съемщиком отдельной изолированной комнаты, хотя бы таковая и не являлась излишком жилой площади для съемщика, в спекулятивных целях (извлечение нетрудового дохода), используемая в этих целях комната может быть изъята у съемщика судом по иску прокурора или жилищного управления, но не по иску нанимателя>.

Два момента здесь обращают на себя внимание.

Во-первых, формулируя правило об изъятии комнаты, используемой для извлечения нетрудового дохода, Пленум, однако, не ссылается на закон, в соответствии с которым суды должны выносить такого рода решения, хотя ссылка на ст. 1 ГК 1922 г. здесь была бы уместна. По этой же причине в опубликованной судебной практике мы встречаем решения, которые никаким законом не обоснованы и в лучшем случае содержат ссылку на названное постановление[166].

Во-вторых, извлечение нетрудового дохода отождествляется здесь со спекулятивной целью. Верно, конечно, что цель спекуляции - это извлечение нетрудового дохода. Но не всякий нетрудовой доход есть результат спекуляции. Спекуляция есть лишь один из способов извлечения нетрудового дохода. При сдаче съемщиком комнаты в поднаем с целью систематического извлечения нетрудового дохода вообще нет спекуляции в уголовно-правовом ее понимании. Между тем такая формулировка породила целый ряд неправильных теоретических и практических выводов.

С. И. Вильнянский, объясняя отсутствие ссылки на ст. 1 ГК в названном постановлении пленума, пишет, что такой ссылки здесь <не потребовалось, так как договор,

заключенный с целью спекуляции, недействителен на основании ст. 30 ГК»[\[167\]](#). Однако в постановлении нет ссылки на ст. 30 ГК. Кроме того, <договоры с целью спекуляции> - это договоры купли-продажи, скупка с целью перепродажи по повышенной цене, тогда как в данном случае речь идет о договоре поднайма жилого помещения, где названные признаки отсутствуют.

Такое отождествление привело также к тому, что проблема по своему характеру цивилистическая была в значительной мере перенесена в область уголовно-правовую. Именно поэтому в последующие годы в судебной практике мы встречаемся с делами такого рода, рассматриваемыми в уголовно-правовом порядке либо по правилам о спекуляции[\[168\]](#), либо по иным нормам уголовного права (например, занятие запрещенным промыслом), когда речь шла о иных способах извлечения нетрудового дохода[\[169\]](#).

Победа социализма в СССР и принятие новой Конституции в 1936 г. положили начало созданию нового гражданского законодательства. Конституция 1936 г. в ст. 14, п. <х> предусматривала, однако, принятие не республиканских гражданских кодексов, а единого общесоюзного гражданского кодекса - Гражданского кодекса СССР. Первый рабочий проект такого кодекса был опубликован сразу же после войны в 1947 г.

Несмотря на то что в литературе этого периода были высказаны соображения о невозможности использования ст. 1 ГК 1922 г. в новых условиях, названный проект ГК СССР в ст. 5 предусматривал, что <гражданские права охраняются законом за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с интересами социалистического общества>.

Проект, однако, не ограничивался этим, а предусматривал также нормы, определяющие целевое назначение гражданских прав. Статьи 3 и 4 проекта предусматривали, что гражданские права и обязанности приобретаются и осуществляются социалистическими организациями <в соответствии с государственным народнохозяйственным планом в целях увеличения общественного богатства и неуклонного подъема материального уровня трудящихся>, а гражданами - <в целях удовлетворения их личных материальных и культурных потребностей в соответствии с задачами социалистического общества>.

Однако названному проекту было не суждено стать законом. В целях более последовательного проведения в жизнь принципа демократического централизма в области государственного строительства, расширения прав и укрепления суверенитета союзных республик, законом Верховного Совета СССР от 11 февраля 1957 г. было предусмотрено, что к компетенции Союза ССР относится издание Основ гражданского законодательства, а издание гражданских кодексов входит в компетенцию союзных республик[\[170\]](#). В соответствии с этим был изменен также и п. <х> ст. 14 Конституции СССР.

С этого времени началась параллельная разработка Основ гражданского законодательства и гражданских кодексов. Однако первым по времени был создан проект гражданского кодекса РСФСР, который в качестве рабочего проекта был опубликован Министерством юстиции РСФСР в 1959 г. В этом проекте уже содержится ст. 5 почти в том виде, в котором она действует и в настоящее время. Проект предусматривал, что <гражданские права охраняются законом, за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с назначением этих прав в социалистическом обществе>. Здесь, в первой части ст. 5, еще не содержится слов: <в период строительства коммунизма>.

Вторая часть ст. 5 предусматривала, что <при осуществлении прав и исполнении обязанностей граждане и организации должны соблюдать законы и уважать правила социалистического общежития>. И здесь, как мы видим, еще нет указаний на необходимость соблюдения <моральных принципов общества, строящего коммунизм>.

В отличие от проекта ГК РСФСР опубликованный летом 1960 г. проект Основ гражданского законодательства^[171] аналогичной нормы не предусматривал. Статья 5 проекта Основ включала в себя указание на то, что гражданские права охраняются законом. Затем шло изложение правил, закрепленных в действующих Основах гражданского законодательства в ст. 6, о порядке и характере защиты гражданских прав.

Как уже отмечалось, при обсуждении этого проекта Основ гражданского законодательства неоднократно вносились предложения включить правила, аналогичные ст. 1 ГК, в Основы. Комиссиями законодательных предложений Верховного Совета СССР эти предложения были учтены, и ст. 5 была сформулирована в соответствии со ст. 5 проекта ГК 1959 г., но с некоторыми добавлениями.

Принятые на базе Основ гражданского законодательства новые Гражданские кодексы союзных республик не только восприняли эту норму Основ, но и включили ряд конкретных норм, регламентировавших отдельные случаи злоупотребления правом (ст. ст. 111, 141, 142 ГК РСФСР), вследствие чего борьба со злоупотреблением гражданскими правами была поставлена на более широкую и более прочную законодательную основу.

4. Статья 5 основ гражданского законодательства как общий принцип и как специальная норма советского гражданского права

Согласно ст. 5 Основ гражданского законодательства <гражданские права охраняются законом, за исключением случаев, когда они осуществляются в противоречии с назначением этих прав в социалистическом обществе в период строительства коммунизма>.

На первый взгляд различие между ст. 1 ГК 1922 г. и ст. 5 Основ гражданского законодательства невелико. В действительности, однако, различие это весьма существенно.

Первая особенность ст. 5 Основ состоит в том, что она регламентирует недопустимость осуществления гражданских прав в противоречии с их назначением не абстрактно, а конкретно во временном отношении. Речь здесь идет о недопустимости осуществления гражданских прав в противоречии с их назначением <в социалистическом обществе в период строительства коммунизма>, в отличие от ст. 1 ГК 1922 г., которая с этой точки зрения была сформулирована абстрактно, хотя и была рассчитана только на переходный от капитализма к социализму период.

Эта временная определенность ст. 5 Основ подчеркивает два важных момента: во-первых, изменение самой социально-исторической обстановки, определяющей иное содержание, иной характер и иное назначение самих субъективных гражданских прав в социалистическом обществе в период строительства коммунизма^[172]; и, во-вторых, изменение самой социальной направленности названного правового принципа. Если ст. 1 ГК 1922 г. имела своей основной целью борьбу со злоупотреблением нэпом со стороны частнокапиталистических элементов, то ст. 5 Основ гражданского законодательства направлена на борьбу с пережитками прошлого в сознании отдельных людей, на искоренение частнособственнической психологии, на установление контроля за мерой труда и потребления в социалистическом обществе, на воспитание участников гражданского оборота в духе требований моральных принципов общества, строящего коммунизм.

Вторая особенность ст. 5 Основ состоит в том, что в отличие от ст. 1 ГК 1922 г., которая употребляла термин <социально-хозяйственное> назначение, в ней речь идет просто о <назначении> гражданских прав. Как отметил В. А. Рясенцев^[173], эта особенность формулировки ст. 5 Основ значительно расширяет сферу ее применения. Если термин <социально-хозяйственное назначение> предполагал применение ст. 1 ГК только к случаям недозволенного осуществления субъективных гражданских прав имущественного характера, то термин <назначение прав> в ст. 5 Основ следует понимать в том смысле, что правила этой нормы распространяются также и на осуществление личных неимущественных прав.

Третья особенность ст. 5 Основ вытекает из того, что наряду с недопустимостью осуществления прав в противоречии с их назначением ст. 5 в ее второй части определяет и иные требования, которыми граждане и организации должны руководствоваться как при осуществлении гражданских прав, так и при исполнении обязанностей. Согласно ч. 2 ст. 5 Основ <при осуществлении гражданских прав и исполнении обязанностей граждане и организации должны соблюдать законы, уважать правила социалистического общежития и моральные принципы общества, строящего коммунизм>.

Наконец, четвертая особенность ст. 5 Основ состоит в том, что в отличие от ст. 1 ГК 1922 г., которая была единственной нормой гражданского права, регламентировавшей недопустимость злоупотребления правом, действующее гражданское законодательство наряду с общим правилом о недопустимости осуществления гражданских прав в противоречии с их назначением предусматривает также ряд специальных составов злоупотребления правом применительно к отдельным видам гражданских прав.

Все эти особенности ст. 5 Основ с необходимостью требуют выяснения не только ее правового содержания, условий ее практического применения, но также и ее места в системе норм советского гражданского права, в частности, выяснения вопроса о том, выражает ли ст. 5 Основ лишь общий принцип советского гражданского права либо она может быть применена и как специальная норма права, которая должна использоваться при разрешении конкретных дел.

Переходя к рассмотрению содержания ст. 5 Основ, необходимо прежде всего констатировать, что названная норма права регламентирует один из видов злоупотребления правом, гражданское правонарушение, которое по объективной стороне его состава характеризуется осуществлением гражданских прав в противоречии с их назначением в социалистическом обществе.

Под назначением права в советской цивилистической литературе понимается та цель, а точнее те цели, ради достижения которых субъективные права предоставляются участникам гражданских правоотношений^[174].

Назначение права - категория объективная. Ее объективный характер определяется, с одной стороны, исторической обусловленностью назначения права, которое выражает определенные социально-экономические условия жизни общества, а с другой стороны, тем, что цели, для достижения которых может быть использовано субъективное гражданское право, либо прямо предусмотрены, либо санкционированы законом. И хотя те цели, для достижения которых управомоченный субъект использует свое право, определяются индивидуальной волей управомоченного, они не могут выходить за рамки тех целей, которые признаются заслуживающими уважения со стороны всего общества.

Следовательно, в самом понятии назначения права в социалистическом обществе находит свое выражение принцип сочетания общественных и личных интересов. Под назначением права понимаются лишь такие цели, которые соответствуют потребностям и интересам социалистического общества в период строительства коммунизма.

В связи с этим чрезвычайно важное практическое значение имеет вопрос о том, каковы те критерии, которые позволяют определить назначение того или иного субъективного гражданского права и выявить те случаи, когда такое право осуществляется в противоречии с его назначением в социалистическом обществе. При этом очевидно прежде всего, что названные критерии должны иметь юридически значимый характер, т. е. они должны в той или иной мере опираться на закон. В противном случае в толковании понятия назначения права мы рискуем выйти за рамки социалистической законности, что ни в коей мере не может быть признано приемлемым.

Назначение субъективных гражданских прав в социалистическом обществе определяется прежде всего самим гражданским законодательством. При этом законодательство определяет как общее, так и конкретное назначение субъективных прав. Общее назначение субъективных гражданских прав в социалистическом обществе определено прежде всего ст. 1 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных

республик, согласно которой гражданское законодательство регулирует имущественные и связанные с ними (а в случаях, предусмотренных законом, также и иные) личные неимущественные отношения в целях создания материально-технической базы коммунизма и все более полного удовлетворения материальных и духовных потребностей граждан.

Определяя общие задачи гражданско-правового регулирования, закон вместе с тем определяет и общее назначение тех субъективных прав, которые гражданское законодательство признает за управомоченным лицом. Эта общая цель определяет назначение всех вообще субъективных гражданских прав в социалистическом обществе в период строительства коммунизма.

Однако для применения ст. 5 Основ, по-видимому, недостаточно только простого указания на отступление управомоченного субъекта от общего назначения субъективного права, так как, опираясь только на ст. 1 Основ, не всегда можно достаточно точно определить, противоречит ли данное осуществление права его назначению в социалистическом обществе. Например, если отвлечься от всех остальных норм гражданского права, невозможно доказать, что сдача собственником дома внаем по повышенным ставкам наемной платы является осуществлением права личной собственности в противоречии с его назначением, так как простая ссылка на ст. 1 Основ может быть парализована ссылкой на то, что в данном случае право осуществляется в целях <все более полного удовлетворения потребностей собственника>.

Из этого следует, что со ссылкой на ст. 1 Основ, определяющую общее назначение субъективных гражданских прав, ст. 5, ч. 1 может быть практически использована лишь как общий принцип советского гражданского права.

Из сказанного вытекает также, что для признания того или иного субъективного гражданского права осуществляемым в противоречии с его назначением в социалистическом обществе наряду с определением общего назначения, как правило, необходимо выявить и его конкретное назначение.

Как же определяется конкретное назначение субъективных гражданских прав?

Субъективные гражданские права многочисленны и разнообразны. Особенности содержания субъективных гражданских прав в значительной мере определяются характером тех общественных отношений, которые регулируются нормами советского гражданского права. В значительной мере характером регулируемых правом общественных отношений определяется и назначение того или иного субъективного права.

Было бы, однако, неправильным, на наш взгляд, выводить назначение того или иного субъективного права непосредственно из самих общественных отношений^[175]. Дело в том, что характер общественных отношений в известной мере определяет также и характер их правового регулирования, однако одно и то же общественное отношение может быть по-разному урегулировано законом. А это значит, что в зависимости от характера правового регулирования различным будет как содержание предоставляемых участникам этих отношений субъективных прав и обязанностей, так и их назначение.

Конкретное назначение субъективных гражданских прав в ряде случаев непосредственно определено в самом законе. При этом назначение прав в законе определяется по-разному.

В одних случаях назначение субъективного права определяется в законе прямым указанием на те цели, для достижения которых данное субъективное право может быть использовано. Так, например, определено назначение права оперативного управления имуществом социалистических организаций (ст. 21, ч. 2 Основ), назначение прав, которые вытекают из договора о совместной хозяйственной деятельности, заключенного гражданами (ч. 2 ст. 434 ГК), и др.

В других случаях закон определяет назначение права посредством установления определенных запретов использовать то или иное субъективное право для определенной цели. Таково, например, запрещение использовать личную собственность для извлечения нетрудового дохода (ч. 1 ст. 25 Основ), запрещение использования наемного труда при осуществлении подрядных работ гражданином (ст. 351 ГК), при ведении мелкого хозяйства кустарями (ст. 115 ГК), запрещение передачи автором своего произведения для использования его тем же способом другой организацией без письменного согласия той организации, с которой заключен авторский договор (ст. 509 ГК), и др.

Наконец, в ряде случаев закон определяет назначение субъективного права не прямо, а косвенно, путем определения назначения того или иного имущества. Следует, однако, различать хозяйственное назначение имущества и целевое назначение имущества. Под хозяйственным назначением имущества следует понимать его потребительную стоимость или способность удовлетворять определенные потребности. Под целевым назначением имущества понимается та цель, для которой в данном конкретном случае может быть использовано имущество.

Различие это имеет особенно важное значение для тех случаев, когда имущество по своему хозяйственному назначению может служить удовлетворению самых разнообразных потребностей, однако закон в ряде случаев предписывает использование его лишь по строго определенному целевому назначению. Так, например, деньги - это имущество, которое способно служить различным хозяйственным целям. Однако кредитное законодательство, например, предусматривает, что ссуды, выданные Госбанком предприятию или гражданину для определенной цели, только на эти цели и могут быть использованы [\[176\]](#).

Различие хозяйственного и целевого назначения имеет значение в ряде случаев и для вещей индивидуально-определенных. Так, определяя главную вещь и принадлежность, закон в ст. 139 ГК устанавливает, что принадлежностью считается вещь, которая связана с главной <общим хозяйственным назначением> и <назначенная служить главной вещи>. В первом случае речь идет о хозяйственном назначении вещи, а во втором - о ее целевом назначении.

Целевое, а в ряде случаев также и хозяйственное назначение того или иного имущества очень часто используется законодателем для определения целевого назначения самого субъективного права на это имущество.

Так, например, ст. 94 ГК, определяя право оперативного управления социалистических государственных предприятий и организаций, указывает, что оно должно осуществляться ими, в частности, также и в соответствии <с назначением имущества>; ст. 97 ГК предписывает государственным организациям осуществлять право распоряжения оборотными средствами и продукцией также <в соответствии с целевым назначением этих средств>.

Целевое назначение государственных имуществ строго регламентировано также и Положением о социалистическом государственном производственном предприятии^[177]. Так, п. 13 Положения регламентирует целевое назначение амортизационного фонда, указывая, например, что амортизационные отчисления, предназначенные на капитальный ремонт, <составляют целевой фонд предприятия> и расходуются лишь по строго определенному назначению. Строго по целевому назначению используются социалистическими организациями средства из других специальных фондов, в частности из фонда развития производства, фонда материального поощрения и фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства^[178]. Критерий целевого назначения субъективного права используется также и в ряде специальных нормативных актов^[179].

В ряде случаев косвенным критерием назначения права может служить также и хозяйственное назначение имущества. Так, ст. 25 Основ, определяя, что в личной собственности граждан может находиться лишь имущество, <предназначенное для удовлетворения их материальных и культурных потребностей>, тем самым косвенно дает основание судить и о потребительском назначении самого права личной собственности. Или, например, когда ст. 273 ГК устанавливает, что городские ломбарды выдают гражданам ссуды, обеспечиваемые залогом <предметов домашнего потребления и личного пользования>, то этим в известной мере определяется и назначение самих кредитных прав ломбардов, имеющих своим назначением удовлетворение временных нужд в денежных средствах, возникших у граждан.

Однако назначение того или иного субъективного права может быть определено не только в законе, но также и правомерными волевыми актами, например административными или административно-плановыми актами, односторонними сделками, договорами.

Так, например, право оперативного управления, и в частности право распоряжения предприятиями оборотными средствами и продукцией в соответствии с законом (ст.ст. 94, 97 ГК), должно осуществляться не только в соответствии с назначением имущества, но также и в соответствии с утвержденными плановыми заданиями. При выдаче доверенности доверитель в одностороннем порядке может определить назначение тех прав, которые предоставляются поверенному для совершения определенных действий в интересах доверителя. Наконец, при заключении договора найма наймодатель вправе оговорить назначение права пользования сдаваемым внаем имуществом. При этом закон возлагает на нанимателя обязанность осуществлять пользование имуществом в соответствии <с договором и назначением имущества>, а при нарушении этой обязанности предоставляет право наймодателю на расторжение договора (ст. ст. 283, 289 ГК).

Все названные критерии в той или иной мере и при определенных условиях могут быть использованы для выявления конкретного назначения того или иного субъективного права.

В литературе спорным является вопрос о том, в какой мере могут быть использованы для определения назначения права такие указанные в ч. 2 ст. 5 Основ критерии, как правила социалистического общежития и нормы коммунистической морали.

Впервые мысль о том, что правила ч. 2 ст. 5 Основ гражданского законодательства могут быть использованы в качестве критерия оценки поведения лица, использующего свое право, была высказана проф. В. А. Ря-сенцевым, который пришел к выводу, что в тех случаях, <когда формально закон не нарушен, но действия не согласуются с моральными

принципами социалистического общества, с общественными интересами, и должно быть признано, что право осуществляется в противоречии со своим назначением>[\[180\]](#).

Затем было замечено, что правила ч. 2 ст. 5 Основ не являются простой <привязкой> к ч. 1 ст. 5, а являются общими правилами, которые необходимо учитывать при применении всех без исключения норм советского гражданского права, а, следовательно, также и при применении ч. 1 ст. 5 Основ. При этом отмечалось, что поскольку правила социалистического общежития и нормы коммунистической морали упомянуты в ч. 2 ст. 5 Основ наряду с законом, то имеются в виду те из них, которые не закреплены в юридических нормах, ибо при наличии такого закрепления эти правила приобретают значение требований самого закона[\[181\]](#).

Иная точка зрения была высказана проф. С. И. Братусем, по мнению которого ч. 2 ст. 5 Основ имеет самостоятельное значение, а правило ч. 1 ст. 5 Основ само по себе <содержит необходимый и достаточный критерий (назначение права) для оценки того, как используется принадлежащее лицу гражданское право - правомерно или неправомерно, заслуживает ли оно защиты или нет. Ни к каким дополнительным критериям прибегать для этого не надо>[\[182\]](#).

Исходя из того, что использование правил социалистического общежития и норм коммунистической морали в качестве критерия осуществления права в противоречии с его назначением может привести к отождествлению моральных норм и принципов с правовыми нормами, С. Н. Братусь пришел к выводу, что <уважение правил социалистического общежития и моральных принципов становится юридически значимым только тогда, когда оно конкретизировано указанием на обязанность его соблюдения в отдельных нормах и институтах гражданского права>[\[183\]](#).

Наконец, в самое последнее время Ю. Г. Басиным было высказано мнение о том, что такое понимание правила ч. 2 ст. 5 Основ является чрезмерно узким. По его мнению, практика применяет названные положения закона и в тех случаях, когда при осуществлении прав нарушаются принципы коммунистической морали[\[184\]](#).

Все приведенные соображения заслуживают самого серьезного внимания и обсуждения.

Основной вопрос, который в связи с этим возникает, состоит в том, нужны ли вообще какие-либо дополнительные критерии для применения ч. 1 ст. 5 Основ, кроме тех, которые прямо в ней указаны? По мнению проф. С. Н. Братуся, ни к каким дополнительным критериям в этом случае прибегать не надо. Такое категорическое утверждение не представляется достаточно обоснованным.

Бесспорно, прав С. Н. Братусь в том, что для решения вопроса о противоправности или непротивоправности осуществления права в противоречии с его назначением дополнительных критериев не нужно. Всякое действие, которое является осуществлением права в противоречии с его назначением, с точки зрения ч. 1 ст. 5 Основ является противоправным. Однако только этим проблема применения ч. 1 ст. 5 Основ не исчерпывается. Для ее применения необходимо еще установить, каково в действительности назначение данного субъективного права в социалистическом обществе и что в данном конкретном случае это право было осуществлено в противоречии с его назначением. Поэтому наряду с проблемой выявления критериев правомерности или противоправности того или иного поведения, которые четко даны самой ч. 1 ст. 5 Основ, необходимо еще установить, подпадает ли данное действие управомоченного лица под состав правонарушения, предусмотренный этой нормой права.

Иначе говоря, для применения ч. 1 ст. 5 Основ необходимы также критерии, при посредстве которых можно было бы выявить как само назначение права, так и случаи его осуществления в противоречии с назначением. В этом и состоит главная трудность в применении ч. 1 ст. 5 Основ.

Отвергать в данном случае необходимость выработки определенных критериев - значит пустить дело на самотек, предоставить суду действительно неограниченные рамки судейского усмотрения в решении этого вопроса, что, естественно, может привести к субъективизму, к возможности нарушения принципа социалистической законности.

Понятие назначения права, осуществления права в противоречии с его назначением - не единственные указания закона, которые нуждаются в дополнительных критериях их оценки. Так же обстоит дело, например, со ст. 111 ГК, которая предусматривает возможность изъятия у личного собственника имущества, систематически используемого для извлечения нетрудового дохода. Вопрос о противоправности или правомерности легко может быть решен на основании ст. 111 ГК, но лишь при том условии, если будет ясно, что именно понимается под нетрудовым доходом, под систематичностью его извлечения. А для этого также нужны необходимые критерии. Так же обстоит дело, например, с понятием грубой неосторожности, объективной невозможности исполнения обязательства, непреодолимой силы и др. В одних случаях, как это имеет место в настоящее время с понятием непреодолимой силы, эти критерии даны самим законом (ст. 85 ГК), в других же случаях выявление тех или иных критериев - процесс гораздо более сложный, требующий привлечения иных факторов, в том числе и правил социалистического общежития и норм коммунистической морали.

Ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что правовые нормы и правила социалистического общежития и принципы коммунистической морали - это различные по своему характеру социальные правила. Эти различия нашли свое четкое выражение и в ч. 2 ст. 5 Основ, которая требует <соблюдения> закона и <уважения> правил социалистического общежития и моральных принципов общества, строящего коммунизм. Но нельзя не заметить, что ч. 2 ст. 5 Основ устанавливает обязанность <уважать> эти правила социалистического общежития и моральные принципы нашего общества.

Едва ли правильно считать, что установление этой обязанности в законе имеет исключительно воспитательное значение. В этом, по-видимому, есть и какой-то правовой смысл. Неуважительное отношение к моральным нормам и принципам есть нарушение установленной законом обязанности.

Но несмотря на это, неуважительное отношение к моральным правилам, хотя и является с точки зрения ч. 2 ст. 5 Основ нарушением общей правовой обязанности, не тождественно нарушению конкретного закона, не может быть отождествлено с правонарушением. Поэтому нарушение моральных правил и принципов может рассматриваться как гражданское правонарушение лишь в случаях, когда это прямо предусмотрено конкретными нормами гражданского права. Во всех же остальных случаях, а именно эти случаи и имеет в виду ч. 2 ст. 5 Основ, неуважительное отношение к моральным правилам и принципам наряду с другими фактическими обстоятельствами данного случая может служить не критерием противоправности поведения, а лишь подтверждением того, что данное право или обязанность осуществляются в противоречии с их назначением. Поэтому, например, осуществление гражданином своего права не в целях удовлетворения своих материальных или культурных потребностей, а с исключительной целью досадить другому лицу может быть рассматриваемо как осуществление права в противоречии с его назначением^[185].

Поэтому наряду с прямыми и косвенными указаниями закона, административного или административно-планового акта или договора правила социалистического общежития и нормы коммунистической морали в ряде случаев дают основание судить о назначении того или иного субъективного права в социалистическом обществе, дают возможность более четко и более правильно уяснить, в каких именно случаях то или иное право осуществляется в противоречии с его назначением.

Но если объективная сторона состава гражданского правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 5 Основ, выражена в законе достаточно четко, то, наоборот, о субъективной стороне этого состава закон не говорит вообще. Значит ли это, что применение ч. 1 ст. 5 Основ не требует обсуждения вопроса о вине управомоченного лица, осуществляющего свое право недозволённым образом?

Как уже отмечалось, такой вывод, по-видимому, нельзя признать правильным. Осуществление гражданских прав в противоречии с их назначением в нашем обществе есть один из видов злоупотребления правом, а всякое злоупотребление правом предполагает наличие сознания лица, что оно допускает недозволённое осуществление права. Поэтому следует признать, что состав правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 5 Основ, налицо, когда управомоченный субъект допускает виновное осуществление права в противоречии с его назначением.

Необходимость выявления степени вины управомоченного лица в недозволённом осуществлении права обусловлена также и характером той санкции, которая предусмотрена ч. 1 ст. 5 Основ. Согласно этой норме осуществление права в противоречии с его назначением влечет за собой отказ в защите права. В литературе высказано мнение, что предусмотренный ч. 1 ст. 5 Основ отказ в защите права не является санкцией за названное противоправное действие управомоченного лица^[186].

С таким решением трудно согласиться. Не вдаваясь подробно в проблему гражданско-правовых санкций, так как это выходит за рамки настоящей работы, нельзя не отметить, что в юридическом смысле под санкцией понимается определенная мера государственно-принудительного воздействия на правонарушителя.

Отказ в защите прав, предусмотренный ч. 1 ст. 5 Основ, отвечает признакам гражданско-правовых санкций с той, однако, особенностью, что санкция эта имеет относительно-определённый характер. Это означает, что в рамках общей возможности отказа в защите права орган, рассматривающий спор, вправе выбрать ту конкретную форму отказа в защите права, которая в необходимой мере соответствует характеру данного конкретного случая. Такими конкретными формами отказа в защите права могут быть: отказ в принудительном осуществлении права; отказ в конкретном способе защиты права; лишение правомочий на результат, достигнутый путем недозволённого осуществления права; лишение субъективного права в целом и др.^[187]

Избрание той или иной конкретной меры в рамках общей относительно-определённой санкции может быть обусловлено различными обстоятельствами, в частности, использованием управомоченным лицом в противоречии с назначением не всего права в целом, а лишь одного из его правомочий, характером противоправности поведения управомоченного лица, степенью его вины, материальным положением сторон и т. п. При таком положении создается возможность применения к правонарушителю такой конкретной меры, которая в максимальной степени соответствует содеянному и характеру сложившихся отношений.

Таково в основных чертах содержание правила об отказе в защите права при осуществлении последнего в противоречии с его назначением в социалистическом обществе. Каково же практическое значение этого правила в социалистическом обществе в период строительства коммунизма?

В литературе никем не оспаривается, что правило ч. 1 ст. 5 Основ является одним из важнейших принципов советского гражданского права[188].

Какова же сфера практического применения названного принципа? Она вытекает прежде всего из самого его содержания. Поскольку содержание его сводится к требованию закона осуществлять субъективные права в соответствии с их назначением, постольку названный принцип есть прежде всего принцип осуществления гражданских прав. Это общее требование закона, обращенное ко всем носителям субъективных гражданских прав и к тем лицам, которые от их имени и в их интересах реализуют субъективное право использовать гражданские права по их целевому назначению в социалистическом обществе. По своей юридической силе этот правовой принцип представляет собой законодательное установление общей обязанности для каждого управомоченного лица или лиц, осуществляющих его право, осуществлять право надлежащим образом в соответствии с его назначением. Принцип этот является одним из оценочных критериев правомерного или противоправного поведения лиц при осуществлении ими своих субъективных прав.

Однако этот принцип распространяется не только на осуществление субъективных гражданских прав. По общему признанию он распространяется также и на осуществление гражданской правоспособности[189]. Более того, в литературе было высказано предложение включить в Конституцию СССР статью, аналогичную ст. 5 Основ гражданского законодательства, т. е. по существу распространить принцип осуществления гражданских прав в соответствии с их назначением и на все иные права граждан и организаций[190].

Предложение это заслуживает серьезного внимания. Однако едва ли правильно воспроизводить в Конституции СССР сам текст ст. 5 Основ гражданского законодательства. Следует иметь в виду, что само по себе осуществление права в противоречии с его назначением есть лишь один из случаев (хотя, может быть, и самый важный) злоупотребления правом. Поэтому представляется целесообразным закрепить в Конституции СССР лишь общий принцип недопустимости злоупотребления правами. Конкретные же составы злоупотребления правами должны быть предусмотрены специальным отраслевым законодательством с учетом специфики такого рода правонарушений, характерной именно для данной отрасли права. При этом особое внимание следует обратить на необходимость четкой регламентации конкретных составов злоупотребления правом, имея в виду строгое проведение в жизнь принципа социалистической законности[191].

Вместе с тем принцип осуществления гражданских прав в соответствии с их назначением следует рассматривать также как принцип правоприменительный, связанный с реализацией норм права. Опираясь на него, юрисдикционные органы, призванные рассматривать тот или иной спор, имеют возможность использовать его в качестве оценочного критерия для толкования и применения норм советского гражданского права.

Но и этим, на наш взгляд, практическое значение принципа осуществления гражданских прав в соответствии с их назначением не исчерпывается. Он может быть и должен быть использован также и при выработке новых законодательных решений. Два момента при

этом имеют особенно важное значение: во-первых, опираясь на этот принцип, законодатель в необходимых случаях имеет возможность создания специальных составов, как это имело место, например, при создании ст. 111 ГК РСФСР (и соответствующих статей ГК других союзных республик), предусматривающих лишь частный случай - осуществление права личной собственности в противоречии с его назначением в социалистическом обществе; и во-вторых, возводя требование осуществления гражданских прав в соответствии с их назначением в социалистическом обществе в правовой принцип, законодатель тем самым налагает и на себя известную обязанность так регламентировать процесс осуществления тех или иных гражданских прав, чтобы он не противоречил принципу осуществления прав в соответствии с их назначением.

Это последнее требование вытекает из необходимости создания такой системы правовых норм, которая не была бы внутренне противоречивой, что является одной из основных закономерностей всякой кодификации.

В связи с этим перед советской юридической наукой встает задача исследования институтов гражданского законодательства с точки зрения соответствия правового регулирования осуществления тех или иных предоставляемых субъектам гражданских прав назначению этих прав в социалистическом обществе в период строительства коммунизма. Понятно, что такая задача не может быть выполнена в рамках настоящей работы в полном объеме. Поэтому представляется целесообразным обратить внимание лишь на вопрос о границах свободы завещания вкладов, где, на наш взгляд, действующее правовое регулирование порядка завещания вкладов находится в известном противоречии с самим назначением наследственного права в социалистическом обществе.

Закономерностью развития советского наследственного права является постепенное, но неуклонное расширение свободы завещания. Наибольшее свое развитие свобода завещания получила в Основах гражданского законодательства, ст. 119 которых предусматривает для каждого гражданина возможность оставить по завещанию все свое имущество или часть его одному или нескольким лицам, как входящим, так и не входящим в круг наследников по закону, а также государству или отдельным государственным, кооперативным или общественным организациям. При этом Основы сохранили лишь одно ограничение свободы завещания. Часть 2 ст. 119 предусматривает, что несовершеннолетние и нетрудоспособные дети наследодателя (в том числе и усыновленные), а также нетрудоспособные супруг, родители (усыновители) и иждивенцы умершего наследуют, независимо от содержания завещания, не менее двух третей доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону.

В исключение из этого общего правила ст. 561 ГК РСФСР и соответствующие статьи ГК других союзных республик устанавливают правило о том, что вклады граждан, относительно которых кредитному учреждению дано распоряжение вкладчика на случай смерти, не входят в наследственное имущество, и правила о наследовании, предусмотренные Основами и гражданскими кодексами, на них не распространяются. Практически это означает, что наследодатель посредством распоряжения вкладом может лишить своих нетрудоспособных наследников обязательной доли. Не говоря уже о том, что такое законодательное решение представляется весьма спорным с теоретических позиций, с точки зрения распределения законодательной компетенции между Союзом ССР и союзными республиками, с точки зрения всей системы советского гражданского и семейного законодательства, с позиций моральных принципов социалистического общества^[192], нельзя не обратить внимание на то, что решение это находится в противоречии с самим назначением наследственного права в социалистическом обществе.

В капиталистическом обществе, основу которого составляет частная капиталистическая собственность на средства производства и где объектом наследования являются прежде всего именно средства производства, назначение наследственного права состоит в закреплении экономической власти буржуазии. Как отмечал К. Маркс, <право наследования имеет социальное значение лишь постольку, поскольку оно оставляет за наследником то право, которым покойный обладал при жизни, а именно право при помощи своей собственности присваивать продукты чужого труда> [193].

В социалистическом обществе, основанном на общественной социалистической собственности на средства производства, где объектом наследования являются только предметы потребления, назначение наследственного права совсем иное. Назначение права наследования в социалистическом обществе определяется тремя моментами: во-первых, производным характером права наследования от права личной собственности граждан, вследствие чего право это приобретает исключительно потребительское назначение; во-вторых, вспомогательным характером наследства в удовлетворении потребностей граждан, что делает право наследования дополнительным (по отношению к распределению по труду и пользованию общественными фондами потребления) средством материального обеспечения наследников; в-третьих, неразрывной связью наследования с семейными отношениями, в силу чего назначение права наследования состоит прежде всего в материальном обеспечении потребительских нужд членов семьи наследодателя и прежде всего его несовершеннолетних детей и других нетрудоспособных наследников, которые в силу несовершеннолетия или нетрудоспособности не в состоянии в полной мере воспользоваться предоставленным и гарантированным каждому гражданину правом на труд. Эту свою функцию право наследования сохранит по крайней мере до тех пор, пока общество не сможет полностью принять на себя эту обеспечительную функцию.

Нетрудно заметить, что установление действующим республиканским законодательством такой свободы завещания, при которой именно эти нетрудоспособные и несовершеннолетние наследники могут оказаться обойденными, противоречит самой сути института советского наследственного права, назначению права наследования в социалистическом обществе.

В литературе спорным является вопрос о том, может ли правило ч. 1 ст. 5 Основ гражданского законодательства использоваться не только как общий принцип, но также и как конкретная норма права? Большинство исследователей ст. 5 Основ такой возможности не исключают [194]. В отличие от этого В. Ф. Маслов полагает, что <ст. 5 Основ должна рассматриваться в качестве общего оценочного критерия для толкования и применения гражданско-правовых норм, т. е. как статья, где выражен только универсальный принцип, а не конкретная правовая норма> [195].

В обоснование своей позиции В. Ф. Маслов приводит три основных соображения: во-первых, по его мнению, все случаи, когда возникала необходимость применения ст. 1 ГК 1922 г., теперь прямо предусмотрены законом; во-вторых, использование ст. 5 в качестве конкретной нормы права не способствует укреплению принципа социалистической законности и сторонники первой точки зрения <не приводят хотя бы теоретически мыслимого конкретного обстоятельства, когда потребовалось бы применение ст. 5 Основ>; в-третьих, лишение собственника его права на имущество может иметь место не путем простой ссылки на ст. 5 Основ, а на основании нормативного акта, <прямо содержащего такую санкцию за вполне определенный вид злоупотребления правом>, что вытекает из ст. 31 Основ [196].

Доводы эти не представляются убедительными. Едва ли можно утверждать, что все случаи, в которых требуется применение ст. 5 Основ, теперь прямо предусмотрены законом. Этот вывод до некоторой степени справедлив лишь применительно к отношениям личной собственности, где случаи злоупотребления правом достаточно полно урегулированы законом, хотя и здесь возможны иные виды злоупотребления правом. Главное, однако, состоит в том, что те конкретные случаи, которые предусмотрены действующим законом, относятся только к отношениям личной собственности. Они не охватывают осуществления иных субъективных гражданских прав, где надобность в применении ч. 1 ст. 5 Основ может возникнуть.

Едва ли можно согласиться и с тем, что применение ч. 1 ст. 5 может повлечь за собой нарушение принципа социалистической законности. Состав правонарушения обозначен в ст. 5 Основ достаточно четко, и возможностей нарушения законности при ее применении несколько не больше, чем при применении любой иной нормы гражданского права. Действующее гражданское и гражданское процессуальное законодательство предусматривает достаточное количество гарантий правильного решения гражданских дел. Вместе с тем практика применения ст. 1 ГК 1922 г. показала, что суды достаточно осторожно и осмотрительно пользовались этой нормой именно как конкретной нормой гражданского права. Действующая судебная практика подходит к ее применению с еще большей осторожностью. Поэтому никакой реальной угрозы принципу социалистической законности просто не существует.

Недоразумением, по-видимому, следует признать утверждение о том, что в литературе не приведено случаев, когда бы норма ч. 1 ст. 5 могла бы быть применена. Известно, что при применении ст. 1 ГК 1922 г. наука и практика также не сразу пришли к правильному ее пониманию, но в конечном счете все же такие случаи были выявлены и теперь закреплены в законе в виде специальных норм, запрещающих отдельные виды злоупотребления правом. Имеющиеся по этому вопросу в литературе споры свидетельствуют о том, что наука активно исследует эти случаи. И уже сейчас можно сказать, что ряд случаев, приведенных в литературе, не вызывают особых сомнений в отношении возможности применения к ним ч. 1 ст. 5 Основ.

Наконец, едва ли убеждает ссылка В. Ф. Маслова на ст. 31 Основ. Эта норма действительно требует прямых указаний закона относительно применения такой меры, как конфискация имущества. Но, во-первых, ч. 1 ст. 5 Основ и есть один из тех случаев, когда закон прямо допускает применение такой меры; а во-вторых, изъятие имущества вовсе не является единственной мерой, которая может быть применена к лицу, злоупотребляющему своим правом. Если даже допустить, что изъятие имущества как санкция может быть применена лишь при наличии специального, кроме ст. 5, указания закона, то в отношении иных мер, используемых при отказе в защите гражданских прав, закон никаких ограничений не устанавливает.

Недостаточная убедительность приведенных В. Ф. Масловым возражений дает основание полагать, что более правильным является мнение, допускающее использование ч. 1 ст. 5 Основ не только как общего принципа гражданского права, но и как конкретной нормы, применимой к отдельным случаям злоупотребления правом.

При каких же условиях возможно применение ч. 1 ст. 5 Основ для разрешения конкретных случаев злоупотребления правом? Таких условий несколько.

Очевидно, прежде всего, что названное правило может быть использовано как конкретная норма права лишь при том условии, что данный конкретный случай злоупотребления

правом полностью подпадает под состав правонарушения, предусмотренный ч. 1 ст. 5 Основ, т. е. когда мы имеем дело с осуществлением права в противоречии с его назначением.

Но так как ч. 1 ст. 5 Основ, будучи конкретной нормой, выражает также и общий принцип гражданского права, который нашел свое выражение в специальных нормах гражданского права, например ст. 111 ГК РСФСР, то понятно, что к случаям, предусмотренным этой специальной нормой, нет надобности применять правило, являющееся по отношению к ней правилом общего характера. Иначе говоря, вторым условием, при котором возможно применение ч. 1 ст. 5 Основ, является отсутствие какой-либо специальной нормы права, предусматривающей конкретный вид правонарушения, связанного с осуществлением определенного субъективного права в противоречии с его назначением.

Сюда относятся, в частности, все случаи, которые подпадают под понятие так называемой шиканы, т. е. случаи осуществления права с единственной целью нанести ущерб правам или интересам других лиц. Так, если собственник при переезде в другую местность вырубает садовые деревья без какой-либо пользы для себя, но с единственной целью досадить соседям, жильцам или причинить ущерб новому собственнику, то такие действия следует рассматривать как осуществление права в противоречии с его назначением. Пресечение такого рода действий возможно, очевидно, только на основании ч. 1 ст. 5 Основ, так как специальных правил на этот счет закон не содержит [\[197\]](#).

В ряде случаев возможно применение этого правила также и при разрешении случаев, связанных с пользованием жилым помещением. Интересный случай привел в своей статье М. И. Цукерман [\[198\]](#). Супруги Настенко проживали в государственной квартире, предоставленной им местным Советом. Одновременно с этим они построили дом, который пожелали продать. Исполком местного Совета воспрепятствовал продаже дома, потребовав от них выезда из квартиры и переезда в собственный дом в соответствии со ст. 333 ГК. Однако супруги имитировали распад семьи. Муж по договору уехал работать в Магадан, оформив бронь на квартиру, а жена, получив от местного Совета разрешение на продажу дома при условии освобождения квартиры, с разрешения мужа продала дом. После этого муж вернулся на прежнее место жительства и потребовал возвращения забронированной квартиры. Однако ему было отказано в защите его права на основании ст. 5 Основ, так как злоупотребление правом в данном случае сомнения не вызывало.

Возможно применение ч. 1 ст. 5 Основ и в случае осуществления наследственных прав. Так, согласно ст. 550 ГК РСФСР наследник вправе отказаться от наследства в пользу других наследников из числа наследников по закону или по завещанию. При этом возможен случай, когда наследник отказывается от наследства в пользу того из наследников по закону, который был лишен наследодателем права наследования по завещанию.

Здесь возникает коллизия между волей наследодателя, выраженной в завещании, и волей отказавшегося от наследства наследника. Это вместе с тем есть также и коллизия между субъективными правами, которые каждому из них предоставлены законом. В самой ст. 550 ГК нет достаточно четких указаний насчет того, как следовало бы поступить в данном случае. Едва ли, например, можно сделать вывод из ст. 550 ГК о том, что наследник по закону вправе отказываться от наследства только в пользу наследников по закону, а наследник по завещанию - только в пользу наследников, указанных в завещании. Редакция ст. 550 ГК для этого оснований не дает.

Между тем очевидно, что в данном случае право наследника отказаться от наследства в пользу другого лица вовсе не имеет целью умаление воли наследодателя. Поэтому следует признать, что право наследника на отказ от наследства в пользу другого лица, лишенного наследодателем права наследования, является осуществлением права в противоречии с его назначением в социалистическом обществе. Юридическим основанием такого решения может быть лишь ч. 1 ст. 5 Основ гражданского законодательства.

Наконец, ч. 1 ст. 5 Основ гражданского законодательства распространяется не только на случаи злоупотребления правом со стороны граждан, но также и на случаи злоупотребления правом социалистическими организациями. Это вытекает из ч. 2 ст. 5 Основ, которая обязывает соблюдать закон при осуществлении прав как граждан, так и организации. Часть 1 ст. 5 Основ и есть один из тех законов, которые должны соблюдать также и организации.

Вместе с тем судебная практика по применению ст. 1 ГК 1922 г., несмотря на отсутствие прямых указаний в этой статье на организации, распространяла и на них действие названной нормы. Так, определением ГКК Верховного суда УССР 1923 г. на основании ст. 1 ГК сахарному заводу было отказано в иске о выселении учителей, проживавших в заводском доме, на том основании, что завод домогается выселения учителей в момент сокращения производства, тогда как даже в период наибольшего расширения производства завод острой нужды в жилье не испытывал. ГКК признала, что в данном случае завод пытается осуществить свое право в противоречии с социально-хозяйственным назначением^[199]. В другом случае Ленинградской арбитражной комиссией с государственной организации были взысканы в пользу другой организации суммы, излишне уплаченные последней за товар, вследствие того, что продавец, выступая в качестве торгового посредника, использовал рыночную конъюнктуру и продал товар по спекулятивной цене^[200]. На основании ст. 1 ГК был удовлетворен иск исполкома Кировского районного Совета г. Ташкента об изъятии строения у финансово-экономического института как бесхозяйственно содержимого^[201]. И хотя данное решение было отменено по мотивам неподведомственности дела судебным органам, вопрос о возможности применения ст. 1 ГК к организациям не вызывал никаких сомнений.

В настоящее время деятельность социалистических организаций достаточно полно регламентирована законом. Однако и сейчас возможны случаи применения ч. 1 ст. 5 Основ к организациям, но арбитражная и судебная практика по существу даже и не пытается применить ее, хотя случаи злоупотребления правами имеют место.

Случаи возможного применения ч. 1 ст. 5 Основ как конкретной нормы иногда встречаются и в практике арбитража. Так, например, Московская оптовая база Роскультаорга предъявила в арбитраже иск к организации-изготовителю о недопоставке в ноябре - декабре 1965 г. микроприемников <Маяк>. При рассмотрении спора было установлено, что указанные в разнарядках базы покупатели отказались от получения приемников по мотиву, что они не пользуются спросом населения, и известили об этом как изготовителя, так и базу. Однако база не произвела перераспределение продукции. Поэтому арбитраж в иске базе отказал.

В своей жалобе главному арбитразу база указала, что, во-первых, поставщик не имел права принимать односторонние отказы покупателей, с которыми он в договорных отношениях не состоит, а во-вторых, поскольку база не распорядилась отгрузкой продукции, поставщик был вправе отгрузить продукцию непосредственно в адрес базы. В действительности же главный мотив, по которому база настаивала на отгрузке товара,

состоял в том, что ей было необходимо выполнить план товарооборота, и она имела намерение навязать эту продукцию покупателям. Поэтому главный арбитр оставил решение в силе.

При этом арбитр не сослался на ст. 5 Основ, хотя, по-видимому, в данном случае для этого были все основания. Ведь предоставленные базе права имеют своим назначением обеспечение потребностей граждан в товарах, на которые есть спрос. В данном же случае база пытается использовать свое право исключительно в своих интересах, не заботясь ни об интересах народного хозяйства в целом, ни об интересах покупателей этих товаров. Права используются в данном случае в противоречии с их назначением в социалистическом обществе. Поэтому, на наш взгляд, применение ч. 1 ст. 5 Основ в данном случае было вполне возможным.

Интересным в этом отношении представляется следующее дело.

Воскресенский цементный завод <Гигант> предъявил в арбитраже два иска к Московско-Рязанской железной дороге о взыскании штрафа за недопоставку цемента в феврале и июне 1968 г. [202] на общую сумму 28 787 руб. 40 коп. В обоснование своего требования завод сослался на то, что в соответствии с Особыми условиями поставки и заключенными с покупателями договорами он был обязан поставить им цемент в затаренном виде (в бумажных мешках), для отгрузки которых требовались крытые вагоны. Однако дорога в феврале и в июне крытых вагонов заводу не предоставила, в связи с чем имела место недопоставка продукции, и с него взысканы санкции за недопоставку в пользу торгующих организаций.

Возражая против иска, дорога указала, что в количественном отношении план поставок и перевозок цемента заводом перевыполнен, что такое перевыполнение плана перевозок цемента железной дорогой осуществлено путем замены предусмотренных крытых вагонов цементовозами и такая замена в соответствии со ст. 35 УЖД и § 25 Правил перевозок является правом железной дороги и от согласия грузоотправителя не зависит. Дорога сослалась также на ст. 144 УЖД, согласно которой ответственность дороги за невыполнение плана перевозок грузов, перевозка которых планируется в тоннах, наступает лишь в случае невыполнения плана перевозок по количеству перевезенного груза [203].

В этих возражениях дороги в общем все верно. Если добавить к этому и тот факт, что Приложение N 1 к Основным положениям о годовом и квартальном планировании не выделяет особо перевозки цемента в затаренном виде, то решение арбитража, который отказал заводу в иске, представляется с формально-юридической точки зрения достаточно обоснованным.

Однако по существу такое решение представляется весьма сомнительным. Дело в том, что железная дорога произвела замену подвижного состава в целях перевыполнения плана, которое несомненно сулит дороге некоторые материальные выгоды. При этом, однако, это было сделано за счет грузоотправителя, который вследствие этого был вынужден понести известные убытки. Возникает вопрос: соответствует ли такое осуществление права дорогой его назначению в социалистическом обществе? Очевидно нет. Собственные интересы дороги здесь были поставлены выше интересов грузоотправителя и интересов всего общества, которое требует обеспечения покупателей цементом через торговые организации. В данном случае дорога использовала свои права в противоречии с их назначением, а, следовательно, также и в противоречии с требованиями ч. 1 ст. 5 Основ гражданского законодательства.

Неправомерность такого поведения дороги обусловлена также и тем, что дорога не выполнила требования закона о том, что каждая из сторон обязана выполнять свои обязательства наиболее экономичным для народного хозяйства образом и содействовать другой стороне в выполнении ею своих обязанностей (ст. 168 ГК РСФСР)[\[204\]](#).

Неправомерность поведения дороги по существу признана и главным арбитром, который, согласившись с решением об отказе заводу в иске, направил Госплану СССР и другим компетентным органам предложение о необходимости учесть при планировании потребность в перевозке цемента в затаренном виде, отметив, что Особыми условиями поставки цемента по рыночному назначению предусмотрена его отгрузка именно в затаренном виде.

При этом обнаруживается и другая нелогичность в решениях арбитража. Известно, что в соответствии с Положениями о поставках ответственность поставщика наступает лишь в пределах утвержденного плана перевозок. И если по плану перевозок в феврале и июне не была предусмотрена поставка цемента в затаренном виде, а, следовательно, только в крытых вагонах, то у арбитража не было оснований для взыскания с завода санкций за недопоставку цемента по рыночному фонду. Если же такой вид отгрузки был установлен планом перевозок, то не было оснований для отказа во взыскании штрафа с железной дороги. Поэтому ссылка арбитража на отсутствие в приложении к Основным положениям о годовом и квартальном планировании указаний на перевозку цемента в затаренном виде представляется малоубедительной.

Но если в данном случае применение ч. 1 ст. 5 Основ по существу представляется правильным, но с точки зрения формально-юридической все же до некоторой степени выглядит проблематичным, то в ряде других случаев, несмотря на наличие специальных норм, применение ч. 1 ст. 5 Основ оказывается не только возможным, но и необходимым.

Это имеет место в тех случаях, когда та или иная норма права регламентирует определенный вид злоупотребления правом либо устанавливает определенное запретительное правило, но не определяет санкции за такое нарушение. В тех случаях, когда противоправные действия лица подпадают под признаки ч. 1 ст. 5 Основ, последняя может быть использована для решения дела наряду со специальной нормой. В этом случае на основе ч. 1 ст. 5 Основ должна определяться та санкция, которая может быть в данном случае применена к правонарушителю. В связи с этим едва ли можно согласиться с проф. С. Н. Братусем, по мнению которого ч. 1 ст. 5 Основ применима лишь в случаях, когда в отдельных нормах или гражданско-правовых институтах <не определено назначение предусмотренных этими нормами и институтами конкретных субъективных прав>[\[205\]](#). <...Когда социальное назначение отдельного права и возможный круг действий, составляющих его содержание, не определены в относящейся к этому праву норме, а могут быть установлены лишь исходя из общих принципов и смысла гражданского законодательства>[\[206\]](#).

Дело в том, что определение назначения того или иного субъективного права в законе не всегда сопровождается также установлением на случай его нарушения определенной санкции. Так, ст. 25 Основ, установив, что имущество, являющееся личной собственностью, не может быть использовано для извлечения нетрудового дохода, никакой санкции за это правонарушение не установила. В период с момента вступления в действие Основ гражданского законодательства и до принятия гражданских кодексов специальной нормы на этот счет не было. Между тем суды рассматривали дела такого рода и, применяя ст. 25 Основ, ссылались обычно либо на ст. 5 Основ, либо на ст. 1 ГК 1922 г. В тех условиях такое решение вопроса было, по-видимому, единственно

правильным, так как оно давало возможность применения не произвольной, а предусмотренной законом санкции.

Примером такого решения дела может быть следующий случай. Качалов, построив на отведенном ему местным Советом участке жилой дом, через некоторое время обратился к администрации и ФЗМК с просьбой предоставить ему квартиру, заявив, что проживает на частной квартире. Получив трехкомнатную квартиру, Качалов <подарил> свой дом отчиму, который, прожив в нем около года, женился и переехал на жительство к своей жене. Дом же систематически сдавался внаем квартирантам по цене 20 - 25 руб. за комнату, что приносило значительный нетрудовой доход.

Дело это могло быть решено различными способами. В частности, решением исполкома Ставропольского горсовета от 23 января 1962 г. дирекции предприятия было предложено предъявить иск о выселении Качалова из квартиры. С другой стороны, прокуратура имела возможность требовать в суде признания сделки <дарения>, совершенной Качаловым, фиктивной и изъятия строения как используемого для извлечения нетрудового дохода. В конце концов прокуратурой города был предъявлен в суде иск об изъятии строения как используемого для извлечения нетрудового дохода, и на основании ст. 25 и ч. 1 ст. 5 Основ иск судом был удовлетворен^[207].

Таким образом, указание закона о назначении того или иного субъективного права само по себе еще не исключает применения ч. 1 ст. 5 Основ.

Аналогичное положение возникает в настоящее время в связи с применением правил о поднаеме. Действующее гражданское законодательство разрешает нанимателю сдать занимаемое помещение в поднаем с согласия наймодателя и совершеннолетних членов семьи (ст. 320 ГК). При этом закон оговаривает два условия: во-первых, не допускается сдача в поднаем помещения, если в результате окажется, что на каждого проживающего будет приходиться жилой площади менее установленной ст. 316 ГК нормы (ст. 320, ч. 2 ГК); и, во-вторых, плата за пользование помещением в этом случае не должна превышать квартирной платы, уплачиваемой за это помещение нанимателем, а при сдаче внаем также и предметов домашней обстановки - двойного размера квартплаты за все.

Как же поступить в случае, когда эти условия будут нарушены нанимателем? Интересно отметить, что в обоих случаях мы вынуждены прибегать к иным нормам гражданского права. В первом случае сделка такого рода должна быть признана недействительной как несоответствующая требованиям закона, с последствиями по ст. 48 ГК РСФСР.

Во втором же случае возможны два решения. Если имел место единичный случай сдачи в поднаем помещения по повышенной цене, то можно также признать сделку (или условие о квартирной плате) недействительной и взыскать нетрудовой доход как полученный по сделке, совершенной с целью, заведомо противной интересам государства и общества. В том же случае, если будет установлено, что сдача помещения в поднаем имеет систематический характер извлечения нетрудового дохода, возможно применение ч. 1 ст. 5 Основ.

Как отметил Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении от 25 марта 1964 г. <О судебной практике по гражданским жилищным делам>, при систематической сдаче нанимателем в поднаем отдельной изолированной комнаты в целях извлечения нетрудового дохода эта комната в соответствии со ст. 5 Основ может быть изъята у нанимателя в судебном порядке по иску наймодателя или прокурора.

Можно, таким образом, констатировать, что ч. 1 ст. 5 Основ и в настоящее время может быть использована не только как общий принцип советского гражданского права, но и как конкретная норма права. Следует вместе с тем согласиться с В. А. Рясенцевым в том, что норма эта дает очень острое оружие в руки суда или арбитража и потому пользоваться им следует осмотрительно.

РАЗДЕЛ II ПРЕДЕЛЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ УПРАВМОЧЕННЫМ ЛИЦОМ ПРАВА НА ЗАЩИТУ

1. Право на защиту как одно из правомочий субъективного гражданского права

Предоставляя многочисленные и разнообразные средства защиты носителям субъективных гражданских прав, советское гражданское законодательство вместе с тем предусматривает и определенные границы защиты права.

Необходимость установления границ защиты субъективных гражданских прав обусловлена задачами гражданско-правовой охраны нарушенных или оспариваемых прав. Реальность и гарантированность субъективных гражданских прав в социалистическом обществе нельзя понимать односторонне, только как обеспечение прав управомоченной стороны гражданского правоотношения. Осуществление всякого субъективного права, а тем более его осуществление путем применения к обязанной стороне мер государственно-принудительного характера всегда затрагивает не только интересы самого управомоченного лица, но и интересы государства и общества в целом, интересы обязанной стороны, а в ряде случаев также и интересы третьих лиц. Задача правосудия в социалистическом обществе состоит поэтому не только в защите прав заявителя требования - управомоченного лица, но и в обеспечении интересов государства и общества, интересов обязанной стороны, прав и интересов иных организаций и граждан, в той или иной мере заинтересованных в правильном исходе дела. Поэтому защита прав по самой своей природе не может быть безграничной. Осуществление права на защиту также имеет свои пределы.

При всей дискуссионности вопроса о содержании субъективного гражданского права бесспорным и общепризнанным в литературе является положение о том, что, признавая за тем или иным лицом определенные субъективные права и обязанности, гражданское законодательство предоставляет управомоченному лицу и право на их защиту. Это и понятно. Субъективное право, предоставленное лицу, но не обеспеченное от его нарушения необходимыми средствами защиты, является лишь <декларативным правом>. Хотя оно и провозглашено в законе, но, не будучи обеспечено государственными правоохранительными мерами, оно может быть рассчитано лишь на добровольное уважение его со стороны неуправомоченных членов общества и приобретает в силу этого характер лишь морально обеспеченного права, покоящегося лишь на сознательности членов общества и авторитете государственной власти.

Что же следует понимать под правом на защиту?

В цивилистической литературе точного ответа на этот вопрос не содержится. Более того, можно сказать, что в цивилистической науке вопрос о защите гражданских прав с точки зрения принадлежащего управомоченному лицу права на защиту вообще не исследовался. Не прижился в цивилистической науке и практике и сам термин <право на защиту>. В связи с этим, естественно, возникает вопрос о правомерности с точки зрения гражданского и гражданско-процессуального законодательства и с точки зрения цивилистической науки самого понятия <право на защиту>.

На наш взгляд, такая постановка вопроса не только правомерна, но и необходима и имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение для уяснения и

правильного разрешения на практике вопросов, связанных с использованием управомоченным лицом тех возможностей, которые закон предоставляет лицу для защиты того или иного субъективного права.

В литературе по теории государства и права и в науке советского гражданского права проблема защиты гражданских прав обычно рассматривается в связи с рассмотрением вопроса о содержании субъективного права. При этом в большинстве случаев отмечают, что субъективное право по своему содержанию представляет собой совокупность ряда возможностей, в частности, возможности для управомоченного лица осуществить право своими собственными действиями; возможности требовать определенного поведения от обязанного лица; и, наконец, возможности обратиться к компетентным государственным или общественным органам с требованием защиты нарушенного или оспариваемого права[208].

Из этого следует, во-первых, что возможность правоохранительного характера включается в само содержание субъективного материального требования как одно из его правомочий; и, во-вторых, что право управомоченного лица на защиту сводится по существу лишь к одной-единственной возможности - возможности обратиться с требованием о защите права к компетентным государственным или общественным органам.

Нет сомнений в том, что право на обращение к компетентным государственным или общественным органам за защитой нарушенного права неразрывно связано с субъективным материальным правом по крайней мере в двух отношениях: во-первых, оно возникает лишь с нарушением субъективного гражданского права либо с его оспариванием другими лицами[209]; во-вторых, характер самого требования о защите права определяется характером нарушенного или оспариваемого материального права, содержание и назначение которого в основном определяет и способ его защиты. Поэтому с материально-правовой точки зрения нет препятствий к тому, чтобы рассматривать право на защиту в его материально-правовом аспекте как одно из правомочий самого субъективного гражданского права.

Однако едва ли правильно сводить содержание права на защиту в материально-правовом смысле только к возможности обратиться с требованием защиты права к соответствующим государственным или общественным органам. Право на защиту в его материально-правовом значении, т. е. как одного из правомочий самого субъективного гражданского права, представляет собой возможность применения в отношении правонарушителя мер принудительного воздействия. При этом возможность применения в отношении правонарушителя мер принудительного воздействия неправильно понимать только как приведение в действие аппарата государственного принуждения[210]. Анализ действующего гражданского законодательства свидетельствует, что право на защиту по своему материально-правовому содержанию включает в себя:

- во-первых, возможность управомоченного лица использовать дозволенные законом средства собственного принудительного воздействия на правонарушителя, защищать принадлежащее ему право собственными действиями фактического порядка (самозащита гражданских прав);
- во-вторых, возможность применения непосредственно самим управомоченным лицом юридических мер оперативного воздействия на правонарушителя, которые в литературе иногда не совсем точно называют оперативными санкциями[211];

- в-третьих, возможность управомоченного лица обратиться к компетентным государственным или общественным органам с требованием понуждения обязанного лица к определенному поведению.

Разумеется при этом, что указанные возможности неразрывно связаны с характером самого защищаемого субъективного права. Поэтому они в различных сочетаниях входят в правомочие на его защиту. Так, например, самозащита гражданских прав в форме необходимой обороны не может быть средством защиты права на имя, но может быть применена при физическом посягательстве на честь женщины. Отказ от просроченного исполнения характерен для обязательных прав, но не свойствен праву собственности, и т. п. Неразрывная связь конкретного содержания права на защиту с охраняемым материальным правом является дополнительным подтверждением того, что с материально-правовой точки зрения право это следует рассматривать лишь как одно из правомочий самого материального права.

Предоставляя управомоченному лицу правоохранительные возможности, составляющие содержание права на защиту, советское гражданское законодательство вместе с тем обеспечивает их осуществление и соответствующими правоохранительными мерами. Соответственно содержанию права на защиту следует различать виды правоохранительных мер, применяемых к нарушителям гражданских прав и обязанностей:

- во-первых, меры фактического характера, применяемые управомоченным лицом при самозащите гражданских прав, в частности, меры охраны его имущества, необходимая оборона; меры, предпринимаемые в состоянии крайней необходимости;
- во-вторых, правоохранительные меры оперативного характера, являющиеся мерами юридического воздействия, но применяемые самим управомоченным лицом, например, отказ от принятия просроченного исполнения, отказ транспортной организации выдать груз грузополучателю до внесения последним причитающихся с него платежей и др.;
- в-третьих, правоохранительные меры государственно-принудительного характера, применение которых входит в компетенцию рассматривающих спор государственных и общественных органов. Сюда относятся:

а) гражданско-правовые санкции как меры гражданско-правовой ответственности;

б) такие меры государственно-принудительного характера, как признание права за тем или иным лицом, раздел общего имущества между собственниками, возвращение сторон в первоначальное состояние вследствие признания сделки недействительной и т. п., которые не могут быть отнесены ни к гражданско-правовым санкциям, так как не связаны с возложением на правонарушителя гражданско-правовой ответственности, ни к мерам оперативного воздействия, поскольку они применяются не самим управомоченным лицом, а тем органом, который рассматривает и разрешает данный гражданско-правовой спор.

Из содержания принадлежащего управомоченному лицу права на защиту и характера тех правоохранительных мер, которые обеспечивают его реальное осуществление, вытекает, что право это в силу самой своей природы может осуществляться в зависимости от конкретных обстоятельств либо непосредственными действиями самого управомоченного лица, либо через посредство компетентных государственных и общественных органов. В тех случаях, когда осуществление права на защиту происходит посредством обращения управомоченного с такого рода требованием к компетентным государственным или

общественным органам, последние рассматривают заявленное им материально-правовое требование к ответчику в определенном, установленном законом порядке, который и представляет собой процессуальную форму реализации права на защиту.

В литературе вопрос о разграничении форм защиты права нередко сводят исключительно к различию в порядке рассмотрения того или иного требования. Так, А. А. Добровольский полагает, например, что суть вопроса о разграничении исковой и неисковой форм защиты права заключается <именно в том порядке, в той форме, в которой подлежит решению спорное материальное требование>[212].

Не говоря уже о том, что сводить дело только к рассмотрению <спорных> материальных требований неправильно, так как защите подлежат требования и бесспорного характера, следует отметить, что такой подход к решению данной проблемы представляется, во-первых, односторонним, так как базируется исключительно на нормативном и притом только процессуальном материале; и, во-вторых, малоперспективным, так как не дает ответа на вопросы о том, чем определяется та или иная форма защиты права и почему законодатель использует в тех или иных случаях ту или иную форму защиты права. Такой подход к вопросу по существу аналогичен попыткам разграничить отрасли советского права исключительно по методу правового регулирования, исходя лишь из его специфических юридических особенностей, без выяснения того, какое влияние на метод правового регулирования оказывает сам характер регулируемых данной отраслью общественных отношений, и тех закономерностей и потребностей общественного развития, которые определяют использование в данных конкретных условиях того или иного правового метода.

Не претендуя на исчерпывающее решение этого вопроса, который выходит далеко за рамки настоящей работы, следует, однако, отметить, что правильное решение вопроса о разграничении форм защиты права зависит: во-первых, от выяснения характера материально-правовых требований, подлежащих рассмотрению; во-вторых, от выяснения особенностей и характера компетенции того органа, который рассматривает данное требование; и, в-третьих, от выяснения специфических особенностей самого порядка рассмотрения спора.

Так, например, бесспорность заявленного управомоченным лицом требования создает объективную возможность рассмотрения этого требования в административном порядке, а предъявление требования, связанного со спором о праве гражданском, естественно, требует более углубленного исследования и объективно требует более четких гарантий его правильного разрешения, что, как правило, может быть достигнуто только в процессе искового производства. При этом в ряде случаев закон предусматривает порядок рассмотрения одного и того же требования в различных формах. Так, дела о возмещении вреда, причиненного рабочим и служащим на предприятии, рассматриваются сначала в административном порядке, в случае несогласия потерпевшего с решением администрации дело рассматривается ФЗМК, а если и это решение не удовлетворяет потерпевшего, то дело рассматривается судом. Объективная возможность рассмотрения такого рода дел администрацией и ФЗМК также обусловлена самим характером рассматриваемого требования, вытекающего из причинения вреда именно на данном предприятии. Вместе с тем сам характер требования, связанного с возможностью возникновения спора о праве гражданском, обуславливает установление в качестве гарантии в конечном счете судебного порядка его рассмотрения.

Особенности органа, рассматривающего дело, и характер его компетенции также накладывают свой отпечаток на форму защиты права. Нельзя, например, не заметить, что

порядок рассмотрения гражданско-правовых требований ФЗМК в значительной степени определяется не гражданским процессуальным законодательством, а свойственным профсоюзным организациям демократическим характером деятельности этих общественных организаций, который предусмотрен их уставами. Естественно вместе с тем, что на порядок рассмотрения гражданских требований административными органами не может не оказывать влияния само положение этих органов как органов административных, обладающих определенными властными полномочиями.

Более того, характер органа и его компетенции накладывают свой отпечаток и на порядок рассмотрения требований в рамках одной и той же формы защиты права. Наряду с общими моментами, характеризующими деятельность, например, органов суда, арбитража, третейского или товарищеского суда, нельзя не заметить тех особенностей в рассмотрении дела, которые вытекают из особенностей самой структуры и порядка создания этих органов. Не случайно поэтому в процессуальной литературе вопрос о правовой природе органов государственного арбитража до сего времени имеет дискуссионный характер.

Наконец, вполне понятно, что особенности той или иной формы защиты права находят свое выражение в специфике того или иного порядка рассмотрения спора.

Исходя из этого, следует различать: исковую форму защиты права, защиту гражданских прав в порядке особого производства в суде, административный порядок защиты гражданских прав и специфическую, если так можно сказать, общественно-правовую форму защиты права, свойственную характеру деятельности общественных организаций в сфере рассмотрения гражданско-правовых споров.

Из сказанного вытекает, что проблема права на защиту - это не только проблема материального права, но также и проблема гражданского процессуального права. Между тем в науке советского гражданского процессуального права, а в связи с этим также в значительной мере и в науке советского гражданского права исследование проблемы права на защиту в общетеоретическом плане обычно сводится к вопросу о праве на иск[213]. При этом в решении вопроса о праве на иск выявились весьма существенные расхождения.

Одна группа авторов исходит из единого понятия права на иск. При этом, однако, одни авторы по существу сводят право на иск лишь к материальному правомочию[214], другие придают ему исключительно процессуальное значение[215], тогда как третья группа авторов предпринимает попытки объединить материально-правовые и процессуально-правовые возможности защиты права в единое понятие права на иск[216].

Другая группа авторов исходит из необходимости разграничения права на иск в материальном смысле и права на иск в процессуальном смысле[217]. Более того, например, проф. М. А. Гурвич различает еще и третье понятие права на иск в значении легитимации как права на данный конкретный иск, т. е. в том смысле, заявлен ли иск в данном конкретном случае надлежащим или ненадлежащим с точки зрения закона лицом[218].

Наконец, в литературе высказано также мнение о том, что права на иск как такового вообще не существует. Так, В. Г. Даев при рассмотрении исковой формы защиты права в уголовном процессе исходит из отрицания в качестве правовой категории <права на иск>, опираясь на то, что <осуществимость есть имманентное свойство права, и

конструирование каких-либо специальных правомочий на защиту права противоречит его сущности»^[219].

Эта последняя точка зрения представляется не только необоснованной, но и практически неприемлемой. Необоснованность этой идеи очевидна, так как право на иск, как принадлежащее управомоченному лицу правомочие, прямо закреплено законом (ст. 16 Основ гражданского законодательства, ст. 5 Основ гражданского судопроизводства).

Вместе с тем практическая неприемлемость указанной идеи состоит в том, что признание <осуществимости> имманентным свойством всякого субъективного права по существу снимает вопрос о надобности его правовой защиты вообще, подрывает принцип юридической гарантированности предоставляемых гражданам и организациям субъективных гражданских прав.

Более того, признание <осуществимости> имманентным свойством всякого субъективного права приводит к логическому выводу о том, что как субъективные права, формально предоставляемые трудящимся буржуазным гражданским законодательством, так и субъективные права, предоставляемые и гарантированные гражданам советским гражданским законодательством, в равной мере реально осуществимы, благодаря <имманентности> такого свойства всякому субъективному праву. Нетрудно заметить, что такая идея в корне противоречит марксистскому пониманию классового характера гражданского права и страдает значительной степенью абстрактности, которая <имманентна> большинству буржуазных правовых концепций.

Однако и само по себе признание существования права на иск независимо от того, какой из приведенных выше идей следует отдать предпочтение, не дает полного представления о проблеме защиты права. Дело в том, что проблема права на иск, несомненно имеющая большое научное и практическое значение, все же не исчерпывает проблемы права на защиту даже с чисто процессуальной точки зрения, так как, во-первых, она относится лишь к исковой форме защиты права и не раскрывает процессуального аспекта права на защиту применительно к иным, неисковым формам защиты права; во-вторых, сама по себе проблема права на иск с процессуальной точки зрения есть по существу вопрос о порядке и условиях предъявления иска, тогда как право на защиту в его процессуальном аспекте есть право несомненно более широкое.

Со стороны его процессуальной формы право на защиту включает в себя по крайней мере три основные возможности:

- во-первых, возможность управомоченного лица обратиться с требованием о защите нарушенного или оспариваемого права либо охраняемого законом интереса к компетентному государственному или общественному органу в исковой либо иной предусмотренной законом форме;
- во-вторых, возможность пользоваться всеми предусмотренными законом правами и гарантиями в процессе рассмотрения этого требования, установленными применительно к данной форме защиты права;
- в-третьих, возможность обжалования, опротестования в установленном законом порядке решения органа по данному делу, представляющегося заявителю неправильным.

Право на защиту следует рассматривать в единстве его материального содержания и процессуальной формы. Материальное право, писал К. Маркс, имеет свои необходимые, присущие ему процессуальные формы. <Судебный процесс и право, - писал он, - так же

тесно связаны друг с другом, как, например, формы растений связаны с растениями, а формы животных - с мясом и кровью животных. Один и тот же дух должен одушевлять судебный процесс и законы, ибо процесс есть форма жизни закона, следовательно, проявление его внутренней жизни» [220].

Единство материально-правового содержания права на защиту и его процессуальной формы состоит в том, что возможности материально-правового характера, предоставляемые управомоченному лицу правом на защиту, предполагают и возможность их осуществления в определенной, установленной законом процессуальной форме, в установленном законом порядке. Вместе с тем это единство материального содержания права на защиту и его процессуальной формы нельзя понимать упрощенно. Как правильно отмечает проф. К. С. Юдельсон, «нельзя ошибочно понимать указание Маркса в том смысле, что содержанием процесса является само материальное право, подлежащее защите» [221].

Дело в том, что сама по себе процессуальная форма, процессуальный порядок реализации материально-правовых требований, оставаясь формой жизни материального права, имеет и известное самостоятельное значение. Эта известная самостоятельность процессуальной формы проявляется в целом ряде моментов.

Она находит свое выражение прежде всего в том, что процессуальный порядок реализации материально-правовых требований представляет собой особый вид деятельности публично-правового характера, относящейся лишь к случаям реализации материального права посредством включения в действие аппарата государственного принудительного воздействия на правонарушителя. Деятельность эта регулируется специальным законодательством, предоставляющим участникам процесса особые, процессуальные права и обязанности, которые в своей совокупности определяют содержание и специфические особенности той или иной формы защиты права.

Известная самостоятельность процессуальной формы находит свое выражение также и в том, что в этой форме находят свою реализацию и защиту не только субъективные материальные права, но и заслуживающие уважения со стороны общества интересы организаций и граждан.

Наконец, самостоятельность процессуальной формы проявляется и в том, что обращение граждан и организаций с требованием защиты к компетентным органам не обусловлено, как правило, обязательным предварительным доказательством наличия как самого материального гражданского права, так и факта его нарушения или оспаривания [222].

Эта известная самостоятельность процессуальной формы имеет важное значение, так как именно она обуславливает необходимость и возможность самостоятельного существования в советском праве особой отрасли права - гражданского процессуального законодательства и соответственно этому самостоятельной отрасли правоведения - науки советского гражданского процессуального права. Именно этим в известной мере определяется также возможность использования одной и той же процессуальной формы как для защиты самых разнообразных по содержанию субъективных гражданских прав, так и субъективных прав, регламентированных некоторыми другими отраслями советского законодательства.

Однако, обладая известной самостоятельностью, процессуальная форма всегда представляет собой лишь форму принудительной реализации материально-правовых требований и, следовательно, лишь одну из форм осуществления субъективного

материального права. Поэтому предъявление лицом иска при отсутствии у него субъективного материального права хотя и отражает известную самостоятельность правовой формы, но в конечном счете повлечет за собой отказ в иске. <Если судебный процесс сводится к одной только бессодержательной форме, - отмечал К. Маркс, - то такая пустая формальность не имеет никакой самостоятельной ценности>[\[223\]](#). <Форма, - писал он, - лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания>[\[224\]](#).

Поэтому, в частности, наиболее правильным представляются выводы тех авторов, которые, исследуя проблему права на иск, рассматривают его как единство материально-правового содержания и процессуальной формы. Но по тем же самым основаниям нельзя согласиться с тем преувеличением значения процессуальной формы, которое иногда имеет место в литературе даже среди сторонников такого понимания права на иск. Так, выражая в принципе свое согласие с определением иска, данным А. А. Добровольским, проф. А. Ф. Клейнман считает одним из недостатков этого определения то, что в нем отодвигается на второй план процессуальная сторона иска. Исходя из того, что <материально-правовое требование истца к ответчику, заявленное через суд, является предметом иска>, А. Ф. Клейнман приходит к выводу о том, что <на первое место в определении надо было поставить процессуальную сторону (требование к суду о защите права), а только на второе место материально-правовую сторону (материально-правовое требование истца к ответчику как предмет судебной защиты)>[\[225\]](#).

На первый взгляд речь идет здесь лишь об уточнении формулировки определения иска. Но это лишь на первый взгляд. В действительности же за спором о формулировке скрывается принципиальное отношение авторов к вопросу о соотношении материального и процессуального в праве на иск. С этой точки зрения позиция проф. А. Ф. Клейнмана не представляется убедительной.

Сомнение прежде всего вызывает сам подход к решению этой проблемы, при котором вопрос о соотношении материального и процессуального в праве на иск рассматривается с позиций <двух сторон одной и той же медали>. Между тем дело не в том, какую сторону иска повернуть лицом к заинтересованному лицу, а в том, что соотношение материального и процессуального в праве на иск есть соотношение между его материальным содержанием (требование истца к ответчику) и процессуальной формой его осуществления (требование, обращенное к суду). Право на иск есть возможность реализации материально-правового требования в исковой форме[\[226\]](#).

Ошибочность позиций А. Ф. Клейнмана объясняется, на наш взгляд, тем, что он рассматривает вопрос об иске исключительно с процессуальной точки зрения, изолированно от того, что предшествовало предъявлению иска. Так как процесс начинается с предъявления иска и лишь впоследствии решается вопрос о его предмете, о материально-правовом требовании, то, естественно, на первое место следует поставить обращение в суд. Такова логика рассуждений. При этом игнорируется тот бесспорный факт, что предъявлению иска предшествует, во-первых, возникновение у управомоченного лица самого субъективного права; во-вторых, нарушение этого права со стороны обязанного лица; и, наконец, в-третьих, возникновение у управомоченного лица права на иск, что, следовательно, предъявление иска, если его рассматривать диалектически с точки зрения развития процесса осуществления субъективного гражданского права, вовсе не есть начальный момент этого процесса, а есть лишь один из этапов осуществления материального права - этап принудительного осуществления или защиты нарушенного материального права.

Вместе с тем нарушение материального субъективного права влечет за собой возникновение материально-правового требования управомоченного лица к правонарушителю, которое становится содержанием права на иск лишь в случаях, когда его реализация в соответствии с законом может быть осуществлена в исковой форме. Поэтому право на иск и есть не что иное, как возможность принудительной реализации материально-правового требования управомоченного лица к обязанному лицу в исковой форме.

2. Пределы самозащиты гражданских прав

Одним из способов защиты гражданских прав управомоченным лицом является самозащита гражданских прав.

Под самозащитой гражданских прав следует понимать совершение управомоченным лицом дозволенных законом действий фактического порядка, направленных на охрану его личных или имущественных прав и интересов. Действующее гражданское законодательство содержит на этот счет лишь два указания. Статья 448 ГК допускает самозащиту гражданских прав в состоянии необходимой обороны, а ст. 449 определяет поведение и ответственность лиц при наступлении обстоятельств, именуемых крайней необходимостью.

Однако фактические правоохранительные меры, предпринимаемые непосредственно самим управомоченным лицом, не исчерпываются только этими двумя случаями. Необходимо различать предпринимаемые управомоченным лицом для самозащиты своих прав меры превентивного характера и меры активно-оборонительного характера. Необходимая оборона и действия при крайней необходимости относятся к мерам активно-оборонительного характера. К мерам превентивного характера относятся, в частности, используемые собственником меры охраны своего имущества. Каковы же юридические границы самозащиты гражданских прав?

Право собственника или лица, владеющего имуществом на иных основаниях, принимать необходимые меры охраны имущества прямо действующим гражданским законодательством не предусмотрено. Однако такое право существует. Оно косвенно может быть выведено из ряда гражданско-правовых норм. Поскольку в нашем обществе еще не изжиты такие антиобщественные явления, как кража, грабеж, хищение, то очевидно само собой, что, признавая за гражданином или организацией право собственности, оперативного управления, право пользования, залоговое или иное право на имущество, закон признает за ним также и право принимать необходимые меры охраны этого имущества от расхищения. Более того, например, в отношении имущества, являющегося социалистической собственностью, Конституция СССР предусматривает не только право, но и обязанность каждого гражданина и каждой социалистической организации беречь и укреплять социалистическую собственность, а следовательно, и охранять ее от всех и всяких расхитителей народного добра.

Право управомоченного лица принимать необходимые меры по охране своего имущества, как и всякое иное субъективное гражданское право или входящее в него правомочие, подчинено принципу осуществления его в соответствии с назначением в социалистическом обществе. Охрана имущества должна осуществляться в соответствии с требованиями закона, правил социалистического общежития и норм коммунистической морали.

Между тем практике известны случаи, когда управомоченное лицо выходит за эти установленные законом рамки. Известен, например, случай, когда собственник в целях охраны своего владения огородил его колючей проволокой, пропустив через ограду электрический ток. Очевидно, что принятие таких мер <охраны> своего имущества преследует не только цели его охраны, но и имеет своей задачей причинение вреда, причем не только правонарушителю, но и любому другому лицу или животному, которое прикоснется к такого рода ограде. Не гарантирован от такого последствия и сам собственник. В печати сообщалось, например, что некто инженер Иванов в целях охраны собственной автомашины так пристроил в гараже ружье, что вор при открывании двери в

гараж должен был получить выстрел в ноги. Но самое любопытное в этом деле состояло в том, что первым потерпевшим от такого <изобретения> оказался сам собственник [\[227\]](#).

Подобного рода меры охраны, как представляющие общественную опасность, не только недопустимы с точки зрения гражданского законодательства, но в случае наступления тяжелых последствий могут быть рассматриваемы как уголовное преступление.

Одним из способов самозащиты гражданских прав является так называемая необходимая оборона. В отличие от ранее действовавшего гражданского законодательства, которое не содержало предписаний о необходимой обороне, ст. 448 ГК РСФСР (и соответствующие статьи гражданских кодексов других союзных республик) предусматривает, что не подлежит возмещению вред, причиненный в состоянии необходимой обороны, если при этом не были нарушены ее пределы.

Институт необходимой обороны является комплексным институтом, регламентированным как гражданским, так и уголовным законодательством. И это не случайно. Дело в том, что на практике причинение вреда в состоянии необходимой обороны встречается исключительно при отражении опасности, создаваемой преступным поведением лица. Отсюда, в частности, вытекает единство и самого понятия необходимой обороны как для уголовного, так и для гражданского права.

Согласно ст. 13 УК РСФСР под необходимой обороной понимаются действия хотя и подпадающие под признаки состава преступления, но не являющиеся преступлением, если они совершены при защите интересов Советского государства, общественных интересов, личности или прав обороняющегося или другого лица от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны.

Однако единство понятия необходимой обороны для уголовного и гражданского права не означает абсолютного тождества этих понятий, как это молчаливо презюмируется в немногочисленной цивилистической литературе по данному вопросу [\[228\]](#). Дело в том, что понятие необходимой обороны в гражданском праве в одном отношении несколько шире, чем в уголовном праве. Под необходимой обороной в гражданском праве следует понимать не только такие действия обороняющегося, которые <подпадают под признаки состава преступления>, но и те действия обороняющегося, которые не подпадают под признаки преступления, но подпадают под признаки гражданского правонарушения. Так, например, в случае, когда в целях обороны от напавшего хулигана обороняющийся разорвал на нем одежду и связал его хулигана, никаких оснований для признания его действий подпадающими под признаки состава преступления может и не быть. Однако факт причинения вреда налицо, и такой вред не подлежит возмещению как причиненный в состоянии необходимой обороны.

Условия, при которых действия обороняющегося признаются совершенными в порядке необходимой обороны, за отмеченным выше исключением, одинаковы как для уголовного, так и для гражданского права. Вопрос этот детально исследован в науке советского уголовного права [\[229\]](#).

Очень подробные и четкие указания по применению законодательства о необходимой обороне даны Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1969 г. <О практике применения судами законодательства о необходимой обороне> [\[230\]](#), в котором Пленум обращает внимание судов на ряд недостатков, имеющих место на практике при применении действующего законодательства.

Различают условия, относящиеся к нападению, и условия, относящиеся к защите.

Для признания действий обороняющегося лица совершенными в состоянии необходимой обороны надо, чтобы нападение было действительным (реальным), наличным и противоправным.

Действительность (реальность) нападения означает, что нападение как таковое вообще имеет место. Оборона потому и называется обороной, что она противодействует нападению. Поэтому, если нет самого посягательства на чьи-либо права, то нет оснований говорить и об обороне, а тем более о необходимой обороне^[231].

Наличность нападения означает, что нападение уже началось либо имеет место реальная угроза такого нападения. Необходимая оборона допускается лишь тогда, когда есть реальная угроза правам и интересам граждан или организаций. Если же такая угроза еще не возникла либо прекратилась, то действия лица не могут быть признаны совершенными в состоянии необходимой обороны.

Под противоправностью нападения в уголовном праве понимается не всякое вообще действие, противоречащее нормам советского права, а действие общественно опасное, т. е. подпадающее под признаки состава уголовного преступления. Поскольку ранее действовавшее гражданское законодательство не содержало правил о необходимой обороне вообще, такая степень противоправности была также и основанием для освобождения обороняющегося лица от возмещения причиненного вреда.

В связи с регламентацией необходимой обороны в новом гражданском законодательстве возникает вопрос, допустима ли необходимая оборона только против преступных действий нападающего, либо она допустима также и против таких действий, которые, не подпадая под признаки состава преступления, все же являются противоправными с точки зрения гражданского права?

Думается, что на этот вопрос следует дать отрицательный ответ. Поскольку действующее гражданское законодательство предусматривает правила о необходимой обороне только применительно к причинению вреда, а причинение вреда действиями, составляющими только состав гражданского правонарушения, влечет за собой возникновение обязательства по возмещению вреда, которое реализуется в строго установленном порядке, следует признать, что необходимая оборона недопустима против правонарушений, не являющихся действиями уголовно наказуемого характера.

Необходимой обороне свойственны и специфические условия защиты. Особенность защиты в состоянии необходимой обороны состоит прежде всего в том, что она осуществляется путем причинения вреда нападающему, т. е. посредством действий, которые в нормальных условиях, при отсутствии общественно опасного посягательства, являются действиями противоправными. И лишь тот факт, что такие действия носят вынужденно оборонительный характер, придает им характер правомерных действий.

С точки зрения защиты гражданских прав необходимая оборона представляет собой прежде всего один из способов защиты прав управомоченного лица. Однако оборона будет необходимой и в тех случаях, когда подобного рода действиями осуществляется защита интересов государства и общества, прав и интересов других лиц.

Особенностью действий по защите в условиях необходимой обороны является и то, что они должны быть направлены непосредственно против нападающего лица. Не могут быть

признаны необходимой обороной действия лица, которое в ответ на нападение одного причиняет вред другим лицам, например его родственникам или близким.

Наконец, одним из важнейших условий защиты является недопустимость превышения пределов необходимой обороны.

Статья 3 УК РСФСР определяет, что превышением пределов необходимой обороны признается явное несоответствие защиты характеру и опасности нападения. Конкретизируя это положение закона, Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении от 4 декабря 1969 г., п. 2 разъяснил, что превышение пределов необходимой обороны имеет место тогда, когда <обороняющийся прибегнул к защите такими средствами и методами, применение которых явно не вызывалось ни характером и опасностью посягательства, ни реальной обстановкой, и без необходимости причинил посягавшему тяжелый вред>[232]. Превышение пределов необходимой обороны может иметь место в отношении средств защиты, ее интенсивности и своевременности.

Превышение средств защиты над средствами посягательства и явное несоответствие этих средств защиты охраняемому благу является одним из признаков, свидетельствующих о превышении пределов необходимой обороны. Однако несоответствие средств защиты средствам нападения нельзя понимать механически. При определении такого несоответствия суды должны учитывать также степень и характер опасности, интенсивность посягательства, численность посягавших, силы и возможности обороняющегося по отражению нападения, а также то волнение, которое возникает у обороняющегося в результате нападения, вследствие чего он не всегда в состоянии правильно взвесить характер опасности и избрать соразмерные средства защиты[233]. Как отмечено в определении по делу Кыго, превышение пределов необходимой обороны может признаваться лишь тогда, когда меры защиты выходят за пределы необходимости предотвратить созданную посягательством опасность[234].

Превышение пределов необходимой обороны может выразиться также в превышении интенсивности защиты над интенсивностью нападения. Известный интерес с этой точки зрения представляет дело Савенкова.

Савенков признан судом виновным в том, что, являясь стрелком военизированной охраны Закавказской ж. д. и находясь на посту по охране грузов на ст. Рустави-грузовая, превысил свои служебные полномочия и, при отсутствии на то необходимости, выстрелом из карабина убил Майсурадзе.

Из материалов дела видно, что [во] время дежурства Савенкова по пути шла группа рабочих, которых он остановил и предложил предъявить документы. На заявление о том, что документы находятся в общежитии, Савенков предложил им следовать за ним к дежурному по станции. Однако задержанные вступили с ним в пререкания, а Майсурадзе допустил нецензурную брань и толкнул его. Как показал Савенков, Майсурадзе достал нож и, угрожая ножом, напал на него, в связи с чем он дал сначала два предупредительных выстрела, а затем выстрелил в Майсурадзе, который продолжал идти на него с ножом, в результате чего последний был тяжело ранен в живот и спустя 7 часов после операции скончался.

Свидетельскими показаниями было установлено, что возле раненого Майсурадзе в одном метре от него был обнаружен финский нож, что Савенков сначала выстрелил в Майсурадзе и лишь после этого произвел два выстрела вверх. Из заключения судебно-

медицинской экспертизы усматривалось, что выстрел был произведен не с близкого расстояния.

Исходя из этого, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР отметила в определении, что <Савенков, вооруженный карабином, имел возможность не допускать близко к себе Майсурадзе, который поэтому не мог создавать для жизни Савенкова реальной угрозы... что действия последнего, выразившиеся в применении им оружия, должны быть рассмотрены как превышение пределов необходимой обороны...>[\[235\]](#).

Как видно из этого, интенсивность нападения здесь была недостаточной для такого поспешного применения огнестрельного оружия, в результате чего суд правильно квалифицировал действия Савенкова как убийство с превышением пределов необходимой обороны.

Вместе с тем соразмерность интенсивности нападения и защиты также нельзя рассматривать механически. Как отметил Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении от 29 мая 1967 г. по делу Чумаченко, <необходимая оборона по смыслу закона предполагает активное противодействие нападению средствами, соразмерными интенсивности последнего, и не может быть сведена к простому отражению угрозы, в частности к отталкиванию нападающего>[\[236\]](#).

Наконец, превышение пределов необходимой обороны может иметь место также и в отношении несвоевременности защиты. Как уже отмечалось выше, действия по защите признаются совершенными в состоянии необходимой обороны лишь тогда, когда нападение началось либо имела место непосредственная угроза нападения. Если же лицо предпринимает меры защиты уже после того, как нападение окончено, то возможны различные ситуации. В тех случаях, когда оборона последовала непосредственно за актом оконченого нападения и по обстоятельствам дела для обороняющегося момент окончания нападения не был ясен, оборона должна быть признана необходимой. Если же момент окончания нападения был достаточно ясен для обороняющегося, то действия, последовавшие вслед за окончанием нападения, следует рассматривать как превышение пределов необходимой обороны.

Более того, если действия обороняющегося были совершены уже после того, как посягательство было предотвращено и в применении средств защиты явно миновала необходимость, то такие действия должны рассматриваться как акт мести - самочинной расправы. В этих случаях вообще нет оснований говорить о необходимой обороне и ответственность причинителя вреда наступает на общих основаниях (п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1969 г.).

Вот один из таких примеров. Никитин выращивал на приусадебном участке около дома овощи и клубнику. Ночью Истомин перелез через забор и забрался в огород Никитина за клубникой. Заметив его, Никитин выстрелил в него из ружья. Когда Истомин, испугавшись, отбежал в угол к сараю, пытаясь перелезть через изгородь Никитин выстрелил еще раз и смертельно ранил Истомина. Президиум Верховного суда РСФСР в своем постановлении отметил, что хотя в данном случае действия Никитина и были совершены при охране личной собственности, но они носили общественно опасный характер, и признал в действиях Никитина наличие признаков умышленного убийства[\[237\]](#).

Необходимая оборона как способ самозащиты гражданских прав имеет и свои юридические последствия. Статья 448 ГК предусматривает, что вред, причиненный в состоянии необходимой обороны, не подлежит возмещению. Если же вред причинен при отсутствии условий необходимой обороны, то такой вред должен быть возмещен в полном объеме.

Значительно сложнее вопрос о том, в каком размере должен быть возмещен вред при причинении вреда в случае, когда имеет место превышение пределов необходимой обороны. По мнению Н. Малеина, вред, причиненный при превышении пределов необходимой обороны, должен возмещаться с учетом как вины причинителя вреда (т. е. обороняющегося от нападения лица), так и потерпевшего (т. е. нападавшего) и, следовательно, по принципу <смешанной ответственности> [238]. Аналогично решен этот вопрос и Пленумом Верховного суда РСФСР, который в своем постановлении от 7 февраля 1967 г. <О некоторых вопросах, возникших в практике судов при применении норм ГК РСФСР, регулирующих возмещение вреда> указал, что в случаях причинения вреда в состоянии необходимой обороны, но с превышением ее пределов ответственность причинителя вреда наступает на общих основаниях (ст. 444 ГК). Размер же причинения вреда должен быть определен в зависимости от степени вины причинителя вреда и потерпевшего. <При этом суд, - говорится в постановлении, - вправе принять во внимание имущественное положение лица, причинившего вред> [239].

Несколько иначе решает этот вопрос О. С. Иоффе. Он полагает, что при решении вопроса о размере возмещения вреда при превышении пределов необходимой обороны следует подходить дифференцированно. Если превышение необходимой обороны заключалось в применении обороны после окончания нападения, то причинитель вреда обязан возместить вред полностью. Но когда речь идет о неадекватности средств защиты и нападения, то в зависимости от конкретных обстоятельств дела речь может идти о возмещении потерпевшему не полного, а частичного ущерба с учетом вины самого потерпевшего [240].

Такое решение не представляется приемлемым. Неприемлем, по-видимому, сам принцип дифференцированного подхода к решению этого вопроса, так как при таком подходе необходимо выработать исчерпывающий перечень случаев превышения пределов необходимой обороны и лишь после этого определить для каждого из них меру гражданско-правовой ответственности. Но это сделать невозможно, так как жизнь дает множество самых разнообразных случаев весьма трудных с классификационной точки зрения.

Приведенные два решения различны с точки зрения принципиального подхода. В первом случае исходят из принципа смешанной ответственности, а во втором случае из принципа полноты гражданско-правовой ответственности с допущением в некоторых случаях отклонений от него в пользу смешанной ответственности. Думается, что в случаях возмещения вреда, причиненного при условии превышения пределов необходимой обороны, принцип полного возмещения вреда вообще не может быть применим, так как необходимая оборона даже в случаях, когда ее пределы нарушены, в конечном счете имеет своей причиной преступное поведение нападающей стороны. При таком положении очевидно, что вина нападающего всегда налицо, и задача может состоять только в ее соизмерении с виной обороняющегося, а не в ее исключении. Поэтому не принцип полного возмещения вреда, а только принцип смешанной ответственности и может быть положен в основу решения вопроса о возмещении вреда при превышении пределов необходимой обороны.

Одним из способов самозащиты гражданских прав являются действия управомоченного лица в условиях крайней необходимости. Под действиями, совершенными в состоянии крайней необходимости, понимаются такие действия, которые предпринимаются лицом для устранения опасности, угрожающей интересам Советского государства, общественным интересам, личности или правам данного лица или других граждан, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред (ст. 14 УК РСФСР).

Крайняя необходимость имеет известные сходства с необходимой обороной, но вместе с тем весьма существенно отличается от последней.

Сходство крайней необходимости с необходимой обороной состоит прежде всего в том, что действия лица как в состоянии необходимой обороны, так и в состоянии крайней необходимости не являются только и исключительно способами самозащиты гражданских прав, но представляют собой также и средство защиты интересов государства, общества и других (не управомоченных) лиц, причем как имущественных, так и неимущественных интересов[241].

Сходство это состоит, далее, в том, что в известном смысле необходимую оборону можно было бы рассматривать в качестве одного из видов действия лица в условиях крайней необходимости, созданной преступным посягательством. Однако закон выделяет их в самостоятельные обстоятельства. Это обусловлено прежде всего тем, что необходимая оборона как способ действия лица в условиях <крайней необходимости>, созданной преступным посягательством, приобретает иное значение, иные признаки и иные последствия, чем те, которые имеют место при наступлении <обычных> условий крайней необходимости.

При крайней необходимости опасность для интересов управомоченного лица, интересов государства, общества или третьих лиц возникает вследствие стихийных бедствий, неисправности механизмов, особого состояния организма человека, например, вследствие болезни и т. п. Состояние крайней необходимости может быть вызвано и поведением людей и даже преступным поведением лиц (например, нанесение тяжелого ранения гражданину, для спасения жизни которого требуется принятие крайне необходимых мер), но это поведение не является нападением на причинителя вреда, действующего в состоянии крайней необходимости.

В отличие от необходимой обороны, которая является единственным в своем роде явлением, свойственным в советском гражданском праве лишь обязательствам из причинения вреда, крайняя необходимость имеет в гражданском законодательстве целый ряд сходных с ней правовых явлений. Так, например, ст. 58 ГК предусматривает признание недействительной сделки, совершенной при <стечении тяжелых обстоятельств>, ст. 68 ГК допускает передоверие представителем своих действий другому лицу, когда он <вынужден к этому силою обстоятельств>, ст. 142 ГК предусматривает изъятие у собственника бесхозяйственно содержимых культурных ценностей без предварительного предупреждения <в случае неотложной необходимости>, ст. 284 ГК предоставляет право нанимателю произвести капитальный ремонт, вызываемый <неотложной необходимостью>.

Во всех перечисленных случаях управомоченное лицо также действует при обстоятельствах, которые вынуждают его с необходимостью действовать определенным

образом. Однако, как видно из приведенных примеров, закон употребляет здесь иные формулировки и не говорит о крайней необходимости.

Особенность обстоятельств, которые закон относит к крайней необходимости, в сравнении с приведенными случаями с точки зрения гражданского права состоит в том, что устранение опасности при этих обстоятельствах не может быть осуществлено обычными способами и лицо, действующее в состоянии крайней необходимости, вынуждено использовать средства, связанные с причинением вреда.

При этом в одних случаях причинение вреда может быть необходимой мерой предотвращения опасности[242], тогда как в других случаях вред может выступать лишь как сопутствующее явление, которое могло наступить, но могло и не наступить[243]. Однако возможность причинения вреда при предотвращении опасности в состоянии крайней необходимости всегда осознается лицом, предпринимающим те или иные меры. Иначе говоря, с субъективной стороны причинение вреда в состоянии крайней необходимости может быть как умышленным, так и неосторожным. Но при любом положении обязательным является одно условие: вред причиненный должен быть менее значительным, чем вред предотвращенный.

Крайняя необходимость весьма существенно отличается от необходимой обороны и по своему субъектному составу, причем как со стороны причинителя вреда, так и со стороны потерпевшего.

Когда речь идет о необходимой обороне, то субъектом обороняющимся может быть только гражданин, но не социалистическая организация. Даже в том случае, когда в порядке самообороны действует лицо, выполняющее служебные функции, последние оказывают влияние лишь на определение пределов необходимой обороны, но не являются основанием для признания обороняющейся стороной самой организации, даже если речь идет о защите интересов этой организации. Это обусловлено тем, что лицо, выполняющее, например, функции сторожа, охранника, часового и т. п., обязано действовать и при выполнении служебных обязанностей в пределах необходимой обороны. Превышение пределов необходимой обороны этим лицом есть в то же время и превышение им пределов служебных полномочий. Поэтому и возмещение вреда может быть возложено не на организацию, а на него самого, так как ст. 445 ГК предусматривает ответственность организации за вред, причиненный ее работниками, лишь при исполнении ими трудовых (служебных) обязанностей.

Несколько иначе, на наш взгляд, обстоит дело с крайней необходимостью. Если применительно к уголовному праву вопрос о субъекте, причиняющем вред в состоянии крайней необходимости, решается просто: им может быть только отдельный гражданин или несколько граждан, то применительно к гражданскому праву возможно положение, при котором в состоянии крайней необходимости оказывается социалистическая организация. Так, при причинении убытков, относящихся к общей аварии, капитан, распорядившийся выбросить груз за борт, действует не от своего собственного имени, а как представитель судовладельца, которого впоследствии падает и часть убытков, соответствующая стоимости судна. Или, например, если водитель автомашины, принадлежащей организации, во избежание наезда на человека делает недозволенный поворот и причиняет вред имуществу третьих лиц, то, поскольку в данном случае мы имеем дело с источником повышенной опасности, ответственность за причинение вреда которым ложится на его владельца, следует признать субъектом причинения вреда организацию.

По-разному решается и вопрос о субъектах, которым причинен вред. Если при необходимой обороне вред причиняется непосредственно нападающему, то при крайней необходимости вред причиняется третьему лицу. Отсюда вытекают и различные гражданско-правовые последствия. Поскольку причинение вреда в состоянии необходимой обороны вызывается виновными действиями самого нападающего, постольку этот вред возмещению не подлежит. При крайней необходимости третье лицо, которому причинен вред, невиновно. Поэтому общий принцип, который закреплен в ст. 449 ГК, определяет обязанность возмещения такого вреда, хотя и сами действия причинителя вреда в данном случае признаются правомерными. Причинение вреда в состоянии крайней необходимости есть случай, предусмотренный ч. 3 ст. 444 ГК, когда закон допускает возмещение вреда, причиненного правомерными действиями.

По своему характеру правоотношения, возникающие в связи с причинением вреда в состоянии крайней необходимости, могут быть двух видов.

В одних случаях, когда лицо, действующее в состоянии крайней необходимости, причиняет вред, защищая свои собственные права и интересы, мы имеем дело лишь с двумя участниками правоотношения: причинителем вреда и потерпевшим. Применительно к этим случаям действует только ч. 1 ст. 449, обязывающая причинившего вред возместить его. Однако, поскольку причинение вреда в состоянии крайней необходимости рассматривается законом как действие правомерное, суд вправе при определении размера возмещения вреда учесть имущественное положение лица, причинившего вред (ч. 2 ст. 458 ГК), и снизить размер возмещения вреда.

В тех же случаях, когда причинение вреда в состоянии крайней необходимости имело место в интересах третьего лица, фактические отношения между лицами приобретают иной характер. Здесь же появляются три участника этих отношений: причинитель вреда, потерпевший и третье лицо, в интересах которого действовал причинитель вреда. Создается положение, аналогичное действиям одного лица в интересах другого без поручения, но связанное с причинением вреда другому лицу.

Такой сложный характер отношений потребовал от законодателя специальной регламентации. Применительно к таким случаям ч. 2 ст. 449 ГК предусматривает право суда с учетом обстоятельств, при которых был причинен вред, либо возложить обязанность по его возмещению на третье лицо, в интересах которого действовал причинивший вред, либо освободить от возмещения вреда полностью или частично как это третье лицо, так и причинившего вред.

В связи с применением этих правил в литературе Н. Малеиным были высказаны два весьма интересных соображения. По его мнению, во-первых, в указанном случае неприменима ч. 1 ст. 449, которую нельзя рассматривать в качестве общего принципа, а можно применять лишь в случае, когда вред в состоянии крайней необходимости был причинен лицом в своих собственных интересах; и, во-вторых, <с точки зрения справедливости> суд не <может>, а <должен> возложить обязанность возмещения вреда на лицо, в интересах которого действовал причинитель вреда.

При этом в основу своих выводов автор кладет не закрепленный законом принцип возмещения вреда лицом, причинившим вред, а иной принцип: <вред во всех случаях <должно> возместить лицо, чьи интересы охранялись>[244].

Соображения эти заслуживают серьезного внимания, однако не представляются в достаточной степени убедительными. Они не убедительны прежде всего потому, что

автор в толковании действующего законодательства исходит из противопоставления <законности> и <справедливости>, что нельзя признать приемлемым с точки зрения толкования и применения действующего законодательства и может иметь известное значение лишь в связи с предложениями по его изменению.

Но и как предложение по совершенствованию законодательства замена принципа возмещения вреда причинителем принципом возмещения вреда лицом, в интересах которого причинен вред, едва ли убедительно. Дело в том, что при законодательной регламентации тех или иных отношений всегда следует иметь в виду назначение тех или иных устанавливаемых законом правил. Установление же правил о возмещении вреда, причиненного в состоянии крайней необходимости, на наш взгляд, должно преследовать по крайней мере три цели: во-первых, обеспечить возмещение вреда потерпевшему лицу; во-вторых, побудить лицо действовать в условиях крайней необходимости решительно в целях защиты государственных и общественных интересов, спасения жизни и имущества граждан; в-третьих, не допустить необоснованного причинения вреда и стимулировать выбор лицом, действующим в состоянии крайней необходимости, таких средств, которые бы минимальным образом отражались на интересах третьих лиц, иначе говоря, стимулировать не только решительность, но и известную осмотрительность в выборе средств устранения опасности.

Какой же из приведенных принципов в большей мере способствует достижению этих целей? Принцип, выдвигаемый Н. Малейным, вполне пригоден для осуществления двух первых целей, но он ни в коей мере не стимулирует необходимой осмотрительности причинителя вреда. Скорее, наоборот, поскольку согласно этому принципу за причиненный вред в состоянии крайней необходимости отвечает лицо, в интересах которого действовал причинитель вреда, последний может оказаться не очень-то разборчивым в выборе средств устранения опасности, что в свою очередь может повлечь за собой нежелательные с общественной точки зрения последствия.

Достаточно в связи с этим обратить внимание на приведенное выше дело Шмика, который, не имея достаточных навыков в управлении автомашиной, повез на ней в больницу избитого хулиганами Михалкина. Как уже отмечалось, в результате дело закончилось аварией, от которой по счастливой случайности никто не пострадал. Но такие случайности бывают, как известно, не часто, в особенности при указанных обстоятельствах, когда сама по себе вероятность аварии была достаточно высокой, и результат мог быть весьма печальным.

С этой точки зрения законодательное решение вопроса, данное в ст. 449 ГК, представляется более приемлемым, так как оно в достаточной степени обеспечивает достижение всех трех поставленных целей. Исходя из общего принципа возмещения вреда лицом, его причинившим, закон вместе с тем при наличии достаточных оснований дает суду возможность переложить ответственность на того, в чьих интересах был причинен вред, либо освободить полностью или частично указанных лиц от его возмещения.

При этом закон обращает особое внимание на необходимость учета обстоятельств, при которых был причинен такой вред, в частности характера, способа и размера причиненного вреда, характера и степени необходимости причинения вреда, общественной значимости спасаемого блага, имущественного положения причинителя вреда, потерпевшего и лица, в интересах которого был причинен вред, и т. д. [245] Решать вопрос только по принципу возмещения вреда лицом, в интересах которого был причинен вред, значит заведомо отказаться от учета этих особенностей конкретного случая, что в свою очередь может повлечь за собой несправедливое решение.

3. Пределы применения управомоченным лицом правоохранительных мер оперативного характера

Наряду с самозащитой гражданских прав, которая представляет собой применение управомоченным лицом фактических мер по охране своих прав и интересов, советское гражданское законодательство предоставляет управомоченному лицу возможность применения к правонарушителю мер оперативного воздействия юридического характера.

Под мерами оперативного воздействия понимаются такие юридические средства правоохранительного характера, которые применяются к нарушителю гражданских прав и обязанностей непосредственно самим управомоченным лицом, как стороной в гражданском правоотношении, без обращения за защитой права к компетентным государственным или общественным органам.

В отличие от самозащиты гражданских прав, которая имеет своей целью охрану личности гражданина, права собственности или иных прав организаций и граждан, имеющих вещно-правовой характер, меры оперативного воздействия неразрывно связаны с обязательственными отношениями. Они представляют собой один из видов правовых гарантий, направленных на обеспечение надлежащего исполнения обязательств путем предоставления управомоченной стороне права непосредственного оперативного воздействия на своего неисправного контрагента.

Сюда относятся, в частности, перевод поставщиком плательщика на аккредитивную форму расчетов или на предварительную оплату продукции; отказ от недоброкачественного или просроченного исполнения; погашение управомоченным лицом сумм, причитающихся ему с должника, за счет средств, подлежащих выплате должнику; выполнение определенных работ, не выполненных должником, за счет последнего; задержка в выдаче груза грузополучателю до внесения им всех причитающихся платежей, и др.

Как видно из этого далеко не полного перечня, случаи применения управомоченным лицом к обязанному лицу правоохранительных мер оперативного воздействия в советском гражданском праве достаточно многочисленны и разнообразны. Однако все они обладают некоторыми особенностями, которые позволяют выделить их в особую категорию правоохранительных мер оперативного характера и вместе с тем отграничить их от иных правоохранительных мер, в частности от гражданско-правовых санкций, являющихся мерами гражданско-правовой ответственности.

Каковы же эти особенности?

Первая особенность этих мер состоит в том, что все они имеют своей задачей охрану прав и интересов управомоченного лица и поэтому с полным основанием могут быть названы правоохранительными мерами. Правоохранительный характер этих мер находит свое выражение в том, что они применяются управомоченным лицом лишь в случае, когда обязанная сторона допустила те или иные нарушения, например не выполнила обязательства в установленный срок, уклоняется от выполнения тех или иных работ, систематически задерживает платежи и т. п. Поэтому односторонние действия граждан или организаций, предпринимаемые ими вне связи с нарушением обязанности другой стороной гражданского правоотношения, не могут быть отнесены к оперативным мерам правоохранительного порядка, хотя бы по своей форме они и были сходными с последними. Не являются оперативными мерами правоохранительного порядка,

например, право нанимателя заселить по своему усмотрению излишнюю изолированную комнату (ст. 316 ГК), право предприятия отказаться от заключения договора на поставку выделенной ему излишней или ненужной продукции, право заказчика при наличии уважительных причин во всякое время до окончания работы отказаться от договора, уплатив подрядчику вознаграждение за выполненную часть работы и возместив убытки (ст. 360, ч. 3 ГК) и т. п. Такого рода действия организаций и граждан хотя и направлены на обеспечение их интересов, однако не являются правоохранительными мерами.

Эта особенность мер правоохранительного порядка сближает их с гражданско-правовыми санкциями, которые применяются также в случаях нарушения тем или иным лицом своих обязанностей. Однако в отличие от гражданско-правовых санкций, которые в советском гражданском праве носят эквивалентно-возмездительный (а в установленных законом случаях также и штрафной) характер, правоохранительные меры оперативного характера имеют в значительной мере превентивное, предупредительное значение. Применение их управомоченным лицом устраняет возникновение для него в будущем возможных убытков. Так, например, отказ покупателя от получения продукции, поставка которой просрочена, предотвращает убытки, которые могли бы возникнуть у покупателя при получении продукции, в отношении которой он утратил интерес вследствие ее ненадобности. Реализация организацией-хранителем не востребованного в установленный срок имущества обеспечивает погашение понесенных хранителем расходов и избавляет его от дальнейших расходов по хранению этого имущества и т. п.

Вторая особенность правоохранительных мер оперативного воздействия состоит в том, что меры эти имеют характер одностороннего действия управомоченного субъекта гражданского правоотношения. Это такие меры, которые применяются к правонарушителю непосредственно самим управомоченным лицом, но во всех без исключения случаях применение их является правом управомоченной стороны и происходит во внесудебном, внеарбитражном и т. п. порядке, т. е. без обращения к компетентным государственным или общественным органам. Именно это обстоятельство дает основание определить эти меры как правоохранительные меры оперативного характера.

Такой порядок применения этих мер существенно отличает их от гражданско-правовых санкций, которые применяются компетентными государственными или общественными органами в результате рассмотрения гражданских дел.

При этом следует обратить внимание на то, что меры оперативного воздействия применяются управомоченной стороной не как органом административным по отношению к правонарушителю, а именно как стороной в гражданском правоотношении. Поэтому к правоохранительным мерам оперативного характера не относятся, например, предусмотренное ст. 160 Устава железных дорог СССР право взыскания штрафов за простой и задержку вагонов, контейнеров; право Госбанка СССР применять к плохо работающим предприятиям особый режим кредитования, в частности повышать размер ставок за пользование кредитом, прекращать предоставление отдельных видов кредита и т. п. [\[246\]](#)

Применяя такого рода меры к предприятиям и организациям, железная дорога и Госбанк выступают не в качестве стороны гражданского правоотношения, а как органы, наделенные определенными административными полномочиями.

Третья особенность мер оперативного воздействия заключается в том, что односторонний характер применения управомоченным лицом этих мер определяет собой и

специфический характер гарантий их правильного применения. Важное значение в связи с этим приобретают два момента: во-первых, разнообразный и во многом индивидуальный характер мер оперативного воздействия, порожденный спецификой регулируемых отношений, предполагает необходимость точного и императивного определения в законе специфических и также во многом индивидуальных условий и границ их применения; во-вторых, в целях обеспечения их правомерного использования управомоченным лицом закон предоставляет право обязанному лицу в случае необоснованного применения к нему мер оперативного воздействия оспорить правильность их применения в суде или в арбитраже.

Эти особенности также существенно отличают меры оперативного воздействия от гражданско-правовых санкций, для применения которых закон за сравнительно небольшим исключением предусматривает общие, единые для всех случаев условия гражданско-правовой ответственности. Неправильное применение судом, арбитражем или иным органом гражданско-правовых санкций может быть обжаловано или опротестовано в общем порядке, установленном для обжалования или опротестования решения того или иного государственного или общественного органа.

Четвертая особенность оперативных мер состоит в том, что применение их управомоченным лицом влечет за собой невыгодные последствия для обязанного лица. Это обстоятельство на первый взгляд сближает меры оперативного воздействия с гражданско-правовыми санкциями. В действительности же и с этой стороны между ними имеется существенное различие. Если применение гражданско-правовых санкций влечет за собой непосредственные и неотвратимые невыгодные последствия для правонарушителя, то применение мер оперативного воздействия при необходимой положительной реакции на них со стороны обязанного лица может и не повлечь за собой невыгодных последствий либо значительно уменьшить их размер.

Так, например, взыскание с неисправного контрагента неустойки (пени, штрафа) или убытков непосредственно влечет за собой уменьшение в его имуществе, тогда как, например, задержка паромом груза до внесения грузополучателем всех причитающихся платежей может и не повлечь за собой невыгодных последствий для последнего, если эти платежи будут внесены в самый кратчайший срок. Из этого следует, что применение мер оперативного характера предполагает наступление невыгодных последствий для обязанного лица, как правило, лишь в конечном счете.

Пятая особенность мер оперативного воздействия состоит в их особом назначении в советском гражданском праве. Общеизвестно, что гражданско-правовые санкции как меры гражданско-правовой ответственности выполняют в социалистическом обществе прежде всего возместительную функцию. Независимо от того, покрывают ли они убытки потерпевшей стороны в полном объеме или только частично, их главная функция состоит в восстановлении имущественной сферы потерпевшей стороны. Но так как это восстановление имущественного положения потерпевшего осуществляется за счет правонарушителя, то вполне понятно, что наряду с этим гражданско-правовые санкции выполняют также функцию имущественного воздействия на нарушителя гражданских прав и обязанностей и вместе с тем играют важную воспитательную роль.

В отличие от санкций меры оперативного воздействия хотя и связаны в конечном счете с невыгодными имущественными последствиями для правонарушителя, тем не менее они, как правило, не связаны с восстановлением имущественной сферы потерпевшего, и потому возмещение потерь, понесенных управомоченным лицом, не является их функцией. Будучи, как и санкции, мерами правоохранительного порядка, они имеют

своим назначением прежде всего побуждение другой стороны к надлежащему исполнению своих обязанностей. Поэтому обеспечение надлежащего исполнения и есть главная функция мер оперативного воздействия. Очевидно, вместе с тем, что связь оперативных мер с невыгодными имущественными последствиями для правонарушителя придает им характер мер имущественного воздействия. Оперативные меры так же, как и гражданско-правовые санкции, имеют большое воспитательное значение.

Различие в назначении гражданско-правовых санкций и мер оперативного воздействия имеет важное практическое значение для советского гражданского законодательства, которое допускает одновременное применение к правонарушителю как мер оперативного воздействия, так и гражданско-правовых санкций. Так, например, п. 6 Постановления Совета Министров СССР от 27 октября 1967 г. [247] предусмотрено, что в случае завышения поставщиком (изготовителем) сортности продукции в документах, удостоверяющих ее качество, против действительной, покупателю предоставлено право одновременно отказаться от принятия и оплаты такой продукции либо принять ее с оплатой по цене, предусмотренной прейскурантом, и наряду с этим взыскать с изготовителя (поставщика) штраф в размере 200% стоимости уценки продукции, но не более 20% ее стоимости до уценки.

Пределы применения управомоченным лицом мер оперативного воздействия определяются теми условиями, при наличии которых управомоченный вправе воспользоваться той или иной мерой. Условия эти предусмотрены законом и по своей юридической силе являются требованиями императивного характера, отступления от которых недопустимы, за исключением случаев, предусмотренных законом.

Ввиду большого разнообразия и многочисленности мер оперативного воздействия рассмотрение пределов применения каждой из них в отдельности не представляется возможным. Поэтому в дальнейшем будут рассмотрены лишь основные, поддающиеся известной классификации меры оперативного воздействия.

1. Меры оперативного характера, связанные с выполнением управомоченным лицом определенных работ, не исполненных обязанным лицом, за счет последнего. При осуществлении гражданских правоотношений нередко возникает положение, при котором обязанный в силу закона или договора контрагент уклоняется от выполнения определенных работ, не приступает к ним своевременно, предоставляет управомоченному лицу исполнение с недостатками, которые могут быть устранены на месте. Во всех указанных случаях закон предоставляет право управомоченному лицу выполнить указанные работы собственными средствами с переложением расходов на обязанное лицо. При этом в ряде случаев закон наряду с возможностью применения мер оперативного характера предоставляет управомоченному лицу одновременно с этим или альтернативно заявить требования о взыскании санкций с неисправной стороны, а в ряде случаев потребовать расторжения договора и возмещения причиненных убытков.

Этот общий принцип советского гражданского законодательства нашел свое закрепление в ст. 218 ГК РСФСР, согласно которой <в случае неисполнения должником обязательства выполнить определенную работу кредитор вправе выполнить эту работу за счет должника, поскольку иное не вытекает из закона или договора, либо потребовать возмещения убытков>.

Одним из таких случаев является предусмотренное законом право нанимателя произвести капитальный ремонт нанятого имущества за счет наймодателя при невыполнении

последним своих обязанностей. Особенно важное значение эта мера имеет для обеспечения сохранности государственного жилого фонда.

Вопросам сохранности жилых строений в нашей стране придается большое значение, так как от этого зависит обеспечение жилищных нужд граждан. Постановлением Совета Министров СССР от 26 августа 1967 г. <О мерах по улучшению эксплуатации жилищного фонда и объектов коммунального хозяйства> [248] предусматривается целый ряд мероприятий, призванных обеспечить сохранность жилого фонда. Постановление предусматривает, в частности, упорядочение финансирования капитального ремонта основных фондов жилищного хозяйства, перевод жилищно-эксплуатационных организаций на хозяйственный расчет и создание широкой сети ремонтно-строительных организаций; признает целесообразным передачу ведомственных жилых домов местным Советам и др. Постановление обязывает начиная с 1968 г. в договорах найма жилых помещений предусматривать точные сроки проведения ремонта, повышение ответственности за осуществление ремонта как жилищных органов, так и квартиросъемщиков. Особое внимание уделено повышению роли общественности в осуществлении контроля за содержанием основных фондов жилищного хозяйства.

Согласно ст. 284 ГК обязанность производства капитального ремонта возлагается на наймодателя, если иное не предусмотрено законом или договором. В случае невыполнения этих работ наймодателем нанимателю предоставляется право самостоятельно произвести такой ремонт с отнесением расходов на наймодателя. При этом закон предусматривает, что право это возникает у нанимателя в случае <неотложной необходимости> такого ремонта.

Что же следует понимать под <неотложной необходимостью> капитального ремонта? Как уже отмечалось, понятие <неотложной необходимости> близко соприкасается с понятием <крайней необходимости>, но не тождественно последнему. Лишь в отдельных случаях, например, когда строение, в котором проживает наниматель или занимает в нем складское помещение, в результате длительного неосуществления капитального ремонта приведено в аварийное состояние, эти понятия могут оказаться тождественными.

В обычных условиях под <неотложной необходимостью> следует понимать такое состояние имущества, при котором затруднено нормальное пользование им либо дальнейшее непроизводство капитального ремонта может повлечь серьезное ухудшение имущества.

Предоставляя нанимателю такое право, ст. 284 ГК вместе с тем предусматривает право нанимателя взыскать с наймодателя стоимость ремонта или зачесть ее в счет наемной платы либо расторгнуть договор и взыскать убытки, причиненные неисполнением. При этом важно иметь в виду, что и такая мера, как зачет стоимости произведенного ремонта в счет квартирной платы, в данном конкретном случае также является мерой, предпринимаемой управомоченным лицом в одностороннем порядке, и лишь в случае возникновения спора между сторонами вопрос решается судом, арбитражем или третейским судом. В частности, в исковом порядке должен быть разрешен спор в тех случаях, когда произведенные нанимателем расходы выходят за пределы расходов, вызываемых неотложной необходимостью. В ряде случаев законодательством предусматривается более определенный предел тех расходов, которые подлежат возмещению наймодателем нанимателю [249].

Аналогичной по своему характеру является такая мера оперативного воздействия, как предоставленное покупателю право при обнаружении в приобретенной продукции

производственных недостатков устранить их на месте своими средствами, но за счет поставщика. Такое право предоставлено покупателям продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по договору поставки [250], а также колхозам, совхозам или иным сельскохозяйственным предприятиям и организациям, приобретающим сельскохозяйственную технику или иные материально-технические средства по договорам с объединениями <Сель-хозтехника> [251].

Две основные особенности характерны для применения этой меры оперативного воздействия: во-первых, она предусмотрена законом как мера альтернативного характера: покупатель вправе по своему усмотрению либо потребовать исправления указанных недостатков на месте от поставщика (изготовителя), либо сам исправить эти недостатки за счет последнего; во-вторых, наряду с применением одной из указанных мер оперативного воздействия покупатель вправе также потребовать от поставщика (изготовителя) уплаты штрафа, установленного в процентном отношении к сумме расходов по устранению недостатков.

В тех случаях, когда покупатель избирает такую меру оперативного воздействия, как исправление недостатков на месте поставщиком (изготовителем), срок для устранения недостатков определяется не односторонним волеизъявлением покупателя, а по соглашению сторон. Неустранение поставщиком (изготовителем) указанных недостатков в установленный срок влечет за собой взыскание с него установленного законом штрафа.

В целях упорядочения и повышения ответственности за поставку недоброкачественной продукции Постановлением Совета Министров СССР от 27 октября 1967 г. <О материальной ответственности предприятий и организаций за невыполнение заданий и обязательств> [252] применительно к рассматриваемым случаям внесены три весьма существенных изменения:

во-первых, Постановление устанавливает единый порядок устранения недостатков и определения ответственности сторон при обнаружении производственных недостатков как для поставки продукции производственно-технического назначения, так и для поставки товаров народного потребления;

во-вторых, ввиду часто встречающихся в практике разногласий сторон о сроке устранения таких недостатков поставщиком (изготовителем) Постановление наряду с регламентацией срока как устанавливаемого по соглашению сторон дает и объективный критерий для его определения - работы по устранению недостатков должны быть выполнены поставщиком (изготовителем) <в кратчайший технически возможный срок>;

в-третьих, Постановлением повышен размер ответственности за нарушения, связанные с такого рода производственными недостатками продукции: а) наряду с требованием устранения недостатков изготовителем (поставщиком) или устранением их самим покупателем с поставщика (изготовителя) взыскивается штраф: по продукции производственно-технического назначения в размере 5%, а по товарам народного потребления, при согласии покупателя на их приемку, - в размере 2% стоимости этой продукции; б) если изготовитель (поставщик) не устранит недостатки в установленный срок, то он уплачивает покупателю (получателю) штраф в размере 20% стоимости продукции, в которой не устранены недостатки. Эти правила нашли свое закрепление в пп. 62, 63 новых Положений о поставках.

К мерам оперативного характера такого же типа относится предоставленное транспортным организациям право произвести выгрузку груза за счет грузополучателя,

если последний в установленный законом срок не произведет указанных работ собственными средствами (ст. 50, ч. 2 УЖД, ст. 86, ч. 6 УВВТ), когда обязанность выгрузки лежит на грузополучателе (ст. 45, п. <б> УЖД, ст. 84 УВВТ).

Поскольку разгрузка транспортных средств перевозчиком за счет грузополучателя является не обязанностью, а правом транспортной организации, постольку последняя может и не воспользоваться этим правом. В этих случаях с грузополучателя могут быть взысканы штрафы за простой транспортных средств (ст. 156 УЖД, ст. 200 УВВТ), а также и иные сборы (например, за хранение груза в вагонах), предусмотренные законом. В случае систематического простоя судов по указанной причине размер штрафа решением начальника пароходства может быть увеличен до двукратного размера (ст. 200, ч. 3, 4 УВВТ).

Постановлением Совета Министров СССР от 27 октября 1967 г. N 988 Министерству путей сообщения предложено с 1 января 1968 г. в порядке опыта ввести на нескольких железных дорогах плату за пользование вагонами и контейнерами за время нахождения их под грузовыми операциями, а также за вагоны, задержанные грузополучателем в ожидании подачи под выгрузку, прекратив в связи с этим взыскание штрафов за простой [\[253\]](#).

Аналогичными, хотя и своеобразными в известной мере являются меры оперативного характера, предоставленные законом заказчику по договору подряда. Так, ст. 360 ГК предусматривает право заказчика в случае обнаружения в процессе работы, что заказ не будет выполнен надлежащим образом, назначить подрядчику соразмерный срок для устранения недостатков, а при неисполнении этого требования поручить исправление работы третьему лицу за счет подрядчика. Право передать исправление работы третьему лицу предусмотрено в данном случае потому, что выполнение подрядных работ в большинстве случаев требует специальных знаний, специальных приспособлений и определенных навыков, которыми сам заказчик, как правило, не обладает.

В тех же случаях, когда подрядчик отступил от условий договора и тем самым ухудшил работу либо допустил иные недостатки, заказчику наряду с другими возможностями предоставлено право требовать возмещения понесенных расходов по исправлению недостатков работы собственными средствами, но лишь в случае, когда такое право заказчика предусмотрено в договоре (ст. 364 ГК).

2. Меры оперативного характера, связанные с обеспечением встречного удовлетворения. В целом ряде случаев действующее гражданское законодательство предоставляет управомоченному лицу такие меры оперативного воздействия, которые либо прямо, либо косвенно связаны с понуждением другой стороны к встречному удовлетворению, либо, наконец, обеспечивают получение встречного удовлетворения посредством односторонних действий управомоченного лица из находящегося во владении этого лица имущества его контрагента.

Общий принцип требования встречного удовлетворения в свое время был закреплен в ст. 139 ГК РСФСР 1922 г., согласно которой в двустороннем договоре каждая сторона вправе отказывать противной стороне в удовлетворении до получения встречного удовлетворения, если из закона, договора или существа правоотношения не вытекало обязанности одной из сторон исполнить свое обязательство раньше другой.

Действующее гражданское законодательство дает нам принципиально иное решение вопроса. Согласно ст. 177 ГК взаимные обязанности по договору должны исполняться одновременно, если из закона, договора или существа обязательства не вытекает иное.

На первый взгляд новое гражданское законодательство изменило лишь формулировку принципа одновременного исполнения обязательства обеими сторонами. Однако нельзя не обратить внимание на то, что одна и та же цель - одновременное исполнение обязательства обеими сторонами - достигается здесь различными средствами. Если раньше поставленная задача обеспечивалась посредством предоставления сторонам права отказать другой стороне в удовлетворении требования, то в действующем законодательстве эта цель достигается посредством установления обязанности каждой из сторон произвести одновременное исполнение.

А из этого следует, что если прежнее законодательство рассматривало такую меру оперативного характера, как отказ в удовлетворении до получения встречного удовлетворения, в качестве общего принципа советского обязательственного права, то действующее законодательство рассматривает указанную меру не как общий принцип, а как исключение из общего правила, допустимое лишь в случаях, прямо предусмотренных законом или договором.

Одним из таких случаев, прямо предусмотренных законом, является предоставленное транспортным законодательством право перевозчика отказать грузополучателю в выдаче груза до внесения всех причитающихся с него платежей. Согласно ч. 3 ст. 95 УВВТ <пароходство вправе не выдавать груз до внесения грузополучателем всех платежей, причитающихся транспорту>. Аналогичное правило закреплено и в Уставе железных дорог СССР, согласно ст. 64 которого грузы выдаются на станции назначения грузополучателю, указанному в накладной, <после внесения всех причитающихся железной дороге платежей>.

Общий принцип транспортного законодательства, состоящий в том, что все платежи за перевозку грузов должны вноситься грузоотправителем на станции отправления, не всегда приводит к полному расчету грузоотправителя с перевозчиком. Впоследствии может быть обнаружен недобор платежей, перевозчиком могут быть понесены в процессе транспортировки груза дополнительные расходы, например, связанные с переадресовкой груза, с выгрузкой груза транспортной организацией, когда она к этому не обязана, а грузополучатель затягивает выполнение этих работ и т. п.

Поэтому недобор провозных платежей на станции отправления, необходимые расходы по транспортировке груза, образовавшиеся в пути следования, а также платежи и сборы, необходимость оплаты которых выявилась на станции назначения, должны быть возмещены перевозчику грузополучателем. Одним из способов побуждения грузоотправителя к своевременному внесению указанных платежей и является право перевозчика задержать выдачу груза до получения встречного удовлетворения.

Сама по себе целесообразность введения такой меры на транспорте не вызывает каких-либо возражений. Дело, однако, осложняется тем, что действующее законодательство не обеспечивает достаточных правовых гарантий правильного применения этой правоохранительной меры перевозчиком. В отличие от ранее действовавшего законодательства [\[254\]](#), новый Устав железных дорог, определяя пределы осуществления этой меры, не только не предусматривает, но, наоборот, исключает возможность оспаривания таких односторонних действий транспортной организации в случае неправильного определения размера подлежащих внесению платежей. Согласно ч. 3 ст. 75

УЖД 1964 г. после выдачи груза переборы и недоборы по провозной плате и сборам грузоотправителям и грузополучателям - предприятиям, организациям, учреждениям, а также железной дороге не возмещаются.

Поскольку размер этих платежей всегда определяется самой транспортной организацией, то практически оказывается, что все невыгодные последствия, связанные с перебором платежей и сборов, фактически возлагаются на грузополучателя. Выходит, таким образом, что данная действующим законом регламентация пределов осуществления данной меры оперативного воздействия создает положение, при котором возникает возможность осуществления перевозчиком предоставленного ему права в противоречии с его назначением в социалистическом обществе.

Анализ арбитражной практики показывает, что нередко эта возможность превращается в действительность, и грузополучатели в ряде случаев вынуждены переплачивать известные суммы, чтобы быстрее получить и использовать прибывшие в его адрес грузы. Такая практика в корне противоречит задачам проведения в жизнь принципа полного хозяйственного расчета в деятельности социалистических организаций, и потому п. 3 ст. 75 УЖД 1964 г., на наш взгляд, должен быть отменен в установленном законом порядке.

О необходимости его отмены свидетельствует и складывающаяся в настоящее время практика арбитража. Государственным арбитражем при Совете Министров СССР было согласовано с Министерством путей сообщения, что если при прямых железнодорожных перевозках при выдаче груза возникает спор между грузополучателем и железной дорогой по провозным платежам и сборам, то такой спор при соблюдении претензионного порядка может быть рассмотрен Государственным арбитражем.

При этом в письме Государственного арбитража при Совете Министров СССР от 25 марта 1967 г. № И-7-45 было разъяснено, что в тех случаях, когда грузополучатель не согласен с требованием дороги об уплате тарифов и сборов, но с тем, чтобы не задерживать прием груза, вносит требуемые платежи, он должен потребовать от железной дороги составления акта общей формы о том, что считает неправильным взыскание платежей и сборов. В этом случае грузополучатель вправе заявить дороге претензию и иск о возврате платежей и сборов [\[255\]](#).

Такая практика органов государственного арбитража по существу является правильной. Но, к сожалению, она не основана на законе. Соглашение Государственного арбитража при Совете Министров СССР с Министерством путей сообщения по этому вопросу несомненно имеет важное значение, но не имеет достаточной юридической силы, так как соглашением даже таких двух высоких органов не может быть изменено правило, установленное Советом Министров СССР. Для того чтобы привести складывающуюся практику в соответствие с требованиями принципа социалистической законности, указанным органам, поскольку в принципе этот вопрос ими согласован, необходимо сделать соответствующее представление в Совет Министров СССР на предмет отмены правила, закрепленного в ч. 3 ст. 75 УЖД.

К этому же виду мер оперативного воздействия относится право поставщика перевести неисправного плательщика на аккредитивную форму расчетов или на предварительную оплату продукции.

Постановлением Совета Министров СССР от 3 апреля 1967 г. <О мерах по дальнейшему улучшению кредитования и расчетов в народном хозяйстве и повышению роли кредита в стимулировании производства> [\[256\]](#), п. 13 было предусмотрено, что <при

систематической задержке платежей (независимо от длительности задержки) поставщик имеет право переводить неисправного иногороднего плательщика на аккредитивную форму расчетов, а одногороднего плательщика - на предварительную оплату продукции».

Этот новый порядок применения указанной меры оперативного воздействия весьма существенно отличается от ранее действовавшего порядка [257]. Эти отличия состоят в следующем:

1. Если раньше такая мера оперативного воздействия применялась только при акцептной форме расчетов, то в настоящее время она может быть применена при задержке плательщиком оплаты счета при любой форме расчетов. Эта особенность обусловлена, в частности, тем, что раньше акцептная форма расчетов была основной формой расчетных отношений социалистических организаций, тогда как в настоящее время в соответствии с п. 12 названного постановления широкое распространение получают такие формы расчетов, как расчеты чеками из лимитированных и нелимитированных чековых книжек, платежными поручениями или в порядке плановых платежей.

2. Если ранее действовавшее законодательство предусматривало возможность применения этой меры при просрочке более чем в 15 дней, то по новому законодательству такая мера оперативного воздействия применяется <при систематической задержке платежей (независимо от длительности задержки)>. Под систематической задержкой платежей следует прежде всего понимать задержку платежей несколько раз подряд, хотя бы и не на большой срок. Вместе с тем, учитывая общую тенденцию повышения ответственности предприятий в условиях новой экономической реформы, нашедшую свое выражение в Постановлении Совета Министров СССР от 27 октября 1967 г. № 988 [258], следует признать систематической также и задержку платежей хотя бы и один раз, но на длительный срок, так как по своим невыгодным имущественным последствиям для поставщика длительная задержка платежей даже более серьезна, чем неоднократная задержка платежей на ту же общую сумму и в течение того же (суммарного) срока просрочки.

3. Ранее действовавшее законодательство предусматривало границы применения данной меры оперативного воздействия во времени. Она могла применяться поставщиком лишь до полного погашения задолженности плательщиком. Постановление Совета Министров СССР от 3 апреля 1967 г. такого срока не устанавливает. Но несмотря на это следует признать, что и в новом законодательном варианте эта мера может быть применена поставщиком лишь до полного погашения задолженности плательщиком. Дело в том, что полное погашение задолженности плательщиком является в известной мере свидетельством улучшения его финансового положения и подтверждением того, что плательщик правильно отреагировал на принятые поставщиком меры. Поэтому требование поставщика о продолжении оплаты поставленной продукции в порядке аккредитивной формы расчетов или путем предварительной оплаты подлежащей поставке продукции и после погашения задолженности плательщиком всей задолженности следует рассматривать как осуществление предоставленного ему права в противоречии с назначением этого права (ст. 5 Основ).

Одним из необходимых условий применения по требованию поставщика аккредитивной формы расчетов или предварительной оплаты продукции является доведение этого решения поставщика до покупателя (получателя) продукции. Положения о поставках продукции предусматривают обязательность такого сообщения лишь в случае, когда покупатель не является стороной по договору (п. 56 Положений о поставках). Между тем несомненно, что такое требование должно быть признано обязательным во всех случаях,

так как иначе покупатель (плательщик), не зная о применении к нему такой меры, не сможет своевременно выставить аккредитив или заблаговременно оплатить продукцию. Поэтому в практике арбитражей при отсутствии извещения покупателя (плательщика) о переводе его на аккредитивную форму расчетов штраф за невыставление аккредитива в установленный законом срок не взыскивается.

Вместе с тем в своем письме на конкретный запрос от 21 апреля 1965 г. Н И-1/7 Госарбитраж при Совете Министров СССР разъяснил, что о применении указанных мер оперативного воздействия поставщик обязан известить другую сторону заблаговременно либо одновременно с предъявлением требования о выставлении аккредитива или о предварительной оплате продукции. Однако в новых Положениях о поставках это правило своего отражения не нашло.

Постановлением Совета Министров СССР от 3 апреля 1967 г. <О мерах по дальнейшему улучшению кредитования и расчетов в народном хозяйстве и повышению роли кредита в стимулировании производства>, п. 13 введено новое правило о том, что в случае неоднократной отгрузки поставщиком продукции, не соответствующей по качеству и сортности условиям договора, покупателю предоставляется право оплачивать поставленную ему продукцию лишь после проверки ее качества[259].

Юридическая сущность этой исключительной оперативной меры, впервые закреплённой в советском гражданском законодательстве, заключается в предоставлении управомоченной стороне права отказать другой стороне во встречном удовлетворении до получения надлежащего исполнения. Экономический механизм ее воздействия связан с временным изъятием из сферы поставщика части оборотных средств в форме задержанных платежей сумм при недопущении кредитования поставщика Госбанком под расчетные документы на оплату данной продукции, что естественно отразится на прибыли, на уровне рентабельности предприятия-поставщика и в конечном счете на всех конечных показателях его работы. В условиях проводимой хозяйственной реформы, когда работа предприятий оценивается главным образом в зависимости от выполнения ими плана реализации продукции, от размера полученной ими прибыли и от уровня рентабельности, такая мера оперативного воздействия является весьма эффективным средством, побуждающим поставщика к улучшению качественных показателей его работы.

Учитывая большую экономическую эффективность этой меры, закон строго регламентирует пределы ее применения.

Право на оплату поставленной продукции лишь после ее качественной приемки возникает у покупателя в случаях неоднократной отгрузки поставщиком продукции, не соответствующей по качеству и сортности условиям договора. Под неоднократностью в данном случае следует понимать поставку нескольких партий продукции, независимо от размера этих партий, в разные сроки с нарушением условий о качестве и сортности против установленных договором. При этом не обязательно, чтобы каждая партия продукции целиком не соответствовала по качеству и сортности условиям договора. Для применения этой меры, на наш взгляд, достаточно, чтобы значительная часть продукции, поставленной в каждой партии, не соответствовала договорным условиям.

Важным требованием закона при применении этой меры является требование несоответствия продукции по качеству и сортности условиям договора и при этом только в случаях, когда такое несоответствие установлено на основании составленных в установленном законом порядке актов приемки продукции по качеству.

В связи с этим возникает вопрос, вправе ли покупатель перевести поставщика на оплату продукции после ее приемки по качеству в тех случаях, когда поставленная продукция оказалась более низкого сорта в сравнении с тем, который указан в документе, удостоверяющим качество продукции?

Этот вопрос следует решать по-разному. Если продукция соответствует требованиям договора о сортности, но ее сорт завышен в документе, удостоверяющем ее качество, то данная мера оперативного воздействия не применима. В этом случае покупатель вправе воспользоваться теми правами, которые предоставлены ему п. 66 Положения о поставках продукции производственно-технического назначения и п. 67 Положения о поставках товаров народного потребления [\[260\]](#). Если же поставленная продукция по сортности не только ниже, чем предусмотрено в документах о ее качестве, но и не соответствует требованиям договора о сортности, применение такой меры становится возможным, если соблюдены все иные условия ее применения, в частности, когда имели место неоднократные случаи такого рода, когда соблюдены сроки качественной приемки продукции и др.

Право покупателя перевести поставщика на оплату продукции после ее приемки по качеству ограничено определенным сроком. В соответствии с законом такой порядок расчетов может вводиться на срок до шести месяцев. Поскольку закон предусматривает также обязательное предварительное извещение об этом как поставщика, так и соответствующих учреждений Госбанка, следует признать целесообразным исчислять указанный срок с момента отсылки покупателем таких извещений. При этом следует иметь в виду, что указанный шестимесячный срок - это срок предельный. Поэтому в своем извещении о переводе поставщика на оплату продукции после ее приемки по качеству покупатель должен указать, на какой срок он считает необходимым перевести поставщика на указанную форму расчетов.

Предоставляя покупателю такое право, закон вместе с тем возлагает на него и целый ряд обязанностей. Такими обязанностями являются, в частности, строгое соблюдение установленного порядка активирования продукции в отношении сроков приемки, участия в приемке и подписании акта компетентных лиц и т. п.: обязательное предварительное извещение покупателя и соответствующего отделения Госбанка о применении данной меры.

Все рассмотренные до сих пор меры оперативного характера данного вида обладают одной, общей для них особенностью: они побуждают неисправного контрагента к надлежащему исполнению встречного удовлетворения.

В отличие от этого ряд мер оперативного характера, также связанных с обеспечением встречного удовлетворения, имеют иной характер действия: они предоставляют возможность самому управомоченному лицу получить встречное удовлетворение за счет находящегося в его ведении имущества неисправного контрагента.

Так, например, ст. 417 ГК предоставляет право комиссионеру удержать причитающиеся ему по договору комиссии суммы из всех сумм, поступивших к нему за счет комитента. Особенность этой меры оперативного воздействия состоит в том, что она в одних случаях выступает как мера правоохранительного порядка, связанная непосредственно с нарушением комитентом своих обязанностей, а в других случаях как мера превентивного характера, например, в случае учета комиссионного вознаграждения при выплате комитенту стоимости проданной вещи.

Аналогичное право предоставлено также подрядчику по договору бытового подряда. Согласно ст. 366 ГК в случае неявки заказчика за получением вещи подрядчику предоставлено право продать вещь в установленном законом порядке, а вырученную сумму, за вычетом всех причитающихся ему платежей, внести в депозит нотариальной конторы на имя заказчика[261]. При этом, однако, такое право возникает у подрядчика лишь по истечении шести месяцев со дня, когда, согласно договору, вещь должна быть передана заказчику, и последующего двукратного предупреждения заказчика о необходимости получения изготовленной вещи.

Несколько своеобразны предусмотренные для аналогичных случаев правила, регулирующие отношения по хранению имущества. Согласно ст. 430 ГК, если хранителем является гражданин, то он при уклонении лица, сдавшего вещь на хранение, от ее получения не вправе сам реализовать это имущество, а может лишь требовать его принудительной продажи через суд в порядке, установленном для исполнения судебных решений. Но если хранителем является социалистическая организация, то в аналогичной ситуации она вправе произвести самостоятельно реализацию невостребованного имущества в порядке, предусмотренном ее уставом или положением.

Так, например, п. 18 Типового устава ломбарда[262] предусматривает, что в случае невостребования сданных на хранение вещей в срок, на который они были сданы на хранение, и хранение не будет возобновлено, ломбард обязан хранить эти вещи в течение трех месяцев. По истечении этого срока ломбард вправе реализовать эти вещи путем передачи их для комиссионной продажи торговым организациям. Из суммы, вырученной от продажи этих вещей, погашается плата за хранение и иные требования ломбарда, а остаток возвращается владельцу вещи по предъявлении им соответствующих документов (п. 20 Устава).

3. Меры оперативного воздействия, связанные с отказом совершить определенные действия в интересах неисправного контрагента (меры отказного характера). Следует различать по крайней мере три вида оперативных мер отказного характера: во-первых, отказ от договора, во-вторых, отказ от принятия ненадлежащего исполнения и, в-третьих, отказ во встречном удовлетворении по причине ненадлежащего исполнения обязательства.

Наиболее серьезной мерой оперативного воздействия отказного характера является односторонний отказ управомоченного лица от договора вследствие его неисполнения или ненадлежащего исполнения другой стороной. Отказ от договора является оперативной мерой универсального характера, направленной на полное прекращение отношений управомоченного лица с неисправным контрагентом.

Регламентируя способы досрочного прекращения обязательств, действующее гражданское законодательство употребляет различные термины. Наиболее часто закон употребляет термины <расторжение договора> (ст. ст. 246, 289, 290, 329, 330, 332, 333, 347, 348 и др. ГК) и <отказ от договора> (ст. ст. 243, 244, 282, ч. 2 ст. 290, ч. 1 и 2 ст. 360, ч. 2 и 3 ст. 364, ст. ст. 381, 401, 419 ГК). Иногда в литературе эти понятия отождествляются и различие в их употреблении сводится по существу <к ничем не оправданному разнобою в терминологии>[263]. С таким мнением трудно согласиться. Действительно, в законодательстве есть несколько случаев, когда применение того или иного термина можно признать спорным[264]. Однако если не считать этих нескольких неточностей, то в общей массе всех случаев употребления указанных терминов совершенно четко выступает различие между ними. Несмотря на то что право на расторжение договора и право на отказ от договора преследуют одну и ту же конечную цель - прекращение договорных

отношений, они тем не менее весьма существенно различаются по способам их осуществления.

Если расторжение договора есть способ прекращения договорных отношений посредством обращения управомоченного лица к компетентным государственным или общественным органам, то отказ от договора есть способ прекращения договорных отношений управомоченным лицом в одностороннем порядке. Это подтверждается прежде всего тем, что, регламентируя расторжение договора, закон в большинстве случаев разъясняет, в каком порядке (в судебном, арбитражном, третейском) это право может быть осуществлено, тогда как, говоря об отказе от договора, закон таких оговорок вообще не делает. Да и сам характер случаев, когда закон допускает отказ от договора (когда продавец не передал или покупатель не принял вещь; наймодатель не передает нанимателю имущество, подрядчик не приступает к работе, перевозчик не предоставляет соответствующего билета места и т. п.), свидетельствует о том, что в этих случаях в ответ на односторонние действия нарушителя договора закон дает одностороннее право его контрагенту.

Более того, в ряде случаев закон совершенно четко определяет отказ от договора как меру одностороннюю. Так, ст. 419 ГК, предоставляя право комиссионеру отказаться от договора в случае его нарушения комитентом, лишь обязывает его сообщить комитенту о своем отказе от договора. Поэтому, на наш взгляд, права проф. Е. А. Флейшиц, когда она отмечает, что в случае отказа от договора речь идет <о праве стороны, в отношении которой другая сторона нарушила свои договорные обязанности, <отказаться от договора> - очевидно, путем внесудебного заявления об этом своему контрагенту, который, разумеется, не лишен права оспорить это заявление в суде, арбитраже, третейском суде>[\[265\]](#).

Следует, однако, иметь в виду, что предусмотренные законом случаи одностороннего отказа от договора не всегда являются мерами оперативного воздействия. Отказ от договора может быть отнесен к мерам оперативного воздействия только в тех случаях, когда он применяется управомоченным лицом в ответ на нарушение обязанности другой стороной. В тех же случаях, когда закон допускает отказ от договора <в любое время>, т. е. независимо от нарушения договора другой стороной (ст. ст. 290, 401, 424 ГК), а также в иных случаях, не связанных с нарушением обязательства должником, например вследствие невозможности исполнения (ст. 419 ГК), отказ от договора следует рассматривать лишь как способ одностороннего прекращения обязательства, но не как меру оперативного воздействия.

Практическое значение такого разграничения состоит в том, что применение отказа от договора как меры оперативного воздействия на неисправного контрагента влечет за собой также и обязанность последнего возместить причиненные кредитору убытки, тогда как, воспользовавшись правом одностороннего отказа от договора, при отсутствии нарушения договора обязанным лицом управомоченный субъект сам в ряде случаев обязан возместить другой стороне ущерб, причиненный своим отказом. Так, если поверенный отказался от договора при условии, когда доверитель лишен возможности иначе обеспечить свои интересы, поверенный обязан возместить причиненные прекращением договора убытки (ст. 401 ГК). Однако поскольку мы в данном случае имеем дело с причинением убытков правомерными действиями, связанными с осуществлением управомоченным лицом предоставленного ему права, то по аналогии со ст. 444, ч. 3 следует признать, что убытки, причиненные правомерным отказом от договора, при отсутствии его нарушения другой стороной подлежат возмещению лишь в случаях, предусмотренных законом.

Каковы же юридические границы применения такой меры оперативного воздействия, как односторонний отказ от договора?

Поскольку всякий отказ от договора есть в то же самое время и отказ от его исполнения лицом, применившим данную меру к неисправному контрагенту, следует признать, что на эти случаи распространяется правило ч. 4 ст. 33 Основ (ст. 169 ГК), согласно которому односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение условий договора не допускается, за исключением случаев, предусмотренных законом.

Из этого прежде всего вытекает, что границы применения такой меры оперативного воздействия, как односторонний отказ от договора, определены случаями, прямо предусмотренными законом.

В связи с этим возникает практически важный вопрос о том, следует ли считать законным условие об одностороннем отказе от договора, включенное сторонами в сам текст заключенного ими договора? По мнению З. М. Заменгоф, <здесь можно говорить о своеобразном случае расторжения и изменения договора по соглашению сторон> [266], так как стороны заранее, уже при заключении договора, согласовали такое условие.

На наш взгляд, вопрос этот нельзя решить однозначно, как это предлагается в данном случае. Он может быть решен правильно лишь с учетом конкретных особенностей того или иного договора. Очевидно, прежде всего, что вопрос о включении такого условия в договор может возникнуть только при заключении таких договоров либо применительно к таким условиям договора, для которых закон не предусматривает право одностороннего отказа, так как в противном случае это было бы простым повторением в договоре того, что предусмотрено законом. Не менее очевидно и то, что само по себе соглашение сторон по такому вопросу еще ничего не дает для правильного решения вопроса, так как такое соглашение может быть законным, а может быть и незаконным. Так, например, при заключении планируемого хозяйственного договора социалистическими организациями включение такого условия в договор едва ли можно признать законным, так как своим соглашением стороны в данном случае подрывают плановую основу договора. Такое условие должно быть признано незаконным, как противоречащее плановому заданию. В тех же случаях, когда договор заключается по инициативе самих социалистических организаций, а также в договорах с участием граждан включение такого условия в договор вполне допустимо, если согласие это было добровольным, а не вынужденным какими-либо привходящими обстоятельствами. Допустимо включение такого условия в договор также в случаях, когда сам закон предоставляет сторонам такое право. Так, например, ст. 419 ГК, определяя принципиальную недопустимость одностороннего отказа комиссионера от договора, вместе с тем предоставляет сторонам право установить на этот счет в договоре иные правила.

Поэтому упрек в адрес арбитражной практики которая не выработала для таких случаев единого подхода [267], нельзя признать основательным, так как такого <единого подхода> вообще быть не может. Здесь многое зависит от конкретных обстоятельств дела.

Пределы применения этой меры оперативного воздействия определяются также теми конкретными условиями, при наличии которых закон допускает односторонний отказ от договора. Эти условия закон формулирует по-разному. В одних случаях закон допускает односторонний отказ от договора лишь при наличии одного, строго определенного нарушения обязательства должником (ст. ст. 243, 244, 282 ГК и др.); в других - при наличии одного из нескольких названных в законе нарушений (ст. ст. 360, 381 ГК); наконец, в некоторых случаях закон дает общее определение условий применения этой

меры, допуская отказ от договора при условии нарушения его другой стороной (ст. 419 ГК).

Это последнее решение, на наш взгляд, не представляется удачным. Согласно ч. 1 ст. 419 ГК комиссионер не вправе, если иное не предусмотрено договором, отказаться от исполнения принятого поручения, за исключением случаев, когда это вызвано невозможностью исполнения или нарушением комитентом договора комиссии. Из этого следует, что комиссионер вправе отказаться от договора в трех случаях: а) если это предусмотрено договором; б) при невозможности исполнения поручения и в) при нарушении договора комитентом. Допуская односторонний отказ от договора при нарушении его комитентом, закон не оговаривает, каков должен быть характер этих нарушений. Создается положение, при котором отказ от договора может последовать даже при незначительных и несущественных нарушениях, допущенных комитентом.

Не говоря уже о том, что такая регламентация одностороннего отказа от договора недостаточно хорошо оберегает интересы комитента, следует признать, что такое слишком общее определение границ применения названной оперативной меры не соответствует характеру самой меры, которая по своей природе есть мера экстраординарная, применяемая в строго исключительных случаях, равно как не соответствует и основной идее ст. 419 ГК, которая исходит из принципиальной недопустимости одностороннего отказа от договора, кроме отдельных случаев. Допущение отказа от договора при любом нарушении его со стороны комитента по существу подрывает этот принцип, распространяя исключение на очень широкий круг случаев. Представляется более правильным поставить применение указанной меры в зависимость от нарушения существенных условий договора комитентом, как это сделано, например, для случаев расторжения договора подряда (ч. 2 и 3 ст. 364 ГК).

В отличие от одностороннего отказа от договора такие меры оперативного воздействия, как отказ от ненадлежащего исполнения, носят не универсальный, а частный характер. Они не влекут за собой прекращения правовых отношений между сторонами, а имеют своим назначением обеспечение надлежащего исполнения обязанности должником.

Особенность этих мер оперативного воздействия состоит также в том, что они, как правило, сопутствуют друг другу. Так, отказ от принятия ненадлежащего исполнения, как правило, влечет за собой и отказ кредитора во встречном удовлетворении должника (например, отказ от принятия недоброкачественной продукции влечет за собой и отказ в ее оплате), а отказ во встречном удовлетворении допускается законом по общему правилу только в случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства.

Отказ от принятия исполнения как мера оперативного воздействия, как правило, связан с нарушением обязанным лицом условий о сроках, способах или качестве исполнения.

Нарушение условия о сроке исполнения может быть двояким: во-первых, при исполнении обязательства до наступления срока исполнения (досрочное исполнение) и, во-вторых, при исполнении обязательства после истечения установленного срока исполнения (просрочка исполнения).

Досрочное исполнение обязательства не всегда является благом. В ряде случаев, в особенности в отношениях между социалистическими организациями, которые работают по плану, такое досрочное исполнение обязательства может привести к невыгодным последствиям для предприятия-кредитора: в частности, привести к затовариванию, к омертвлению на некоторый период оборотных средств, к излишним расходам по

складированию и хранению досрочно полученной продукции и т. п. Поэтому регламентация досрочного исполнения действующим законодательством весьма своеобразна.

Общий принцип, закрепленный в ч. 1 ст. 173 ГК, сводится к тому, что должник вправе исполнить обязательство досрочно, если иное не вытекает из закона, договора или из существа обязательства. Из этого следует, что досрочное исполнение обязательства в принципе есть действие правомерное и отказ кредитора от такого исполнения допустим лишь тогда, когда это предусмотрено самим законом, договором или вытекает из существа обязательства (например, при досрочном возврате вещей, сданных на хранение).

Вместе с тем закон предусматривает на этот счет и ряд исключительных правил. Так, согласно ч. 2 ст. 173 ГК досрочное исполнение обязательства в отношениях между социалистическими организациями в принципе признается недопустимым. Досрочное исполнение обязательства в этих случаях допустимо лишь тогда, когда это установлено законом, договором либо с согласия кредитора.

Еще более строго подходят к досрочному исполнению обязательства Положения о поставках продукции. Пунктом 29 Положения о поставках продукции производственно-технического назначения и п. 26 Положения о поставках товаров народного потребления предусмотрено, что досрочная поставка продукции допускается с согласия покупателя. В практике, однако, встречается достаточное количество случаев досрочной поставки продукции без согласия покупателя. Практика показала вместе с тем, что предоставление покупателю права в этом случае отказаться от принятия и оплаты продукции и взыскать с поставщика убытки, возникшие вследствие производимых покупателем затрат на приемку, складирование и хранение такой продукции, не дает должного результата. В связи с этим Постановлением Совета Министров СССР от 27 октября 1967 г. <О материальной ответственности предприятий и организаций за невыполнение заданий и обязательств> было предусмотрено, что в случае поставки без согласия покупателя продукции, не предусмотренной договором (включая поставку продукции сверх установленного договором количества по отдельным наименованиям ассортимента и досрочную поставку), при отказе покупателя от принятия этой продукции для использования и оставления ее на ответственное хранение поставщик уплачивает покупателю неустойку: по продукции производственно-технического назначения в размере 3%, по товарам народного потребления - 2%, а по скоропортящейся продукции - 5 % стоимости непринятой продукции[268].

Иначе решен вопрос о досрочном исполнении в законодательстве о подрядных договорах на капитальное строительство. Правила о подрядных договорах на капитальное строительство не предусматривают каких-либо ограничений подрядчика в отношении досрочного исполнения договора. Более того, закон устанавливает обязанность заказчика принять готовый объект по его предъявлению подрядчиком. При задержке заказчиком начала приемки объекта он обязан уплатить подрядчику штраф в установленном законом размере. Следовательно, в данном случае такая мера оперативного воздействия, как отказ кредитора от принятия досрочного исполнения, не применима вообще.

Следует вместе с тем отметить, что исключение, предусмотренное для социалистических организаций ч. 2 ст. 173 ГК, не применяется и в ряде других случаев. Так, например, оно не применимо в отношениях между социалистическими организациями при исполнении денежных обязательств. Досрочное внесение денежных платежей должником ни в какой мере не ущемляет интересы кредитора, не может причинить ему никаких убытков. Поэтому такого рода досрочное исполнение следует рассматривать как надлежащее

исполнение, отказ от которого недопустим. Причем досрочное исполнение денежных обязательств в форме авансирования другой стороны допускается лишь в случаях, прямо предусмотренных законом.

На практике ненадлежащее исполнение обязательства по срокам чаще всего имеет место в форме просрочки должника в исполнении обязательства. На этот случай ч. 2 ст. 225 ГК предусматривает, что, если вследствие просрочки должника исполнение утратило интерес для кредитора, он вправе отказаться от принятия исполнения и требовать возмещения убытков. Этот общий принцип не применим, однако, к отношениям между социалистическими организациями, где отказ от просроченного исполнения допускается только в случаях и на условиях, установленных законом или договором. Так, например, при поставках продукции покупатель вправе отказаться от принятия продукции, поставка которой просрочена, лишь тогда, когда договором не предусмотрены иные условия. При этом покупатель обязан уведомить поставщика об этом отказе заблаговременно. Продукция, отгруженная поставщиком до получения такого уведомления, должна быть покупателем принята и оплачена^[269]. По договору подряда на капитальное строительство такой отказ вообще не допустим. Не допускается законом также и отказ от принятия груза, доставленного с просрочкой транспортной организацией, за исключением того случая, когда качество груза вследствие его порчи или повреждения в пути изменилось настолько, что исключается возможность его полного или частичного использования (см. ст. 63 УЖД, ст. 96 УВВТ).

При определении пределов применения такой меры оперативного воздействия, как отказ от принятия просроченного исполнения, важное практическое значение имеет вопрос: является ли данная мера безусловной, либо она применяется лишь в случае виновной просрочки должника в исполнении обязательства?

Примечание к ст. 121 ГК РСФСР 1922 г. устанавливало правило, согласно которому <просрочка не наступает, пока исполнение не может последовать вследствие обстоятельств, за которые должник не отвечает, в частности, вследствие просрочки кредитора>. Из этого следует, что прежнее гражданское законодательство исходило из принципа: <нет вины должника - нет и просрочки в исполнении обязательства>.

Действующий ГК 1964 г. существенно изменил это положение. Согласно ч. 3 ст. 225 <должник не считается просрочившим, пока обязательство не может быть исполнено вследствие просрочки кредитора>. А из этого вытекает, что просрочкой признается всякое опоздание в исполнении обязательства против установленного срока, независимо от того, было ли это нарушение сроков виновным или невиновным со стороны должника. Только просрочка со стороны кредитора исключает просрочку должника.

Тот факт, что действующее гражданское законодательство признает просрочкой должника как виновное, так и невиновное (кроме случая, обусловленного просрочкой кредитора) неисполнение обязательства в установленный срок, с необходимостью требует ответа на вопрос: в каких случаях при просрочке должника необходимо установление вины должника, а когда этого не требуется?

Как вытекает из действующего гражданского законодательства (ст. 37 Основ), вина есть условие гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства. Поэтому лишь виновная просрочка должника влечет за собой возложение на него гражданско-правовой ответственности, а следовательно, и применение гражданско-правовых санкций. Это означает, что предусмотренное ч. 1 и 2 ст. 225 ГК право кредитора требовать возмещения убытков возникает лишь при наличии

виновной просрочки со стороны должника. При этом виновная просрочка должника влечет за собой также и его ответственность за случайно наступившую невозможность исполне

4. Пределы осуществления управомоченным лицом требования о защите права, обращенного к компетентным государственным или общественным органам

Возможность обратиться к компетентным государственным или общественным органам за защитой материального субъективного права является важнейшей в содержании принадлежащего управомоченному лицу права на защиту. И хотя обеспечительную сторону права нельзя сводить только к применению мер государственного принуждения, следует признать, что подключение управомоченным лицом к реализации своего права аппарата государственного принуждения является важнейшим условием реальности и гарантированности прав социалистических организаций и граждан.

Чем же определяются пределы осуществления требования о защите права?

Следует прежде всего иметь в виду, что требование защиты права имеет две стороны: процессуально-правовую, связанную с порядком заявления и рассмотрения требования, и материально-правовую, связанную с его удовлетворением. Поэтому вопрос о пределах осуществления названного требования следует рассматривать с позиций как материально-правовых, так и процессуально-правовых. Проблемы процессуально-правовых границ осуществления требования защиты права выходят за рамки настоящей работы. Поэтому здесь будут рассмотрены лишь те вопросы, которые в значительной мере связаны с проблемами материально-правового характера.

Рассматривая с этой точки зрения действующее гражданско-правовое законодательство, можно констатировать, что советское гражданское право определяет границы осуществления требования защиты субъективных гражданских прав посредством определения в законе субъектов, сроков защиты права и назначения права на защиту в социалистическом обществе. В связи с этим особенно важное значение приобретают три проблемы: во-первых, вопрос о пределах осуществления управомоченным лицом требования защиты права в связи с установлением определенной подведомственности гражданско-правовых споров; во-вторых, вопрос о пределах осуществления названного права во времени; в-третьих, вопрос об осуществлении требования защиты права в соответствии с его назначением в социалистическом обществе.

1. Пределы осуществления требования защиты права и некоторые вопросы подведомственности гражданско-правовых споров. Вопрос о подведомственности - это прежде всего вопрос о том, какой государственный или общественный орган правомочен рассматривать тот или иной гражданско-правовой спор, на ком именно лежит обязанность защитить нарушенное субъективное гражданское право заявителя. От правильного решения вопроса о подведомственности споров зависит обеспечение реальности и гарантированности прав граждан и организаций.

В настоящее время вопросы подведомственности исследуются, как правило, лишь представителями науки советского гражданского процессуального права. И это естественно. Решение вопроса о том, относится ли рассмотрение данного конкретного дела к ведению данного органа или не относится, - это вопрос, связанный с заявлением требования о защите права, но не с его удовлетворением. И с этой точки зрения проблема подведомственности есть, несомненно, прежде всего проблема процессуальная.

Но вместе с тем проблема эта непосредственно связана также и с материальным правом, так как целый ряд вопросов подведомственности разрешен не процессуальным, а материальным законом. Так, Основы гражданского законодательства в ст. 6 установили общее правило о том, какие именно органы правомочны рассматривать гражданские дела, осуществлять защиту гражданских прав. Согласно этой статье защита гражданских прав осуществляется судом, арбитражем, третейским судом, профсоюзными или иными общественными организациями, а в особо предусмотренных случаях также и в административном порядке.

Соответственно этому отдельные статьи Основ и гражданских кодексов республик определяют, какому органу подведомственно решение того или иного спора (см. ст. ст. 7, 10, 34 (ч. 3), 59, 61 - 63 и др. Основ; ст. ст. 7, 13, 15, 16, 18 - 22 и многие другие статьи ГК РСФСР).

Установление в законе определенной подведомственности гражданских споров имеет двоякое значение: с одной стороны, такой порядок разграничивает юрисдикционную компетенцию различных государственных и общественных органов по рассмотрению гражданских дел и тем самым определяет известные границы осуществления управомоченным лицом требования защиты права, поскольку с таким требованием управомоченный вправе обратиться только к определенному органу; а с другой стороны, установленный законом порядок подведомственности споров призван обеспечить надлежащую защиту прав и интересов граждан и организаций.

Особенно важное значение проблема подведомственности гражданско-правовых споров приобретает в связи с рассмотрением гражданских дел в административном порядке. Это объясняется прежде всего тем, что административный порядок рассмотрения споров, обладая некоторыми достоинствами, в частности возможностью значительно сократить сроки рассмотрения споров, тем не менее не обладает необходимым количеством правовых средств, обеспечивающих максимальную гарантию правильного разрешения дела. Как правильно отмечал С. В. Курылев, <разрешение гражданских споров в административном порядке характеризуется минимумом определенной законом процессуальной формы>[274], хотя и в этом случае защита права осуществляется в установленном законом порядке, с соблюдением определенных правил и предоставлением сторонам известных правовых гарантий[275].

Согласно ст. 6 Основ административный порядок защиты гражданских прав применяется лишь в случаях, <особо предусмотренных законом>. Это значит, что административное разрешение гражданских дел имеет исключительный характер.

И это не случайно. Одной из тенденций развития права, закономерностью его развития является соответствие материальному праву процессуальных форм его защиты[276]. Эта закономерность была установлена К. Марксом, который в статье: <Дебаты по поводу закона о краже леса> (статья третья) писал, что <материальное право... имеет свои необходимые, присущие ему процессуальные формы>[277].

Соответствие процессуальной формы характеру материального права находит свое выражение прежде всего в том, что как материальное право, так и процессуальные формы его осуществления и защиты имеют в своей основе единую экономическую, политическую и идеологическую базу, вследствие чего, как говорит К. Маркс, единый дух должен пронизывать как материальное, так и процессуальное законодательство. Практически это означает, что как материальное право, так и процессуальная форма его защиты должны базироваться на одних и тех же основополагающих принципах.

Соответствие процессуальной формы характеру материального права обнаруживается также в том, что характер материального права определяет основную сферу приложения данной процессуальной формы его осуществления и защиты. Как правильно отмечает В. Д. Сорокин, «если мы признаем, что служебное назначение процессуальных норм состоит в обеспечении реализации норм материальных, то неизбежным следствием этого должно быть признание существования определенных групп процессуальных норм, обслуживающих каждую отрасль материального права» [\[278\]](#).

Это соответствие находит, далее, свое выражение в том, что сам характер процессуальной формы осуществления и защиты в значительной мере определяется специфическими особенностями материального права, особенностями складывающихся между участниками материально-правовых отношений. Как известно, советское гражданское право регулирует имущественные отношения, обусловленные использованием товарно-денежной формы в коммунистическом строительстве, и связанные с ними личные неимущественные отношения. Особенность этих отношений заключается прежде всего в равном положении их участников, в их независимом (в административном или имущественном отношении) положении по отношению друг к другу. Из этого следует, что процессуальная форма защиты гражданских прав должна отвечать по крайней мере следующим требованиям: во-первых, ее применение должно быть рассчитано на возникновение спора между сторонами; во-вторых, она должна использоваться по общему правилу при возбуждении дела самими сторонами, а в случаях, установленных законом, также и при возбуждении дела лицами, призванными действовать таким образом в интересах одной из сторон, либо в интересах общественных; в-третьих, она должна обеспечить равное положение сторон при рассмотрении спора; в-четвертых, разбирательство должно носить, если так можно сказать, третейский характер, т. е. орган, рассматривающий спор, не должен находиться в особых отношениях с одной из сторон и не должен быть заинтересован в разрешении дела в пользу одной из сторон; в-пятых, она должна обеспечить максимум гарантий правильного разрешения спора, что может быть достигнуто лишь при строгой законодательной регламентации самого порядка рассмотрения спора.

Всем этим требованиям в полной мере отвечает лишь исковая форма защиты гражданских прав, которая поэтому и является основной формой их защиты.

Административный порядок защиты гражданских прав этим требованиям в значительной мере не отвечает. По своему характеру он соответствует таким отношениям, которые основаны на подчинении одного субъекта другому. Поэтому основная сфера его применения - это рассмотрение споров, возникающих из административно-правовых отношений.

В советском гражданском праве административная форма защиты права применяется в исключительных случаях, когда специфические особенности конкретного случая допускают ее применение. Такими особенностями являются: малозначительность гражданско-правового спора (например, рассмотрение в административном порядке споров между социалистическими организациями на сумму до 100 руб.), необходимость быстрого рассмотрения дела (например, выселение нанимателя из дома, грозящего обвалом, в административном порядке с санкции прокурора), бесспорность заявленного одной из сторон требования (например, реализация бесспорного права на основе нотариальной надписи) и др.

Соответствие материальному праву процессуальной формы его защиты - объективная закономерность, получившая свое дальнейшее развитие в новом советском гражданском законодательстве.

Это нашло свое выражение прежде всего в дальнейшем расширении исковой формы защиты гражданских прав. Наглядным примером этого является существенное изменение законодательства о защите жилищных прав советских граждан. Как известно, Постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. <О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах> [279] был предусмотрен довольно широкий круг случаев административного выселения граждан из занимаемых ими жилых помещений в ведомственном жилом фонде.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 сентября 1953 г. <Об отмене административного выселения из домов государственных предприятий, учреждений и организаций рабочих и служащих, прекративших трудовые отношения> [280] этот порядок был коренным образом изменен. Указ установил, что по общему правилу выселение из ведомственных домов рабочих и служащих, прекративших трудовые отношения, может производиться только в судебном порядке. В виде исключения административный порядок выселения был сохранен только для отдельных, наиболее важных отраслей народного хозяйства и некоторых ведомств при условии, что рабочий или служащий прекратил трудовые отношения с организацией по собственному желанию, уволен за нарушение трудовой дисциплины или за совершение преступления.

Основы гражданского законодательства пошли в этом отношении еще дальше. Статьей 62 Основ было установлено, что выселение рабочих и служащих, прекративших трудовые отношения с организацией, может быть произведено только в судебном порядке. Статья 63 Основ предусмотрела недопустимость административного выселения вообще, за исключением случаев выселения лиц, самоуправно занявших жилое помещение, а также нанимателей из домов, грозящих обвалом. Основы предоставили право республикам предусмотреть выселение в административном порядке также в случаях выселения из служебных помещений, общежитий и гостиниц. Таким образом, процессуальная форма защиты жилищных прав была приведена, за очень небольшим исключением, в соответствие с характером материально-правовых отношений.

Другой пример. Основными условиями поставки промышленных товаров народного потребления, утвержденных Советом Министров СССР в 1954 г., предусматривалось, что споры по установлению ассортимента между предприятиями-поставщиками и базами-покупателями рассматриваются главными производственными управлениями министерств, производящих товары народного потребления, совместно с всесоюзной конторой оптовой торговли Министерства торговли СССР. При недостижении соглашения в этой инстанции спор передавался на решение руководителей министерств. Согласно основным условиям поставки продовольственных товаров указанные споры разрешались министерствами торговли союзной, автономной республики, обл(край)торготделами. При неудовлетворительном решении дела спор мог быть перенесен поставщиком на рассмотрение органов арбитража.

Как видно из этого, особые условия предусматривали административный порядок рассмотрения споров чисто гражданско-правового характера. И только по товарам продовольственного назначения был установлен контроль арбитража за правильностью решения таких споров. Такое несоответствие процессуальной формы характеру материально-правовых отношений между поставщиками и потребителями возникло в результате некритического заимствования старого порядка рассмотрения споров при

фактическом изменении характера взаимоотношений между сторонами. Дело в том, что такой порядок был установлен ранее, когда органы оптовой торговли находились в ведении промышленных министерств. В этих условиях решение вопросов об ассортименте доставляемой продукции, например Главлегсбытом совместно с главными производственными управлениями того же министерства, было в какой-то мере обосновано. Однако с передачей в 1953 г. органов оптовой торговли в ведение Министерства торговли СССР существенно изменился характер взаимоотношений, превратив их из отношений внутриведомственных в отношения междуведомственные, которые могли строиться только на базе договорных оснований.

Практика очень быстро показала несостоятельность такого порядка рассмотрения споров. Поэтому утвержденные Советом Министров СССР в 1959 г. Положения о поставках продукции изменили этот порядок, предусмотрев арбитражный порядок разрешения указанной категории споров. Таким образом, и в данном случае законодательство пошло по пути дальнейшего приведения в соответствие процессуальных форм с характером материально-правовых отношений.

Несмотря на это, в литературе последнего времени ряд практических работников органов арбитража вновь ставят вопрос о передаче споров по ассортименту на решение вышестоящих органов контрагентов по договору. В обоснование этого предложения ссылаются на то, что во многих случаях арбитражи не располагают всеми необходимыми данными для решения спора[281]; что установление ассортимента связано с материально-техническим обеспечением поставщика, с его производственными возможностями, т. е. с проблемами, решение которых относится к компетенции планово-регулирующих органов[282]; что споры по ассортименту вообще не являются правовыми, а техническими или планово-организационными[283].

Едва ли эти доводы можно признать убедительными.

Слов нет, решение споров по ассортименту дело нелегкое. Однако арбитражи, как показывает практика, достаточно успешно с ними справляются. При этом органы арбитража имеют возможность в случае надобности запросить все необходимые данные, в том числе и мнение планово-регулирующих органов, и с учетом их решить спор. Следует, однако, в положении о государственном арбитраже более четко определить обязанности всех органов предоставлять органам арбитража необходимые данные и сроки их представления.

Нельзя согласиться и с тем, что споры по ассортименту не являются правовыми спорами. Ведь и при рассмотрении споров по исполнению договора органам арбитража очень часто приходится сталкиваться с решением проблем технических и планово-организационных, однако это обстоятельство само по себе не делает эти споры неправовыми. Ассортимент есть существенное условие договора поставки. И спор об ассортименте есть спор об установлении прав и обязанностей сторон, и уже по этой причине указанный спор следует считать спором о праве гражданском. Вместе с тем следует учитывать, что в подавляющем большинстве случаев договоры поставки заключаются на основе планового задания, которое устанавливает обязательство сторон заключить договор. Это обстоятельство гражданско-правовое, и спор по его выполнению, в том числе и спор об ассортименте, есть спор о праве гражданском, которому объективно соответствует исковая, а не административная форма его разрешения.

Но дело не только в этом. Пунктом 24 Положения о поставках товаров народного потребления покупателю предоставлено право при согласовании ассортимента отказаться

от товаров, не пользующихся спросом населения, и в этом случае [Положение] освобождает покупателя от ответственности. При этом поставщики обязываются законом в целях выполнения плана заменить такие товары другими видами соответствующей ассортиментной группы, на которые имеется опрос.

Это правило находится в соответствии с требованиями проводимой экономической реформы, которая предусматривает в качестве одного из важнейших показателей деятельности предприятия реализацию продукции. Несомненно, что требование выполнения плана по реализации продукции относится не только к поставщику, но и к покупателю, к торгующей организации. А из этого следует, что вопрос об установлении ассортимента в договоре приобретает еще большее значение. Практика показывает, что при этом, как правило, необходимо определенное воздействие на поставщиков, которые не всегда охотно идут навстречу требованиям покупателей.

Но такое воздействие не может быть обеспечено при рассмотрении споров по ассортименту вышестоящими органами поставщика и покупателя. Согласовывая ассортимент, эти органы выступают как равноправные партнеры. При таком положении одинаково трудно как самому поставщику, так и его вышестоящему органу добиться нужного ассортимента поставляемой продукции. С этой точки зрения рассмотрение споров по ассортименту органами государственного арбитража представляется более предпочтительным, так как арбитраж - орган междуведомственный, имеющий все возможности более активно решить дело с учетом как интересов сторон, так и интересов общегосударственных [284]. На наш взгляд, задача состоит не в том, чтобы избавить арбитраж от трудностей, связанных с рассмотрением данной категории дел, как это по существу предлагают некоторые работники арбитража, а в том, чтобы поднять работу арбитража на уровень требований, предъявляемых новой экономической формой.

Приведение процессуальной формы защиты права в соответствие с характером материального права нашло свое выражение также в дальнейшей дифференциации самой исковой формы защиты права.

Несмотря на то что Основы гражданского законодательства в регулировании имущественных отношений граждан и организаций исходят из принципа единства имущественного оборота и регулируют как отношения с участием граждан, так и отношения между социалистическими организациями, все же между отношениями с участием граждан и отношениями между социалистическими организациями есть известное различие в рамках этого единства. Если единство правового регулирования определяется тем, что как одни, так и другие отношения - это отношения имущественного характера, отношения социалистического типа, связанные с использованием товарно-денежной формы в коммунистическом строительстве, то различие в рамках этого единства определяется тем, что отношения между социалистическими организациями в значительно большей мере подвержены началам планирования, что это прежде всего отношения между государственными хозяйственными организациями, складывающиеся в рамках единой государственной социалистической собственности, что сама по себе хозяйственная деятельность социалистических организаций настолько сложна и разнообразна, что объективно требует специальной правовой регламентации.

Это обстоятельство определяет собой также единство и дифференциацию самой исковой формы защиты гражданских прав: защита прав граждан, а также прав социалистических организаций, где одной из сторон правоотношения является гражданин, осуществляется судом, тогда как защита прав социалистических организаций (кроме колхозов) осуществляется органами государственного и ведомственного арбитража.

Как судебная, так и арбитражная форма защиты права представляют собой исковую форму защиты. Однако они имеют весьма существенные особенности, которые определяются кругом и характером подлежащих защите субъективных гражданских прав, особенностями органов, осуществляющих эту защиту[285], а также особым характером самого производства по делу, регламентированного различными нормативными актами[286].

Приведение исковой формы защиты права в соответствие с характером защищаемых субъективных гражданских прав находит свое выражение также в дальнейшей демократизации исковой формы защиты права. Особенно важное значение с этой точки зрения имеют: расширение участия общественности в рассмотрении гражданских дел в суде, допущение третейского разбирательства споров как с участием граждан[287], так и споров между социалистическими организациями[288], введение для социалистических организаций обязательного доарбитражного порядка урегулирования споров, постепенное введение в жизнь принципа добровольного исполнения решений юрисдикционных органов сторонами по делу, передача ряда вопросов гражданско-правового характера на решение общественных организаций и товарищеских судов.

Требование соответствия характеру материального права процессуальных форм его защиты должно быть руководящим принципом как при законодательном решении вопросов подведомственности, так и при практическом разрешении тех или иных споров.

Из этого, конечно, не следует, что от этого требования не может быть никаких отступлений. Действующее законодательство показывает, что такие отступления имеют место. Однако такие отступления могут носить только законодательный характер и должны быть обоснованы серьезными причинами. Причем действующее гражданское законодательство предусматривает в ряде случаев судебный контроль за правильностью решения дел административными органами или общественностью. Так, например, отказ нанимателю в обмене жилого помещения может быть обжалован в судебном порядке (ст. 325 ГК); при несогласии рабочего или служащего с решением администрации или профсоюзного комитета о возмещении причиненного ему вреда он вправе обратиться за разрешением этого вопроса в народный суд и др.

Представляется целесообразным использовать аналогичную форму судебного или арбитражного контроля за решением гражданских дел административными органами также и в ряде других случаев.

Как известно, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1955 г.[289] было установлено, что споры между социалистическими организациями на сумму до 100 руб. (в действующем масштабе цен) должны разрешаться в административном порядке вышестоящими по отношению к должнику органами. Несмотря на то что такое решение проблемы подведомственности находится в противоречии с требованием соответствия материальному праву процессуальной формы его защиты, решение это в целом следует признать правильным. Основными причинами такого решения вопроса явились: во-первых, малозначительность спора и, во-вторых, дальнейшее развитие отношений товарищеского сотрудничества между социалистическими организациями, которые определяют высокую степень объективности в решении таких споров.

Однако в литературе последнего времени неоднократно высказывались предложения о передаче всех указанных споров на рассмотрение органов государственного арбитража.

Чтобы выяснить, насколько убедительны такие предложения, необходимо проследить, каковы в этом отношении тенденции арбитражной практики.

Нельзя не отметить, что, несмотря на изъятие указанной категории дел из подведомственности органов государственного арбитража, последнему постоянно приходится сталкиваться с такого рода делами. Уже Инструктивными указаниями Госарбитража при Совете Министров СССР от 11 апреля 1955 г.[\[290\]](#) предусматривались некоторые отступления от установленного порядка подведомственности. Впоследствии Инструктивным письмом от 30 июня 1956 г.[\[291\]](#) был установлен ряд случаев, когда допускалось объединение нескольких требований на сумму до 100 руб. и обращение с иском в органы государственного арбитража. В дальнейшем круг случаев, когда допускается объединение требований и предъявление исков в арбитраж, постепенно расширялся[\[292\]](#) и, наконец, нашел свое наиболее полное выражение в Инструктивном письме от 5 июля 1963 г.[\[293\]](#)

Можно таким образом констатировать, что на практике тенденция приведения процессуальной формы защиты права в соответствии с характером самого материального права проявляет себя применительно к указанной категории дел достаточно ярко, результатом чего по существу является изъятие значительного количества споров на сумму до 100 руб. из установленной законом административной подведомственности и применение к ним исковой формы защиты.

Вместе с тем практика показывает, что недостатки в рассмотрении споров указанной категории вышестоящими органами должника все же имеют место.

Наиболее часто встречающимися недостатками указанного порядка рассмотрения споров являются: во-первых, несоблюдение установленного законом порядка доарбитражного урегулирования споров и недостаточная требовательность в этом отношении органов, рассматривающих споры; во-вторых, сравнительно высокий процент отказов в иске по сравнению с обычным арбитражным и судебным порядком рассмотрения дел.

Однако, как нам представляется, такое положение все же не дает оснований для коренного изменения законодательства о подведомственности, т. е. для передачи всех без исключения споров на сумму до 100 руб. на рассмотрение органов государственного арбитража. Приведение процессуальной формы защиты права в соответствие с характером материального права может быть достигнуто в данном случае посредством предоставления права заявителю (кредитору), которому отказано в удовлетворении требования в административном порядке и который не согласен с таким решением, обратиться с иском в арбитраж. При этом следует предусмотреть, что такое обращение с иском в арбитраж допустимо лишь в случаях соблюдения заявителем претензионных сроков еще до заявления требования административным органам.

Такое решение имеет то преимущество, что оно, с одной стороны, не создаст серьезных обременений для органов арбитража, а с другой стороны, оно будет больше дисциплинировать как стороны, так и органы, рассматривающие споры, и вместе с тем обеспечит надлежащий контроль арбитража за законностью решений, выносимых административными органами.

Основания для установления судебного контроля за разрешением дел административными органами имеются, на наш взгляд, также и в случае возникновения споров между собственником строения и исполкомом местного Совета об оценке строений и

насаждений, сносимых в связи с отводом земельного участка для государственных и общественных надобностей.

Постановлением Совета Министров СССР от 15 декабря 1961 г. [294] установлено, что при сносе строения в связи с отводом земельного участка для государственных или общественных надобностей собственникам сносимых строений выплачивается стоимость сносимых строений, устройств, плодово-ягодных насаждений и посевов или по желанию собственника ему и членам его семьи предоставляется квартира по существующим нормам.

Решение об оценке строения выносится назначаемой исполкомом комиссией при участии собственника сносимого строения и утверждается исполкомом. Постановление предусматривает административный порядок обжалования такого решения. И хотя в данном случае отношения возникли из административно-правового акта отвода земельного участка для государственных и общественных надобностей, тем не менее вопрос об оценке строения - это вопрос гражданско-правового характера, вопрос о возмещении убытков, которые понес собственник в связи со сносом строения.

Поскольку в данном случае идет речь о защите субъективного гражданского права, то при наличии спора между собственником и соответствующим органом о размере компенсации, исковой порядок рассмотрения такого рода споров представляется более соответствующим характеру возникших отношений. Поэтому следует согласиться с высказанными в литературе предложениями о передаче такого рода споров из административной подведомственности в подведомственность судебных органов [295].

Требование соответствия материальному праву процессуальной формы его защиты должно соблюдаться также и при практическом разрешении тех или иных споров. Особенно важно иметь в виду указанное требование в случаях: а) когда закон вообще не определяет подведомственность того или иного спора; б) когда имеет место объединение связанных между собой нескольких требований, каждое из которых в соответствии с законом подчинено своим правилам о подведомственности; в) когда имеет место объединение нескольких требований, но закон устанавливает правила о подведомственности лишь для одного из них.

Относительно просто решается вопрос, когда закон не предусматривает подведомственности данного спора. В этом случае субъективные гражданские права подлежат защите в исковой форме, т. е. в зависимости от участников спора в суде или в арбитраже.

Значительно сложнее второй случай. Если закон определяет различную подведомственность нескольких объединенных в одном деле требований, то очевидно, что в целях более объективного и всестороннего его рассмотрения следует отдать предпочтение одной из указанных в законе форм защиты. На вопрос о том, какой именно форме защиты следует отдать предпочтение, действующее гражданское процессуальное законодательство дает ответ лишь применительно к одному конкретному случаю. Согласно ст. 27 ГПК при объединении нескольких связанных между собой требований, из которых одни подведомственны суду, а другие - органам арбитража, все требования подлежат рассмотрению в суде.

Однако это не единственный случай, когда коллизии подведомственности спора могут возникнуть. Во всех такого рода случаях предпочтение должно быть отдано судебному порядку рассмотрения дела как более соответствующему гражданско-правовому

характеру возникших отношений. Нельзя при этом не учесть, что исковая форма защиты права в сравнении с административным порядком является более универсальной, более демократичной формой, обеспечивающей максимум гарантий правильного и объективного разрешения дела.

Наиболее трудными с практической точки зрения являются те случаи, когда закон, несмотря на возможность объединения нескольких требований, определяет подведомственность лишь одного из них. Такое положение возникает, например, при применении ст. 337 ГК, которая предусматривает выселение граждан из домов, грозящих обвалом, но с предоставлением выселяемым другого жилого помещения.

В практике рассмотрения этой категории дел вопрос о подведомственности требования о предоставлении жилой площади при выселении по основаниям ст. 337 ГК получил разноречивые толкования. Наиболее ярко эти разноречия нашли свое выражение при разрешении известного дела Рябининых. Семья Рябининых из пяти человек проживала в доме барачного типа в комнате размером 12 кв. м. В связи с аварийным состоянием дома им была предоставлена другая площадь - комната в 14 кв. м и кухня 7 кв. м. В связи с отказом Рябининых добровольно переселиться на эту площадь было произведено их административное выселение с санкции прокурора района. Однако впоследствии это постановление было отменено прокуратурой Ярославской области по тем основаниям, что предоставленная Рябининым площадь не соответствует требованиям закона по размеру и благоустроенности. Поскольку дом, в котором проживали Рябининые, к этому моменту уже был снесен, последние обратились в суд с иском о предоставлении им другого, благоустроенного жилого помещения.

Народный суд удовлетворил иск, обязав завод предоставить семье Рябининых жилую площадь в благоустроенном доме капитального типа размером не менее 25 кв. м. Интересно, что в кассационном порядке завод не обжаловал это решение, но и в исполнение оно приведено не было.

Постановлением президиума Ярославского областного суда от 28 декабря 1966 г. указанное решение было отменено и дело прекращено за неподведомственностью. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР определением от 10 февраля 1967 г. оставила без удовлетворения протест заместителя прокурора РСФСР, отметив, что <разрешение данного вопроса в силу закона не входит в компетенцию судебных органов>.

Президиум Верховного суда РСФСР, рассматривая дело по протесту заместителя прокурора РСФСР, не согласился с такой позицией. Президиум отметил в своем постановлении, что <в данном случае спор возник не о соблюдении установленного ст. 337, ч. 2 ГК РСФСР порядка выселения из аварийного дома, так как выселение семьи Рябининых уже произведено, а о защите нарушенных жилищных прав и о возложении обязанности на завод по предоставлению им жилой площади в соответствии с требованиями ст. 331 ГК РСФСР> [296].

На этом основании Президиум пришел к выводу, что <вопрос о восстановлении нарушенных прав должен быть разрешен в судебном порядке> [297].

По протесту Председателя Верховного Суда СССР это дело было рассмотрено Пленумом Верховного Суда СССР. В своем Постановлении Пленум прежде всего обращает внимание на то, что ст. 63 Основ предусматривает в случае угрозы обвала дома административное выселение <при условии предоставления выселяемому другого

благоустроенного жилого помещения>. <Административное выселение из домов, грозящих обвалом... - говорится в постановлении, - своей обязательной составной частью предполагает предоставление выселяемому благоустроенного жилого помещения, и поэтому разделение этих двух положений не может быть признано обоснованным>.

То обстоятельство, что выселение Рябининых уже произведено, а постановление прокурора о даче санкции на выселение отменено, по мнению Пленума не меняет положения о неподведомственности данного спора суду, поскольку правовое основание для выселения с предоставлением другого помещения остается прежним - аварийное состояние дома.

Таким образом, Пленум признал, что данный спор не подведомствен судебным органам. Такое решение вопроса о подведомственности данного спора Пленумом Верховного Суда СССР представляется весьма спорным.

1. Прежде всего необходимо констатировать, что при применении ст. 337 ГК РСФСР (ст. 62 Основ) мы имеем дело с двумя требованиями встречного характера: а) с требованием наймодателя об административном выселении нанимателя и б) с требованием нанимателя о предоставлении ему другой благоустроенной жилой площади. При этом ст. 337 ГК во второй части говорит, что <выселение граждан из домов, грозящих обвалом, производится в административном порядке с санкции прокурора>. Следовательно, в отношении подведомственности первого требования закон устанавливает административный порядок, а подведомственность второго требования не определяет.

Вместе с тем ст. 6 Основ допускает применение административного порядка рассмотрения гражданских дел только в случаях, <особо предусмотренных законом>. А из этого следует, что недопустимо расширение сферы применения административного порядка рассмотрения гражданских дел за рамки, установленные законом. В данном случае, на наш взгляд, вступает в действие принцип соответствия материальному праву процессуальных форм его защиты, согласно которому право требовать предоставления другого благоустроенного жилого помещения должно защищаться в судебном, а не в административном порядке.

2. Распространяя сферу действия административного порядка и на это второе требование, Пленум исходит из неразрывной связанности двух указанных требований во всех без исключения случаях.

Действительно, такая связанность названных требований для некоторых случаев прямо предусмотрена законом. Согласно ст. 331, ч. 3 ГК РСФСР <помещение, предоставляемое выселяемому, должно быть указано в решении суда о расторжении договора найма и выселении нанимателя>. Как видно из этого, связанность названных требований предусмотрена законом лишь для случаев, когда договор найма расторгается в судебном порядке с предоставлением выселяемому другого жилого помещения.

Но применим ли указанный принцип при выселении нанимателя в административном порядке в связи с угрозой обвала дома? Решение этого вопроса зависит от того, что именно следует понимать под угрозой обвала дома? Под угрозой обвала дома, на наш взгляд, следует понимать такое состояние строения, когда налицо реальная возможность его разрушения, если не в данный момент, то в самом ближайшем будущем, например, с наступлением сезона дождей, сильных ветров, снегопадов и т. п. При таком положении создается реальная угроза жизни и здоровью граждан, их имуществу, и поэтому

применение административного порядка их выселения, дающего возможность оперативно решить вопрос, вполне оправдано.

Но как быть в случае, когда такая реальная угроза существует, а у организации, которая обязана по закону обеспечить выселяемого жилой площадью, в настоящий момент нет жилого помещения, удовлетворяющего требованиям закона? Следует ли принять немедленные меры к выселению нанимателя с обязательством в будущем предоставить ему соответствующую жилую площадь, либо надо ждать, когда такая площадь появится у организации, не считаясь с реальной угрозой обвала дома? Думается, что при таких обстоятельствах выдвинутый Пленумом принцип неразрывной связанности названных требований не применим. Не применим указанный принцип также и в тех случаях, когда сами фактические обстоятельства дела по существу свидетельствуют о разделении этих требований, как это, например, имело место в деле Рябининых, где первое требование уже не существует, а осталось лишь требование нанимателя о предоставлении ему другой благоустроенной жилой площади, для удовлетворения которого административный порядок законом не предусмотрен.

3. Обосновывая связанность требований и применение на этом основании административного порядка, Пленум по существу исходит из отождествления понятий <угрозы обвала дома> и <аварийности строений>. Между тем на практике к аварийным относятся не только строения, грозящие обвалом, что, как известно, встречается чрезвычайно редко, но и иные маломерные, главным образом деревянные строения, отслужившие свой срок и предназначенные к сносу, т. е. так называемые <планово-аварийные строения>, где ни о какой угрозе обвала нет и речи. В последнем случае вообще нет никаких оснований для применения ст. 337 ГК, так как фактически речь идет о сносе строения по иным основаниям. В данном случае правильнее, на наш взгляд, применять ст. 332 ГК, предусматривающую расторжение договора найма в судебном порядке в связи с отводом участка для государственных или общественных надобностей.

В связи с этим, на наш взгляд, коренного изменения требует и практика прокуратуры о даче санкции на административное выселение по мотиву угрозы обвала дома. Применение закона не может быть основано на суждениях приблизительного характера об <аварийности строений>. Думается, что такая санкция может быть дана лишь в случае, когда в акте прямо указано на угрозу обвала дома и указаны те причины, по которым комиссия, производившая обследование строения, пришла к таким выводам. Только при наличии действительной угрозы обвала дома прокуратура вправе принять дело к своему производству и вынести решение о даче санкции на административное выселение.

2. Пределы осуществления требования защиты права во времени. Как уже отмечалось, основной процессуальной формой защиты гражданских прав является исковая форма их защиты. Однако требование защиты права в исковой форме, обращенное к суду или арбитражу, не может быть безграничным во времени. Это обусловлено, во-первых, установлением в законе или договоре сроков существования самого субъективного права, с прекращением которого естественно отпадает и надобность в его защите; во-вторых, недопустимостью продолжительной неопределенности в существовании самой возможности применения мер принудительного воздействия к правонарушителю, действия которого, совершенные в прошлом, по истечении значительного времени могут утратить свой общественно опасный характер, и применение к нему мер принудительного воздействия может оказаться не только не нужным, но и противоречащим целям правового принуждения в социалистическом обществе; в-третьих, необходимостью выяснения объективной истины при рассмотрении каждого гражданского дела, так как со временем могут быть утрачены или обесценены доказательства, без которых правильное

решение дела станет невозможным; в-четвертых, необходимостью устранения медлительности и волокиты при защите прав социалистических организаций и граждан и укрепления государственной дисциплины в народном хозяйстве.

Осуществление управомоченным лицом требования защиты права, обращенного к суду или арбитражу, ограничено сроками исковой давности. Статья 16 Основ гражданского законодательства определяет исковую давность как срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено.

Это значит, что правовым последствием истечения срока исковой давности является утрата управомоченным лицом возможности осуществить принадлежащее ему материальное право в принудительном порядке. В настоящее время в советской гражданско-правовой литературе господствует мнение, что с истечением срока исковой давности не погашается право на предъявление иска, так как согласно ст. 16 Основ требование о защите нарушенного права принимается к рассмотрению судом, арбитражем или третейским судом независимо от истечения исковой давности[298].

Значительно более сложным и спорным является вопрос, связанный с применением ч. 1 ст. 89 ГК РСФСР после истечения срока исковой давности. Статья 89, ч. 1 гласит: <В случае исполнения обязанности должником по истечении срока исковой давности он не вправе требовать исполненное обратно, хотя бы в момент исполнения он и не знал об истечении давности>. Основной вопрос, который в связи с этим возник в гражданско-правовой литературе, состоит в том, прекращает ли свое существование с истечением срока исковой давности само субъективное гражданское право, либо с истечением давности погашается лишь возможность его принудительного осуществления, тогда как само субъективное гражданское право продолжает существовать?

Опираясь на буквальный текст ст. ст. 47 и 401 ГК 1922 г., И. Б. Новицкий высказал мысль о том, что, <когда мы имеем обязательство, по которому пропущен срок исковой давности, мы все-таки имеем перед собой обязательство. Так его называет закон (ст. 47 ГК)...>[299]. Объясняя далее свою позицию, И. Б. Новицкий исходит из значения исковой давности в гражданском праве и указывает, что <установлением сроков исковой давности вовсе не имеется в виду освободить обязанное лицо (физическое или юридическое) от лежащей на нем обязанности и этим как бы поощрять неисполнение обязанности в расчете на возможность пропуска управомоченным лицом срока на предъявление иска. Поэтому, отказывая управомоченному лицу в активной защите его права исковым порядком, советский закон все же считается с самим (материальным) его правом и соответствующей обязанностью на другой стороне, и в случае добровольного исполнения этой обязанности по истечении срока давности - такое исполнение признается имеющим юридическую силу>[300].

По мнению И. Б. Новицкого, санкция в форме иска не единственный способ осуществления и защиты субъективных гражданских прав, что возможна и более слабая форма санкции, в частности - признание юридической силы за произведенным по данному долгу исполнением[301].

По существу так же был решен этот вопрос Д. М. Генкиным. <Может ли существовать субъективное право, не опирающееся на принудительную санкцию со стороны органов государства?> - ставит вопрос Д. М. Генкин. И отвечает: <Нет, не может. Но принудительное осуществление права может осуществляться не только путем предъявления иска, но и путем возражения противопоставляемого предъявленному иску. В случае, если должник, добровольно исполнивший обязательство, по которому истек

срок исковой давности, предъявит иск о возврате исполненного, то его иск будет обессилен возражением в силу ст. ст. 47 и 401 ГК РСФСР. Поэтому, как общее правило, истечение срока исковой давности погашает право на иск в материальном смысле, но еще не погашает само субъективное право>[\[302\]](#).

Аналогичного мнения придерживается М. Я. Лапиров-Скобло, который считает, что если бы наш Гражданский кодекс стоял на точке зрения погашения давностью самого субъективного гражданского права, в законе не было бы предусмотрено восстановление судом права, которое прекратилось уже за истечением времени, установленного законом[\[303\]](#).

По мнению проф. Б. Б. Черепашина, по истечении срока исковой давности на истребование имущества из чужого незаконного владения у собственника все же сохраняется субъективное право собственности, хотя утрачивается возможность его принудительного осуществления[\[304\]](#).

В подтверждение этого Б. Б. Черепашин приводит еще один весьма существенный довод. <Надлежит признать, - пишет он, - что субъективное право не перестает существовать только из-за того, что оно потеряло свою принудительность. Необходимым условием такого бытия субъективного права при отпадении возможности принудительного осуществления является продолжающееся признание его существования государством, которое само по себе имеет первостепенное практическое значение (например, ст. 47 и 401 ГК)>[\[305\]](#). При этом он приводит ряд конкретных случаев, когда признаваемые государством права и обязанности не снабжены соответствующей гражданско-правовой санкцией.

В противоположность высказанному выше мнению ряд советских цивилистов и процессуалистов считают, что с истечением срока исковой давности управомоченный утрачивает не только возможность принудительного осуществления права, но и само субъективное право[\[306\]](#). Основной довод сторонников этой точки зрения состоит в том, что поскольку праву как особому общественному явлению присуща специфическая особенность, заключающаяся в возможности его принудительного осуществления, ибо, по выражению В. И. Ленина, <право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права>[\[307\]](#), постольку истечение срока исковой давности, погашая возможность принудительного осуществления субъективного права, погашает тем самым и само это право. Такова основная методологическая предпосылка рассматриваемой позиции.

Если сторонники первой точки зрения встретились с трудностью при доказательстве сохранения субъективного гражданского права после истечения срока исковой давности, то сторонники второго мнения испытали достаточно затруднений при объяснении тех оснований, по которым субъективное право вновь возникает у бывшего управомоченного лица, при исполнении обязательства или при возврате ему вещи должником после истечения срока исковой давности. Не случайно поэтому различные авторы, придерживающиеся в принципе одного мнения, дают на этот вопрос различные ответы.

Так, по мнению Ю. К. Толстого, <право на стороне лица, пропустившего исковую давность, возникает благодаря сложному юридическому составу, элементами которого являются: истечение установленного в законе срока исковой давности, открывающее перед лицом, утратившим субъективное право, возможность вновь приобрести его; совершение другим лицом, обязанность которого перед бывшим управомоченным погашена давностью, дозволенного законом действия>[\[308\]](#). Из сказанного вытекает, что

с истечением исковой давности управомоченный утратил субъективное право, но приобрел возможность вновь стать его обладателем, но какова природа этой возможности - этого автор не разъясняет.

Обратив внимание на эту нечеткость конструкции Ю. К. Толстого, Г. Ф. Деревянко отвечает на этот вопрос так: <Право лица, пропустившего давность, на имущество, полученное от бывшего должника, возникает в силу одного факта получения имущества> [309].

Но при этом сразу же встает вопрос, а почему же получение недолжного в силу одного факта получения имущества не влечет за собой возникновение у получившего права на имущество? Ответ на это может быть только один: по-видимому, в первом случае, кроме самого факта получения имущества, есть что-то такое, чего нет во втором случае.

Г. Ф. Деревянко не дает на этот вопрос четкого ответа, а лишь уточняет данную ранее формулировку, говоря, что юридическим фактом приобретения права бывшим кредитором является <платеж после истечения исковой давности бывшим должником бывшему кредитору> [310]. Вот это положение лиц в качестве <бывшего должника и бывшего кредитора> и есть то, чего нет в случае получения недолжного. И если теперь продолжить логические рассуждения автора, то следует признать, что, выступая против сложного фактического состава, являющегося основанием возникновения такого права, автор, сам того не ведая, пришел к сложному фактическому составу, элементами которого являются: во-первых, положение лиц в качестве бывшего должника и бывшего кредитора и, во-вторых, платеж, произведенный первым второму.

Своеобразно решает этот вопрос О. С. Иоффе. Он исходит из того, что значение исковой давности состоит в ограничении временем возможности применения мер государственного принуждения. Поэтому при добровольном исполнении обязанности должником нет надобности в применении принуждения, а следовательно, отпадает основная причина, в силу которой времени придается юридическое значение.

Однако из этой, на наш взгляд, правильной предпосылки он делает неожиданный вывод. Соглашаясь с мнением о том, что по истечении срока исковой давности утрачивается возможность принудительного осуществления права, а значит, перестает существовать и само материальное право, О. С. Иоффе приходит к выводу, что последнее не исчезает бесследно: из субъективного права оно превращается в фактическое отношение. <Когда же должник производит добровольное исполнение по истечении срока исковой давности, то фактическое отношение приобретает юридическую силу, оно становится юридическим фактом. Значение этого юридического факта состоит в том, что, когда к нему присоединяется добровольно производимое должником исполнение, оба названных факта в их совокупности парализуют другой юридический факт - факт истечения давности> [311]. Таким образом, поскольку истечение давности погашает субъективное право, а добровольное исполнение погашает факт истечения давности, постольку и <субъективное право считается никогда не погашавшимся давностью, а следовательно, оно продолжает рассматриваться в качестве существующего права> [312].

Из сказанного видно, что позиция О. С. Иоффе несколько отличается от взглядов сторонников прекращения субъективного права. У последних субъективное право прекращается с истечением давности и вновь возникает после добровольного исполнения. По мнению же О. С. Иоффе, после истечения исковой давности и последующего добровольного исполнения это право считается не погашавшимся давностью. Такое решение вопроса представляется еще более спорным, так как оно переносит всю проблему

из области объективных фактов в область субъективного. В самом деле, ведь если субъективное право прекратилось с истечением исковой давности, а с последующим добровольным исполнением лишь <считается> не погасившимся давностью, лишь <рассматривается> в качестве существующего права, то создается какая-то юридическая фикция, в результате которой прекратившееся право кем-то только считается не прекратившимся.

Несмотря на то что представители различных взглядов привели много интересных и существенных доводов в подтверждение своих выводов, все же поставленную проблему в научном отношении пока еще нельзя признать решенной. Вместе с тем представляется, что новое гражданское законодательство открывает некоторые новые аспекты для ее разрешения.

В связи с этим следует прежде всего обратить внимание на особенности даваемого новым законодательством самого понятия исковой давности. Как известно, ст. 44 ГК 1922 г. определяла исковую давность как срок, с истечением которого погашается право на предъявление иска. Из этого вытекает, что закон рассматривал истечение срока исковой давности как такой юридический факт, который автоматически преграждает путь к защите права в исковой форме. И хотя прямое действие этой формулировки закона было в значительной мере парализовано судебной практикой^[313] и господствующим в литературе мнением, что исковая давность должна быть связана не с правом на предъявление иска, а с правом на его удовлетворение, тем не менее в арбитражной практике эта формулировка закона использовалась в ее буквальном значении: арбитраж отказывал в принятии исковых заявлений по требованиям с пропущенным сроком исковой давности.

Это значит, что как закон, так и арбитражная практика рассматривали истечение исковой давности как такой юридический факт, который сам по себе, независимо от каких-либо иных обстоятельств (за исключением случаев восстановления давностного срока вследствие признания причин пропуска срока уважительными), автоматически влек за собой утрату права на защиту, а следовательно, и утрату самого субъективного гражданского права. Поэтому теоретические исследования поставленной проблемы сталкивались со многими трудностями, потребовали от ученых огромных затрат сил и все же не привели к полному разрешению спорной проблемы.

Но несмотря на это, господствующие идеи и основные тенденции судебной практики нашли свое выражение в новом гражданском законодательстве, которое установило единообразие в применении исковой давности судом и арбитражем, дало более четкие формулировки норм этого института, установило ряд новых, ранее не известных законодательству правил.

Согласно ст. 16 Основ исковая давность рассматривается законом как <срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено>. Что же нового в этом определении?

Если прежнее законодательство обращало главное внимание на негативную сторону срока исковой давности, то Основы делают упор на ее положительную сторону, рассматривая исковую давность как срок для защиты права, для подключения к осуществлению права аппарата государственного принуждения.

Если прежнее законодательство говорило об утрате с истечением давности права на предъявление иска, то Основы рассматривают исковую давность как срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено, т. е. рассматривают давность как такой

срок, который согласно закону имеет юридическое значение лишь при рассмотрении заявленного иска и истечение которого само по себе, автоматически не преграждает путь для заявления требования о защите права. Причем закон не ограничивается указанием на это только в определении, но еще и специально подчеркивает, что <требование о защите нарушенного права принимается судом, арбитражем или третейским судом независимо от истечения срока исковой давности> (ч. 4 ст. 16 Основ).

Как правильно отмечает проф. О. С. Иоффе, такое требование закона не является формальным. Оно имеет существенное значение для правильного решения дела, в частности, для установления фактов приостановления или перерыва исковой давности, для выяснения уважительности причин пропуска исковой давности. <Отказывая же в приеме искового заявления, - пишет О. С. Иоффе, - судья или арбитр с самого начала закрывают путь к такой проверке, чем может быть причинен ущерб охраняемым законом интересам истца> [314].

Эта же линия законодательства находит свое выражение и в определении последствий истечения срока исковой давности. Так, ч. 1 ст. 87 ГК РСФСР предусматривает, что истечение исковой давности до предъявления иска является основанием к отказу в иске, т. е. к отказу в защите права.

Из этой общей тенденции действующего гражданского законодательства, на наш взгляд, вытекают следующие выводы:

1. Само по себе признание того, что отказ в защите права влечет за собой также и утрату материального субъективного права, еще не решает проблемы. Решение поставленной проблемы зависит от того, какой момент следует признать моментом утраты управомоченным лицом права на защиту: момент фактического истечения срока исковой давности либо момент вынесения соответствующим органом решения об отказе в иске или об отказе в так называемом восстановлении срока исковой давности.
2. Так как действующее законодательство рассматривает исковую давность не как срок, с истечением которого автоматически утрачивается право на защиту, а как срок, истечение которого является лишь основанием к отказу в иске, то следует признать, что отказ в защите права совпадает с моментом вынесения судом, арбитражем или третейским судом решения об отказе в иске либо об отказе в <восстановлении> срока исковой давности. Следовательно, только с этим моментом и может быть связана утрата управомоченным лицом материального субъективного гражданского права.
3. Из этого в свою очередь вытекает, что предусмотренный ст. 89 ГК РСФСР отказ должнику в возврате исполненного после истечения исковой давности, если такое исполнение имело место до вынесения решения об отказе в иске (или в восстановлении давностного срока), основан на действительном (а не на фактическом и не на моральном) праве кредитора. Поэтому действующее законодательство с полным основанием называет эти действия должника <исполнением обязанности> (ч. 1 и 2 ст. 89 ГК), <переданным во исполнение обязательства> (п. 2 ст. 474 ГК).
4. Если же такое исполнение последовало уже после вынесения решения об отказе в защите права и кредитор принял его, то, поскольку такое исполнение не противоречит закону, оно должно быть признано исполнением, основанным на новом соглашении сторон, на вновь возникшем обязательстве. Следует поэтому признать, что и применительно к этим случаям названные формулировки закона находятся в точном соответствии с фактическим положением дел.

С точки зрения защиты гражданских прав во времени важное значение имеет вопрос о восстановлении сроков исковой давности. Согласно ст. 16 Основ ч. 4 восстановление давностного срока может иметь место лишь в случаях, когда суд, арбитраж или третейский суд признают причину пропуска давностного срока уважительной.

Что же следует считать уважительной причиной пропуска давностного срока?

Как известно, действующее законодательство на этот вопрос ответа не дает. Вывод о том, какие причины должны быть признаны уважительными, может быть сделан лишь на основе материалов судебной и арбитражной практики.

Некоторые указания на этот счет можно найти в разъяснениях Пленума Верховного Суда СССР, относящихся к ранее действовавшему законодательству. Так, уважительными причинами пропуска срока исковой давности колхозом о возврате колхозного имущества или о взыскании задолженности Пленум считает <незаконное вмешательство должностных лиц в дела колхоза, злоупотребления со стороны председателя или членов правления колхоза, запущенность в учете и другие обстоятельства, вызвавшие не по вине колхоза задержку в предъявлении иска>[315]. По искам банка к индивидуальным застройщикам о возврате полученных ими ссуд Пленум Верховного Суда СССР отнес к уважительным причинам пропуска давностного срока: отсутствие адреса заемщика, перемену последним местожительства, затяжку выполнения заемщиком своих обязательств и т. п.[316] Указания об уважительности причин были даны Пленумом также в отношении пропуска срока на принятие наследства. И хотя этот срок не может быть признан сроком исковой давности, тем не менее указания Пленума о том, что уважительными в этом случае следует признать такие обстоятельства, как длительная командировка, продолжительная болезнь и т. п.[317], имеют важное значение для понимания самого подхода судебных органов к решению данной проблемы.

Заслуживают внимания и указания судов о причинах восстановления давностных сроков по отдельным конкретным делам. Так, по делу Корчевой Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда СССР признала уважительными обстоятельствами, которые должны были быть учтены судом при восстановлении давностного срока, то, что истица - человек преклонного возраста, инвалид 2-й группы, к тому же больная, проживала в своем хозяйстве в течение 40 лет[318].

В определении по другому конкретному делу Судебная коллегия отметила, что одной из причин пропуска исковой давности явились неправильные действия народного суда 1-го участка Сорпальского района, который, получив от Верховного суда Карело-Финской ССР исковое заявление по делу, вместо того, чтобы назначить срок исправления недостатков искового заявления, вернул это исковое заявление истцу[319].

Уважительным, по мнению Судебной коллегии, должен быть признан пропуск давностного срока <ввиду тяжелой болезни истца>[320]. Уважительным был признан пропуск колхозом срока исковой давности по тем основаниям, что <он рассчитывал получить стоимость лошади от подсобного хозяйства без принудительного взыскания, что до обращения в суд кол

ПРИНЦИПЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Введение

Выяснение правовых принципов (принципов системы советского права, отдельных его отраслей или институтов) имеет большое научное и практическое значение, так как правовые принципы, во-первых, выражают социалистическую сущность советского права; во-вторых, определяют характер толкования и применения норм социалистического права; в-третьих, обеспечивают разрешение дел, возникших из отношений, не урегулированных нормами права; и, наконец, в-четвертых, правовые принципы имеют огромное воспитательное значение, играют важную роль в формировании социалистического правосознания трудящихся.

Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и новые ГК союзных республик предоставляют советским гражданам самые широкие права в сфере имущественных и личных неимущественных отношений и обеспечивают их охрану от нарушения со стороны других лиц. В связи с введением новой системы планирования и экономического стимулирования народного хозяйства значительно расширяются также и права социалистических организаций. Очевидно вместе с тем, что обществу не безразлично, как будут осуществляться эти права. Поэтому исследование вопроса о принципах осуществления гражданских прав приобретает не только важное теоретическое, но и большое практическое значение.

В советской правовой литературе вопрос о принципах осуществления субъективных прав как самостоятельная проблема не рассматривался ни в теории государства и права, ни в отраслевых правовых науках. Более того, до сего времени нет еще достаточной ясности в вопросе о том, что вообще следует понимать под правовым принципом, хотя многие авторы касались этого вопроса в монографиях[348], статьях[349], учебниках и учебных пособиях[350].

Как правильно отметили в свое время проф. С. Н. Братусь и проф. А. Е. Пашерстник, неясность и известная трудность самого понятия правового принципа привели к тому, что в ряду принципов той или иной отрасли права нередко указывались разнопорядковые категории[351]. Недостаточная исследованность этого вопроса привела некоторых авторов практически к отказу от изложения принципов, к подмене принципов изложением содержания определенной отрасли права[352].

Что же следует понимать под правовым принципом? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо по крайней мере уяснить, что означает само слово <принцип>, какова социальная природа правовых принципов и их место в системе общественных явлений, показать взаимосвязь и различие правовых принципов и норм права, определить методику выявления правовых принципов и, наконец, выделить и исследовать сами эти принципы.

Слово <принцип> происходит от латинского слова *principium*, что в переводе означает <начало>, <первоначало>. По мнению лингвистов, слово <принцип> означает какое-либо основное, исходное положение, основное начало, которым руководствуются в своем поведении, в построении какой-либо научной системы, теории и т. п.[353] Именно в таком чисто лингвистическом переводе слова <принцип> его и восприняло наше новое гражданское законодательство, рекомендуемое при рассмотрении споров, возникших из отношений, не урегулированных правом, исходить из <общих начал и смысла> советского законодательства[354].

Но сказать, что принцип - это <основное начало>, еще недостаточно[355]. Поэтому большинство ученых, не ограничиваясь этим утверждением, пытаются выяснить социальную природу правовых принципов и их место среди других общественных явлений. При этом обнаружилось весьма серьезные разногласия.

Одни авторы полагают, что принцип - это <руководящая идея>, <идеи и взгляды рабочего класса и всего советского народа>[356], <руководящая идея, правильно отражающая существенные свойства общественных явлений и общественные отношения и направляющая поведение людей в соответствии с объективной закономерностью исторического развития>[357].

Ряд авторов, придерживаясь в основном такого же мнения, указывают в дополнение и на другие признаки. Так, Н. А. Чечина считает, что правовым принципом может стать только та идея, которая нашла свое выражение в правовой норме. <Идея, не зафиксированная нормой права, - пишет она, - не может стать правовым принципом>[358]. М. Я. Савицкий, утверждая, что принципы уголовного процесса - это его руководящие идеи, вместе с тем считает, что некоторые из этих принципов в то же самое время <являются и конкретными формами деятельности советского суда>[359].

Значительное распространение в литературе получило мнение о том, что правовой принцип - это не идея, а <выражение идеи, норма, содержащая наиболее общие положения>[360]. <По своей юридической сущности, - пишет проф. М. А. Гурвич, - основные принципы представляют собой нормы права, но лишь с более общим и принципиальным содержанием>; это <нормативные положения, на которых построен советский гражданский процесс>[361]. По мнению проф. М. Чельцова, <вся система принципов - это система правовых норм, рисующих демократические черты нашего процесса>[362].

Отождествление правового принципа с нормой права практически равнозначно отрицанию правовых принципов вообще, признанию того, что принципов этих как таковых не существует, а есть только правовые нормы, различающиеся между собой более общим или более конкретным содержанием.

Однако между правовыми нормами и правовыми принципами есть существенное различие, которое прежде всего состоит в том, что нормы права (определенные правила поведения) составляют содержание определенной системы, отрасли или института права, тогда как правовые принципы выражают сущность права, его социальную природу, классовую направленность. Поэтому в известном смысле можно сказать, что правовые принципы и нормы права соответственно выражают <дух> и <букву> закона.

В силу этих особенностей различна и регулирующая роль норм права и правовых принципов. Нормы права - это правила поведения. Правовой же принцип есть общая линия, общая тенденция права. Поэтому регулирующее значение норм права состоит в предписании определенного поведения участникам регулируемого отношения, тогда как регулирующая роль правовых принципов состоит в том, что они определяют основное содержание, характер толкования и применения норм данной системы, отрасли или института права. Несомненно вместе с тем, что правовые принципы определяют также и поведение участников регулируемых правом общественных отношений, но в отличие от норм права этим их регулирующая функция не исчерпывается.

Третье направление в выяснении природы правовых принципов выразилось в попытках связать правовые принципы с объективными закономерностями общественного развития.

Уже сама по себе эта идея представляет большой интерес, так как увязка правовых принципов с закономерностями общественного развития дает возможность объяснить, почему правовой принцип - это не какое-либо частное правило, а основное, ведущее начало в праве; дает возможность обосновать известную стабильность правовых принципов в сравнении с относительной изменчивостью правовых норм; и, наконец, эта идея дает объективный критерий для выявления и объяснения правовых принципов данной системы, отрасли или института права.

При этом, однако, на вопрос о том, каков именно характер взаимосвязи правовых принципов с закономерностями общественного развития, отвечают по-разному.

По мнению проф. С. Н. Братуся, <принцип - это ведущее начало, закон данного движения материи или общества, а также явлений, включенных в ту или иную форму движения>, принцип - это <движущая сила или закон, относящийся именно к данной группе однородных социальных явлений>[363].

Принципиально новое здесь состоит, следовательно, в том, что принцип рассматривается не как категория идеологическая, выработанная сознанием, а как объективная закономерность, свойственная определенному явлению или группе явлений. Применительно к праву это должно, по-видимому, означать, что правовые принципы есть не что иное, как объективные закономерности развития права, и задача исследователя состоит в том, чтобы эти закономерности открыть. Познанная в процессе научного исследования и общественной практики такая закономерность (=принцип) может быть и должна быть использована для совершенствования тех или иных общественных отношений[364].

К сожалению, проф. С. Н. Братусь не приводит каких-либо доказательств в подтверждение этой своей позиции, а, высказав такое предположение, в дальнейшем исходит из него как из аксиомы, перелагая бремя доказывания на читателя. Между тем едва ли можно признать такую позицию бесспорной. Ведь если <закон движения материи> и принцип - это одно и то же, то практически дело сводится лишь к замене одного термина другим. Не проще ли при таком положении вообще отказаться от понятия принципа и просто исследовать <законы движения> такой <материи>, как право.

Иначе представляет себе взаимосвязь объективных закономерностей и правовых принципов проф. Н. Г. Александров. По его мнению, <основные социалистические правовые принципы отражают главные объективные закономерности социалистического строительства>[365], т. е., иначе говоря, правовой принцип понимается как юридическое выражение закономерностей общественного развития[366]. Такое решение представляется более приемлемым.

Что же такое правовые принципы и каковы их основные признаки?

1. Правовые принципы относятся к области правовых явлений. И как всякое иное правовое явление, правовые принципы есть категория надстроечного порядка, составная часть правовой надстройки.

Правовая надстройка включает в себя правовые взгляды и правовые учреждения. В свою очередь правовые взгляды есть не что иное, как совокупность правовых идей, категорий, принципов, совокупность представлений о том, каково есть и каким должно быть право.

Из этого следует, что правовые принципы - это явление идеологического порядка, продукт творческой, сознательной деятельности людей. Именно эту сторону дела подчеркивает К. Маркс, когда он в <Нищете философии> обращает внимание на беспочвенность утверждений Прудона о <неизменных законах>, <вечных принципах> и т. п. <Те же самые люди, - пишет К. Маркс, - которые устанавливают общественные отношения соответственно развитию их материального производства, создают также принципы, идеи и категории соответственно своим общественным отношениям>[367].

Принцип, пишет Ф. Энгельс в <Анти-Дюринге>, есть <заключительный результат исследования>, следовательно, результат научных выводов. Это научные абстракции реальных общественных отношений. <Принципы верны лишь постольку, - говорит Ф. Энгельс, - поскольку они соответствуют природе и истории. Таково единственно материалистическое воззрение на предмет>[368].

Все это в полной мере относится и к правовым принципам, которые (по крайней мере в своем возникновении) представляют собой идеологические категории, положения, вырабатываемые юридической наукой и общественной практикой под руководством Коммунистической партии на основе познания реальной действительности. Правовые принципы есть важнейшие, руководящие правовые идеи, составляющие основу правовых взглядов господствующего класса (а в социалистическом обществе - взглядов всего советского народа)[369].

2. Правовая надстройка в конечном счете является выражением экономических отношений данного общества. При этом характер влияния экономического строя общества на правовую надстройку таков, что сначала экономические отношения находят свое выражение в сознании господствующего класса (а в социалистическом обществе - в сознании всего народа) в виде политических, правовых, моральных представлений, идей, категорий и принципов, а затем уже соответственно этим взглядам создается определенная система, отрасль или институт права.

Выработанные правовой наукой и общественной практикой принципы составляют основу, скелет, основные направления определенной системы, отрасли или института права. Система права, ее отдельная отрасль или институт не могут быть созданы надлежащим образом, если законодатель не будет руководствоваться определенными принципами. <В современном государстве, - пишет Ф. Энгельс, - право не только должно соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть его выражением внутренне согласованным, которое не опровергало бы само себя в силу внутренних противоречий>[370]. Эта <внутренняя согласованность> данной системы, отрасли или института права достигается именно в силу того, что формулирование всех правовых норм данной системы, отрасли или института права подчинено единым руководящим идеям, единым принципам.

Отсюда прежде всего вытекает тот важный вывод, что всякая кодификация законодательства не должна быть поспешной. Здесь нет места волюнтаристским идеям. Научная разработка и всестороннее обсуждение основных принципов построения данной системы, отрасли или института права есть основное условие создания всякой системы права, ее отраслей и институтов.

Однако руководящие идеи, принципы, выработанные правовой наукой и общественной практикой и составляющие основу правовых взглядов, все же еще нельзя назвать правовыми принципами, так как они сами по себе не обладают той степенью обязательности, которая свойственна праву. Но эти руководящие идеи, как и правовые

взгляды в целом, находят свое выражение в праве. Причем закрепление этих принципов в праве осуществляется в различных формах: в форме самостоятельной правовой нормы общего характера; в форме основной идеи, пронизывающей группу норм, институт, отрасль или даже всю систему права в целом; и, наконец, в форме правовых предписаний ненормативного характера, например путем формулирования правового принципа в преамбуле закона.

Но независимо от формы их выражения в праве правовые принципы в силу такого правового закрепления становятся выражением государственной воли^[371], приобретают общеобязательный характер требований, соблюдение которых обеспечивается государством. Именно эта общеобязательность принципов, приобретенная ими в силу правового их закрепления, придает им силу правовых принципов.

3. В правовой литературе общепризнано, что правовые принципы - не обычные правила поведения, а основные, руководящие положения права. Но чем же определяется руководящий характер правовых принципов?

Руководящий характер правовых принципов определяется прежде всего тем, что они являются юридическим выражением основополагающих идей коммунистической партии в области правового регулирования общественных отношений. Но основополагающие идеи не падают с неба. Они являются отражением важнейших сторон общественной жизни и прежде всего объективных закономерностей и тенденций общественного развития, а в конечном счете объективных экономических законов социалистического общества.

<:>

Отсюда следует, что всякие руководящие положения, в том числе и правовые принципы, будут верны и максимально эффективны лишь постольку, поскольку они будут правильно отражать эти закономерности.

Гражданское право представляет собой одну из отраслей права, наиболее тесно связанных с экономикой. Причем в сфере гражданских правоотношений экономические и правовые явления настолько тесно переплетаются, что это дало возможность Ф. Энгельсу говорить о <непосредственном переводе экономических отношений в правовые принципы>^[372] именно применительно к гражданскому праву.

Такая тесная связь гражданского права с экономикой породила неправильное представление о том, будто бы принципами гражданского права могут быть сами объективные экономические законы. Именно на этот недочет в исследовании правовых принципов обратил внимание проф. С. Н. Братусь, давший вместе с тем блестящий анализ соотношения экономических законов и правовых принципов.

<Экономические законы, - пишет С. Н. Братусь, - сами по себе не являются принципами советского гражданского права. Но, будучи познаны, экономические законы используются советским государством посредством хозяйственной политики, которая, в свою очередь, выражается в правовых нормах. Поэтому экономические законы получают свое отражение в правовых нормах. Эти нормы не образуют правового института, поскольку экономический закон, отражающийся в правовом регулировании, обычно не может быть локализован рамками одного правового института. Действие экономического закона пронизывает различные правовые институты. Таким образом, принципом советского гражданского права следует считать не экономический закон как таковой, а его специфическое юридическое выражение в советском гражданском праве>^[373].

Было бы, однако, не совсем точным считать, что правовые принципы во всех случаях есть юридическое выражение только экономических закономерностей развития общества. Это объясняется тем, что, во-первых, правовая надстройка, порожденная в конечном счете экономическими причинами, приобретает известную самостоятельность по отношению к экономическому развитию и оказывает на него обратное влияние и, во-вторых, тем, что на правовое развитие оказывает свое влияние не только экономика, но и исторические, национальные особенности, уровень развития юридической науки и другие моменты. Только этим и можно объяснить тот факт, что в основу регулирования однотипных общественных отношений в различных странах с одинаковым экономическим строем и даже в одной стране, но в различные периоды ее существования, могут быть положены различные правовые принципы.

Например, введение в 1918 г. принципа раздельности имущества супругов определялось объективной общественной потребностью всестороннего раскрепощения женщины, установления действительного равноправия супругов в противовес русскому дореволюционному законодательству, устанавливавшему приоритет мужа в распоряжении общим имуществом супругов. Это была в значительной степени политическая мера, носившая, по меткому выражению Г. М. Свердлова, ярко выраженный освободительный характер[374].

Было бы неверным недооценивать огромного политического значения этого принципа на первом этапе развития советского государства. Но в такой же мере неправильным было бы и сохранение его в последующем ввиду несоответствия объективным закономерностям развития семейных отношений в социалистическом обществе.

Социалистическая семья - семья трудовая. Ее материальное положение зависит прежде всего от совместного труда супругов в общественном социалистическом хозяйстве и в общем домашнем хозяйстве. Общность трудового участия супругов в семейных имущественных делах с необходимостью порождает и общность совместно нажитого супругами имущества. Именно эта закономерность развития семьи и получила свое юридическое выражение в принципе общности совместно нажитого супругами имущества, закрепленном ст. 10 КЗоБСО 1926 г.

Из сказанного вместе с тем вытекает, что на определенных этапах развития общества правовые принципы могут под влиянием объективных потребностей общества (как это следует из приведенного примера) либо в значительной степени также и под влиянием субъективных причин (как это имело место, например, при закреплении в законе принципа территориального управления промышленностью) в известной мере отклоняться от объективных закономерностей общественного развития.

Однако объективной тенденцией социалистического права несомненно является полное соответствие его правовых принципов объективным закономерностям общественного развития. А из этого следует, что одной из важнейших задач советской правовой науки является тщательная проверка соответствия правовых принципов объективным законам общественного развития и приведение их в соответствие с этими законами, если такое расхождение будет обнаружено.

Исходя из сказанного можно сделать вывод о том, что правовые принципы - это руководящие положения социалистического права, его основные начала, выражающие объективные закономерности, тенденции и потребности общества, определяющие сущность всей системы, отрасли или института права и имеющие в силу их правового закрепления общеобязательное значение.

Однако для исследования правовых принципов данной системы, отрасли или института права еще недостаточно дать определение правового принципа. Необходимо также выявить и объяснить сами принципы. В связи с этим естественно возникает вопрос о методологии выявления и объяснения правовых принципов.

В советской правовой литературе по этому вопросу наметились два направления: одни авторы полагают, что недопустимо выведение и объяснение правовых принципов из самих норм права^[375], тогда как другие считают, что правовые принципы могут быть выявлены, извлечены из норм права, а если тот или иной принцип прямо в законе не закреплен, то его можно вывести из смысла правовых норм^[376].

При решении этого вопроса представляется целесообразным рассматривать его в двух аспектах: в плане выявления (обнаружения) правовых принципов и в плане их объяснения. С этой точки зрения обе приведенные позиции имеют свои недостатки.

Сторонник первого направления Б. В. Шейндлин, с одной стороны, допускает смешение этих двух аспектов и по существу пытается дать один ответ на два разных вопроса, а с другой стороны, утверждая недопустимость выведения принципов из права, сам только это и делает. В самом деле, если основные правовые принципы, по Шейндлину, - это <конституционно закрепленные начала социализма>^[377], то где же, как не в Конституции надо искать эти принципы? И автор в полном согласии с определением, но в полном противоречии с высказанным им ранее утверждением, которое он к тому же не дал себе труда доказать, берет Конституцию СССР и обнаруживает в ней эти правовые принципы.

Сторонники же второго направления - проф. Н. Г. Александров и проф. С. Н. Братусь по существу рассматривают лишь одну сторону вопроса - методологию выявления (обнаружения) принципов, не касаясь методологии их объяснения. Эта сторона дела была неправильно понята Н. А. Чечиной, которая, не заметив двух аспектов этой проблемы, неосновательно критиковала Н. Г. Александрова за то, что он якобы выводит содержание принципов из содержания норм права.

В известной статье о принципах советского права Н. Г. Александров (как и в последующих своих работах) писал, что <отдельные принципы могут быть извлечены (т. е., иначе говоря, выявлены, обнаружены. - В. Г.) из содержания различных конкретных норм в результате установления их наиболее существенных общих черт>^[378]. Когда же Н. Г. Александров начинает объяснять содержание этих принципов, то он прямо исходит из объективных закономерностей развития общества^[379]. Такой методологический подход представляется вполне обоснованным.

Если, как пишет Н. А. Чечина и с чем нельзя не согласиться, правовой принцип как руководящая идея отличается от научных и философских принципов^[380] тем, что всегда и непременно находит свое конкретное выражение в норме или в нормах права^[381], то, очевидно, что мы не только можем, но и должны обнаружить, выявить правовые принципы именно в самом праве. Другого пути здесь нет (поскольку речь идет о действующем праве). Всякий иной путь нельзя считать пригодным, так как он может повлечь за собой выявление таких <принципов>, которые законом не предусмотрены и применение которых по этой причине исключено, так как открывает лазейку для нарушения закона.

Однако выявленные, обнаруженные в законодательстве правовые принципы не могут быть объяснены и поняты из самого права. <Правовые отношения, так же точно как и

формы государства, - пишет К. Маркс, - не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа: наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях>[\[382\]](#).

Следовательно, при раскрытии содержания определенного принципа необходимо показать те общественные отношения и закономерности, которые лежат в его основе. Однако при выяснении содержания правовых принципов едва ли правильным было бы полное игнорирование правовых норм, так как, с одной стороны, право само есть выражение этих отношений и закономерностей, а с другой стороны, существо правовых принципов находит свое выражение в нормах права.

Исходя из этих основных положений рассмотрим кратко, насколько позволяют рамки настоящей статьи, принципы осуществления гражданских прав. Принципы осуществления гражданских прав - это те основные требования, которые социалистическое общество и выражающее его интересы советское гражданское право предъявляют к управомоченному лицу и тем лицам, которые от его имени осуществляют принадлежащие управомоченному субъективные гражданские права[\[383\]](#).

Каковы же эти принципы?

а) Важнейшим принципом осуществления гражданских прав является принцип социалистической законности. Принцип социалистической законности является общим принципом советского права. Однако законодатель считал необходимым особо подчеркнуть требование соблюдения законов при осуществлении гражданских прав. Часть 2 ст. 5 Основ гражданского законодательства и соответствующие статьи ГК союзных республик устанавливают, что при осуществлении прав и исполнении обязанностей граждане и организации должны соблюдать законы.

Между тем в литературе неоднократно отмечалось, что, осуществляя свое право, управомоченное лицо действует правомерно, что неправомерного (а следовательно, и незаконного) осуществления права быть не может[\[384\]](#). В связи с этим естественно возникает вопрос о том, что же именно означает требование соблюдения законов при осуществлении права?

Осуществление права есть реализация тех возможностей, которые дает управомоченному само субъективное право. Выход за рамки содержания субъективного права не есть его осуществление, так как в этом случае лицо уже не действует как управомоченный субъект. Требование соблюдения законов при осуществлении гражданских прав и есть прежде всего требование к управомоченному лицу не выходить за рамки предоставленного ему субъективного права.

Следовательно, в данном случае речь идет о соблюдении границ самого субъективного права.

Было бы, однако, неправильным считать, что требование соблюдения законов вообще не относится непосредственно к осуществлению гражданских прав. Гражданское законодательство не допускает осуществления прав в противоречии с их назначением в нашем обществе и, более того, предусматривает ряд конкретных составов гражданских правонарушений, связанных именно с недозволенным осуществлением права (см. ст. ст. 111, 141, 142 ГК РСФСР). В данном случае речь идет именно об осуществлении права, которое запрещено законом и, следовательно, незаконно. А из этого следует, что

требование соблюдения закона относится как к соблюдению границ субъективного права, так и к соблюдению пределов его осуществления.

б) Важное значение имеет также принцип добросовестности при осуществлении гражданских прав. В период строительства коммунизма значительно повышается роль моральных начал в жизни нашего общества. Строгое соблюдение правил социалистического общежития и моральных принципов общества, строящего коммунизм, становится одним из важнейших начал социалистического общества. Эта закономерность общественного развития естественно находит свое выражение и в гражданском законодательстве. Часть 2 ст. 5 Основ гражданского законодательства наряду с требованием соблюдения законов при осуществлении гражданских прав требует также уважать правила социалистического общежития и моральные принципы общества, строящего коммунизм. Принцип добросовестности при осуществлении гражданских прав закреплен также и в гражданском процессуальном законодательстве. Статья 30 ГПК РСФСР прямо предусматривает, что <лица, участвующие в деле, обязаны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами>.

Лица, совершившие поступки, противоречащие правилам социалистического общежития или нормам морали, могут быть по закону ограничены в правах (ст. 16 ГК РСФСР) и даже лишены принадлежащих им прав (права на пользование жилым помещением - ст. 333 ГК, права наследования - ст. 531 ГК).

в) Как и ранее действовавшее гражданское законодательство, Основы гражданского законодательства и новые ГК союзных республик закрепляют принцип осуществления гражданских прав в соответствии с их назначением. <Гражданские права, - гласит ст. 5 Основ, - охраняются законом, за исключением случаев, когда они осуществляются в противоречии с назначением этих прав в социалистическом обществе в период строительства коммунизма>.

Этот принцип нашел свое выражение и в ряде других норм гражданского права (ст. 25 Основ, ст. ст. 111, 141, 142 ГК и др.). Статья 5 Основ, формулирующая общий принцип гражданского права, вместе с тем в ряде случаев может быть применена и как специальная норма тогда, когда тот или иной конкретный случай осуществления гражданских прав в противоречии с их назначением не предусмотрен иным, специальным законом. В частности, ст. 5 как специальная норма может быть применена, когда наследник, осуществляя свое право отказа от причитающейся ему наследственной доли, отказывается от наследства в пользу лица, лишеного наследодателем права наследования (ст. 550 ГК).

В литературе проф. С. Н. Братусем высказано мнение, что именно из этого принципа вытекает принцип сочетания общественных и личных интересов^[385]. Думается, что дело обстоит как раз наоборот. Принцип гармонического сочетания общественных и личных интересов - это принцип всего советского права. Его материальной основой является определяющее значение в социалистическом обществе общественной социалистической собственности и соответственно производный от нее характер личной собственности.

Одним из выражений в советском гражданском праве этого принципа и является принцип осуществления гражданских прав в соответствии с их назначением. Именно поэтому очень важно с точки зрения законодательной техники правильно установить соотношение между общим и конкретным назначением того или иного субъективного права, а с точки зрения практического применения закона - обеспечить строгое соответствие между назначением и осуществлением этого права.

г) В отличие от буржуазного гражданского права, провозглашающего формальные права и свободы граждан, советскому гражданскому праву известен принцип реального осуществления гражданских прав.

Принцип реального осуществления гражданских прав означает прежде всего то, что социалистический строй не только дает гражданам определенные права, но и обеспечивает их реальное осуществление. Это реальное осуществление гражданских прав обеспечивается как экономически, так и юридически. Экономической гарантией реального осуществления гражданских прав является неуклонное развитие социалистической собственности, направленное на создание материально-технической базы коммунизма и на этой основе все более полное удовлетворение материальных и культурных потребностей граждан как за счет постоянно растущих общественных фондов потребления, так и за счет личной собственности граждан. В целях обеспечения реального осуществления гражданских прав советское государство оказывает гражданам большую материальную помощь посредством кредитования кооперативного и индивидуального жилищного строительства, введения купли-продажи товаров народного потребления с рассрочкой платежа и др.

Новое гражданское законодательство наряду с расширением круга субъективных прав, предоставляемых гражданам и социалистическим организациям, значительно расширяет также и юридические гарантии осуществления этих прав. Значительно расширены и усовершенствованы способы защиты гражданских прав. В частности, в соответствии со сложившейся судебной практикой расширен круг случаев истребования имущества собственником от добросовестного приобретателя, установлен ряд преимуществ для защиты государственной собственности и собственности колхозов, кооперативных и общественных организаций; введена специальная норма о защите права владения, основанного на законе или договоре; установлены ранее неизвестные советскому гражданскому праву способы защиты чести и достоинства граждан; значительно расширена роль общественности в рассмотрении гражданских дел и др.

В сфере обязательственного права особенно важное значение имеет закрепление в гражданских кодексах принципа реального исполнения обязательств (ст. ст. 191, 217, 221 ГК РСФСР). Обязательственные права в сравнении с правами вещными имеют ту особенность, что их реальное осуществление достигается лишь тогда, когда должник добросовестно выполнит возложенные на него обязанности. Поэтому установление обязанности исполнить обязательство в натуре, а в необходимых случаях и принуждение должника к исполнению - есть весьма существенная гарантия реального осуществления гражданских прав.

Принцип реального осуществления гражданских прав применительно к социалистическим организациям имеет еще и то значение, что реальное осуществление гражданских прав, предоставленных социалистической организации, есть в то же время и ее обязанность перед государством и обществом. Выполнение этой обязанности в свою очередь обеспечивается плановым ведением хозяйства, расширением прав социалистических организаций в осуществлении хозяйственной деятельности, широким использованием наряду с моральными также и материальных стимулов, материальной заинтересованности в результатах труда, а также повышением ответственности организаций за невыполнение государственных планов.

д) Закономерностью развития социалистического общества является неуклонное укрепление начал коллективизма, отношений товарищеского сотрудничества и взаимопомощи в сфере общественных отношений. Материальной основой этой

закономерности является отсутствие в социалистическом обществе эксплуатации человека человеком и совместный, планомерно организованный на базе социалистической собственности труд членов общества.

Эта закономерность находит свое выражение как в моральном кодексе строителя коммунизма, одним из принципов которого является коллективизм и товарищеская взаимопомощь[386], так и в советском праве, в частности в гражданском праве, одним из принципов которого является принцип товарищеского сотрудничества при осуществлении гражданских прав и обязанностей.

К пониманию этого принципа наука советского гражданского права шла постепенно. Первоначально речь шла лишь о новой роли кредитора в исполнении обязательства по советскому гражданскому праву[387]. Затем было замечено, что и роль должника в социалистических обязательственных отношениях тоже выглядит по-новому[388]. Именно эти особенности взаимоотношений должника и кредитора привели проф. И. Б. Новицкого к выводу о солидарности интересов участников гражданского оборота[389]. И в самое последнее время в литературе был сформулирован принцип товарищеского сотрудничества в исполнении обязательств[390], нашедший свое выражение в ч. 2 ст. 168 ГК РСФСР и в новейшей цивилистической литературе[391].

Принцип товарищеского сотрудничества закреплен в ч. 2 ст. 168 ГК РСФСР в виде требования, обращенного к сторонам обязательственного отношения <оказывать другой стороне все возможное содействие в исполнении ею своих обязанностей>.

Нельзя не заметить, что такая формулировка принципа товарищеского сотрудничества в законе страдает некоторой односторонностью. Закон обращается с требованием сотрудничества лишь к управомоченному лицу, обязывая его содействовать должнику в исполнении обязанности. Между тем именно от должника осуществление такого сотрудничества требуется в значительно большей мере, хотя бы уже потому, что он является обязанной стороной правоотношения. Практика, в особенности арбитражная, свидетельствует, что нарушения принципа сотрудничества встречаются как со стороны кредитора, так и со стороны должника (например, кредитор, заказавший уникальное оборудование и утративший в нем надобность, не предупредил своевременно изготовителя о приостановлении производства продукции; должник не отгрузил покупателю партию товара только потому, что ближайшая пристань была временно закрыта для перевозок, хотя мог бы отправить груз с другой пристани и т. п.).

В этом плане, прежде всего, формулировка закона и нуждается в уточнении. Это следует сделать путем указания на необходимость осуществлять товарищеское сотрудничество как при исполнении обязанностей, так и при осуществлении гражданских прав.

Нет сомнения в том, что принцип товарищеского сотрудничества имеет огромное значение прежде всего для обязательственных отношений. Но это вовсе еще не означает, что принцип этот не применим к другим гражданским правоотношениям, в частности, к осуществлению права общей собственности, авторских и изобретательских прав и др. Поэтому представляется правомерным говорить о принципе товарищеского сотрудничества в осуществлении гражданских прав и обязанностей, не связывая его только с отношениями обязательственного характера.

е) Осуществление гражданских прав и обязанностей в социалистическом обществе подчинено также принципу экономичности. Развитие социалистического народного хозяйства осуществлялось и осуществляется в нашей стране за счет внутреннего

накопления материальных ресурсов и денежных средств. Поэтому строгое проведение режима экономии является объективной экономической закономерностью социалистического хозяйствования^[392], юридическим выражением которой в гражданском праве и является принцип экономичности в осуществлении гражданских прав и обязанностей.

Свое выражение в гражданском праве принцип экономичности нашел в ч. 2 ст. 168 ГК РСФСР, которая требует исполнения обязательств наиболее экономичным для социалистического хозяйства образом, а также в других нормативных актах, в частности, в транспортном законодательстве, которое требует сокращения дальности и снижения транспортных издержек при перевозках, обеспечения сохранности грузов, недопущения излишне дальних, встречных и иных нерациональных перевозок и устанавливает материальную ответственность за утрату, порчу и повреждение груза.

В ряде случаев гражданское законодательство материально стимулирует наиболее экономичную деятельность. Так, например, в случае, когда грузоотправитель отказывается от выделенных ему по плану транспортных средств, но предупредит об этом станцию за два дня до их подачи, то штраф за невыполнение плана перевозок уменьшается на одну треть; если подрядчик при осуществлении строительных работ использует рационализаторские предложения и достигнет этим некоторой экономии средств без ухудшения качества строительства, то эта экономия идет в его пользу и т. п.

Принцип экономичности имеет большое значение и при осуществлении права собственности, права оперативного управления. Бережное отношение к социалистическому имуществу, экономное и максимально эффективное использование средств в народном хозяйстве, борьба с бракоделами и неуклонное повышение качества продукции - необходимое условие успешного создания материально-технической базы коммунизма.

Печатается по: В. П. Грибанов. Принципы осуществления гражданских прав // Вестник Московского университета. Сер. XII: Право. 1966. N 3. Отдельн. оттиск. С. 10 - 23.

ИНТЕРЕС В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Одним из вопросов, имеющих большое значение для исследования проблемы осуществления и защиты гражданских прав, является вопрос о соотношении субъективного права и интереса. Важность его исследования обусловлена тем, что осуществление и защита гражданских прав неразрывно связаны, с одной стороны, с проблемой правового обеспечения удовлетворения как интересов общества в целом, так и интересов отдельных социалистических организаций и граждан, а с другой - с проблемой обеспечения правильного сочетания индивидуальных интересов граждан и их коллективов с интересами общества.

<:>

Новое гражданское законодательство широко использует понятие интереса. Однако роль интереса в праве и его связь с субъективными гражданскими правами не исчерпываются случаями, когда закон непосредственно упоминает об интересе. Во всех случаях гражданское законодательство, не говоря прямо об интересе, предоставляет те или иные права гражданам или организациям именно с учетом определенных интересов.

Важное значение интереса в праве породило среди некоторой части юристов мнение, что интерес входит в само содержание субъективного права [393]. Эта идея встретила возражения со стороны других авторов, которые отмечают важное значение интереса в праве, но тем не менее считают интерес моментом внешним по отношению к субъективному праву и в содержание права его не включают [394].

Чтобы правильно решить вопрос о соотношении субъективного права и интереса, необходимо прежде всего выяснить, что следует понимать под интересом. Сторонники включения интереса в содержание субъективного права оперируют понятием <интерес> как аксиомой, как общеизвестным понятием, не пытаясь даже раскрыть его содержания. Не раскрывает этого понятия и И. Б. Новицкий, посвятивший специальную работу исследованию проблемы солидарности интересов в советском гражданском праве [395]. Между тем в юридической литературе понятие <интерес> употребляется в различных значениях.

Интерес как сочетание объективного и субъективного моментов. Вопрос о понятии интереса недостаточно исследован не только в юридической науке, но и в психологии, философии и политической экономии. Невыясненным остается главный вопрос - о самой природе интереса, т. е. о том, является ли интерес явлением <субъективным>, выражающим известную психическую настроенность субъекта, либо он по природе своей <объективен>, т. е. представляет собой некое объективное условие человеческого существования.

Психологи склоняются к первой точке зрения, рассматривая интерес как определенное отношение личности к объектам и явлениям, как избирательную, целеустремленную направленность человека на приобретение тех или иных знаний, на выполнение той или иной деятельности [396].

Другие же авторы считают, что интерес есть явление объективное. Так, Г. М. Гак, критикуя определение интереса, данное в <Большой советской энциклопедии>, и отмечая в качестве его недостатка то, что интерес здесь сводится <к психическому явлению>, полагает, что интерес есть <объективное явление, связанное с бытием предмета, и не сводится к сознанию и воле> [397].

В некоторых философских работах выявилась и третья тенденция - рассматривать интерес как известное сочетание объективного и субъективного моментов. Так, при разъяснении понятия интереса в социологическом смысле авторы <Философского словаря>, изданного в 1963 г., определяют интерес как <целенаправленность мыслей и действий, отражающую материальные и духовные потребности отдельных людей (личный интерес), социальных групп и исторических общностей (общий интерес)>. Однако они подчеркивают, что <интерес проявляется в виде стремлений, влечений, но всегда наряду с субъективным моментом содержит и объективное> [398].

Когда сторонники объективной теории интереса говорят об объективности интереса, они понимают под этим следующее: интерес существует независимо от субъекта, представляет собой нечто существующее вне человека и определяющее его поведение в обществе, независимо от того, сознает субъект эти интересы или не сознает. Иначе говоря, благодаря такой постановке вопроса интерес отождествляется с условиями жизни людей. С таким пониманием объективного характера интереса трудно согласиться, так как всякий интерес - это интерес определенного субъекта, независимо от того, является ли таким субъектом отдельный гражданин, группа лиц, классы или даже все общество.

Неправильно вместе с тем считать, что всякое психическое явление суть явление субъективное. Все то, что реально существует в действительности, объективно существует. Такие психические явления, как восприятие, внимание, мышление, память, воля, эмоции, наконец, психические болезни, существуют не только в нашем сознании, воображении, но и в действительности, есть явления объективного мира, хотя во многом и индивидуальны.

Несомненно вместе с тем, что интерес - явление объективное. Объективный характер его состоит прежде всего в том, что он не только плод нашего разума, не только результат человеческого сознания, а есть реально существующее в жизни явление, которое необходимо учитывать и с которым нельзя не считаться, ибо интересы, как замечает В. И. Ленин, <двигают жизнью народов> [399].

Объективный характер интереса подчеркивали Маркс и Энгельс. Говоря об общем интересе, они писали, что <этот интерес существует не только в представлении как <всеобщее>, но прежде всего он существует в действительности в качестве взаимной зависимости индивидов, между которыми разделен труд> [400].

Интерес объективен и по самой своей природе. Интересы отдельных лиц, групп, коллективов, классов, всего общества возникают не произвольно. Они определяются всей совокупностью условий жизни данного лица, группы, коллектива, класса или общества, среди которых главное и решающее место занимают материальные условия жизни общества, экономический строй общества, экономические отношения. Положение людей, групп, классов в системе общественного производства определяет и их взаимные отношения, их интересы. <Экономические отношения каждого данного общества, - писал Энгельс, - проявляются прежде всего как интересы> [401]. Интерес есть, следовательно, форма проявления экономических (прежде всего) отношений в деятельности, поступках людей, групп, классов, в общих действиях всего общества.

При этом, однако, следует учитывать по крайней мере два момента. Было бы неправильным считать, что интересы определяются только экономическими причинами. Экономические условия определяют коренные интересы общества, его членов, групп, классов. Это объективно необходимые интересы, вытекающие непосредственно из

положения субъектов в системе общественного производства, из действующих в данном обществе объективных законов и объективных потребностей общественного развития.

Но на характер интересов оказывают влияние и другие факторы, как-то: национальные особенности, состояние культуры, идеология и политика, право, мораль, правила общежития, обычаи и даже пережитки прошлого в сознании людей, а применительно к индивидуальным интересам - и индивидуальные, профессиональные, возрастные, семейные и многие другие условия и обстоятельства. Эти факторы также во многих случаях определяются экономикой, но оказывают и известное самостоятельное воздействие на характер интересов. Чтобы экономические и иные факторы общественной жизни, определяющие характер деятельности людей, проявили свое действие, они должны принять вид интереса, проявиться как интерес, т. е. они неизбежно должны пройти через сознание людей, принять вид <сознательных побуждений>.

Понимание интереса как известного сочетания объективного и субъективного моментов имеет, на наш взгляд, и важное практическое значение. В самом деле, если понимать интерес только как некую объективную необходимость, предопределяющую поведение людей, то как, например, объяснить наличие преступлений и применение к преступникам наказаний в социалистическом обществе? Когда преступник идет на совершение преступления, он несомненно действует в своих интересах. Разве такой интерес определяется материальными условиями социалистического общества? Конечно, нет. Но если руководствоваться объективной теорией интереса, то следует предположить одно из двух. Либо у преступника вообще нет интереса, и тогда становится непонятным, чего ради совершено преступление; либо он не осознает своих интересов, но тогда непонятно, за что же его следует наказывать, если он не в состоянии осознать свои интересы и понять, что действует в противоречии с интересами общества?

От подобного рода признания только один шаг до применения уголовного наказания к душевнобольным, слабоумным и другим недееспособным лицам, что в корне противоречит как правовым, так и моральным принципам советского общества.

Между тем преступление есть всегда сознательное правонарушение. Преступник заранее знает или может знать, что действует в интересах, противоречащих интересам общества. И это составляет его вину, его психическое отношение к совершенному противоправному деянию, что и является основанием ответственности.

Аналогичное положение создается и в гражданском праве, когда речь идет о виновном причинении вреда, о заключении сторонами сделки, совершенной с целью, заведомо противной интересам государства и общества, об извлечении нетрудового дохода и т. п. И здесь участники гражданских правоотношений имеют свои интересы, хотя и противоречащие интересам общества. Объяснить наличие таких интересов с точки зрения теории объективного интереса совершенно невозможно. Таким образом, интерес представляет собой известное единство объективного и субъективного.

Что же такое интерес? В советской правовой литературе были предприняты некоторые попытки дать определение интереса. М. А. Гурвич, исследуя вопрос о защите <охраняемых законом интересов>, пришел к выводу, что, в отличие от материального субъективного права, охраняемый законом интерес есть <выгода, обеспеченная не нормой материального права, а охранительной, прежде всего, процессуальной нормой>[402].

С определением интереса как выгоды нельзя согласиться. Выгода всегда ассоциируется с каким-либо имущественным приобретением, между тем как закон (например, ст. 190 ГК,

ст. 2 ГК) говорит не только об имущественных, но и о личных неимущественных интересах граждан и организаций. Более того, в целом ряде случаев интерес управомоченного лица не только не связан с какой-либо выгодой, а, наоборот, предполагает известную, если так можно сказать, <невыгоду> для самого управомоченного лица, например при дарении, при заключении договора в пользу третьего лица, при ведении чужих дел без поручения и др.

С этой точки зрения более гибким, но в такой же мере неприемлемым является понимание интереса как охраняемого законом блага^[403]. Хотя интерес в понимании его как блага и может быть имущественным и неимущественным, однако, во-первых, при этом само понятие <блага> не в меньшей степени нуждается в объяснении, а, во-вторых, благо в такой же мере, как и выгода, есть то, на достижение чего может быть направлен интерес управомоченного лица. А это уже само по себе исключает их отождествление с интересом.

Интерес может быть правильно понят лишь в связи с выяснением характера взаимосвязи поведения людей, групп лиц, классов или всего общества с материальными условиями их существования и иными факторами общественной жизни. Характер же этой взаимосвязи таков, что материальные и иные условия жизни общества связаны с поведением людей не непосредственно, а через посредство сознания, преобразовываясь в сознании людей в факторы сознательного побуждения их воли. Иначе говоря, условия общественной жизни с необходимостью порождают определенные, соответствующие этим условиям потребности. Эти потребности, проходя через сознание людей, принимают ту или иную форму сознательных побуждений, определяющих целенаправленность и волевой характер их деятельности. И это относится не только к отдельным людям, но в равной мере характерно и для классов и всего общества.

Иначе говоря, потребность составляет содержание интереса. Форма же, в которой эта потребность проявляется в деятельности, в поведении людей, может быть различной, но она всегда выражает определенную целенаправленность их действий.

Такой же вывод, на наш взгляд, вытекает и из действующего гражданского законодательства. Так, ст. 128 ГК, говорящая об ответственности по сделкам, совершенным <в интересах двора>, <в интересах самого главы двора>, а также ст. 225 ГК, предусматривающая право кредитора отказаться от просроченного исполнения, которое утратило интерес для кредитора, и другие статьи несомненно подразумевают под интересом тех или иных лиц именно их потребности.

Если сравнить ст. 1 Основ, которая говорит об <удовлетворении материальных и культурных потребностей граждан>, с преамбулой Основ, где речь идет об <охране материальных и культурных интересов граждан>, то станет очевидным, что закон рассматривает потребности и интересы в одной плоскости. Это свидетельствует о том, что между потребностями и интересами есть неразрывная связь.

Но потребность и интерес - не одно и то же. Потребность всегда есть известная объективная необходимость, обусловленная материальной жизнью общества. Интерес же есть отраженная потребность, необходимость, прошедшая через сознание людей и принявшая форму сознательного побуждения. Но сложность процесса формирования этих сознательных побуждений, т. е. интереса, и его зависимость от многих обстоятельств объективного и субъективного характера объясняют, почему интересы действующих субъектов (людей, их групп и даже классов) не всегда точно соответствуют объективным потребностям. Именно поэтому важнейшим требованием правильного руководства

коммунистическим строительством является необходимость строгого научного подхода к изучению объективных закономерностей и потребностей общественного развития и их воплощению в законах и решениях.

Таким образом, интерес - это и потребность, принявшая форму сознательного побуждения и проявляющаяся в жизни в виде желаний, намерений, стремлений, а в конце концов в тех отношениях, в которые вступают лица в процесс своей деятельности.

Какова же взаимосвязь интереса и субъективного гражданского права? Субъективное гражданское право связано не только с интересами управомоченного лица (гражданина или организации), но прежде всего с интересами общественными.

Советское гражданское законодательство, выражающее волю и интересы всего народа, предоставляет участникам гражданских правоотношений или санкционирует лишь такие субъективные гражданские права, которые призваны обеспечить интересы строительства коммунистического общества и максимально возможное при данных условиях удовлетворение материальных и культурных потребностей граждан и их коллективов - социалистических организаций.

В социалистическом обществе всякое субъективное право имеет социальное, общественное значение лишь постольку, поскольку оно обеспечивает соблюдение коренных интересов общества в целом и способно обеспечить индивидуальные и коллективные интересы участников регулируемых правом отношений. Утрата любого из этих двух качеств либо делает такое субъективное право неприемлемым с точки зрения интересов всего общества, либо влечет за собой утрату субъективным правом способности обеспечить удовлетворение интересов членов общества и их коллективов, т. е. делает его бесполезным.

Поэтому всякое субъективное право, предоставленное участникам социалистических правовых отношений в силу закона, не есть выражение только общественных или только личных интересов. Во всяком субъективном праве и на любой стадии его существования находит свое выражение сочетание общественных и личных интересов.

Вместе с тем право, каким бы совершенным оно ни было, не может предусмотреть обеспечения удовлетворения всех без исключения интересов ввиду их большой индивидуальности и постоянного возникновения в жизни новых потребностей и соответствующих им интересов. Поэтому законодательство всегда предусматривает лишь такие субъективные права, которые направлены на удовлетворение основных, общих для всех членов общества, для определенных групп типических интересов. На случай же появления таких интересов, но не обеспеченных субъективным правом, закон предусматривает возможность их непосредственной правовой защиты (ст. 2 ГК). Именно так, например, защищались до принятия нового гражданского законодательства интересы лиц, потерпевших при спасении социалистического имущества^[404], был разрешен спор, связанный с разделом выигрыша по денежно-вещевой лотерее^[405], и др.

Какова же взаимосвязь субъективного гражданского права с интересом самого управомоченного лица? Правильно ли считать, что интерес управомоченного составляет само содержание субъективного права? Думается, что на последний вопрос можно дать только отрицательный ответ.

Интерес как побуждение к действию, вызванное определенной потребностью, в том числе и к совершению действий, связанных с приобретением субъективных гражданских прав,

всегда существует раньше самого действия заинтересованного лица. Поэтому, по крайней мере в тех случаях, когда речь идет о гражданских правоотношениях, возникающих по воле их участников, интерес возникает независимо от субъективного права и до его возникновения, т. е. является, как отмечал С. Н. Братусь, предпосылкой для приобретения субъективных прав[406].

Общеизвестно, что не все гражданские правоотношения являются волевыми и в своем возникновении в плане воплощения в них воли самих участников этих отношений. В отличие от этого, осуществление всех гражданских правоотношений, а следовательно, и субъективных гражданских прав всегда носит волевой характер. Как пишет С. Ф. Кечекьян, <изъявление воли самого управомоченного лица или других лиц, за него действующих, совершенно необходимо для осуществления права>[407]. А всякое проявление воли в свою очередь предполагает наличие интереса. Поэтому интерес является также и предпосылкой осуществления субъективных гражданских прав. При этом управомоченный субъект может по каким-либо причинам утратить интерес в осуществлении права, оставаясь обладателем этого права во всех его возможностях, по крайней мере в пределах установленных законом сроков осуществления права.

От интереса управомоченного лица в значительной мере зависит и защита субъективного права, в частности, обращение или необращение гражданина с требованием защиты права к соответствующему государственному или общественному органу, выбор самого органа, а в ряде случаев и способа защиты права, когда закон ему такое право выбора предоставляет.

Интерес является, таким образом, предпосылкой не только приобретения, но и осуществления и защиты гражданских прав. Но это лишь одна сторона взаимосвязи. Другая сторона состоит в том, что в свою очередь удовлетворение интереса управомоченного лица является целью любого субъективного права, которое выступает как правовое средство удовлетворения интересов. Причем юридическую охрану получает не всякий интерес, а лишь такой индивидуальный интерес, который совпадает с интересами социалистического государства и общества или по крайней мере не противоречит им.

При этом право, как известно, предполагает приложение равной мерки к различным лицам. Поэтому одно и то же по своему содержанию субъективное право может обслуживать различные интересы лиц. Закон, предоставляя лицам субъективные права, не может учесть всего многообразия интересов и предоставляет это право для удовлетворения любого допустимого с точки зрения закона интереса. В силу этого субъективное право нельзя связать с каким-либо определенным интересом, так как оно по самой своей природе способно обеспечивать удовлетворение самых разнообразных интересов управомоченного лица.

Сказанное позволяет, на наш взгляд, сделать вывод о том, что ни природа интереса, ни существо субъективного права, ни взаимная связь между ними не дают основания для утверждения о том, что интерес входит в само содержание субъективного права. Не дают оснований для такого вывода и те доводы, которые приводят сторонники этой точки зрения. Наиболее четко эти доводы изложены Ю. К. Толстым[408].

Автор начинает свои рассуждения с того, что начисто отвергает все возражения, как несостоятельные, и утверждает, что интерес есть необходимый и даже ведущий элемент содержания субъективного права. Однако заканчивает автор изложение своих доводов требованием включить указание на интерес в определение субъективного права, как будто

включить интерес в содержание субъективного права и указать о нем в определении - одно и то же. Создается впечатление, что попытка доказать, что интерес входит в содержание субъективного права, предпринята именно для того, чтобы сказать об интересе в определении.

Между тем это две совершенно различные постановки вопроса. Ведь указание на интерес можно включить в определение независимо от того, составляет он содержание субъективного права или нет. При определении правовых явлений вполне допустимо и даже желательно указывать не только на основные элементы их содержания, но и на ту служебную роль, которую они выполняют в обществе, на характер их воздействия на внешние по отношению к праву явления.

Признание интереса <необходимым и притом ведущим> элементом содержания субъективного права обязывает ко многому. Ведь если это именно так, если интерес есть главное в содержание субъективного права, а тем более если, как полагает О. С. Иоффе, <в индивидуальном интересе, проявляющем в себе определенный общественный или классовый интерес, заключается сущность субъективного права>^[409], то хотя бы этого авторы или не хотят, логика обязывает их сказать вслед за Р. Иерингом, что субъективное право - это и есть охраняемый законом интерес.

Однако авторы этого не делают и определяют субъективное право как меру возможного поведения управомоченного лица <в целях удовлетворения его интересов>. А из этого вытекает, что, во-первых, за управомоченным закреплена именно <мера возможного поведения> и, во-вторых, что она закреплена в целях удовлетворения интересов управомоченного лица. Выходит, что и при таком понимании удовлетворение интересов управомоченного лица есть цель субъективного права, а субъективное право в свою очередь есть средство удовлетворения его интересов. При этом непонятным остается лишь то, каким образом цель может стать содержанием того средства, которое направлено на ее достижение.

В обоснование своей позиции Ю. К. Толстой проводит аналогию между интересом и волей господствующего класса и интересом и волей управомоченного лица. Такая аналогия вполне допустима и совершенно правильна. Действительно, подобно тому как классовый интерес определяет содержание воли господствующего класса, так и интерес управомоченного лица определяет содержание его воли.

Однако Ю. К. Толстой на этом не останавливается, а пытается установить аналогию и между классовым интересом - волей господствующего класса и объективным правом, с одной стороны, и интересом управомоченного лица - его волей и субъективным правом, с другой. Идея ясна. Ведь только при такой аналогии можно обосновать, что интерес управомоченного лица составляет содержание субъективного права, даже если и признать этот интерес <социально значимым>.

Понимая, однако, что такая аналогия явно ошибочна, ибо содержание субъективного права определяется не волей управомоченного, а законом и, следовательно, волей господствующего класса (а в социалистическом обществе - волей всего народа), Ю. К. Толстой не рискнул заявить об этом прямо, а лишь намекает на такую аналогию, неожиданно завершая свое высказывание рассуждениями о бессодержательности воли, лишенной интереса. И если аналогия, даже правильная, - строго говоря, ненадежное доказательство, то намек на аналогию не доказательство вообще, тем более намек на аналогию не существующую.

Не убедителен последний довод Ю. К. Толстого. <Если верно, - пишет он, - что классовая природа права обнаруживает себя прежде всего в характере удовлетворяемого правом интереса, что утрата социально значимого интереса приводит и к утрате права, то есть все основания для того, чтобы включить интерес в определение субъективного права>. Во-первых, классовый характер права обнаруживает себя не только в характере <охраняемого правом> интереса, а прежде всего в том, чьи интересы охраняет право, а также в том, как именно оно их охраняет и какие субъективные права и свободы оно предоставляет членам общества. Но даже если согласиться с автором, то и из этого нельзя сделать вывода о том, что интерес входит в содержание субъективного права. Из этого вытекает лишь то, что субъективное право обеспечивает удовлетворение определенных интересов. Во-вторых, не является доказательством и утверждение о том, что утрата социально значимого интереса влечет за собой утрату субъективного права. Дело в том, что круг признаваемых законом и социально значимых индивидуальных интересов, для удовлетворения которых может быть использовано субъективное право, определяет не содержание субъективного права, а его социальное назначение, сферу использования, т. е. пределы его осуществления и защиты. Поэтому формула <утрата социально значимого интереса приводит и к утрате права> ничего иного означать не может, как только то, что осуществление права в противоречии с его назначением, с общественными интересами может повлечь, но не всегда влечет за собой лишение управомоченного лица принадлежащего ему субъективного права.

Печатается по: В. П. Грибанов.

Интерес в гражданском праве // Советское государство и право.

1967. N 1. Отдельн. оттиск. С. 49 - 56.

СРОКИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Введение

:Ценность всякого субъективного права, в том числе и субъективного гражданского права, заключается в его осуществимости, в возможности посредством реализации заложенных в нем правомочий получить известную практическую пользу. Но это возможно лишь тогда, когда для реализации этих возможностей управомоченному лицу предоставляется достаточный срок. Устанавливая сроки осуществления гражданских прав, советское гражданское законодательство учитывает эти обстоятельства и определяет сроки осуществления гражданских прав с таким расчетом, чтобы управомоченный субъект (гражданин или организация) мог реально воспользоваться своим правом для достижения допустимой законом цели.

Вместе с тем всякое осуществление права затрагивает не только непосредственно интересы самого управомоченного лица, но и интересы других лиц и интересы всего общества в целом. Поэтому, определяя сроки осуществления гражданских прав, советское гражданское законодательство исходит из принципа сочетания общественных и личных интересов в социалистическом обществе, определяя разумный размер таких сроков.

Важное значение в обеспечении реальности прав граждан и организаций имеют установленные гражданским законодательством сроки защиты нарушенных прав. В определении размеров этих сроков советское гражданское законодательство исходит из задачи - максимально обеспечить управомоченному лицу возможность обратиться к компетентным государственным или общественным органам за защитой своего права.

Однако и сроки защиты гражданских прав не могут быть беспредельными. Это обусловлено, во-первых, установлением в законе или договоре сроков существования самого субъективного права, с прекращением которого естественно отпадает и надобность в его защите; во-вторых, недопустимостью продолжительной неопределенности в существовании самой возможности применения мер принудительного воздействия к правонарушителю, действия которого, совершенные в прошлом, по истечении значительного времени могут утратить свой общественно опасный характер, и применение к нему мер принудительного воздействия может оказаться не только ненужным, но и противоречащим целям правового принуждения в социалистическом обществе; в-третьих, необходимостью выяснения объективной истины при рассмотрении каждого гражданского дела, так как со временем могут быть утрачены или обесценены доказательства, без которых правильное решение дела становится невозможным; в-четвертых, необходимостью устранения медлительности и волокиты при защите прав социалистических организаций и граждан.

Вместе с тем советское гражданское законодательство учитывает возможность пропуска гражданином или организацией срока для защиты права по уважительным причинам и в целях наилучшей защиты их прав устанавливает специальные правила о приостановлении, перерыве и восстановлении сроков для защиты права. В особо важных случаях советское законодательство распространяет правила о продлении пропущенного срока также и на сроки осуществления гражданских прав (см., например, ст. ст. 306, 547 ГК РСФСР).

В советской правовой литературе вопросу о сроках защиты гражданских прав (исковая давность) посвящено много работ. Вопросы, связанные со сроками осуществления прав, исследованы менее полно. Поэтому в настоящей брошюре и рассматриваются лишь эти вопросы: о значении и видах сроков в советском гражданском праве, о сроках существования гражданских прав, вопрос о так называемых пресекательных сроках, о гарантийных и претензионных сроках, назначение которых в социалистическом обществе состоит главным образом в обеспечении реального осуществления субъективных прав граждан и организаций во времени.

Значение и виды сроков в советском гражданском праве

<:>

Гражданско-правовые сроки весьма многочисленны и разнообразны. Достаточно сказать, что, например, из 569 статей ГК РСФСР 1964 г. более 150 в той или иной мере касаются регулирования различного рода сроков. Значительное количество сроков устанавливается в подзаконных нормативных, административных и административно-плановых актах, соглашениями самих участников гражданских правоотношений, а также теми органами, которые рассматривают гражданско-правовые споры.

Назначение сроков различно. Одни из них определяют время возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей, другие предусматривают временные границы их осуществления, третьи предоставляют участникам гражданских правоотношений необходимое время для защиты их нарушенных прав.

Различны и последствия, связанные с истечением того или иного срока. Так, например, пропуск наследником срока на принятие наследства (ст. 546 ГК РСФСР) влечет за собой прекращение самого права на принятие наследства; неуплата нанимателем квартирной платы в установленный законом срок (ст. 303 ГК РСФСР) влечет за собой принудительное взыскание квартплаты с начислением на неуплаченную сумму пени в размере 0,1%; пропуск грузоотправителем или грузополучателем срока на предъявление претензии к транспортной организации (ст. 384 ГК РСФСР) имеет своим последствием утрату права на предъявление иска в арбитраже или в суде; пропуск по неважительной причине срока исковой давности влечет за собой отказ в защите права, в его принудительном осуществлении и т. п.

Каково же юридическое значение сроков в гражданском праве?

Наступление или истечение того или иного срока всегда влечет за собой определенные юридические последствия, связанные с возникновением или прекращением гражданских прав или обязанностей. Поэтому в гражданско-правовой литературе срок рассматривается обычно как юридический факт или как один из элементов фактического состава, с которым закон связывает наступление определенных правовых последствий.

По характеру и по их связи с волей людей обычно различают два основных вида юридических фактов: события и действия.

Под юридическими событиями понимаются такие юридические факты, которые в своем осуществлении не зависят от воли людей. Под юридическими действиями понимаются факты, наступающие по воле людей.

Истечение определенного срока в советской гражданско-правовой литературе обычно относят к тем юридическим фактам, которые именуется событиями.

Юридические события по своей связи с волей и деятельностью людей могут быть различны. Так, например, обязанность органов государственного страхования уплатить страховую сумму лицу, застраховавшему свой дом от пожара, может наступить в случаях, когда дом сгорел от удара в него молнии и когда кто-либо посторонний умышленно или от неосторожности совершил поджог дома. В первом случае пожар возник независимо от воли людей вообще, а во втором случае пожар есть результат волевой деятельности

правонарушителя. Однако в обоих случаях событие не связано с волей участников гражданского правоотношения по страхованию.

Исходя из этих особенностей, О. С. Иоффе, характеризуя отличие юридических событий от юридических действий, писал, что <события носят не волевой характер в своем процессе, независимо от причин их возникновения, тогда как действия являются волевыми не только в своей причине, но и в своем процессе>[\[410\]](#).

Опираясь на те же особенности юридических событий, несколько позже О. А. Красавчиков предложил различать два вида юридических событий: абсолютные и относительные. Под относительными юридическими событиями он понимает явления, вызванные деятельностью человека, но проявляющие свое действие впоследствии независимо от причин, их породивших. К абсолютным юридическим событиям он относит явления, не обусловленные в своем возникновении и действии человеческой деятельностью[\[411\]](#).

Рассматривая с этой точки зрения такие юридические факты, как истечение определенного времени, О. А. Красавчиков относит их к категории так называемых абсолютных юридических событий, обосновывая это тем, что если в ряде случаев деятельность людей может не только отодвинуть, но и прекратить наступление определенных событий (например, распространение эпидемий и т. д.), то <истечению времени человек не может противопоставить свою деятельность, так как он сам существует во времени>[\[412\]](#).

Такое мнение представляется весьма спорным. Слов нет, время так же, как и пространство, - категория объективная. <...Основные формы всякого бытия, - пишет Ф. Энгельс, - суть пространство и время; бытие вне времени есть такая же величайшая бессмыслица, как бытие вне пространства>[\[413\]](#). Время течет независимо от воли, желаний и деятельности людей. Сам человек существует и действует во времени. Он не может остановить течение времени и в этом смысле, но и только в этом смысле, не может противопоставить свою деятельность объективному течению времени.

Однако из того факта, что человек не может противопоставить свою деятельность объективному течению времени, вовсе еще не вытекает, что в отношении времени человек - существо абсолютно беспомощное. Осуществляя свою деятельность, человек активно использует время. Люди могут приурочить осуществление той или иной деятельности к определенному моменту во времени или к определенному отрезку времени, они могут устанавливать определенные сроки для осуществления тех или иных действий.

В связи с этим необходимо различать время и срок. Срок есть лишь момент во времени либо определенный период времени. Соотношение между временем и сроком - есть соотношение общего и отдельного. Вместе с тем соотношение времени и срока есть также в известной мере соотношение объективного и субъективного.

Применительно к рассматриваемой категории юридических фактов это означает следующее:

Во-первых, в сфере осуществления гражданско-правовых отношений юридическое значение имеет не истечение времени вообще, а истечение определенного срока, наступление определенного момента и т. п. Даже в том случае, когда срок точно не определен, значение юридического факта имеет не время вообще, а неопределенный отрезок времени, неопределенный срок.

Во-вторых, сроки, связанные с осуществлением гражданских прав и обязанностей, устанавливаются людьми. Они предусмотрены либо непосредственно нормами гражданского права, либо самими участниками гражданских правоотношений, либо, наконец, органами, рассматривающими гражданско-правовые споры. В законе, в договоре или в решении компетентного органа может быть точно установлено начало и окончание определенного срока. Сами сроки могут быть большими или меньшими в зависимости от различных обстоятельств. А из этого следует, что срок как юридический факт в своем возникновении носит волевой характер.

В-третьих, поскольку срок уже установлен и при наступлении определенных, предусмотренных законом или договором обстоятельств начал течь, его течение по общему правилу уже не зависит от воли людей.

Однако тот факт, что течение срока по общему правилу не зависит от воли людей, вовсе не означает, что его течение не может быть вообще изменено волей и деятельностью людей. Так, например, в отношении сроков исковой давности закон предусматривает приостановление течения этих сроков при определенных обстоятельствах, перерыв сроков в зависимости от воли и поведения людей, а также восстановление уже истекшего срока по решению суда или арбитража. Выходит, таким образом, что и во время течения определенного срока на него существенное влияние может оказывать воля и деятельность людей.

Из сказанного вытекает, что с точки зрения классификации юридических фактов истечение определенного срока нельзя отнести ни к абсолютным юридическим событиям, которые имеют место помимо воли людей, ни к относительным юридическим событиям, которые в своем возникновении носят волевой характер, но в последующем осуществляются независимо от воли, их породившей, так как воля людей оказывает существенное влияние не только на сам размер установленного срока, не только на начало его течения, но и на само течение этого срока, которое по воле людей может быть приостановлено, прервано или продлено. Вместе с тем истечение определенного срока нельзя отнести и к юридическим действиям, так как течение определенного срока есть частный случай течения времени, которое течет независимо от воли и деятельности людей.

Правильное понимание соотношения общего (течение времени) и частного (течение срока), соотношение объективного (течение времени) и субъективного (влияние воли людей на течение определенного срока) факторов имеет важное значение для определения места гражданско-правовых сроков в системе юридических фактов советского гражданского права.

Приведенный выше краткий анализ вопроса и та роль, которую играют сроки в области возникновения, изменения, осуществления и защиты гражданских прав, позволяют сделать вывод о том, что юридические сроки в системе юридических фактов гражданского права занимают самостоятельное место наряду с юридическими событиями и юридическими действиями и по своему характеру представляют нечто среднее между ними.

Сроки в гражданском праве различаются прежде всего по характеру их определения в законе, административно-плановом акте, договоре и т. п.

Большое практическое значение имеет деление сроков на императивные и диспозитивные. Императивными называются сроки, которые не могут быть изменены по соглашению

сторон. Сюда относятся, в частности, предусмотренные ст. ст. 78 - 81 ГК РСФСР сроки исковой давности, претензионные сроки (ст. ст. 247, 384, 554 ГК), а также многие другие сроки (см., например, ст. ст. 306, 307, 316, 420, 509, 510, 522, 546, 550 и др. ГК).

Диспозитивными считаются те предусмотренные законами сроки, которые могут быть изменены соглашением сторон. Диспозитивным, например, является предусмотренный ст. 208 ГК годичный срок, по истечении которого прекращается ответственность поручителя по обязательствам, в которых срок не указан либо определен моментом востребования кредитором. В некоторых случаях закон устанавливает лишь минимальный или максимальный срок для осуществления каких-то действий. Вместе с тем участникам такого правоотношения разрешается соответственно этот срок либо увеличить, либо уменьшить. Так, например, ст. 263 ГК РСФСР предоставляет право сторонам договора поставки предусмотреть в договоре гарантийные сроки более продолжительные, чем предусмотренные стандартами или техническими условиями. Такие сроки по своему характеру являются императивно-диспозитивными.

Важное практическое значение деления сроков на императивные, диспозитивные и императивно-диспозитивные состоит, следовательно, в том, что этим определяются пределы самостоятельности участников гражданских правоотношений в установлении сроков.

Различают сроки определенные и неопределенные. Определенными называются сроки, которые подлежат точному исчислению. Они устанавливаются различными способами: а) путем указания на какой-либо момент или событие, с которым связываются определенные правовые последствия (например, ст. ст. 135, 181, 528 ГК РСФСР и др.); б) путем указания начала и конца течения срока (например, ст. 9 ГК РСФСР); в) путем установления продолжительности срока с одновременным определением начала или конца течения срока (так, например, определены в законе все давностные и многие другие сроки).

Неопределенными называются сроки, которые устанавливаются путем указания каких-либо приблизительных координат. Так, в ряде случаев закон требует от того или иного контрагента совершения определенных действий <своевременно> (ст. ст. 368, 377 ГК РСФСР), <немедленно> (ст. ст. 144, 147, 163, 164, 247 ГК РСФСР), <без промедления> (ст. ст. 399, 400, 409, 411 ГК РСФСР и др.) или в <соразмерный срок> (ст. ст. 359, 360, 364 ГК РСФСР). К неопределенным срокам относят также случаи, когда для совершения тех или иных действий законом или договором вообще не установлен срок, в частности, когда наймодатель сдал имущество внаем без указания срока, когда одно лицо делает другому предложение заключить договор без указания срока для ответа и т. п.

Определенные сроки способствуют большей четкости в осуществлении гражданских прав и обязанностей и потому составляют подавляющее большинство устанавливаемых в гражданском праве сроков.

Однако в некоторых случаях целесообразным является и установление неопределенных сроков. Например, при заключении договора подряда невозможно заранее предусмотреть срок исправления недостатков, которые могут быть допущены подрядчиком в процессе выполнения работы. Поэтому ст. 364 ГК и говорит лишь о возможности установить <соразмерный> срок для устранения возможных недостатков. В зависимости от того, насколько существенными окажутся недостатки впоследствии, и будет установлен необходимый срок для их устранения.

Это деление сроков также важно с практической точки зрения. Так, например, в случае установления неопределенного срока для исполнения обязательства, уполномоченный

вправе требовать его исполнения в любое время. При этом, однако, обязанному лицу законом предоставляется некоторый льготный срок (ст. ст. 200, 340 ГК РСФСР).

Важное значение с точки зрения правильного применения сроков имеет деление на сроки общие и специальные. Так, например, общий срок для предъявления иска в суд по требованиям социалистических организаций установлен в один год, а по требованиям граждан - в три года. Однако для целого ряда случаев закон предусматривает специальные сроки давности. В частности, шестимесячный срок исковой давности применяется по искам о взыскании неустойки (штрафа, пени), о недостатках проданной вещи и др. (ст. 79 ГК РСФСР). Практическое значение этого деления состоит в том, что при наличии установленного законом специального срока установленный законом общий срок к данным правоотношениям не может быть применен.

От общих и специальных сроков следует отличать сроки общие и частные. В отличие от специальных сроков, которые устанавливаются в виде исключения из общего правила, частные сроки представляют собой разбивку общего срока на части. Это имеет место обычно в тех случаях, когда правоотношения между сторонами носят длительный характер и исполнение, которое должен осуществить обязанный субъект, производится по частям. Например, при заключении социалистическими организациями договора поставки на год стороны в соответствии с планом обязаны указать ежеквартальный размер подлежащей поставке продукции. Годовой и квартальные сроки поставки обычно относят к общим срокам. Однако при заключении договора стороны вправе предусмотреть в договоре также месячные, декадные или иные сроки поставки продукции.

Установление частных сроков, например, при исполнении договора поставки, имеет важное значение, так как обеспечивает более ритмичную поставку получателю сырья, топлива, материалов и т. п. и тем самым обеспечивает бесперебойную и планомерную работу предприятия-получателя, устраняет временное омертвление оборотных средств при редкой поставке продукции крупными партиями, снижает расходы по хранению продукции и т. п.

Сроки в советском гражданском праве различаются между собой не только по характеру их определения в законе, административно-плановом акте или в договоре, но также по тем целям, для которых они установлены, по характеру их действия и по тем правовым последствиям, которые наступают в связи с истечением того или иного срока. Разграничение сроков по этим основаниям имеет большое практическое значение, так как дает возможность определить, какой именно срок должен быть применен в том или ином случае, установить, истек этот срок или не истек и какие последствия от этого наступают для сторон.

Особенно важное значение в связи с этим приобретает деление сроков на сроки осуществления гражданских прав и сроки защиты гражданских прав.

Какие же сроки, предусмотренные гражданским законодательством, следует относить к срокам осуществления гражданских прав, а какие - к срокам их защиты?

Ответ на этот вопрос вытекает из самого содержания субъективных гражданских прав. Субъективное гражданское право есть мера возможного поведения управомоченного лица. Это означает, что обладатель субъективного гражданского права может совершать целый ряд действий по осуществлению и защите своего права. По общему правилу субъективное гражданское право предоставляет управомоченному лицу три возможности: во-первых, возможность совершать определенные положительные действия по

осуществлению своего права, например, владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом; во-вторых, возможность требовать определенного поведения непосредственно от обязанного лица, например, потребовать от должника возвратить взятую сумму денег; и, наконец, в-третьих, возможность обратиться к суду, арбитражу или иному компетентному государственному или общественному органу с требованием принудить обязанное лицо к исполнению своей обязанности либо защитить право от его нарушения со стороны других лиц.

Каждой из этих возможностей в гражданском праве соответствуют сроки их реализации. Так, первая возможность может быть реализована управомоченным лицом лишь в пределах сроков существования данного субъективного права, а в определенных случаях лишь в пределах так называемого пресекательного срока. Для осуществления второй возможности характерны так называемые гарантийные и претензионные сроки. Наконец, для реализации третьей возможности необходимо соблюдение установленных законом сроков исковой давности.

Для каждого из этих видов сроков в зависимости от их назначения существует, если так можно сказать, свой <правовой режим>. По истечении этих сроков наступают и различные правовые последствия. Поэтому смешение различных видов сроков недопустимо, так как на практике может повлечь за собой вынесение неправильных решений.

Под сроками осуществления гражданских прав следует понимать сроки, в течение которых управомоченный субъект вправе (а иногда и обязан) сам реализовать принадлежащее ему право либо потребовать совершения определенных действий по реализации своего права непосредственно от обязанного лица. Это последнее дополнение имеет особенно важное значение для реализации субъективных гражданских прав обязательственного характера, которые могут быть реально осуществлены лишь при совершении определенных действий обязанным лицом. Поэтому сроки, установленные для требований управомоченного лица, обращенных непосредственно к лицу обязанному, также следует относить к срокам осуществления гражданских прав.

Таким образом, сроками осуществления гражданских прав являются: 1) сроки существования данного субъективного права; 2) пресекательные сроки; 3) гарантийные сроки; 4) претензионные сроки.

Под сроками защиты гражданских прав понимают сроки, предоставленные управомоченному лицу для обращения к компетентным государственным или общественным органам с требованием о принудительном осуществлении и защите своего права. Таковыми являются сроки исковой давности.

Сроки существования гражданских прав

Всякое субъективное право, в том числе и субъективное гражданское право, есть право определенного лица, предоставленное ему или санкционированное законом. И подобно тому, как сам закон ограничен в своем действии во времени, в пространстве и по отношению к лицам, также во времени, в пространстве и по отношению к лицам существует и действует субъективное гражданское право.

Под сроками существования субъективного права понимаются сроки действия этого права во времени.

Служебное назначение сроков существования гражданских прав состоит, с одной стороны, в обеспечении управомоченному лицу максимальной возможности для реализации принадлежащего ему права, а с другой стороны, в обеспечении необходимой определенности и устойчивости гражданского оборота в интересах социалистического общества в целом.

Действие субъективных гражданских прав во времени бывает различным. Действие одних гражданских прав ограничено определенным сроком, в силу чего эти права носят срочный характер. Так, право патентообладателя на использование изобретения ограничено сроком в пятнадцать лет (ст. 522 ГК); права, вытекающие из выданной поверенному доверенности, действуют в течение срока, установленного в самой доверенности, но не более трех лет, а если в доверенности срок ее действия не предусмотрен, то лишь в течение одного года с момента ее выдачи (ст. 67 ГК); право нанимателя заселить по своему усмотрению освободившуюся у него излишнюю изолированную комнату в домах местных Советов действует лишь в течение трех месяцев после письменного предупреждения нанимателя жилищным органом, и т. п.

Субъективные гражданские права, существование которых ограничено определенным сроком, можно было бы назвать субъективными правами с определенным сроком действия.

В отличие от этого существование некоторых субъективных гражданских прав не ограничено во времени рамками точно установленного законом или договором (определенного) срока. Их действие во времени определяется лишь приблизительными координатами, в частности, наступлением определенного события, моментом востребования кредитора и т. п. Так, в соответствии со ст. 277 ГК срок действия договора имущественного найма не должен превышать десяти лет, а для отдельных видов этого договора - иных установленных законом сроков.

Однако из этого еще не следует, что если стороны не предусмотрели в самом договоре срок его действия, то право пользования имуществом принадлежит нанимателю в течение десяти лет (или иного предусмотренного законом срока). Статья 278 ГК предусматривает на этот счет иной порядок. Если договор имущественного найма заключен без указания срока, он считается заключенным на неопределенный срок, и каждая из сторон вправе потребовать его расторжения в любое время, предупредив об этом другую сторону за один месяц, а при найме строений или нежилых помещений - за три месяца.

Статья 307 ГК РСФСР предоставляет наймодателю право сдать внаем другому лицу жилое помещение, освободившееся временно в связи с призывом нанимателя на военную службу. Определяя срок действия этого права, закон не устанавливает точного размера этого срока, а лишь определяет, что срок этот начинает течь <по истечении трех месяцев>

со дня призыва нанимателя на военную службу и что договор найма с другим лицом заключается <на время прохождения призванным срочной военной службы>.

В этих случаях право пользования нанимателя помещением также носит срочный характер, хотя договор и заключен сторонами на неопределенный срок. Субъективные гражданские права, существование которых ограничено неопределенным сроком, можно было бы назвать субъективными правами с неопределенным сроком действия.

Но если в приведенном случае право все же носит срочный характер, хотя срок и является неопределенным, то в отличие от этого в ряде случаев закон либо вообще не определяет срока существования субъективного права, либо прямо говорит о бессрочном действии того или иного субъективного права. В частности, не ограничены никакими сроками такие субъективные гражданские права, как право собственности, личные неимущественные права (за исключением отдельных случаев, прямо предусмотренных законом)[\[414\]](#). Статья 8 Конституции СССР предусматривает бессрочный характер права пользования колхозов закрепленными за ними государственными землями. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1948 г. <О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов> предусмотрено, что отвод гражданам земельных участков как в городе, так и вне города для строительства индивидуальных жилых домов производится в бессрочное пользование[\[415\]](#).

Такие субъективные права, существование которых не ограничено никакими сроками, можно назвать субъективными правами бессрочного действия.

Сроки существования субъективных гражданских прав могут быть весьма различны как по их размеру, так и по характеру их определения в законе, административно-плановом акте или в договоре. Однако при всем их разнообразии они обладают двумя неизменными свойствами: во-первых, так как они определяют срок действия того или иного права, то с истечением указанного срока данное субъективное гражданское право прекращается; во-вторых, сроки существования субъективных прав не связаны непосредственно с их осуществлением.

Срок существования субъективного права есть общий срок действия данного субъективного гражданского права. Определяя эти сроки, закон по общему правилу не ставит существование того или иного права в зависимость от его осуществления или неосуществления. Так, предоставляя управомоченному лицу право выдать кому-либо доверенность на совершение тех или иных действий сроком до трех лет, закон не связывает управомоченного субъекта указаниями относительно осуществления или неосуществления действий, предусмотренных доверенностью. Доверитель по своему усмотрению может этой доверенностью воспользоваться или не воспользоваться, передать ее поверенному или не передать. Он вправе составить новую доверенность и передать ее для осуществления предусмотренных в ней действий другому лицу и т. п.

Нередко закон, определяя сроки существования субъективного права, использует специфическое выражение: <управомоченный может...> что-то сделать, подразумевая таким образом, что он этого может и не делать, что в данном случае осуществление права передается на собственное усмотрение управомоченного лица. Так, предусматривая право заинтересованных лиц оспорить права патентообладателя в течение всего срока действия патента, ст. 48 Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях гласит, что <патент в течение всего срока его действия может быть оспорен и аннулирован, если будет установлено, что он был выдан в нарушение настоящего Положения>. Та же статья предусматривает, что в течение всего срока действия патента

<изобретатель или его правопреемники могут возбудить ходатайство об обмене патента на авторское свидетельство, если они никому не переуступили патент или не выдали на него лицензию>[\[416\]](#).

Из этого следует, что юридическое значение срока существования того или иного субъективного гражданского права заключается в том, что срок этот предоставляет управомоченному лицу реальную возможность для осуществления принадлежащего ему субъективного гражданского права и что с истечением этого срока действие права прекращается, а следовательно, утрачивается и возможность его осуществления. В этом, но и только в этом, смысле сроки существования субъективного права могут быть отнесены к срокам осуществления гражданских прав.

Пресекательные сроки

Термин <пресекательные сроки> произведен от более точного термина <преклюзивные сроки>, который в свою очередь происходит от латинского глагола *praecludere*, что в переводе означает преграждать, препятствовать. Уже из существа самого термина, на наш взгляд, вытекает вывод о том, что к пресекательным могут быть отнесены лишь такие сроки, социальное назначение которых состоит в том, чтобы при известных обстоятельствах преградить путь, воспрепятствовать действию каких-либо правовых явлений или процессов.

Из этого вытекает также, что пресекательные сроки в советском гражданском праве это не обычные, нормальные сроки существования субъективных гражданских прав, а какие-то исключительные сроки, с истечением которых преграждается путь, пресекается существование субъективного гражданского права. Только в этом, на наш взгляд, термин <пресекательные сроки> может найти оправдание своего существования в советском гражданском праве.

Исходной предпосылкой решения проблемы пресекательных сроков является понимание их как одного из видов сроков осуществления субъективных гражданских прав. В отличие от буржуазного гражданского права, которое отдает существование права всецело на усмотрение управомоченного лица, советское гражданское законодательство небезразлично к тому, будет или не будет осуществлено то или иное субъективное гражданское право.

Поэтому в тех случаях, когда осуществление или неосуществление того или иного субъективного гражданского права затрагивает интересы всего общества, существенные интересы третьих лиц и т. п., закон устанавливает сроки таким образом, чтобы побудить управомоченное лицо к осуществлению принадлежащего ему субъективного права.

Это побуждение управомоченного лица к реализации своего права осуществляется законом различными способами. В одних случаях это достигается посредством установления в законе сравнительно коротких сроков существования субъективного права. Так, например, в отличие от права патентообладателя на использование изобретения, которое действует в течение пятнадцати лет, или, например, в отличие от общего трехлетнего срока действия доверенности, право наследника на принятие наследства существует лишь в течение шести месяцев со дня открытия наследства (ст. 546 ГК), право нанимателя заселить по своему усмотрению освободившуюся у него в доме местного Совета излишнюю изолированную комнату существует лишь в течение трех месяцев с момента письменного предупреждения его жилищными органами (ст. 316 ГК), и т. п.

В ряде случаев закон стимулирует осуществление субъективных гражданских прав более эффективными способами, в частности путем установления обязанности управомоченного лица осуществить свое право посредством установления в законе невыгодных последствий для управомоченного лица на случай его неосуществления. Одним из таких последствий является досрочное прекращение субъективного права вследствие его неосуществления в течение определенного времени.

Именно в этих случаях истечение определенного, установленного законом или договором срока приобретает значение обстоятельства, преграждающего путь субъективному праву, пресекающего его дальнейшее действие. Прекращение действия субъективного права

выступает здесь как известная санкция за его неосуществление. Именно эти сроки и представляется целесообразным относить к пресекательным срокам.

Советскому гражданскому праву известны несколько таких случаев.

Статья 306 ГК предусматривает, что в случае временного отсутствия нанимателя, члена его семьи или всех этих граждан право пользоваться жилыми помещениями сохраняется за отсутствующими в течение шести месяцев. Разъясняя эту норму закона, Пленум Верховного суда СССР в Постановлении от 25 марта 1964 г. <О судебной практике по гражданским жилищным делам> указал, что лица, выбывшие с данной жилой площади на новое постоянное местожительство, утрачивают право пользования помещением с момента выезда, а при временном выезде они <могут быть признаны утратившими право на жилое помещение по истечении 6 месяцев после фактического выезда, за исключением тех случаев, когда по действующему законодательству это право сохраняется за нанимателем в течение более длительного срока>[417].

В литературе и в судебной практике этот шестимесячный срок иногда рассматривают как срок исковой давности[418]. В действительности же он таковым не является. Исковая давность - это срок, установленный для обращения управомоченного лица к компетентным органам с требованием принудительного осуществления или защиты своего права. С истечением исковой давности это право может быть утрачено.

Указанный шестимесячный срок имеет иное социальное назначение. Это не срок защиты права. Истечение его не только не погашает права на обращение в суд, но наоборот, такое обращение в суд будет успешным лишь после истечения этого шестимесячного срока. Установление этого срока имеет своим назначением побудить нанимателя использовать помещение по его назначению под страхом утраты самого права вследствие его длительного неосуществления - более шести месяцев.

Вместе с тем срок этот нельзя рассматривать и как срок существования права пользования жилым помещением. Статья 299 ГК предусматривает, что срок пользования нанимателем предоставленным ему жилым помещением определяется договором, который и является сроком существования права пользования жилым помещением. Сущность же рассматриваемого шестимесячного срока состоит в том, что неосуществление нанимателем своего права пользования жилым помещением в течение указанного срока может повлечь за собой досрочное прекращение договора найма жилого помещения. Досрочное прекращение договора найма жилого помещения, а следовательно, и досрочное прекращение права пользования нанимателем является в данном случае известной санкцией за неосуществление права.

Чем же объясняется применение такой санкции? Интересные соображения по этому поводу высказаны Г. Н. Амфитеатовым. По его мнению, принципиальный смысл данной нормы заключается в том, что кроме обычных договорных обязанностей, лежащих на нанимателе, закон требует также, чтобы наниматель <осуществлял свое право, т. е. фактически пользовался предметом найма>. <...Оставление нанимателем жилого помещения без использования, - пишет он, - противоречит социально-хозяйственному назначению права, и потому такой наниматель не может быть защищен, хотя бы он и был исправен в исполнении своих обязанностей по договору>[419].

Следовательно, длительное неосуществление права пользования жилым помещением по существу является одной из форм осуществления права в противоречии с его назначением, частным случаем, предусмотренным ст. 5 Основ гражданского

законодательства. Отсюда вытекает и применение такой санкции, как прекращение права пользования помещением на будущее время именно в связи с неосуществлением права.

Именно по этим основаниям предусмотренный ст. 306 ГК срок и следует рассматривать как срок пресекательный, с истечением которого дальнейшее существование права пользования жилым помещением прекращается еще до истечения предусмотренного договором срока его существования.

Статья 306 ГК предусматривает также ряд случаев, когда право пользования жилым помещением сохраняется за нанимателем в течение более длительного времени его отсутствия. В частности, право это сохраняется за военнослужащими срочной службы в течение всего времени прохождения срочной службы; за лицами, временно выехавшими с данной площади в связи с характером работы (экипажи судов, экспедиции и т. п.) либо на учебу, - в течение всего времени выполнения этой работы или обучения; за детьми, переданными на воспитание детским учреждениям, родственникам или опекунам, - на все время их пребывания у указанных лиц, если в жилом помещении, из которого выбыли дети, остались проживать члены их семьи; за лицами, находящимися на излечении в лечебном учреждении, - в течение всего времени пребывания в нем; в случае заключения лица под стражу - в течение всего времени нахождения под следствием или судом. При осуждении лица к лишению свободы, ссылке или высылке на срок свыше шести месяцев, если в жилом помещении не остались проживать члены его семьи, договор считается расторгнутым с момента приведения приговора в исполнение.

Гражданские кодексы союзных республик предусматривают некоторые другие случаи такого рода. Так, например, ГК Эстонской ССР в п. 5 ст. 312 предусматривает сохранение жилой площади за опекунами и попечителями в случае их переезда на жилую площадь подопечного - в течение всего времени опеки или попечительства.

Закон рассматривает эти случаи как бесспорные случаи непроживания нанимателя на данной площади по уважительным причинам. Отсутствие нанимателя по этим основаниям не влечет за собой прекращения права на жилую площадь независимо от того, в течение какого срока отсутствует наниматель.

Вместе с тем, с прекращением указанных обстоятельств обязанность нанимателя использовать предоставленную ему жилую площадь для проживания опять вступает в действие. С этого момента закон, как и в первом случае, предусматривает сохранение жилой площади за нанимателем также лишь в течение шести месяцев. Поэтому невозвращение нанимателя на данную площадь, например после окончания экспедиции, возвращения судна из плавания, прекращения опеки или попечительства, увольнения военнослужащего срочной службы из армии и т. п., в течение шести месяцев может повлечь за собой утрату права на жилую площадь, если причины отсутствия будут признаны судом неуважительными.

Следовательно, и здесь законом проводится та идея, что неосуществление права пользования жилым помещением в течение длительного времени влечет за собой досрочное расторжение договора найма жилых помещений и, следовательно, досрочное прекращение принадлежащего нанимателю права пользования жилым помещением.

Аналогичные правила предусмотрены для случаев бронирования жилых помещений. Статья 308 ГК предусматривает, что в случае командировки за границу, выезда на работу в районы Крайнего Севера и приравненные к нему местности, а также в иных предусмотренных законодательством случаях жилая площадь сохраняется за выбывшими

лицами. При этом исполкомы местных Советов выдают указанным лицам охранный свидетельский (броню) на определенный срок (обычно на все время пребывания за границей или на срок действия трудового договора, а в случаях, предусмотренных законодательством Союза ССР, - на весь срок отсутствия).

Если наниматель или члены его семьи в течение шести месяцев после окончания срока брони не предъявят требования о возврате им помещения, договор найма помещения считается расторгнутым.

Новым для советского гражданского законодательства и весьма своеобразным является предусмотренный ст. 107 ГК РСФСР и соответствующими статьями гражданских кодексов других союзных республик срок прекращения права личной собственности на жилой дом, сверх одного, который также должен быть отнесен к пресекаемым срокам.

Статья 106 ГК установила, что в личной собственности гражданина, а равно у совместно проживающих супругов и их несовершеннолетних детей может быть только один жилой дом (или часть одного дома), независимо от того, принадлежит ли он на праве личной собственности одному из членов семьи либо является их общей собственностью. Однако в ряде случаев в руках этих лиц даже по независящим от них обстоятельствам (например, в результате наследования) либо по иным дозволенным законом основаниям (например, дарение, вступление супругов, из которых каждый имеет жилой дом в личной собственности, в брак и т. п.) может оказаться несколько жилых домов.

Порядок ликвидации такого положения предусмотрен ст. 107 ГК, которая предусматривает, что, если в личной собственности граждан или у совместно проживающих супругов и их несовершеннолетних детей по основаниям, допускаемым законом, окажется более одного дома, то собственник вправе оставить в своей собственности любой из этих домов. Другой же дом (дома) собственник должен продать, подарить либо произвести его отчуждение каким-либо иным способом.

Какова же правовая природа этого годового срока?

Этот годовичный срок, который начинает течь со дня возникновения права собственности на второй дом (дома), закон называет сроком <для добровольного отчуждения собственником дома (домов)>. Из этого следует, что закон предоставляет собственнику право в течение этого срока произвести отчуждение дома по своему усмотрению как гражданину, так и организации и любым дозволенным законом способом. Это, следовательно, есть прежде всего срок осуществления собственником права распоряжения своим имуществом и уже по этой причине не может быть признан сроком исковой давности.

Вместе с тем, предоставляя собственнику годовичный срок для осуществления этого права, закон обязывает собственника осуществить его под угрозой лишения этого права. Если собственник не произведет в течение года отчуждения дома в той или иной форме, этот дом по решению исполкома местного Совета подлежит принудительной продаже в установленном законом порядке. Вырученные от продажи суммы за исключением расходов, связанных с принудительной продажей, возвращаются собственнику. Если же ввиду отсутствия покупателей строение не будет продано в принудительном порядке, то по решению исполкома местного Совета оно переходит безвозмездно в собственность государства.

Таким образом, неосуществление собственником права распоряжения вторым строением в течение установленного законом годичного срока влечет за собой не только утрату права его <добровольного отчуждения> в течение этого срока, но в последующем приводит также и к утрате права собственности на этот дом. Поскольку право собственности в СССР носит бессрочный характер, то с истечением указанного годичного срока это право может быть досрочно прекращено, постольку срок этот также является сроком пресекательным.

К пресекательным следует отнести также предусмотренные ст. 145 ГК сроки возврата найденных вещей потерявшему их лицу, а также предусмотренные ст. 147 сроки возврата собственнику безнадзорного или пригульного скота.

Лица, нашедшие потерянную вещь, либо организация, которой эта вещь передана, обязаны возвратить вещь потерявшему ее лицу, а если это лицо не будет обнаружено, то передать ее на хранение в милицию либо исполкому сельского Совета депутатов трудящихся. Милиция и исполнительный комитет сельского Совета депутатов трудящихся обязаны хранить эту вещь в течение шести месяцев. Если в течение этого срока потерявший вещь будет обнаружен, то вещь ему возвращается. Если же потерявший вещь в течение шести месяцев не будет обнаружен, то вещь безвозмездно переходит в собственность государства.

Обнаруженный и задержанный кем-либо безнадзорный и пригульный скот должен быть возвращен собственнику. Если же собственник его неизвестен, то задержавший его обязан в трехдневный срок сообщить об этом милиции либо исполкому сельского Совета депутатов трудящихся.

Органы милиции или исполком сельского Совета принимают меры к розыску собственника скота, а на это время передают скот на содержание близлежащему совхозу или колхозу. В случае обнаружения собственника скота в течение шести месяцев (в отношении рабочего и крупного рогатого скота и их молодняка) или в течение двух месяцев (в отношении мелкого скота и его молодняка) со дня передачи скота на содержание колхозу или совхозу скот возвращается собственнику. При этом собственник обязан возместить совхозу или колхозу стоимость содержания скота с зачетом выгод, которые были ими получены от его использования.

Если в течение указанных сроков собственник скота не будет обнаружен, то он утрачивает право собственности на этот скот, который безвозмездно переходит либо в собственность колхоза, которому он был передан на содержание, либо также безвозмездно переходит в собственность государства и передается в оперативное управление совхозу, где он содержался.

Срок хранения находки и сроки содержания безнадзорного и пригульного скота однотипны по своему характеру. Их особенности определяются спецификой возникающих в данном случае отношений.

Особенность рассматриваемых отношений состоит в том, что законодатель, определяя порядок передачи на хранение найденных вещей и передачу на содержание колхозам и совхозам безнадзорного и пригульного скота, конструирует отношения между хранителем (содержателем) и собственником имущества, как обязательственные отношения по хранению (содержание следует рассматривать как квалифицированное хранение) со строго определенным сроком хранения и востребования собственником своего имущества.

Из этого следует, что сроки, установленные ст. ст. 145, 147 ГК, это не сроки исковой давности, а лишь сроки хранения и возврата собственнику утраченного имущества. О сроках исковой давности применительно к данным случаям можно было бы говорить лишь тогда, когда собственник в установленные сроки обратился бы с требованием возврата находки или безнадзорного или пригульного скота, но организации, у которых это имущество находится на хранении, отказали бы ему в возврате имущества. В этих случаях установленные ст. ст. 145, 147 сроки вообще перестают действовать ввиду обнаружения собственника и начинает течь обычный срок исковой давности.

Однако это обязательство хранения имущества необычное. Его особенность в том, что оно возникает не на основании договора, а предусмотрено самим законом на случай небрежного или бесхозяйственного отношения собственника к своему имуществу. Именно поэтому закон устанавливает, что с истечением сроков хранения этого имущества прекращается не только право на востребование этого имущества, но также и право собственности или иное основанное на законе или договоре право лица, утратившего имущество. В данном случае сроки существования права собственности не совпадают с указанными сроками. Утрата права собственности или иного права лицом, потерявшим имущество, в известном смысле может рассматриваться как санкция за неосуществление им права в надлежащем порядке. Поэтому эти сроки также следует считать сроками пресекательными.

В связи с признанием пресекательным срока возврата безнадзорного или пригульного скота возникает вопрос о том, может ли быть продлен этот срок в том случае, когда скот, принадлежащий совхозу и, следовательно, являющийся государственной социалистической собственностью, оказался ввиду необнаружения собственника в собственности колхоза. Как известно, ст. 17 Основ установила, что правила исковой давности не распространяются на требования о возврате государственного имущества из незаконного владения колхозов и иных кооперативных и общественных организаций или граждан. Однако эти правила к рассматриваемому случаю применены быть не могут, так как, во-первых, сроки востребования безнадзорного или пригульного скота не являются давностными, а являются пресекательными сроками, продление которых возможно лишь в случаях, прямо предусмотренных законом, и, во-вторых, скот, перешедший к колхозу после истечения указанных сроков, оказался у колхоза на законном основании, и потому правила о виндикации в данном случае не применимы.

Своеобразный пресекательный срок установлен ст. 510 ГК РСФСР для осуществления организацией права использовать произведение, переданное ей автором на основании авторского договора, в соответствии с его назначением.

По издательскому, постановочному или по иному другому авторскому договору организация, с которой автор заключил этот договор, приобретает право на использование переданного ей автором произведения. Содержание этого права состоит в использовании произведения установленным в договоре способом и в том, что никакая другая организация не вправе воспользоваться этим произведением без ее разрешения (кроме случаев, прямо предусмотренных законом). Соответственно и сам автор не вправе передать без согласия этой организации свое произведение для использования какому-либо другому лицу. Как предусматривает ст. 509 ГК, срок, в течение которого автор не вправе передать свое произведение другому лицу для использования, определяется типовыми договорами, но во всех случаях не может превышать трех лет со дня одобрения произведения организацией.

Из этого следует, что право организации на использование произведения также существует максимально лишь в течение трех лет.

Своевременное использование (опубликование, постановка и т. п.) произведения имеет большое научное, культурное или иное общественное значение. Поэтому новое гражданское законодательство не только предоставляет организации право использовать это произведение, но и обязывает ее к этому. Статья 510 ГК РСФСР предусматривает, что организация обязана <осуществить или начать использование произведения> обусловленным по договору способом и в установленный договором срок, который, однако, не может превышать двух лет со дня одобрения ею произведения.

Устанавливая такую обязанность осуществить право на использование произведения в течение максимального двухгодичного срока, закон вместе с тем предусматривает на этот счет и соответствующие санкции. Если организация не осуществит или не начнет использования одобренного ею произведения в указанный срок, то она обязывается выплатить автору обусловленное договором вознаграждение полностью. Вместе с тем автору предоставляется право отказаться от договора и потребовать возврата переданных по договору экземпляров произведения.

Несмотря на то, что в данном случае закон ставит расторжение авторского договора, а следовательно, и прекращение права организации на использование произведения в зависимость от усмотрения самого автора, указанный максимальный двухгодичный срок (или срок, предусмотренный договором) следует рассматривать как срок пресекательный по крайней мере в тех случаях, когда автор воспользовался правом на расторжение договора, которое является санкцией за неосуществление организацией своего права (обязанности) в установленный срок.

Таковы основные виды пресекательных сроков в советском гражданском праве. Рассмотрение их показывает, что для всякого пресекательного срока характерны три основные особенности.

1. Пресекательный срок не тождествен со сроком существования субъективного гражданского права, действие которого прекращается с истечением пресекательного срока, хотя в некоторых случаях и может совпадать с ним по размеру.
2. С истечением пресекательного срока субъективное гражданское право прекращается досрочно, то есть до истечения установленного законом или договором нормального срока его существования.
3. Досрочное прекращение субъективного гражданского права с истечением пресекательного срока является правовой санкцией, применяемой к управомоченному лицу за неосуществление либо ненадлежащее осуществление принадлежащего ему права.

Гарантийные сроки

Особое место среди сроков осуществления гражданских прав занимают так называемые гарантийные сроки. Термин <гарантия> в советском гражданском законодательстве имеет два самостоятельных значения. В одних случаях закон понимает под гарантией один из способов обеспечения исполнения обязательств между социалистическими организациями (ст. 210 ГК). Сущность такой гарантии состоит в том, что одна социалистическая организация (обычно организация вышестоящая по отношению к должнику) обязуется уплатить определенную сумму денег организации-кредитору, если организация-должник не выполнит своего обязательства. Гарантия в этом смысле есть особая форма поручительства, существующая в отношениях между социалистическими организациями.

При неисполнении обязательства должником кредитор вправе предъявить иск как к самому должнику, так и к его гаранту (поручителю). Для предъявления иска к гаранту закон устанавливает определенные сроки. Статья 208 ГК предусматривает, что поручительство прекращается, если кредитор в течение трех месяцев со дня наступления срока обязательства <не предъявит иска к поручителю>. Если срок исполнения обязательства не установлен или определен моментом востребования, то при отсутствии иного соглашения ответственность поручителя прекращается по истечении года со дня установления поручительства.

В литературе правовая природа этих сроков трактовалась по-разному. Одни авторы считали эти сроки давностными, другие относили их к так называемым пресекательным срокам, а иногда их даже признавали гарантийными сроками. В настоящее время этот вопрос четко разрешен ст. 208 ГК, которая рассматривает эти сроки как сроки для предъявления иска, то есть как сроки исковой давности. Причем природа этого срока как давностного не изменяется от того, что в случаях, когда гарантия дается организацией Госбанку, взыскание по гарантии производится банком в бесспорном порядке. Во всех случаях сроки, предусмотренные ст. 208 ГК, являются сроками для принудительного осуществления права, с истечением которых такая возможность осуществления права погашается.

Гарантию как одну из форм поручительства следует отличать от гарантии качества продукции. Сущность гарантии качества продукции состоит в том, что продавец или изготовитель гарантирует покупателю не только наличие в проданной вещи необходимых качеств, но и ее надежность в работе в течение определенного времени. Причем продавец (изготовитель) в случае обнаружения недостатков в проданной вещи обязуется безвозмездно их исправить или заменить вещь в течение определенного срока, который и называется гарантийным сроком.

Гарантийные сроки устанавливаются государственными стандартами, техническими условиями или определяются сторонами в договоре. Они могут быть различны как по своему размеру (от нескольких дней до нескольких лет), так и по характеру: гарантийные сроки эксплуатации изделия, гарантийные сроки хранения продуктов, сроки годности продукции.

В советской правовой литературе нет единства в понимании сущности гарантийных сроков. Нет этого единства и в законодательстве. Попытки дать в законе определение гарантийного срока предпринимались неоднократно, однако единого понятия гарантийного срока до сего времени не сложилось. Трудность определения гарантийного срока, на наш взгляд, состоит в том, что гарантийный срок представляет собою не только

юридическое понятие, но также и понятие технико-экономическое. Однако в определениях гарантийного срока, даваемых в законе и в литературе, всегда на первый план выступает то одна, то другая его сторона.

Между тем для правильного понимания существа гарантийных сроков и их служебной роли необходимо рассматривать их не только с чисто юридических позиций, но и с точки зрения тех материальных предпосылок, которые определяют закрепление в законе правил о гарантийных сроках. С методологической точки зрения только такой подход к решению проблемы гарантийных сроков может дать положительный результат.

Общеизвестно марксистское положение о том, что право в конечном счете определяется экономикой. Это положение в полной мере применимо не только к исследованию природы права в целом, но и к исследованию его отдельных отраслей и институтов. Не является с этой точки зрения исключением и институт гарантийных сроков. Однако материальная основа этого института имеет ту особенность, что на характер и в особенности на размеры гарантийных сроков оказывают свое влияние не только производственные отношения, но и уровень развития производительных сил. Иначе говоря, материальная основа института гарантийных сроков носит технико-экономический характер.

Институт гарантийных сроков неразрывно связан с качеством производимой продукции, которое в свою очередь находится в зависимости от уровня развития производительных сил общества. <:>

Зависимость качества продукции от уровня развития производительных сил определяет и основные особенности гарантийных сроков. С одной стороны, уровень развития техники, технологии производства и научно-технической мысли определяет объективные критерии для установления технических уровней изделий, для определения показателей их надежности и долговечности, в частности для определения срока службы изделия. А это, в свою очередь, дает объективные критерии для определения продолжительности гарантийных сроков службы изделия. Гарантийные сроки лишь тогда будут действительно гарантийными, когда они будут технически обоснованными нормами безотказной службы того или иного изделия.

Но здесь же обнаруживается и другая сторона взаимосвязи. Дело в том, что устанавливаемые ГОСТами, техническими условиями или договорами гарантийные сроки при известных условиях могут оказывать обратное влияние на развитие производительных сил, на совершенствование техники и технологии производства, они способны в известной мере стимулировать технический прогресс. Однако такую способность гарантийный срок может приобрести лишь в том случае, когда он будет не только технически обоснованной нормой безотказной службы изделия, но и простой констатацией уже достигнутого уровня развития техники и технологии производства, но будет технически обоснованной прогрессивной нормой безотказной службы изделия.

Иначе говоря, для того, чтобы максимально использовать возможности, заложенные в гарантийном сроке не только для обеспечения определенного качества производимых изделий, но и для дальнейшего его повышения, срок этот должен быть установлен с известным превышением технически обусловленной нормы безотказной службы изделия. <:>

Было бы неправильным, на наш взгляд, понимать требование установления <длительных сроков гарантии> как произвольное определение продолжительности гарантийного срока.

Такое произвольное определение длительности гарантийных сроков было бы проявлением осужденного нашей партией субъективистского подхода к решению хозяйственных вопросов. В основу каждого гарантийного срока должен быть положен точный технико-экономический расчет.

Несомненен также и практический вред подобного рода волевых решений в установлении длительности гарантийных сроков. Установление чрезмерно длительных гарантийных сроков, не соответствующих уровню техники и технологии производства, может привести к тому, что предприятие - производитель продукции будет затрачивать чрезмерно много сил и средств на исправление недостатков продукции, нести большие убытки и по существу из производителя продукции превратится в ремонтника выпускаемых изделий. Это не только нарушит нормальную хозяйственную деятельность предприятия, но и затормозит дело дальнейшего совершенствования техники и технологии производства этой продукции. Превышение размеров гарантийных сроков над технически обоснованными нормами может быть лишь таким, которое соответствует предусмотренным планом темпам развития технического прогресса в сфере производства данного вида продукции.

С другой стороны, установление гарантийных сроков меньшей продолжительности, чем технически обоснованные нормы, может повести к ущемлению прав приобретателей данной продукции и вместе с тем приведет к утрате гарантийным сроком его стимулирующего значения как средства, оказывающего известное влияние на технический прогресс.

Таким образом, с технико-экономической стороны гарантийный срок следует понимать как технически обоснованный прогрессивный срок безотказной службы изделия. При этом гарантийный срок безотказной службы изделия следует отличать от срока службы изделия, под которым понимается календарная продолжительность эксплуатации изделия до его предельного состояния, например, до первого капитального ремонта.

Это различие важно иметь в виду потому, что срок службы изделия обычно много больше гарантийного срока. При этом, на наш взгляд, гарантийный срок следует рассматривать как срок, если так можно сказать, известного испытания изделия на прочность при соблюдении нормальных условий его эксплуатации. Нормальное прохождение изделием этого срока должно быть свидетельством того, что приобретенное изделие будет долго и надежно служить его приобретателю. Только при таком положении гарантийный срок станет действительно гарантией доброкачественности и надежности изделия и обеспечит максимальное удовлетворение потребностей граждан и социалистического народного хозяйства.

Именно на эту технико-экономическую сторону гарантийного срока обращается внимание в ряде определений, даваемых в нормативных актах и в литературе. Так, например, Положения о поставках продукции определяют гарантийные сроки как сроки, в течение которых <поставщик гарантирует доброкачественность поставленной продукции>[420]. Особые условия поставки судов гражданского назначения рассматривают его как гарантию завода-изготовителя <безотказной работы> морских, речных и озерных судов[421]. Типовой договор на выполнение ремонтных и других работ предприятиями объединений <Сельхозтехника> определяет его как срок, обеспечивающий <исправную работу> капитально отремонтированных машин, двигателей и другого оборудования[422].

Не вызывает сомнения тот факт, что технико-экономическая сторона гарантийных сроков имеет важное значение и должна найти свое выражение в определении гарантийных

сроков. Однако только такое определение гарантийных сроков нельзя признать достаточным, так как оно не раскрывает юридических признаков и юридического значения гарантийных сроков.

Попытка раскрыть наряду с технико-экономическими также и юридические признаки гарантийного срока была предпринята Н. А. Яхниной, по мнению которой гарантийным следует признать срок, <в течение которого изготовитель гарантирует безотказную работу изделия, т. е. как гарантийное обязательство изготовителя по обеспечению стабильности качественных показателей продукции в течение определенного периода>[\[423\]](#). Попытку эту едва ли можно признать удовлетворительной, так как приведенное определение исходит из неправильного отождествления гарантийного срока и гарантийного обязательства.

С юридической стороны гарантийный срок, как впрочем и всякий срок в гражданском праве, есть юридический факт, с которым закон связывает определенные юридические последствия. Однако гарантийный срок - необычный юридический факт. Он представляет собою период времени, имеющий значение лишь в сочетании с другими юридическими фактами - только обнаружение недостатков в приобретенной (отремонтированной) вещи в течение гарантийного срока влечет за собой определенные последствия.

Именно поэтому в новом гражданском законодательстве и в комментирующей его литературе гарантийный срок и определяется как срок для обнаружения недостатков[\[424\]](#).

При этом обнаружилась одна любопытная деталь. Статья 48 Основ и соответствующие статьи ГК союзных республик определяют гарантийный срок применительно к договору поставки продукции как срок для установления недостатков в поставленной продукции с последующим предъявлением претензионных требований об устранении недостатков или замене продукции. В отличие от этого ст. 42 Основ применительно к купле-продаже лишь устанавливает, что <покупатель в течение гарантийного срока может предъявить продавцу претензию по поводу недостатков проданной вещи, препятствующих ее нормальному использованию>.

Различное формулирование правил о гарантийных сроках в Основах и ГК применительно к купле-продаже и поставке породило в литературе два диаметрально противоположных суждения. Одни авторы полагают, что Основы и ГК таким образом дают два различных определения гарантийного срока. Так, по мнению О. С. Иоффе[\[425\]](#) и С. Г. Хиной[\[426\]](#), если ст. 48 определяет гарантийный срок как срок для устранения скрытых недостатков, то ст. 42 Основ определяет его как срок претензионный. В отличие от этого Н. А. Яхнина полагает, что правила этих статей вообще не содержат понятия гарантийных сроков. Они рассматривают лишь одну сторону проблемы - порядок выявления недостатков[\[427\]](#).

Ни первое, ни второе мнение не представляются правильными. Едва ли есть основания утверждать, что Основы гражданского законодательства дают различные определения гарантийного срока для купли-продажи и для поставки. Прежде всего, это не вытекает из самого текста ст. ст. 42 и 48 Основ, так как ст. 42 Основ никакого определения гарантийного срока не дает, а лишь определяет срок для предъявления претензий в случаях, когда товар продан с гарантийным сроком. Определение гарантийного срока содержится в ст. 48. Оно полностью распространяется и на гарантийные сроки при купле-продаже. Сущность гарантийного срока на товары народного потребления при поставке их изготовителем торгующей организации и при продаже их торгующей организацией гражданам одна и та же. Поэтому никаких оснований для того, чтобы закон давал различные определения, нет. Различие же в сроках предъявления претензий в связи с

обнаружением недостатков в период гарантийного срока не меняет существа дела. Специальная оговорка в ст. 42 Основ относительно предъявления претензий покупателем в течение всего гарантийного срока лишь подчеркивает, что в данном случае претензионные сроки, установленные для организаций, не действуют. Предоставление покупателю-гражданину права заявить претензию в течение всего гарантийного срока имеет важное значение в обеспечении интересов покупателя.

Нельзя согласиться и с тем, что ст. 48 Основ не дает определения гарантийного срока. Определяя гарантийный срок как срок для обнаружения недостатков, ст. 48 Основ, во-первых, определяет гарантийный срок путем раскрытия прав приобретателя продукции (товара) и, во-вторых, обращает внимание лишь на юридическую сторону гарантийных сроков, оставляя в стороне их технико-экономическое значение.

Обе эти особенности в значительной мере оправданы. Определяя гарантийный срок посредством раскрытия прав приобретателя имущества, закон тем самым подчеркивает характер этого срока именно как срока осуществления субъективного гражданского права. Вместе с тем отсутствие указаний на технико-экономическую сторону гарантийного срока вполне естественно для закона, задача которого сводится прежде всего к установлению основных юридических его признаков.

Однако то, что в известной мере оправдано с точки зрения законодательной практики, не всегда приемлемо для научного определения того или иного правового явления, задача которого не сводится к охвату чисто юридических признаков, но заключается в раскрытии всех остальных существенных сторон определяемого явления. С этой точки зрения указание в определении на технико-экономическую сторону гарантийного срока представляется особенно важным не только потому, что это в известной мере оправдывает само название гарантийного срока, а прежде всего потому, что этим подчеркивается необходимость научной обоснованности устанавливаемых гарантийных сроков.

Таким образом, под гарантийным сроком следует понимать срок, в течение которого изготовитель (поставщик, продавец) гарантирует безотказную службу изделия, а приобретатель при обнаружении в нем в течение указанного срока неисправностей вправе потребовать их исправления либо замены вещи на доброкачественную.

В литературе нередко делаются попытки определить гарантийный срок как срок ответственности продавца за недостатки проданной вещи.

С этим трудно согласиться. Сомнительно прежде всего утверждение о том, что исправление недостатков вещи или ее замена есть ответственность. Ответственность всегда связана с применением санкции. Она представляет собою принудительное применение к лицу, допустившему противоправное поведение, гражданско-правовых санкций, влекущих для него невыгодные имущественные последствия.

В данном же случае речь идет об исполнении гарантийного обязательства, сущность которого состоит в том, что покупатель при обнаружении недостатков в продукции в течение гарантийного срока вправе требовать от продавца исправления недостатков или замены вещи, а последний обязан безвозмездно эти требования исполнить. При этом, например, при поставке продукции обнаружение скрытых недостатков в течение гарантийного срока влечет за собой не только обязанность изготовителя (поставщика) исправить недостатки или заменить вещь, но и влечет за собой возложение на него ответственности за поставку недоброкачественной продукции в виде установленного Положениями о поставках штрафа. В последнем случае речь идет об ответственности.

В отличие от этого, например, при купле-продаже товара гражданину через торговую сеть никаких санкций, связанных с продажей недоброкачественного товара, законом не предусмотрено. Обнаружение недостатков товара в течение гарантийного срока в этих случаях влечет за собой безвозмездное исправление недостатков либо замену вещи. Причем, если недостатки могут быть исправлены только в заводских условиях либо требование об их исправлении заявлено неоднократно, возникает обязанность заменить вещь. Но в магазине, продавшем товар, аналогичной вещи может не оказаться. Тогда при отказе покупателя приобрести иную марку того же товара последний возвращается магазину, а покупателю возвращается его стоимость. Именно в этом последнем случае со всей наглядностью выступает тот факт, что ни о какой ответственности в данном случае не может быть и речи, так как закон ничего подобного не предусматривает.

Но даже если и согласиться с тем, что исправление недостатков или замена вещи есть ответственность, то и в этом случае нельзя говорить о том, что гарантийный срок есть срок, установленный для возложения ответственности на изготовителя (поставщика, продавца) вещи. Дело в том, что такая <ответственность> изготовителя продукции связана с гарантийными сроками не непосредственно, а через посредство претензионных и давностных сроков. Поэтому обнаружение и актирование в надлежащем порядке недостатков продукции в течение гарантийного срока дает возможность приобретателю вещи требовать исправления недостатков или замены вещи в пределах установленных законом претензионных и давностных сроков.

Так, при купле-продаже, подряде, где претензионный срок совпадает с гарантийным сроком, такое требование может быть заявлено в пределах гарантийного (претензионного) срока.

Вместе с тем, как предусматривает, например, ст. 365 ГК РСФСР, если в договоре подряда предусмотрен гарантийный срок и заявление (претензия) по поводу недостатков работы сделано в пределах гарантийного срока, течение исковой давности начинается со дня заявления о недостатках, а в отношениях между социалистическими организациями - со дня обнаружения недостатков в работе. Из этого следует, что гарантийный срок не совпадает со сроками <ответственности> должника по гарантийному обязательству.

При поставках продукции это требование должно быть предъявлено в течение установленных Инструкцией о порядке приемки продукции (товаров) по качеству претензионных сроков, которые не совпадают с гарантийными сроками. И если, например, скрытый недостаток продукции будет обнаружен в последний день гарантийного срока и в тот же день будет составлен надлежащий акт, то требование об устранении недостатка может быть предъявлено и по истечении гарантийного срока, но в пределах срока для предъявления претензий. При отклонении претензии или при ее частичном удовлетворении покупатель вправе обратиться с соответствующими требованиями к изготовителю через арбитраж в течение установленных законом давностных сроков.

Особенность гарантийных сроков состоит в том, что они установлены в пользу приобретателя продукции или товара. Поэтому очевидно само собой, что они ни в коем случае не могут уменьшать предусмотренные законом сроки для возложения ответственности на должника, ибо иначе они утратили бы вообще характер гарантии. Но если исходить из того, что гарантийный срок есть срок, установленный для возложения ответственности на изготовителя (поставщика, продавца) и т. п., то очевидно, что при таком положении ни претензионные, ни давностные сроки принимать во внимание не следует, а это значит практически, что возможности реального осуществления и защиты

права приобретателя товара не только не увеличиваются, но, наоборот, сокращаются. Из этого следует, что и с практической точки зрения такое понимание гарантийных сроков нельзя признать приемлемым.

<:>

Всякое обязательство, в том числе и обязательство гарантийное, должно быть исполнено в соответствии с его содержанием. должник лишь в двух случаях освобождается от исполнения этого обязательства: во-первых, когда приобретатель нарушил технические правила эксплуатации изделия, результатом чего и явились обнаруженные в течение гарантийного срока недостатки, и, во-вторых, когда в силу каких-либо причин замена проданной вещи не представляется возможной, например, вследствие отсутствия аналогичного товара в магазине. В последнем случае покупатель вправе потребовать возврата ему уплаченной суммы (ст. 42 Основ).

В связи с этим представляется неприемлемым и противоречащим Основам решение вопроса о гарантийном сроке в ряде технических условий, которые предусматривают, что исправление недостатков или замена вещи может иметь место лишь в случае, когда эти недостатки возникли по вине изготовителя продукции^[428]. Такое решение неприемлемо и с практической точки зрения, в особенности в случаях, когда поставщик отгружает покупателю сложную продукцию, в изготовлении которой принимают участие многие смежники. Поскольку гарантия дана поставщиком на всю продукцию в целом, поскольку и недостатки, обнаруженные в отдельных ее деталях или узлах, изготавливаемых смежниками, должны устраняться поставщиком, хотя бы в возникновении их он и не был виновен.

Поскольку гарантийный срок с юридической стороны есть срок для обнаружения недостатков, то важно точно знать, о каких недостатках вещи идет речь в том или ином случае. С этой точки зрения между гарантийными сроками при купле-продаже и поставке есть существенные различия.

Статья 48 Основ предусматривает, что гарантийные сроки при поставках продукции относятся к обнаружению не всяких вообще недостатков продукции, а лишь к выявлению скрытых недостатков. В соответствии с ч. 1 ст. 48 к скрытым относятся такие недостатки, которые не могли быть обнаружены покупателем при обычной приемке продукции.

К обычным для данного вида продукции способам проверки качества следует, в частности, относить способы и методы проверки, предусмотренные ГОСТами, техническими условиями или иными обязательными для сторон правилами. Распространение гарантийных сроков лишь на обнаружение скрытых недостатков продукции обусловлено тем, что сторонами договора поставки являются социалистические организации, которые обладают достаточными техническими возможностями и специальными кадрами для обнаружения подавляющего большинства дефектов продукции и используют для проверки качества научно обоснованные способы контроля. Вместе с тем это в известной мере повышает ответственность покупателей продукции при качественной приемке продукции.

В отличие от этого ст. 42 Основ, регламентируя отношения сторон по купле-продаже товаров, устанавливает, что в течение гарантийного срока покупатель вправе предъявить претензию продавцу по поводу таких недостатков вещи, которые препятствуют ее нормальному использованию. Аналогичные правила применительно к розничной торговле предусматривают и гражданские кодексы (см. ст. 248 ГК РСФСР, ст. 236 ГК УССР и др.).

Закон не раскрывает, что следует понимать под нормальным использованием вещи. Поэтому можно лишь предположить, что речь идет в данном случае о возможности использования вещи по ее прямому назначению и обычным для данного рода вещей способом.

Практически важное значение имеет вопрос о моменте, с которого начинает течь гарантийный срок. Статья 48 Основ предусматривает, что в отношении товаров народного потребления, продаваемых через розничные торговые организации, гарантийный срок исчисляется со дня розничной продажи вещи. В отношении продукции производственно-технического назначения гарантийные сроки начинают течь с момента, предусмотренного ГОСТами или техническими условиями. В настоящее время в ГОСТах используются два основных способа установления момента начала течения гарантийного срока. В одних ГОСТах начало течения гарантийного срока определяется <со дня отгрузки продукции>, в других - <со дня ввода в эксплуатацию>, но не более определенного срока со дня отгрузки продукции.

Так, например, ГОСТ 69 - 62 на шахтные погрузочные машины предусматривает, что предприятие-поставщик обязано в течение 12 месяцев со дня ввода машин в эксплуатацию, но не более 18 месяцев со дня их отгрузки безвозмездно заменять или ремонтировать вышедшие из строя узлы и детали при условии соблюдения потребителем правил эксплуатации и хранения, указанных в инструкции предприятия-изготовителя.

В связи с этим в литературе было сделано предложение исчислять гарантийные сроки эксплуатации изделия со дня ввода изделия в эксплуатацию, а если этот момент установить невозможно, то со дня получения продукции потребителем^[429]. Установление в ГОСТах начала течения гарантийного срока со дня отгрузки продукции не представляется правильным для всех без исключения случаев. Такой способ определения начала течения гарантийного срока целесообразен лишь применительно к срокам хранения и срокам годности продукции. В отношении продукции, предназначенной для эксплуатации, более целесообразно было бы установить начало течения гарантийного срока со дня ввода изделия в эксплуатацию.

Однако такое решение было бы правильным, если бы во всех случаях изделие не залеживалось на складе и сразу же после получения его потребителем вводилось в эксплуатацию. Если же продукция длительное время не вводится в эксплуатацию, то едва ли следует ждать того момента, когда ее начнут эксплуатировать. В целях стимулирования быстреего ввода в действие предназначенной для эксплуатационных целей продукции следовало бы, на наш взгляд, определять начало течения гарантийных сроков либо с момента получения продукции потребителем, либо, как это и делается в настоящее время в некоторых ГОСТах, определять начало течения срока с момента ввода продукции в эксплуатацию, но не позднее определенного срока со дня отгрузки (или со дня получения) продукции.

Претензионные сроки

Всякое субъективное право за очень небольшими исключениями предоставляет управомоченному лицу возможность требовать непосредственно от обязанного лица совершения определенных действий либо воздержания от совершения таковых, не прибегая к помощи компетентных государственных или общественных органов, призванных защищать нарушенные права организаций и граждан. Эта возможность вытекает из самого содержания субъективного права, которому в гражданском правоотношении противостоит обязанность другой стороны.

Такое обращение управомоченного лица непосредственно к лицу обязанному до передачи дела в суд, арбитраж либо иной юрисдикционный орган носит название претензионного (досудебного, доарбитражного) порядка разрешения гражданско-правовых споров. В ряде случаев для осуществления этой возможности управомоченному лицу предоставляются законом определенные сроки, которые соответственно и получили название претензионные сроки.

Законодательством предусмотрены различные виды претензионных сроков, различающихся между собой как по размеру, так и по характеру их действия, а в ряде случаев и по тем правовым последствиям, к которым приводит пропуск такого срока.

Но несмотря на некоторые различия сроки эти обладают целым рядом общих черт, которые позволяют объединить их в единую категорию претензионных сроков.

В чем же состоят эти общие черты претензионных сроков?

Всякий претензионный срок есть прежде всего срок, установленный для обращения управомоченного лица непосредственно к обязанному лицу с требованием совершения последним определенных действий или воздержания от совершения таковых. Уже это само по себе отличает претензионные сроки от сроков исковой давности, которые предоставлены управомоченному лицу не для непосредственного обращения к обязанному субъекту правоотношения, а для обращения к компетентным юрисдикционным органам, призванным защищать нарушенные или оспариваемые субъективные гражданские права.

Исполнение обязанности должником неразрывно связано с осуществлением субъективного права управомоченного лица. Более того, в большом числе случаев, например в обязательственных правоотношениях, реализация субъективного права управомоченного лица (так называемого права требования) может быть достигнута, как правило, только посредством исполнения обязанности должником. Даже в тех случаях, когда обязанность должника состоит в воздержании от совершения каких-то действий, она является своеобразной мерой обеспечения реального осуществления субъективного права управомоченного лица. Поэтому с известным основанием можно сказать, что претензионные сроки, установленные для предъявления требования к должнику об исполнении им своей обязанности, есть сроки осуществления субъективного права.

Но претензионные сроки - это своеобразные сроки осуществления субъективного права. Дело в том, что при нормальном развитии правоотношения, когда стороны точно соблюдают свои права и обязанности, у управомоченного субъекта, как правило, не возникает какой-либо потребности в заявлении претензий другой стороне. Использование этой возможности становится для управомоченного лица необходимостью лишь в случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанности должником, когда

принадлежащее управомоченному лицу субъективное гражданское право оказывается нарушенным. Поэтому претензионные сроки имеют практическое значение и устанавливаются законом лишь для случаев, когда права одной из сторон правоотношения нарушены.

Конечно, требования к обязанному лицу предъявляются управомоченным субъектом не только по поводу исполнения должником своей обязанности, но и в связи с применением к нему предусмотренных законом санкций, установленных за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства, например, о взыскании неустойки (штрафа, пени), о возмещении убытков.

Претензионные сроки распространяются и на эти виды требований, так как они неразрывно связаны с неисполнением либо ненадлежащим исполнением должником своих обязанностей, с нарушением прав другой стороны. Эта связь претензионных сроков с нарушением субъективных гражданских прав четко выражена в нормативных актах. Так, п. 10 Положения о рассмотрении хозяйственных споров государственными арбитражами прямо устанавливает, что претензию другой стороне обязано предъявить предприятие (организация, учреждение), <права и интересы которого нарушены>. Следовательно, особенностью претензионных сроков является и то, что они есть сроки осуществления нарушенного права.

<:>

Рассматривая претензионный порядок и претензионные сроки с этой позиции, нельзя не заметить, что основное юридическое острие этого порядка в том виде, в котором он сложился в законодательстве и в практике, направлено прежде всего на своевременное осуществление субъективного права управомоченным лицом. По общему правилу предъявление претензии управомоченным лицом является не только его правом, но и обязанностью. Неисполнение этой обязанности, являющейся по существу неосуществлением управомоченным лицом своего субъективного права в установленный срок, влечет за собой различные правовые последствия, вплоть до утраты права на предъявление иска.

Таким образом, претензионный порядок и претензионные сроки побуждают управомоченного субъекта использовать все возможности, предоставленные ему субъективным правом, в частности, принять меры к тому, чтобы должник добровольно, без применения мер государственного принуждения, выполнил свои обязанности и тем самым добровольно содействовал бы осуществлению субъективного права управомоченного лица, даже если он сам нарушил это право, добровольно ликвидировал последствия своего правонарушения.

Исходя из этого, претензионные сроки с известным основанием можно назвать сроками добровольного осуществления нарушенного права, в отличие от сроков исковой давности, которые являются сроками его принудительного осуществления и защиты.

Между тем в литературе претензионные сроки иногда отождествляют со сроками исковой давности. Так, Я. И. Раппопорт, исходя из того, что право на иск в материальном смысле возникает у кредитора <на той стадии развития принадлежащего ему права требования, когда ввиду невыполнения должником соответствующей этому праву обязанности это право становится способным к принудительному осуществлению>, считает, что претензионные сроки <по существу своему аналогичны срокам исковой давности> [\[430\]](#), являются частью <единого давностного срока> [\[431\]](#).

Эта идея в значительной мере была вызвана к жизни тем, что ст. 44 ГК 1922 г. среди сокращенных сроков исковой давности упоминала о шестимесячном сроке, установленном транспортными уставами и кодексами. Новое гражданское законодательство устранило этот недочет. Статья 79 ГК РСФСР предусматривает, что к искам, вытекающим из перевозки грузов, пассажиров и багажа, применяются сокращенные сроки давности, указанные в ст. 384 ГК. В статье же 384 ГК указано, что на предъявление иска к транспортным организациям клиенту дается двухмесячный срок, который течет со дня получения ответа или истечения срока, установленного для ответа на претензию. Из этого следует, что действующее законодательство считает сокращенным давностным сроком лишь этот двухмесячный срок и не отождествляет его со сроком на предъявление претензии.

В литературе уже отмечались недочеты такой позиции и по ряду теоретических соображений[432]. Следует в дополнение к этому отметить, что отнесение автором претензионных сроков к давностным покоится в значительной мере на ошибочном отождествлении таких понятий, как <способность права к принудительному осуществлению> и <возможность права к принудительному осуществлению>.

Я. И. Раппопорт верно отмечает, что способность права к его принудительному осуществлению возникает с момента его нарушения должником. Но только самой <способности права> к его принудительному осуществлению для возникновения права на иск в материальном смысле еще недостаточно. Необходимо, кроме того, чтобы управомоченному лицу была предоставлена возможность такого принудительного его осуществления.

Статья 16 Основ гражданского законодательства предусматривает, что право на иск возникает со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права. Вместе с тем она допускает и изъятия из того правила. Одним из таких особых случаев и является ст. 384 ГК, где в качестве юридического факта, с наступлением которого возникает право на иск, закон предусматривает сложный фактический состав, включающий в себя не только факт нарушения права обязанным лицом и возможность получения об этом сведений лицом управомоченным, но и обязательное соблюдение претензионного порядка. Право на иск к транспортной организации возникает здесь лишь с момента получения заявителем претензии полного или частичного отказа в ее удовлетворении либо после истечения срока, установленного для ответа на претензию. Только с этого момента у управомоченного лица возникает реальная возможность осуществлять свое право в принудительном порядке.

В отличие от давностных претензионные сроки - это сроки добровольного осуществления должником нарушенного им права, сроки добровольного исполнения им своей обязанности.

В литературе иногда относят претензионные сроки к срокам пресекательным. Рассматривая срок, установленный для предъявления претензий к транспортным организациям, М. А. Гурвич пишет: <Это - пресекательный срок, часть фактического состава условия возникновения права на иск к железной дороге...>[433].

Основанием для такого решения послужил тот факт, что несоблюдение управомоченным лицом претензионного порядка преграждает ему доступ в суд или арбитраж и тем самым не дает возможности воспользоваться для осуществления своего права мерами государственного принуждения.

Однако в данном случае с истечением срока для предъявления претензии и несоблюдением претензионного порядка у управомоченного лица вообще не возникает права на обращение в суд или в арбитраж за защитой своего права ввиду отсутствия существенного элемента фактического состава, с которым закон связывает его возникновение. А поскольку право на иск в данном случае и не возникало, то оно не может быть и пресечено с истечением претензионного срока.

Но если в отношении сроков предъявления претензий к транспортным организациям сама по себе постановка такого вопроса в какой-то мере оправдана, то в отношении иных видов претензионных сроков об их пресекательном характере вообще не может быть и речи.

Так, например, в соответствии со ст. 42 Основ, ст. ст. 247, 248 ГК РСФСР предъявление претензии по поводу недостатков проданной вещи вообще является только правом, но не обязанностью покупателя. С истечением срока для предъявления претензии, если таковая не была заявлена, только начинается (а не пресекается) течение срока на предъявление иска (ст. 249 ГК РСФСР), а следовательно, право на иск только с этого момента и возникает. Особенность этого претензионного срока состоит, следовательно, в том, что он является дополнительной временной гарантией реального осуществления права покупателя на приобретенный товар и тем самым обеспечивает наилучшее удовлетворение потребностей граждан.

<:>

В настоящей работе кратко рассмотрены основные вопросы, связанные с осуществлением гражданских прав социалистическими организациями и гражданами во времени. Из сказанного вытекает, что точное соблюдение гражданами и организациями сроков осуществления принадлежащих им гражданских прав является необходимым условием реального обеспечения материальных и культурных потребностей граждан, имущественных интересов социалистических предприятий и организаций и их коллективов, условием, способствующим выполнению государственных народнохозяйственных планов.

Печатается по:

**В. П. Грибанов, кандидат юридических наук.
Сроки в гражданском праве.
М.: Знание, 1967.**

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ

I. Гражданские права и обязанности

1. Что такое гражданские права и обязанности. Основная функция права в обществе состоит в том, чтобы регулировать общественные отношения. Это регулирование осуществляется различным образом в зависимости от характера тех общественных отношений, которые подвергаются правовому регулированию.

Поэтому, приступая к изучению вопроса об ответственности за нарушение гражданских прав и обязанностей, необходимо прежде всего уяснить, что следует понимать под гражданскими правами и обязанностями?

Термин <гражданские права и обязанности> имеет несколько значений. В широком смысле гражданские права и обязанности - это те права и обязанности, которыми обладают граждане. В таком понимании к гражданским правам и обязанностям относятся и конституционные права граждан, например, избирательное право граждан, право на труд, право на пенсионное обеспечение в старости и другие, а также обязанности, предусмотренные Конституцией, например, обязанность беречь и укреплять общественную социалистическую собственность, соблюдать требования закона и правил социалистического общежития, обязанность нести воинскую службу и др.

В широком понимании термин <гражданские права и обязанности> охватывает также права и обязанности, вытекающие из трудовых отношений, из отношений, возникающих в сфере внутриколхозной деятельности, права и обязанности семейного характера и многие другие. Все это права и обязанности, которые определяют поведение граждан.

Однако в юридической литературе термин <гражданские права и обязанности> имеет и более узкое, специальное значение. Под гражданскими правами и обязанностями в юридической науке понимаются те права и обязанности, которые вытекают из норм советского гражданского права, из гражданского законодательства. В настоящей работе речь пойдет о гражданских правах и обязанностях в узком, специальном значении этого термина, об ответственности за нарушение прав и обязанностей, предусмотренных или санкционированных советским гражданским законодательством, то есть об ответственности по советскому гражданскому праву.

2. Что такое гражданское право? Советское законодательство представляет собой единую, стройную систему нормативных актов. <:>

Система советского социалистического права подразделяется на различные отрасли права в зависимости от характера регулируемых данной отраслью общественных отношений и тех функций, которые данная отрасль права выполняет в социалистическом обществе.

Советское гражданское право - одна из отраслей советского социалистического права. Согласно ст. 1 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, принятых Верховным Советом СССР 8 декабря 1961 г., <советское гражданское законодательство регулирует имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения в целях создания материально-технической базы коммунизма и все более полного удовлетворения материальных и духовных потребностей

граждан. В случаях, предусмотренных законом, гражданское законодательство регулирует также и иные личные неимущественные отношения>.

Необходимо иметь в виду, что гражданское право неправильно связывать только с регулированием отношений между гражданами. Поскольку гражданское право регулирует отношения в целях создания материально-технической базы коммунизма, а отношения такого рода складываются прежде всего между социалистическими организациями, то, следовательно, гражданское право регулирует также имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения, участниками которых являются социалистические организации. Иначе говоря, субъектами регулируемых гражданским правом отношений могут быть как граждане, так и социалистические организации.

Субъектом гражданского права иногда выступает и социалистическое государство[\[434\]](#).

Большинство отношений, регулируемых советским гражданским правом, составляют имущественные отношения. Эти имущественные отношения различны. Это прежде всего отношения, связанные с владением, пользованием и распоряжением государственной социалистической собственностью, собственностью кооперативных и общественных организаций, а также отношения, связанные с владением, пользованием и распоряжением личной собственностью граждан. Иначе говоря, гражданское законодательство регулирует прежде всего такие имущественные отношения, которые связаны с принадлежностью имущества определенным лицам, независимо от того, принадлежит ли это имущество государству, кооперативно-колхозным и общественным организациям либо гражданам.

Регулируя эту группу имущественных отношений, советское гражданское законодательство устанавливает, в чьей собственности (или в оперативном управлении) может находиться то или иное имущество, определяет, какие права принадлежат тому или иному лицу по владению, пользованию и распоряжению этим имуществом, предусматривает определенные меры защиты этих прав от нарушения со стороны других лиц, в том числе и меры гражданско-правовой ответственности.

Другую группу отношений, регулируемых гражданским правом, составляют отношения, связанные с переходом имущественных благ от одних лиц к другим. Сюда относятся многочисленные договорные отношения между социалистическими организациями, например, по поставке продукции, по капитальному строительству, отношения по перевозке грузов железнодорожным, морским, речным, воздушным и автомобильным транспортом, отношения по кредитованию, расчетам и др. Широкий круг такого рода отношений, участниками которых являются граждане. Сюда относятся, например, отношения по купле-продаже имущества, наем жилых помещений, прокат имущества; отношения, возникающие в процессе бытового обслуживания населения; отношения по возмещению гражданам причиненного вреда, по выплате вознаграждения за созданные произведения науки, литературы, искусства, за изобретения и рационализаторские предложения, отношения по наследованию имущества граждан и др.

Следует, однако, обратить внимание на то, что не все имущественные отношения регулируются нормами гражданского права. Например, отношения, возникающие в процессе планирования народнохозяйственной деятельности, регулируются нормами советского административного права, в административном порядке осуществляется также передача зданий, сооружений и предприятий из одного ведомства в другое; вопросы, связанные с налогами и сборами, регулируются нормами финансового права; внутриколхозные имущественные отношения регулируются нормами колхозного права; а, например, отношения по заработной плате - трудовым законодательством и т. п.

По какому признаку имущественные отношения, подпадающие под регулирование норм гражданского права, отличаются от сходных имущественных отношений, регулируемых иными отраслями советского права? Таким общим признаком является товарно-денежная форма имущественных отношений. Как отмечается в преамбуле Основ гражданского законодательства: <советское гражданское законодательство регулирует имущественные отношения, обусловленные использованием товарно-денежной формы в коммунистическом строительстве>.

Использование товарно-денежных форм в народном хозяйстве означает, что в интересах выполнения таких общегосударственных задач, как создание материально-технической базы коммунизма и наиболее полное удовлетворение материальных и культурных потребностей граждан, используются экономические рычаги, свойственные товарно-денежному хозяйству, такие как деньги, хозяйственный расчет, себестоимость продукции, прибыль, кредит, материальное стимулирование и др. Объективной предпосылкой использования в социалистическом народном хозяйстве товарно-денежных форм является действие в социалистической экономике объективного экономического закона стоимости.

Юридическим выражением товарно-денежного характера имущественных отношений, регулируемых советским гражданским законодательством, является их эквивалентно-возмездный характер. Подавляющее большинство имущественных отношений, регулируемых нормами советского гражданского права, является отношениями возмездными. Исключением в этом отношении является, например, дарение, наследование, где имущество переходит от одного лица к другому без соответствующей компенсации.

Как уже отмечалось, советское гражданское право наряду с имущественными регулирует также и некоторые личные неимущественные отношения. Личные неимущественные отношения в социалистическом обществе не выступают и не могут выступать в товарно-денежной форме. Например, честь и достоинство граждан, авторство на произведение науки, литературы или искусства, авторство на изобретение или рационализаторское предложение не являются и не могут быть у нас товаром, который продается за деньги. Равным образом не могут быть товарно-денежными и такие личные неимущественные отношения, участниками которых являются социалистические организации, например, отношения, возникающие по поводу права на фирменное наименование, производственную марку, товарный знак.

В связи с этим встает вопрос, почему эти отношения регулируются гражданским законодательством? Объясняется это тем, что подавляющее большинство личных неимущественных отношений неразрывно связано с имущественными товарно-денежными отношениями. Например, от признания за тем или иным лицом авторства на произведение науки, литературы или искусства зависит и решение вопроса о том, кому должно быть выплачено вознаграждение за издание или исполнение этого произведения; фирма, производственная марка и товарный знак позволяют определить, какое предприятие выпускает данную продукцию, связаны со спросом на эту продукцию и в известной мере определяют доходы предприятий и т. п. Что же касается отношений, возникающих в связи с защитой чести и достоинства граждан, то они регулируются нормами гражданского права в силу прямого указания закона.

3. Метод гражданско-правового регулирования. Для выявления характера прав и обязанностей, которые предусмотрены или санкционированы гражданским законодательством для социалистических организаций и граждан, недостаточно выяснить особенности отношений, регулируемых гражданским правом. Необходимо еще выяснить

те способы, при помощи которых регулируются эти отношения. Иначе говоря, необходимо выяснить вопрос о том, в чем состоят особенности гражданско-правового метода регулирования этих общественных отношений?

Метод правового регулирования в значительной мере определяется характером тех отношений, которые подвергаются регулированию. Поскольку гражданское право регулирует отношения, связанные с использованием товарно-денежных форм в народном хозяйстве, то и гражданско-правовой метод их регулирования должен соответствовать характеру этих отношений.

Что с этой точки зрения характерно для товарно-денежных отношений? К. Маркс в своем бессмертном труде <Капитал> писал: <Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых распоряжается этими вещами: таким образом, один товаровладелец лишь по воле другого, следовательно каждый из них лишь при посредстве одного общего им обоим волевого акта, может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный>[435].

Из сказанного видно, что для товарно-денежных отношений характерно, что лица, вступающие в такого рода отношения, должны обладать известной самостоятельностью в распоряжении имуществом, они должны быть независимы один от другого в имущественном или ином (например, административном) отношении. Именно поэтому для метода гражданско-правового регулирования общественных отношений характерно прежде всего то, что участники гражданского оборота выступают как равноправные, независимые один от другого субъекты, находящиеся в равном положении по отношению друг к другу.

Но, если участники гражданского оборота выступают по отношению друг к другу как самостоятельные, независимые лица, то каким должен быть способ разрешения спора, возникшего между ними? Очевидно, что в этом случае необходимо, чтобы спор между ними решался каким-то третьим лицом или органом государства, не связанным с одной из спорящих сторон, ибо иначе будет нарушено равное положение этих лиц. Отсюда вытекает вторая особенность метода гражданско-правового регулирования, которая состоит в том, что споры между участниками гражданских правоотношений разрешаются судом, арбитражем или третейским судом в так называемом искомом порядке с соблюдением определенных правил, предписываемых гражданскими процессуальными, законами.

Наконец, предоставляя участникам гражданского оборота определенные права и возлагая на них определенные обязанности, гражданское законодательство предусматривает и соответствующие санкции на случай нарушения этих прав и обязанностей. Но так как в данном случае речь идет главным образом об имущественных отношениях товарно-денежного характера, то и ответственность за нарушение такого рода прав и обязанностей должна носить, во-первых, имущественный характер и, во-вторых, соответствовать принципу эквивалентности товарно-денежных отношений, то есть должна обеспечивать прежде всего возмещение тех или иных убытков, которые понесла потерпевшая сторона вследствие нарушения другой стороной ее прав или ненадлежащего исполнения обязанностей. Имущественный, эквивалентно-возмездительный характер гражданско-правовой ответственности и представляет собой третью особенность гражданско-правового метода регулирования.

4. Гражданские субъективные права и их виды. Регулируя имущественные и личные неимущественные отношения, советское гражданское право придает этим отношениям

форму правовых отношений, т. е. определяет или санкционирует возникновение у участников этих отношений гражданских прав и обязанностей. В отличие от гражданского права как отрасли права, как совокупности норм, регулирующих определенные отношения, гражданские права и обязанности, составляющие содержание гражданского правоотношения, называют субъективными правами и обязанностями, т. е. правами и обязанностями, принадлежащими определенным субъектам, участникам гражданских правоотношений. Субъективные гражданские права и обязанности многочисленны и разнообразны. От характера этих прав в значительной мере зависят и те меры государственно-принудительного порядка, которые применяются к их нарушителям. Поэтому важное значение приобретает вопрос о видах субъективных гражданских прав и обязанностей.

Что такое субъективное гражданское право? В литературе более или менее общепризнано, что субъективное гражданское право представляет собой дозволенную законом меру возможного поведения управомоченного лица. Эта <мера возможного поведения> бывает разной. Например, собственник вправе владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом, вправе требовать, чтобы другие лица не препятствовали ему в осуществлении его владения, пользования или распоряжения, а в случае нарушения его права может принимать различные меры защиты своего права вплоть до обращения к компетентным государственным и общественным органам за защитой. В других случаях круг таких возможностей может быть уже. Например, покупатель продукции по договору поставки вправе требовать от поставщика исполнения обязательства, а при его неисполнении или ненадлежащем исполнении вправе обратиться в органы арбитража с требованием взыскания с такого поставщика имущественных санкций.

В советском гражданском праве различают несколько видов субъективных гражданских прав. Прежде всего гражданские права подразделяются на права имущественные и права личные неимущественные.

К имущественным правам относятся, в частности, право собственности; право оперативного управления имуществом, принадлежащее государственным предприятиям и организациям; право пользования жилым помещением или взятым напрокат имуществом и др. Следует, однако, иметь в виду, что имущественные права не всегда связаны с какой-либо конкретной вещью. Под имуществом в гражданском праве понимаются не только вещи, но и так называемые права требования. К правам требования относятся, например, право требовать возврата долга, право требовать выдачи выигрыша по денежно-вещевой лотерее, право наследника, принявшего наследство, требовать выдела ему доли из имущества наследодателя и т. п.

К личным неимущественным правам относятся, в частности, право авторства на произведения науки, литературы и искусства, на открытия, изобретения и рационализаторские предложения, право на защиту чести и достоинства, право организаций на фирменное наименование, производственную марку и товарный знак.

Практическое значение такого подразделения гражданских прав состоит в том, что меры гражданско-правовой имущественной ответственности применяются, как правило, лишь при защите имущественных прав социалистических организаций и граждан. Что же касается защиты неимущественных прав, то гражданское законодательство использует здесь иные меры правового характера. Например, охрана авторства осуществляется в гражданском праве путем признания права авторства за тем или иным лицом, в случае присвоения авторства (плагиат) вопрос об ответственности решается не в гражданском, а в уголовно-правовом порядке (ст. 141 УК РСФСР). Или, например, защита чести и

достоинства граждан и их коллективов осуществляется в силу ст. 7 Основ гражданского законодательства путем обязания нарушителя опровергнуть распространенные и порочащие гражданина или коллектив сведения. В этих случаях имущественная ответственность неприменима, так как, например, невозможно определить в денежном выражении цену умаления чести или достоинства лица.

Различают гражданские права вещные и обязательственные. Вещные права - это, если так можно сказать, права на <телесные> вещи. Сюда относятся такие субъективные гражданские права, как право собственности, право оперативного управления предприятия на вверенное ему имущество, право колхоза бесплатно и бессрочно пользоваться землей, право гражданина пользоваться земельным участком, отведенным ему для индивидуального жилищного строительства и др.

Для этого вида субъективных гражданских прав характерны две особенности: во-первых, эти права определяют характер и юридические границы использования лицом находящихся в его собственности, оперативном управлении или пользовании средств производства или предметов потребления; во-вторых, этого рода права реализуются, осуществляются непосредственно самим управомоченным лицом.

В отличие от этого обязательственные права - это права на <чужие действия>, права требования от обязанного лица совершения определенного действия или воздержания от такового. Так, покупатель имеет право требовать, чтобы продавец передал ему проданную вещь, а продавец вправе требовать уплаты за проданную вещь ее цены; заказчик по договору подряда на капитальное строительство вправе требовать от строительной организации постройки и передачи ему определенного объекта, а подрядчик, в свою очередь, вправе требовать от заказчика своевременной оплаты работ, выполненных подрядчиком.

Как видно из приведенных примеров, обязательственные права реализуются посредством действий обязанной стороны гражданского правоотношения.

Важность разграничения этого рода гражданских прав заключается в том, что при регламентации вещных прав главная забота законодателя состоит в том, чтобы устранить действия других лиц, могущих препятствовать управомоченному лицу в осуществлении его права, тогда как при регламентации обязательственных прав важно обеспечить своевременное и качественное исполнение обязанностей должником, обязанной стороной. Соответственно этому различны и те правовые средства защиты прав, которые использует гражданское законодательство. Если при нарушении вещных прав управомоченному лицу предоставляется право истребовать свое имущество из чужого незаконного владения, требовать устранения препятствий осуществлению права, созданных третьим лицом, то при нарушении обязательственных прав и соответственно при ненадлежащем исполнении обязанностей должником закон дает возможность применить к правонарушителю меры гражданско-правовой имущественной ответственности.

Различают также права абсолютные и права относительные. Это различие покоится на различии в круге обязанных лиц, противостоящих лицу, обладающему правом. Абсолютными считаются те права, где управомоченному лицу противостоит неопределенный круг обязанных лиц. Таково, например, право собственности, право авторства на произведение науки и т. п. Как собственнику, так и автору противостоят все другие лица, на которых лежит обязанность не препятствовать осуществлению права, не нарушать прав этих лиц.

Относительными признаются такие гражданские права, где управомоченному лицу противостоит определенный круг обязанных лиц. В относительных правоотношениях на обязанной стороне может быть как одно лицо, так и несколько лиц, но круг обязанных лиц всегда точно известен. К обязательственным относятся, например, право покупателя требовать передачи ему продавцом купленной вещи, право грузополучателя требовать от транспортной организации выдачи прибывшего в его адрес груза, право поставщика требовать с покупателя оплаты поставленного в его адрес товара и др.

Наконец, советскому гражданскому праву известны так называемые права исключительные и преимущественные. К исключительным правам относятся, в частности, предусмотренное ст. 21 Основ гражданского законодательства право собственности государства на землю, ее недра, воды и леса, которые могут предоставляться субъектам гражданского права только в пользование, но не в собственность; исключительное право патентообладателя на использование своего изобретения или промышленного образца всеми дозволенными законом способами; исключительное право предприятия, объединения, фирмы на пользование зарегистрированным в установленном порядке товарным знаком. Исключительность такого рода субъективных гражданских прав состоит в том, что право на данный конкретный объект может принадлежать лишь определенному лицу или организации, указанному в законе или ином государственном акте, например, в патенте на изобретение, в акте регистрации товарного знака и др.

Под преимущественными правами в советском гражданском праве понимают такие случаи, когда при всех прочих равных условиях преимущество предоставлено законом определенной группе лиц, обладающих какими-то особыми признаками. Типичным в этом отношении является так называемое право преимущественной покупки доли в общей собственности. Например, несколько граждан владеют домом совместно на праве общей собственности по долям. Один из совладельцев дома решил продать свою часть дома. Он вправе продать свою часть дома любому лицу. Однако закон (ст. 120 ГК РСФСР) на этот случай предусматривает, что <при продаже доли в общей собственности постороннему лицу остальные участники общей долевой собственности имеют право преимущественной покупки продаваемой доли по цене, за которую она продается, и на прочих равных условиях>.

5. Гражданско-правовые обязанности. Различными бывают и предусматриваемые гражданским законодательством обязанности участников гражданского оборота. Необходимо различать по крайней мере три вида обязанностей, предусматриваемых законом.

Первая группа обязанностей - это обязанности, вытекающие из запретительных норм советского гражданского права. Таковы, например, предусмотренное ст. 33 Основ правило о недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства или изменения условий договора; правило о недопустимости соглашения между социалистическими организациями об ограничении ответственности, если таковая точно установлена законом (ст. 36 Основ) и т. п. Это общие обязанности, касающиеся любого участника гражданского оборота, независимо от того, является ли данный субъект управомоченным или обязанным лицом в гражданском правоотношении. Другая особенность такого рода обязанностей состоит в том, что это обязанности не перед контрагентом, не перед другой стороной гражданского правоотношения, а обязанности любого участника гражданского оборота перед государством.

Вторая группа обязанностей также общего характера неразрывно связана с осуществлением гражданами и организациями принадлежащих им прав и возложенных на

них обязанностей. Гражданское законодательство, предоставляя гражданам и организациям определенные права и признавая за ними определенные обязанности, вместе с тем определяет и основные требования их реализации, определяет принципы осуществления гражданских прав и обязанностей. Например, ст. 5 Основ гражданского законодательства, ч. 2 определяет, что <при осуществлении прав и исполнении обязанностей граждане и организации должны соблюдать законы, уважать правила социалистического общежития и моральные принципы общества, строящего коммунизм>. Статья 168, ч. 2 ГК РСФСР определяет, что в обязательственных отношениях <каждая из сторон должна исполнять свои обязанности наиболее экономичным для социалистического народного хозяйства образом и оказывать другой стороне всевозможное содействие в исполнении ею своих обязанностей>.

Особенно важное значение имеет требование Основ гражданского законодательства о строгом соблюдении законов. Одним из конкретных выражений этого требования являются правила о совершении гражданами и организациями различного рода сделок.

Общий принцип гражданского законодательства состоит в том, что всякая сделка, не соответствующая требованиям закона, должна признаваться недействительной (ст. 14 Основ). При этом признание сделки недействительной практически означает, что такая сделка не порождает никаких правовых последствий, у сторон не возникают права и обязанности и они не обязаны ее исполнять.

Однако требования закона, которым должна соответствовать сделка, различны. Они могут касаться формы сделки, воли или дееспособности сторон, ее содержания и т. п. Поэтому само по себе признание сделки недействительной не всегда обеспечивает ликвидацию тех отрицательных последствий, которые возникают при совершении и исполнении такой незаконной сделки. Поэтому наряду с признанием сделки, не соответствующей требованиям закона, недействительной, гражданское законодательство предусматривает и последствия признания сделки недействительной. В определенных случаях за совершение такой противозаконной сделки предусматривается и применение мер гражданско-правовой ответственности.

При этом важно обратить внимание на то обстоятельство, что при совершении сделок, не соответствующих требованиям закона, в ряде случаев возникают правонарушения двоякого рода: с одной стороны, заключая такого рода сделку, контрагенты нарушают требования закона и, следовательно, за это правонарушение они ответственны перед государством, перед обществом в целом, с другой стороны, мы нередко сталкиваемся со случаями, когда одновременно с этим один контрагент причиняет ущерб другому. Так бывает обычно в случаях совершения сделки под влиянием обмана, угроз, насилия, вследствие заблуждения сторон и в некоторых других (ст. ст. 51, 56, 57, 58 ГК РСФСР). В этих случаях <причинитель> несет ответственность по возмещению ущерба перед потерпевшей стороной.

Нарушением обязанностей, вытекающих из закона, является также и так называемое злоупотребление правом. Признавая за гражданами и организациями определенные гражданские права, советское гражданское законодательство определяет также и границы осуществления этих прав. Под злоупотреблением правом понимается использование управомоченным лицом недозволенных форм в рамках дозволенного общего типа поведения. К числу таких недозволенных форм осуществления права относятся: осуществление гражданских прав в противоречии с их назначением в социалистическом обществе в период строительства коммунизма, например, использование имущества, являющегося личной собственностью, для извлечения нетрудового дохода (ст. 111 ГК

РСФСР); использование недозволенных способов осуществления своего права, например, бесхозяйственное отношение к строению, к историческим, культурным, художественным ценностям (ст. ст. 141, 142 ГК РСФСР); использование права на защиту в недозволенных целях, например, предъявление женой иска об алиментах на детей с целью снизить размер возмещения, взысканного с мужа, в счет причиненного вреда и т. п.

Злоупотребление правом есть гражданское правонарушение особого типа, связанное с недозволенным осуществлением права. Это нарушение общей обязанности управомоченного лица перед государством. Поэтому в данном случае и меры гражданско-правовой ответственности носят особый характер. Такими мерами могут быть: отказ в защите права, изъятие имущества, используемого для извлечения нетрудового дохода, в собственность государства; возмездное или безвозмездное изъятие в собственность государства бесхозяйственно содержимого имущества и др.

Наконец, последняя группа гражданско-правовых обязанностей - это обязанности, вытекающие из гражданско-правовых отношений, в которые вступают граждане и организации. В отличие от ранее рассмотренных обязанностей, которые носят общий характер и с известным основанием могут быть названы охранительными обязанностями, обязанности, вытекающие из гражданских правоотношений, - это всегда обязанности одного участника правоотношения перед другим. Они могут быть как обязанностями совершить определенное действие, например, поставить продукцию, сшить костюм, предоставить жилое помещение, так и обязанностями воздержаться от совершения каких-либо действий, например, не препятствовать собственнику в осуществлении им своего права.

Круг такого рода обязанностей многообразен. Они возникают как из договоров, заключенных гражданами и организациями, так и из иных оснований. Особенность здесь состоит в том, что поскольку все эти обязанности есть обязанности одного контрагента перед другим, то и меры гражданско-правовой ответственности здесь связаны с взысканием определенных имущественных санкций с нарушителя обязанности в пользу другой стороны.

II. Понятие гражданско-правовой ответственности

1. Что такое гражданско-правовая ответственность? Ответ на этот вопрос не так прост, как это иногда может показаться. Значительно проще ответить на него применительно к уголовному законодательству. Если какой-либо гражданин совершил преступление, например, украл вещь, допустил хулиганский поступок и т. п., то всем известно, что за это он должен понести наказание в виде лишения свободы, исправительных работ с вычетом определенных сумм из заработной платы, штрафа или в ином виде.

В гражданском праве дело обстоит значительно сложнее. Это объясняется прежде всего тем, что круг отношений, регулируемых гражданским правом, очень широк и разнообразен, и уже это само по себе создает значительную сложность. В самом деле, гражданское законодательство регулирует отношения самые различные: от продажи гражданину разного рода предметов потребления до поставок огромных масс продукции, производимой социалистическими предприятиями; от починки уже поношенного пальто или костюма до строительства огромных заводов, фабрик, электростанций и других сооружений; от перевозки почтовых посылок до транспортировки огромных количеств народнохозяйственных грузов; от займа у товарища нескольких рублей до крупных кредитов, даваемых Госбанком предприятиям и организациям на различные хозяйственные нужды, и т. п. Такая широкая <география> действия гражданского законодательства значительно осложняет и решение вопросов гражданско-правовой ответственности, которые уже по этим причинам не могут решаться однозначно.

Но главное все же заключается не в этом, а в той роли, которую та или иная отрасль права выполняет в обществе.

Гражданское законодательство наряду с имущественным воздействием на нарушителя гражданских прав и обязанностей выполняет и важную созидательную задачу правильной организации имущественных и личных неимущественных связей между участниками гражданского оборота. Можно без преувеличения сказать, что на современном этапе коммунистического строительства именно этот созидательный, организующий момент и составляет главное содержание норм советского гражданского законодательства.

Мы отвлекаемся в данном случае от задач воспитательного характера, которые свойственны любой отрасли советского социалистического права, и намеренно подчеркиваем созидательную функцию норм гражданского права. Это важное обстоятельство. Оно обуславливает тот факт, что в советском гражданском праве не все сводится лишь к гражданско-правовой ответственности. Разнообразие гражданских прав и обязанностей и различие в характере взаимоотношений субъектов в сфере гражданского оборота позволяют использовать широкий арсенал средств разрешения гражданско-правовых споров, средств защиты субъективных гражданских прав и воздействия на лиц, не исполняющих или исполняющих ненадлежащим образом свои обязанности.

Из сказанного можно сделать важный, но лишь предварительный вывод о том, что гражданско-правовая ответственность не единственное, а лишь одно из средств защиты гражданских прав и воздействия на нарушителей обязанностей.

2. Защита гражданских прав и гражданско-правовая ответственность. Чтобы выяснить вопрос о том, что такое гражданско-правовая ответственность, необходимо сначала рассмотреть, каковы те многочисленные правоохранительные средства, которыми может воспользоваться лицо, чьи права и интересы нарушены.

Признавая за гражданами и организациями определенные гражданские права, гражданское законодательство предоставляет управомоченному лицу и необходимые средства для их защиты. Иначе говоря, гражданское законодательство признает за управомоченным лицом право на защиту. Вопрос о правовой природе права на защиту в советской юридической литературе решается по-разному. Мы не будем сейчас вникать в тонкости этих юридических споров, а рассмотрим лишь вопрос о том, что представляет собой это право на защиту с точки зрения его содержания.

Всякое субъективное гражданское право, в том числе и право на защиту, представляет собой меру возможного поведения управомоченного лица. Иначе говоря, право дает возможность его обладателю действовать определенным образом, но в рамках, установленных законом. Поскольку в данном случае речь идет о праве на защиту, то очевидно, что такого рода право должно предоставлять его обладателю возможности правоохранительного порядка.

Каковы эти возможности?

Это, во-первых, возможность самозащиты гражданских прав; во-вторых, возможность использовать предоставленные законом меры оперативного воздействия на правонарушителя; и, в-третьих, возможность обратиться к компетентным государственным или общественным органам с требованием применить к правонарушителю меры государственно-принудительного характера.

Под самозащитой гражданских прав понимается совершение управомоченным лицом дозволенных законом действий фактического порядка, направленных на охрану его личных или имущественных прав и интересов.

К мерам самозащиты гражданских прав и интересов относятся, в частности, меры охраны своего имущества гражданином или организацией. Меры эти могут быть самыми различными - от навеса простого замка, скажем, на гараже до применения различного рода сложнейших сигнальных систем и других приспособлений. Основное требование, которое при этом должно быть строго соблюдено, сводится к тому, что принимаемые меры охраны имущества должны быть дозволены законом.

В жизни, однако, встречаются отдельные случаи, когда в целях охраны имущества отдельные граждане используют недозволенные средства. Практике, например, известен случай, когда собственник огородил свое <владение> колючей проволокой, пропустив через нее электрический ток и тем самым создал опасность не только для животных, но и для граждан, которые случайно могли прикоснуться к этому ограждению. Имел место факт, когда такого рода печальные последствия постигли самого собственника. Инженер И. в целях охраны своей автомашины так пристроил в гараже охотничье ружье, что вор при открывании двери должен был получить выстрел в ноги. Придя на следующий день в гараж, <изобретатель> открыл дверь и... оказался в больнице.

Одним из способов самозащиты гражданских прав является так называемая необходимая оборона. В целях защиты своих прав и интересов от преступных действий других лиц гражданин вправе активно обороняться. В ряде случаев он не только может, но и должен принимать такого рода меры, например, при защите интересов государства, в целях охраны общественной социалистической собственности и т. п. Необходимая оборона рассматривается как действие правомерное, и причинение вреда в состоянии необходимой обороны не влечет за собой ответственности.

Превышение пределов необходимой обороны. Превышение пределов необходимой обороны может иметь место в случае явного несоответствия средств защиты характеру и опасности нападения, при применении охранительных мер тогда, когда нападение уже окончено и т. п. Превышение пределов необходимой обороны влечет за собой ответственность лица в зависимости от обстоятельств в уголовном или гражданско-правовом порядке.

Вместе с тем в жизни иногда встречаются случаи, когда по внешнему виду обстоятельства сходны с необходимой обороной, тогда как в действительности это совсем иное. Истомин забрался в огород Никитина, чтобы полакомиться клубникой. Заметив его, Никитин выстрелил в него из ружья. Испугавшись, Истомин отбежал к сараю и пытался перелезть через забор. В этот момент Никитин выстрелил еще раз и смертельно ранил Истомина. Рассмотрев это дело, Президиум Верховного суда РСФСР пришел к выводу, что в данном случае нельзя говорить не только о необходимой обороне, но даже о превышении пределов необходимой обороны. Действия Никитина, хотя и были совершены при охране личной собственности, но были настолько общественно опасны, что Президиум признал их преступлением, умышленным убийством.

От самозащиты гражданских прав следует отличать предпринимаемые управомоченным лицом в целях защиты своего права меры оперативного воздействия на правонарушителя.

Под мерами оперативного воздействия понимаются такие юридические средства правоохранительного характера, которые применяются к нарушителю гражданских прав и обязанностей непосредственно самим управомоченным лицом как стороной в гражданском правоотношении, без обращения за защитой права к компетентным государственным или общественным органам.

Мы уже рассмотрели вопрос о том, что гражданские права и обязанности могут быть различными, в частности, мы говорили о правах вещных и правах обязательственных. Если меры самозащиты применяются главным образом при защите вещных прав, то меры оперативного воздействия неразрывно связаны с обязательственными правоотношениями. Они представляют собой один из видов правовых гарантий, направленных на обеспечение надлежащего исполнения обязательств путем предоставления управомоченной стороне права непосредственного оперативного воздействия на своего неисправного контрагента.

Меры оперативного воздействия кредитора на неисправного должника многочисленны и разнообразны. Но для всех этих мер характерно, что они применяются управомоченным лицом в одностороннем порядке, без обращения в суд, арбитраж или иной орган и как бы являются ответом на ненадлежащее поведение другой стороны.

Рассмотрим некоторые из этих мер. Возьмем, например, случай с ремонтом жилого помещения. Если гражданин проживает в собственном доме, то естественно, что как капитальный ремонт, так и ремонт текущий он должен производить за свой собственный счет. Если же гражданин проживает в доме местного Совета, предприятия или в доме, принадлежащем кому-то на праве личной собственности, то он является нанимателем жилого помещения. Для этих случаев закон (ст. 284 ГК РСФСР) предусматривает правило, что, если иного не установлено законом или договором, капитальный ремонт должен производить наймодатель, а текущий ремонт - наниматель.

Представим себе случай, когда жилое помещение нуждается в капитальном ремонте, а наймодатель его не производит, не выполняет своей обязанности. Если при этом капитальный ремонт является неотложной необходимостью и требует оперативного

принятия каких-то мер, то закон предоставляет нанимателю соответствующую меру оперативного воздействия. Часть 2, ст. 284 ГК РСФСР устанавливает, что в этом случае наниматель сам вправе произвести капитальный ремонт, вызванный неотложной необходимостью или предусмотренный договором, и взыскать с наймодателя стоимость ремонта или зачесть ее в счет наемной платы.

Или, например, в практике арбитража иногда встречаются случаи, когда покупатель продукции систематически задерживает ее оплату. Такая задержка в оплате продукции нередко ставит в затруднительное положение поставщика продукции. Чтобы воздействовать на такого неисправного плательщика, Положения о поставках продукции предоставляют поставщику право применить к покупателю более жесткий порядок оплаты продукции. Если покупатель находится в другом городе, то поставщик может потребовать от него выставления аккредитива, с которого будет списывать нужные суммы сразу же после отгрузки продукции. Если же обе стороны находятся в одном городе, то поставщик вправе потребовать предварительной оплаты продукции, до ее отправки покупателю.

Своеобразная мера оперативного воздействия предусмотрена ст. 225 ГК РСФСР, которая устанавливает, что в тех случаях, когда должник просрочил исполнение обязательства и это исполнение утратило интерес для кредитора, последний вправе отказаться от принятия исполнения. Здесь не требуется ни согласия другой стороны, ни обращения в суд или арбитраж. Кредитор в одностороннем порядке может заявить отказ от принятия исполнения. Правда, применительно к социалистическим организациям закон делает на этот счет одну оговорку. Положения о поставках продукции предусматривают, что о своем отказе покупатель должен уведомить поставщика. И то, что поставщик отгрузил в адрес покупателя до получения этого уведомления, последний, несмотря на имевшую место просрочку в поставке продукции, обязан принять и оплатить.

Наконец, третья возможность правоохранительного порядка, которая предоставляется управомоченному лицу, сводится к тому, что он вправе обратиться к компетентным государственным или общественным органам с требованием защиты права. Если при использовании средств самозащиты гражданских прав и при применении мер оперативного воздействия лицо, чьи права и интересы нарушены, непосредственно само применяет определенный способ защиты права, то в последнем случае оно прибегает к помощи государственных и общественных органов, которые в силу закона компетентны решить тот или иной вопрос.

Какие государственные и общественные органы осуществляют защиту гражданских прав? Раньше уже отмечалось, что одной из особенностей гражданско-правового регулирования является то, что гражданское законодательство ставит участников гражданского оборота в равное, независимое друг от друга положение. Эта особенность определяет и основной критерий организации защиты гражданских прав, который сводится к тому, что споры между находящимися в равном положении участниками гражданского оборота должны разрешаться таким органом, который не связан в административном отношении с одной из сторон. Исходя из этого, ст. 6 Основ гражданского законодательства определяет, что защита гражданских прав осуществляется судом, арбитражем или третейским судом. В этом порядке разрешается подавляющее большинство гражданско-правовых споров.

Однако развитие социалистической демократии на современном этапе коммунистического строительства повлекло за собой значительное повышение роли общественных организаций в коммунистическом строительстве. Расширилась роль общественности и в решении гражданских дел. Часть 2 ст. 6 Основ предусматривает, что в

установленных законом случаях защита гражданских прав осуществляется товарищескими судами, профсоюзными и иными общественными организациями. Например, товарищеские суды рассматривают имущественные споры на небольшие суммы, разрешают жилищные и семейные конфликты, рассматривают некоторые дела, связанные с нарушением общественного порядка; профсоюзные органы на предприятиях решают дела, связанные с возмещением вреда, полученного рабочим или служащим на предприятии.

В некоторых случаях предварительное рассмотрение дела общественностью является обязательным до передачи дела в суд. Так, ст. 333 ГК РСФСР предусматривает, что вопрос о выселении граждан, которые допускают систематическое нарушение правил социалистического общежития и создают невозможность совместного с ними проживания в одной квартире или комнате, решается судом лишь тогда, когда в отношении такого правонарушителя были применены меры общественного воздействия.

Наконец, в особо предусмотренных законом случаях защита гражданских прав может осуществляться также и в административном порядке. Так, в административном порядке с санкции прокурора производится выселение граждан, самоуправно занявших жилое помещение, из помещений общежитий, гостиниц и домов, грозящих обвалом. В административном порядке решаются и некоторые гражданско-правовые споры между социалистическими организациями. Например, споры на сумму до 100 руб. рассматриваются не органами государственного арбитража, а вышестоящей организацией должника.

Административный порядок разрешения гражданских споров применяется в редких исключительных случаях и лишь тогда, когда об этом прямо записано в законе. Его использование при решении гражданских дел обусловлено разными причинами, в частности, необходимостью быстрого разрешения дела (например, при выселении из домов, грозящих обвалом), малозначительностью спора (например, споры между социалистическими организациями на сумму до 100 руб.).

Обращение управомоченного лица с требованием защиты права к компетентным государственным или общественным органам практически означает требование применить к правонарушителю меры государственно-принудительного порядка.

Однако меры государственно-принудительного характера, применяемые компетентными государственными или общественными органами к нарушителям гражданских прав и обязанностей, весьма различны. Перечень этих мер дает ст. 6 Основ гражданского законодательства, которая предусматривает, что защита гражданских прав осуществляется <путем: признания этих прав, восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право; присуждения к исполнению обязанности в натуре; прекращения или изменения правоотношения; взыскания с лица, нарушившего право, причиненных убытков, а в случаях, предусмотренных законом или договором, - неустойки (штрафа, пени), а также иными способами, предусмотренными законом>.

Первое, на что следует обратить внимание при изучении ст. 6 Основ, состоит в том, что перечень тех государственно-принудительных мер, которые могут быть применены к нарушителю гражданских прав и обязанностей, не является исчерпывающим. Это видно из последней части приведенного текста ст. 6 Основ, которая говорит и об иных способах защиты гражданских прав, предусмотренных законом. Например, ст. 6 Основ ничего не говорит о таком способе защиты гражданских прав, как раздел имущества в судебном

порядке. В жизни встречаются случаи, когда после развода супруги не приходят к соглашению о том, как разделить общее имущество. В этом случае вопрос о разделе имущества решает суд исходя из равенства прав супругов на совместно нажитое имущество, с учетом их трудового участия в его приобретении, необходимости защиты материальных интересов детей, учета профессиональных интересов сторон и т. п.

Или, например, одним из способов защиты гражданских прав, не указанных в ст. 6 Основ, является перевод на сособственника прав и обязанностей покупателя в случае нарушения другим сособственником порядка отчуждения своей доли в общей собственности. Если несколько граждан имеют имущество, например жилой дом, на праве общей долевой собственности и один из них решил продать свою долю, то остальным сособственникам предоставлено преимущественное право на приобретение этой доли перед посторонними покупателями. Статья 120 ГК РСФСР обязывает продавца в этом случае известить всех других сособственников о продаже своей доли постороннему лицу в письменной форме с указанием продажной цены и иных условий. Если же такая продажа имущества состоится без уведомления других сособственников, то любой из них в течение трех месяцев вправе требовать через суд перевода на него прав и обязанностей покупателя на тех же условиях, на которых дом был продан постороннему лицу.

Второй момент, на который необходимо обратить внимание при изучении способов защиты гражданских прав, состоит в том, что различные способы защиты гражданских прав преследуют различные конкретные цели. С этой точки зрения необходимо различать по крайней мере четыре группы способов защиты права.

Первая группа - это меры, имеющие как предупредительное, так и правоохранительное назначение. Сюда относится, в частности, такой способ защиты права, как признание права за тем или иным лицом. Например, ст. 306 ГК РСФСР устанавливает, что право пользования жилым помещением закрепляется за отсутствующим гражданином по общему правилу в течение шести месяцев. Но как быть в случае, когда гражданин отсутствовал более шести месяцев и не проживал на данной площади по уважительной причине?

Часть 2 ст. 306 предусматривает на этот случай особое правило. Если гражданин отсутствовал более шести месяцев, но по уважительным причинам, шестимесячный срок может быть продлен либо непосредственно наймодателем, либо, если по этому поводу возник спор, судом. Вот один из таких случаев. Гражданка П. проживала с сыном в комнате 18 кв. м. Вследствие заболевания душевной болезнью она длительное время находилась на лечении в больнице. За это время произошли большие перемены. Ее сын женился, на этой площади поселилась и его жена, родился ребенок. Через некоторое время сын умер. Выписавшись из больницы после окончания лечения, гр-ка П. пришла в свою квартиру, но ей заявили, что она утратила право на площадь. Тогда она обратилась в суд с иском о признании за ней права на жилую площадь, и суд, учтя, что она отсутствовала по уважительной причине, вынес решение о признании за ней этого права.

Вторая группа - это такие способы защиты гражданских прав, которые непосредственно направлены на охрану имущественной сферы управомоченного лица. Сюда относятся такие меры, как истребование собственником своего имущества из чужого незаконного владения, устранение препятствий в осуществлении права, создаваемых другими лицами; возвращение сторон в первоначальное положение, если сделка признана недействительной; возврат потерпевшему неосновательно приобретенного другим лицом имущества и др.

Третья группа способов защиты гражданских прав имеет своим конкретным назначением не только охрану имущественной сферы потерпевшей стороны, но и соответствующее материальное воздействие на правонарушителя. Сюда относятся, например, взыскание с должника неустойки (пени, штрафа) за неисполнение или ненадлежащее исполнение им обязательства; возмещение потерпевшей стороне убытков, возникших вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства; возмещение потерпевшему вреда, причиненного противоправными действиями другого лица.

Наконец, советскому гражданскому законодательству известны и такие меры правоохранительного порядка, которые, хотя и связаны в конечном счете с защитой субъективных гражданских прав, но имеют своим конкретным назначением не защиту какого-либо отдельного субъективного гражданского права, а защиту правопорядка в целом.

Сюда относятся прежде всего те меры государственно-принудительного характера, которые предусмотрены законом на случай так называемого злоупотребления правом.

Так, если гражданин проживает в квартире, расположенной в государственном доме, то по действующему закону он вправе сдать занимаемое им помещение в поднаем, т. е. во временное пользование другому лицу за плату. При этом ст. 321 ГК РСФСР предусматривает, что плата за пользование помещением в этом случае не может превышать квартирной платы, уплачиваемой за это помещение нанимателем. Однако если он будет систематически сдавать эту жилую площадь в поднаем по более высоким ценам с целью получения нетрудового дохода, то такое осуществление права будет противоречить его назначению в социалистическом обществе и признается злоупотреблением правом.

Принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами предусмотрен ст. 5 Основ гражданского законодательства, согласно которой <гражданские права охраняются законом, за исключением случаев, когда они осуществляются в противоречии с назначением этих прав в социалистическом обществе в период строительства коммунизма>. Из этого следует, что право гражданина, систематически использующего занимаемое им жилое помещение для извлечения нетрудового дохода, не должно защищаться. На этом основании Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении <О судебной практике по гражданским жилищным делам> от 25 марта 1964 г. указал, что <при систематической сдаче нанимателем в поднаем отдельной изолированной комнаты в целях извлечения нетрудового дохода эта комната в соответствии со ст. 5 Основ может быть изъята у нанимателя в судебном порядке по иску наймодателя или прокурора> [\[436\]](#).

Аналогичное правило предусмотрено ст. 111 ГК РСФСР на случай систематического использования собственником своего имущества в целях извлечения нетрудового дохода.

На практике мы, как правило, встречаемся со случаями, когда такое злоупотребление правом допускают отдельные граждане. В связи с этим возникает важный вопрос о том, применимы ли названные правила к осуществлению прав социалистическими организациями. Поскольку ст. 5 Основ говорит о гражданских правах вообще, следует признать, что ее применение возможно и в случаях осуществления гражданских прав в противоречии с их назначением в нашем обществе также и социалистическими организациями.

Известно, например, что в целях более равномерного использования трудовых ресурсов и местного сырья, повышения доходности хозяйства колхозам и совхозам разрешена

организация подсобных промыслов. Как отмечено в ст. 17 Примерного устава колхоза, подсобные предприятия должны создаваться <не в ущерб сельскохозяйственному производству>. Между тем практике известны случаи, когда такие подсобные предприятия организуются вдали от колхозов и совхозов, используют не труд работников колхозов и совхозов, а наемную рабочую силу, не местные ресурсы, а сырье и материалы, приобретаемые в ряде случаев незаконным путем. И хотя такие подсобные предприятия значительно повышают доходность колхоза или совхоза, они в ряде случаев наносят ущерб основной деятельности - сельскохозяйственному производству. Нередко в них проникают <шабашники>, использующие законную форму ведения хозяйства для извлечения нетрудовых доходов. При таких обстоятельствах есть все основания считать, что мы имеем здесь дело со злоупотреблением правом, что право на организацию подсобных промыслов осуществляется в противоречии с его назначением в социалистическом обществе.

На охрану правопорядка в целом направлены также меры государственно-принудительного характера, предусмотренные на случай совершения участниками гражданского оборота сделок с целью, заведомо противной интересам государства и общества, а также сделок, совершенных под влиянием обмана, угрозы, насилия или при стечении тяжелых обстоятельств. В этих случаях ответственность правонарушителя наступает перед государством и выражается во взыскании исполненного или того, что должно быть исполнено по такой сделке, в доход государства.

Например, при совершении гражданами умышленно сделок с валютой, все переданное ими друг другу или то, что должно быть передано другой стороне, подлежит взысканию в доход государства. Или, если при совершении кем-то сделки путем обмана другой стороны все, что передал другой стороне обманщик (или то, что он должен был ей передать), обращается в доход государства, а потерпевшему лицу возвращается все, что он передал обманщику, и кроме того, последний должен возместить потерпевшему убытки в размере так называемого положительного ущерба.

В этом случае мы видим применение двух мер государственно-принудительного характера: одна из них - взыскание исполненного в доход государства есть известное <наказание> за совершение противозаконной сделки, за нарушение обязанности перед государством, перед всем обществом и имеет своей целью охрану правопорядка в целом; другая мера - взыскание убытков в пользу потерпевшей стороны - это мера, направленная на восстановление имущественной сферы потерпевшего, и есть известная <имущественная компенсация> за причиненный ему ущерб.

Применение наряду с взысканием имущественных санкций в пользу стороны, чьи права нарушены, в сочетании с применением имущественных санкции общеохранительного порядка имеет место и в ряде других случаев. Так, пунктом 31 постановления Совета Министров СССР от 27 октября 1967 г. <О материальной ответственности предприятий и организаций за невыполнение заданий и обязательств> [437] предусмотрено, что в тех случаях, когда социалистическая организация по договору грубо нарушает условия договора, органам арбитража предоставлено право взыскать с нарушителя неустойку, штраф, пени в повышенном до 50% размере. При этом суммы неустойки, пени, штрафа, взыскиваемые сверх установленных законом размеров, обращаются в доход союзного бюджета.

Как разъяснил Государственный арбитраж при Совете Министров СССР в Инструктивном письме от 28 мая 1970 г. Н И-1-21, под грубым нарушением договора следует понимать неоднократное нарушение стороной предусмотренных договором обязательств,

длительную задержку в их выполнении, причинение неисполнением обязательства существенного ущерба кредитору и народному хозяйству и т. п. [\[438\]](#)

В настоящей работе не представляется возможным более подробно и во всей полноте рассмотреть способы защиты гражданских прав. Но уже из того, что было сказано, можно сделать вывод, что способы защиты гражданских прав многочисленны и разнообразны. Они не сводятся только к гражданско-правовой ответственности. Отсюда естественно возникает вопрос: какие из этих мер защиты гражданских прав относятся к мерам гражданско-правовой ответственности? Для этого необходимо прежде всего уяснить основные признаки гражданско-правовой ответственности.

3. Признаки гражданско-правовой ответственности.

Рассмотрим несколько конкретных случаев. Гражданин Н. с семьей из трех человек проживал в одной комнате в трехкомнатной квартире, которая была предоставлена ему в связи с работой. Один из его соседей, занимавший комнату размером в 16,5 кв. м, прекратил работу на заводе и переехал на постоянное место жительства в другую местность. Тогда Н., не получив на это надлежащего разрешения, самостоятельно занял комнату выехавшего соседа. Жилищный отдел завода обратился к прокурору с просьбой дать санкцию на административное выселение Н. из занятой им комнаты, мотивировав ее тем, что, во-первых, Н. занял эту комнату самоуправно и, во-вторых, в соответствии с решением ФЗМК и администрации предприятия эта комната должна быть предоставлена работнице завода К. В соответствии со ст. 338 ГК РСФСР прокурор дал санкцию на административное выселение гр. Н., и комната была освобождена.

Что здесь произошло? Гражданин Н. нарушил порядок распределения жилой площади, самоуправно занял комнату и был из нее выселен в административном порядке. Такое выселение несомненно есть мера государственно-принудительного порядка, посредством которой были защищены права предприятия и интересы гр. К., которой эта комната должна была быть предоставлена. Но является ли эта мера мерой гражданско-правовой ответственности?

Нет, не является. Гражданско-правовая ответственность так же, как и выселение, связана с применением мер государственно-принудительного характера. Это означает, что ответственность может быть возложена на нарушителя гражданских прав и обязанностей только компетентным государственным органом (судом, арбитражем или другим органом) либо общественным органом (товарищеским судом, профсоюзным комитетом) в пределах предоставленных им полномочий. Следовательно, для ответственности, как и для выселения, характерен тот признак, что они носят государственно-принудительный характер. Гражданско-правовая ответственность есть лишь одна из форм государственно-правового воздействия на правонарушителя.

Однако этот общий признак еще не позволяет отличить гражданско-правовую ответственность от иных предусмотренных гражданским законодательством способов защиты гражданских прав.

Юридическая ответственность, в какой бы форме она ни выступала, всегда есть известное воздействие на правонарушителя. Поскольку гражданское законодательство регулирует главным образом имущественные отношения, связанные с использованием товарно-денежных форм в народном хозяйстве, то, очевидно, и гражданско-правовая ответственность должна соответствовать характеру регулируемых общественных отношений. Именно этим определяется то обстоятельство, что гражданско-правовая

ответственность имеет имущественный характер, характер имущественного воздействия на правонарушителя.

Однако не всякая мера имущественного порядка есть гражданско-правовая ответственность. Например, практике известен случай, когда стороны заключили договор, заблуждаясь относительно существенных условий этого соглашения. Заблуждение было вызвано тем, что в телеграмму, отправленную одной из сторон своему представителю, вкралась ошибка. Статья 57 ГК РСФСР предусматривает на этот случай такие правила: сторона, которая была введена в заблуждение, вправе требовать признания такого договора недействительным. В качестве последствий такого признания сделки недействительной закон предусматривает две меры имущественного характера: во-первых, каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по такой сделке, т. е. стороны возвращаются к первоначальному положению, и, во-вторых, здесь, кроме того, возможно применение такой меры, как возмещение убытков. Если сторона, заявившая иск, докажет, что заблуждение возникло по вине другой стороны, она вправе требовать не только возврата всего исполненного по сделке, но и возмещения расходов, утраты или повреждения имущества, которые возникли вследствие такого заблуждения. Если же вина другой стороны не будет доказана, то, наоборот, заявивший иск обязан возместить убытки другой стороне в том же размере.

Мы видим здесь, что обе меры, которые может применить суд или арбитраж, имеют имущественный характер. Но первая из них лишь возвращает стороны в первоначальное положение и никаких невыгодных последствий для сторон не создает, тогда как вторая требует, чтобы сторона, допустившая нарушение, возместила другой стороне убытки, вызванные заблуждением. Только вторая мера может быть отнесена к мерам гражданско-правовой ответственности, так как она является мерой воздействия на сторону, допустившую виновное поведение. При этом сам характер этой меры имущественного воздействия таков, что на виновную сторону возлагаются невыгодные имущественные последствия. Гражданско-правовая ответственность и есть поэтому возложение невыгодных имущественных последствий на лицо, допустившее нарушение гражданских прав или обязанностей.

Вместе с тем не всякое невыгодное имущественное последствие может быть отнесено к мерам гражданско-правовой ответственности. В практике арбитража нередко встречаются случаи, когда в адрес какой-либо социалистической организации по железной дороге или водным путем приходит груз, не заказанный получателем. Чаще всего это бывает тогда, когда поставщик отгружает покупателю продукцию, не предусмотренную договором, сверх количеств, установленных в договоре, или досрочно, не согласовав этого с получателем. От принятия и оплаты такой продукции покупатель вправе отказаться. При этом, однако, он обязан вывезти эту продукцию со станции железной дороги или с пристани и взять на так называемое ответственное хранение.

В этом случае организация, отгрузившая в адрес получателя такую продукцию, несет два вида невыгодных имущественных последствий: во-первых, расходы по ответственному хранению, отправке продукции в другой адрес по распоряжению поставщика и т. п., и, во-вторых, с поставщика в пользу получателя в этом случае взыскивается неустойка в размере 3% - по продукции производственно-технического назначения, 2% - по товарам народного потребления и 5% - по скоропортящейся продукции. При этом неустойка исчисляется от стоимости продукции, не принятой покупателем и взятой лишь на ответственное хранение^[439].

Как в первом, так и во втором случае для поставщика наступают невыгодные имущественные последствия, но характер их различен. В первом случае мы имеем дело с убытками, которые несет поставщик в связи с упущениями при отгрузке продукции, тогда как во втором случае мы имеем дело с применением к нему мер гражданско-правового воздействия за правонарушение - гражданско-правовых санкций. Гражданско-правовая ответственность есть такое возложение невыгодных имущественных последствий на нарушителя гражданских прав и обязанностей, которое связано с применением санкций.

В связи с этим возникает вопрос: что такое гражданско-правовые санкции?

Термин <санкция> в правовой литературе многозначен. В теории права при рассмотрении вопроса о содержании всякой правовой нормы употребляют термин <санкция нормы права>. Под санкцией нормы права понимается любое правовое последствие, предусмотренное законом для какого-то конкретного случая. Поэтому санкцией нормы права могут быть названы такие предусмотренные гражданским законодательством меры, как, например, раздел имущества между супругами, взыскание штрафа за поставку недоброкачественной или некомплектной продукции; признание за истцом какого-либо субъективного права; возмещение вреда, причиненного рабочему или служащему на предприятии, обязанность гражданина или организации опровергнуть распространенные порочащие сведения о каком-то гражданине; возмещение убытков, возникших от порчи груза при перевозке и т. п.

Больше того, санкцией нормы права можно считать не только предусмотренные законом меры государственно-принудительного характера, применяемые судом, арбитражем или иными компетентными государственными или общественными органами, но и предусмотренные законом меры, применяемые в одностороннем порядке управомоченным лицом к обязанному в случае нарушения последним гражданских прав или обязанностей. Так, отказ покупателя от принятия продукции, поставка которой просрочена, также есть санкция нормы права, предусмотренная ст. 225 ГК РСФСР.

Термин <санкция> используется в гражданском законодательстве также в смысле <разрешения> или <распоряжения>. Например, в случаях, установленных законом, допускается административное выселение граждан из занимаемых ими жилых помещений (см., например, ст. ст. 337, 338, 339, 340, 341 ГК РСФСР). В этих случаях выселение производится, как говорит закон, <с санкции прокурора>. Это значит, что организация не вправе даже в этих случаях выселить гражданина из занимаемого помещения по своему усмотрению. Организация должна обратиться с заявлением к прокурору о даче разрешения (санкции) на такое выселение. Такой порядок установлен законом в целях обеспечения гарантий прав и интересов граждан. Прокурор проверяет правильность указанных в заявлении данных, законность требования организации о выселении лица и иные условия, которые с точки зрения закона должны быть соблюдены при выселении. И лишь после этого прокурор санкционирует такое выселение.

От понятий <санкция нормы права> и <санкция> как санкционирование, разрешение на определенные действия следует отличать понятие санкции как меры гражданско-правовой ответственности.

Читая юридическую литературу, вы можете встретить высказывания о том, что ответственность есть санкция, ответственность есть один из видов санкций и т. п. Такого рода высказывания, хоть и упрощают решение вопроса о соотношении ответственности и санкции, однако по существу не являются правильными. Дело в том, что ответственность

есть применение санкции, применение определенных мер к правонарушителю, тогда как санкция есть та конкретная мера, которая применяется к нарушителю.

Чем характеризуются санкции, предусмотренные гражданским законодательством?

Во-первых, поскольку гражданско-правовая ответственность связана с применением мер государственно-принудительного характера, то, следовательно, к санкциям и могут быть отнесены лишь те меры воздействия на правонарушителя, которые применяются судом, арбитражем или иным компетентным государственным или общественным органом.

Во-вторых, санкции гражданского права носят имущественный характер. Они оказывают имущественное воздействие на правонарушителя. При этом в отличие от иных мер гражданско-правового характера, также влекущих для нарушителя невыгодные имущественные последствия, санкции отличаются тем, что их применение непосредственно и во всех без исключения случаях влечет за собой наступление невыгодных имущественных последствий, тогда как иные меры могут повлечь за собой невыгодные последствия для нарушителя лишь в конечном счете.

Например, при поставке продукции, не соответствующей тому сорту, который указан в документе, удостоверяющем ее качество, покупателю предоставляется право либо отказаться от ее принятия, либо принять ее, но оплатить по цене, предусмотренной прейскурантом для продукции данного сорта. И кроме того, ему предоставлено право взыскать с поставщика штраф в размере 200% стоимости уценки продукции, но не более 20% ее стоимости[440].

Таким образом, если в ответ на нарушение сортности поставленной продукции покупатель все же примет ее и оплатит по действительной цене данного сорта, то поставщик понесет невыгодные имущественные последствия, так как получит за продукцию меньше, чем ожидал.

Однако такие невыгодные последствия не являются санкциями. Речь здесь идет лишь об оплате продукции по ее действительной стоимости, а не об ответственности за нарушение сортности продукции. Такой мерой ответственности, а следовательно, и санкций за правонарушение будет в данном случае лишь штраф, взыскиваемый с неисправного поставщика.

Предусматриваемые гражданским законодательством санкции в зависимости от характера их действия могут быть различными. Необходимо различать по крайней мере три вида гражданско-правовых санкций: конфискационные, штрафные и компенсационные.

Конфискационные санкции - это те, которые связаны с безвозмездным изъятием в доход государства имущества правонарушителя. Само слово <конфискация> происходит от слова <фиск>, что означает казна государства. Статья 31 Основ гражданского законодательства определяет конфискацию как <безвозмездное изъятие государством имущества в качестве санкции за правонарушение>.

Конфискация как санкция за правонарушение известна многим отраслям советского права. Статья 35 Уголовного кодекса РСФСР предусматривает применение конфискации в качестве дополнительной меры наказания за государственные и тяжкие корыстные преступления. Применяется конфискация и в административном праве. Таможенным законодательством установлены правила об изъятии в собственность государства имущества, незаконно провозимого через государственную границу СССР.

Основы гражданского законодательства предусматривают применение конфискации в качестве санкции также и за гражданские правонарушения. При этом ст. 31 Основ определяет, что конфискация как санкция за нарушение гражданских прав и обязанностей может применяться лишь в случаях и в порядке, установленных законодательством Союза ССР и союзных республик. Это означает, что конфискация в гражданском праве - это исключительная мера, применяемая только по указанию закона.

Взыскание имущества в доход государства как санкция за нарушение гражданских прав и обязанностей применяется в гражданском праве редко, в частности, при совершении участниками гражданского оборота сделки, заведомо противной интересам государства и общества (ст. 14 Основ), при злоупотреблении гражданскими правами, например при использовании права личной собственности для извлечения нетрудовых доходов (ст. 111 ГК РСФСР), при бесхозяйственном содержании строения (ст. 141 ГК РСФСР), в некоторых случаях грубого нарушения социалистическими организациями государственной и договорной дисциплины, а также в случаях, когда рассмотрение дела между социалистическими организациями возбуждено по инициативе органов арбитража.

Следует, однако, иметь в виду, что не всякое изъятие имущества в собственность государства является санкцией за гражданское правонарушение. Например, Положением о бухгалтерских отчетах и балансах установлено, что в тех случаях, когда одна государственная организация пропустила срок исковой давности и вследствие этого не смогла истребовать с контрагента каких-либо денежных сумм, то эти суммы организация-должник обязана внести в доход союзного бюджета. Такое взыскание сумм в доход государства нельзя рассматривать как санкцию за правонарушение, хотя оно и связано в некоторых случаях с нарушением должником своих обязанностей перед кредитором.

Дело в том, что в пределах установленных законом давностных сроков кредитор мог бы взыскать с должника эти суммы, но в силу небрежности или каких-то иных зависящих от него обстоятельств этого не сделал. Поэтому указанные суммы следует рассматривать как имущество, неосновательно сбереженное организацией-должником. Здесь, по сути дела, обращается в доход государства то, что этой организации уже не принадлежит. Поэтому говорить в данном случае о конфискации нет оснований.

Штрафные санкции - это те, которые применяются к правонарушителю независимо от тех убытков, от того имущественного ущерба, который понес потерпевший вследствие правонарушения, допущенного другой стороной. От конфискационных штрафные санкции отличаются тем, что первые взыскиваются с правонарушителя в доход государства, тогда как вторые - в пользу стороны, потерпевшей от правонарушителя.

Существенным признаком штрафных санкций в гражданском праве является их независимость от убытков. Причем независимость эта состоит в том, что штрафные санкции взыскиваются независимо от того, будет ли вообще предъявлен иск об убытках, независимо от того, возникли ли вообще убытки у потерпевшей стороны и в каком размере, а в ряде случаев, прямо предусмотренных законом или договором. Эта независимость выражается во взыскании штрафных санкций вообще сверх возмещаемых потерпевшему убытков.

Штрафными санкциями в гражданском праве являются неустойка, штраф и пеня, взыскиваемые с правонарушителя в пользу потерпевшей стороны. Так, при недопоставке продукции производственно-технического назначения или при просрочке в поставке с поставщика в пользу покупателя взыскивается неустойка, при просрочке до 10 дней - 3%,

а при просрочке свыше 10 дней - дополнительно к этому еще 5% стоимости не поставленной в срок продукции.

Например, если одна из сторон нарушила срок, установленный для заключения договора поставки, или уклоняется от заключения такого договора, то с нее в пользу другой стороны взыскивается штраф в размере 50 руб. за каждый день просрочки, но не более 500 руб.

Пеня как санкция обычно применяется при нарушении денежных обязательств. Известно, например, что квартирная плата должна вноситься каждым нанимателем не позже 10-го числа следующего за оплачиваемым месяца. Если квартирная плата вносится позже этого числа, то с нанимателя в качестве санкции за просрочку платежа взыскивается пеня в размере 0,01% от размера задолженности за каждый день просрочки платежа.

Компенсационные санкции - это те, которые имеют своим назначением возмещение потерпевшей стороне вреда или убытков, причиненных правонарушителем. О возмещении убытков обычно говорят в случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, возникшего из заключенного сторонами договора. О возмещении вреда речь идет обычно в случаях, когда неправомерным поведением одного лица причинен вред имуществу, жизни или здоровью других лиц, т. е. когда убытки причинены вне договорных отношений между правонарушителем и потерпевшим^[441].

III. Условия гражданско-правовой ответственности

1. Гражданское правонарушение и его состав. Основанием для применения к нарушителю гражданских прав и обязанностей мер гражданско-правовой ответственности является совершение этим лицом правонарушения. Но правонарушения бывают разные. Это могут быть преступления, административные проступки, гражданские правонарушения и т. п. Все они различаются по их общественной опасности; по тем обстоятельствам, при которых они были совершены; по тому вредоносному результату, который причинен обществу или личности; по составу участников правонарушения и по многим иным моментам. Понятно поэтому, что за различные виды правонарушений различные отрасли советского законодательства предусматривают и различные меры юридической ответственности.

Но и в рамках одной отрасли права, в рамках общественных отношений, регулируемых определенной отраслью права, характер правонарушений далеко не однороден. Неоднородны правонарушения и в сфере гражданских правоотношений. Соответственно этому различны, во-первых, те условия, при которых наступает гражданско-правовая ответственность, и, во-вторых, те меры ответственности, которые применяются к правонарушителю.

В предшествующей главе мы рассмотрели виды мер гражданско-правовой ответственности (виды санкций), применяемых к правонарушителю. Теперь необходимо рассмотреть вопрос о тех условиях, при которых наступает гражданско-правовая ответственность.

Если правонарушения в сфере гражданско-правовых отношений могут быть различными, то, спрашивается, могут ли быть одинаковыми те условия, при которых к правонарушителю применяются те или иные меры гражданско-правовой ответственности? Ответ на этот вопрос отрицательный. Из этого следует, что для выявления условий ответственности за данное конкретное правонарушение необходимо рассмотреть каждый отдельный вид правонарушений - выявить фактические обстоятельства дела, условия и меры ответственности, которые предусмотрены законом для данного конкретного случая. На практике при рассмотрении конкретного дела суды, арбитражи и иные органы, рассматривающие гражданские дела, именно так и поступают.

Мы, к сожалению, лишены возможности поступить таким же образом. В небольшой работе невозможно рассмотреть все гражданские правонарушения и все те специфические условия ответственности за их совершение, которые предусмотрены многочисленными нормативными актами гражданского законодательства. Такие более или менее полные сведения можно почерпнуть лишь из специальной юридической литературы и из самих гражданских законов. Для понятия условий ответственности необходимо уяснить, что понимается под составом гражданского правонарушения.

Что такое состав гражданского правонарушения? Несмотря на различные виды гражданских правонарушений и на различия условий и мер ответственности, существуют такие условия ответственности, соблюдение которых обязательно либо во всех без исключения случаях, либо в большинстве случаев. Иначе говоря, следует различать общие, типичные условия наступления гражданско-правовой ответственности, которые свойственны всем или подавляющему большинству случаев, и специальные условия ответственности, свойственные лишь отдельным случаям или отдельным видам гражданских правонарушений. При этом важно иметь в виду, что специфические для того или иного конкретного случая условия ответственности имеют ту особенность, что они,

как правило, являются лишь конкретизацией общих условий гражданско-правовой ответственности применительно к обстоятельствам данного конкретного дела.

Поэтому под составом гражданского правонарушения следует понимать совокупность тех общих, типичных условий, наличие которых необходимо для возложения ответственности на нарушителя гражданских прав и обязанностей и которые в различных сочетаниях встречаются при любом гражданском правонарушении.

Каковы эти условия? В советской литературе по гражданскому праву различные исследователи этого вопроса называют разное количество таких условий в диапазоне от двух до пяти. Но характерно, что называются одни и те же условия. Те из них, которые входят в число пяти, охватывают и те, которые рассматриваются сторонниками меньшего числа. Уже это само по себе дает основание рассмотреть максимальное число этих условий. При этом необходимо учитывать по крайней мере два момента: во-первых, к числу таких условий должны быть отнесены лишь те, при отсутствии которых ответственность в большинстве случаев не наступает, т. е. условия, необходимые для применения мер гражданско-правовой ответственности; и, во-вторых, поскольку гражданское законодательство требует от суда, арбитража или иных органов, рассматривающих спор, всестороннего анализа обстоятельств решаемого случая, рассмотрение максимального количества этих условий дает больше гарантий объективного, правильного решения вопроса об ответственности.

Эти условия следующие: а) наличие прав и обязанностей, нарушение которых влечет за собой возложение на их нарушителя гражданско-правовой ответственности; б) противоправное нарушение лицом возложенных на него обязанностей и субъективных прав других лиц; в) наличие вреда или убытков, причиненных противоправным поведением правонарушителя; г) наличие причинной связи между противоправным поведением правонарушителя и наступившими вредоносными последствиями; и, наконец, д) наличие вины правонарушителя.

Рассмотрим подробнее каждое из этих условий.

2. Наличие прав и обязанностей как условие гражданско-правовой ответственности. Ответственность по советскому гражданскому праву наступает за правонарушение, т. е., следовательно, за нарушение гражданских прав и обязанностей. При этом необходимо иметь в виду одну особенность, которая состоит в том, что правонарушение всегда связано с неисполнением или ненадлежащим исполнением своих обязанностей, но не всегда связано с нарушением субъективных гражданских прав других лиц. Так, гражданин, бесхозяйственно относящийся к своему жилому дому, может и не нарушать ничьих субъективных гражданских прав. Однако такое его поведение есть нарушение обязанности осуществлять свое право собственности в соответствии с его назначением и является правонарушением, за которое законом предусмотрены соответствующие меры гражданско-правовой ответственности.

Но в подавляющем большинстве случаев нарушение обязанности связано одновременно также и с нарушением субъективных прав других лиц. Так, при неисполнении или ненадлежащем исполнении договора должником он не только нарушает возложенную на него по договору обязанность, но и нарушает соответствующее этой обязанности право кредитора. Или, например, при причинении вреда жизни или здоровью граждан, имуществу граждан или организации причинитель вреда не только нарушает обязанность, возложенную на него законом, но и нарушает личные или имущественные права потерпевшего.

Поскольку гражданско-правовая ответственность наступает за нарушение гражданских прав и обязанностей, то только при наличии этих прав и обязанностей может идти речь об ответственности. Если же таких прав и обязанностей нет, невозможно и их нарушение, не может быть и ответственности. Казалось бы, что все это само собой разумеется. Именно поэтому в специальной литературе на это обычно не обращают внимания. Между тем в практике встречаются случаи, когда решение во-проса о возложении ответственности связано именно с наличием определенных прав и обязанностей.

Вот несколько примеров. В арбитражной практике имеют место случаи, когда снабженческо-сбытовые организации, выдав поставщикам наряды на поставку продукции тому или иному потребителю и установив, что по наряду продукция потребителю не отгружена, заявляют требования о взыскании с поставщика неустойки за недопоставку продукции.

На первый взгляд здесь вроде бы есть основания для такого требования. В действительности же таких оснований нет. Дело в том, что выданный поставщику снабженческо-сбытовой организацией наряд на поставку продукции сам по себе еще не порождает обязанности поставщика отгрузить продукцию. Он лишь порождает обязанность поставщика заключить с покупателем договор на поставку указанной в наряде продукции. При заключении договора поставки стороны определяют предмет договора, его количество, качество, ассортимент, комплектность, сроки поставки, цены и многие другие условия. Соответственно договор и определяет те права и обязанности сторон, за нарушение которых законом установлена их ответственность друг перед другом.

Поэтому Государственный арбитраж при Совете Министров СССР в ответе на конкретный запрос по этому поводу разъяснил, что в соответствии с законом поставщик несет ответственность за недопоставку продукции лишь перед покупателем, с которым состоит в договорных отношениях. Сбыто-снабженческая организация вправе взыскать с поставщика неустойку за недопоставку продукции лишь в том случае, если она состоит в договорных отношениях с поставщиком^[442].

Случаи, когда отсутствие соответствующих прав и обязанностей было мотивом отказа арбитража в возложении ответственности, встречаются и тогда, когда между сторонами заключен договор. Так, Центральная база предъявила иск в арбитраж к республиканской базе о взыскании неустойки за недопоставку ювелирных изделий в I квартале. При рассмотрении дела в арбитраже было установлено, что стороны заключили договор на поставку ювелирных изделий лишь в апреле, т. е. по истечении первого квартала. При этом в общее количество продукции, подлежащей поставке, была включена и та продукция, которая была фактически поставлена в I квартале еще до заключения договора. Однако количество продукции, которое поставщик обязан отгрузить в каждом квартале года, в договоре установлено не было.

Но раз количество продукции, подлежащей поставке в данном квартале, договором не определено, то нет и обязанности поставщика отгрузить в данном квартале какое-то определенное количество продукции. А раз нет такой обязанности, то не может быть ее нарушения, не может быть и ответственности за ее нарушение. Поэтому совершенно справедливо арбитраж в иске о взыскании неустойки за недопоставку отказал.

Аналогичного вида случаи встречаются и в судебной практике. Гражданка Р. пришла на работу с электросчетчиком, который решила починить. В проходной завода ее с прибором не пропустили. Она попросила вахтера сохранить счетчик до окончания работы, но он

ответил, что вахтенной службе этого делать не положено. На настоятельную просьбу сохранить счетчик вахтер разрешил положить его где-нибудь, но еще раз предупредил, что не может нести ответственности за его сохранность, так как постоянно должен находиться на посту. После окончания работы Р. обнаружила, что счетчик пропал. Тогда она предъявила иск в суд к заводу и вахтеру о возмещении понесенных убытков. Однако суд был вынужден в иске о возмещении убытков отказать, так как в обязанности вахтенной службы завода не входит обязанность хранения вещей, приносимых рабочими завода, а разговор с вахтером о хранении счетчика не свидетельствует о том, что здесь имел место договор хранения. Таким образом, и здесь отсутствие прав и обязанностей у сторон снимает вопрос об ответственности одной из них перед другой.

Вопрос о наличии прав и обязанностей как условие гражданско-правовой ответственности в ряде случаев важен также и при определении самого субъекта ответственности. Это имеет особенное значение для случаев, связанных с возмещением причиненного вреда, так как иногда закон предусматривает ответственность за причинение вреда не самого причинителя этого вреда, а иных лиц.

Так, ст. 450 ГК РСФСР предусмотрено, что за вред, причиненный детьми в возрасте до 15 лет, ответственность несут их родители или опекуны, а если ребенок находился под надзором учебного заведения, воспитательного или лечебного учреждения, то ответственность возлагается на эти учреждения. Решение вопроса об ответственности за причиненный вред зависит от того, на ком в момент причинения вреда лежала обязанность осуществлять надзор за ребенком. Так, если родители привели ребенка в поликлинику, чтобы показать его врачу, и пока дожидались приема врача, ребенок причинил вред имуществу поликлиники, отвечать должны родители, так как обязанность осуществить надзор лежала на них. И наоборот, если ребенок помещен на лечение в стационарное лечебное учреждение, то обязанность надзора за его поведением падает на само лечебное учреждение, которое и несет ответственность за причиненный ребенком вред.

Сказанное важно иметь в виду и в тех случаях, когда речь идет об ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности. Так, согласно ст. 454 ГК РСФСР организации и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (транспортные организации, промышленные предприятия, стройки, владельцы автомобилей и т. п.), обязаны возместить вред, причиненный источником опасности. Ответственность за причинение вреда возлагается здесь законом на владельца источника повышенной опасности. Так, если автомашиной, принадлежащей какой-либо организации, был причинен вред гражданину вследствие наезда на него автомашины по вине шофера, нарушившего правила движения, ответственность за причиненный вред будет нести организация, а не шофер, так как именно она является владельцем этого <источника повышенной опасности>.

При этом бывают, однако, и довольно сложные ситуации. Кто, например, должен нести ответственность за причиненный гражданину вред, если машина является личной собственностью одного гражданина, но находится в пользовании другого лица на основании доверенности, выданной ему ответчиком? Или, например, кто должен отвечать за причиненный вред в случае, когда автомашина украдена у собственника и вор, угоняя автомашину, совершил наезд на гражданина и тем самым причинил ему вред?

В первом случае вопрос решается довольно просто. Раз автомашина передана собственником по доверенности во владение и пользование другого лица, то он в данном случае и является ее владельцем и, следовательно, несет все связанные с этим

обязанности, в том числе и обязанность по возмещению причиненного вреда. В том же случае, когда вор украл машину и допустил наезд на гражданина, причинив ему вред, владельцем автомашины остается ее собственник и, следовательно, формально с точки зрения закона, казалось бы, он и обязан возместить причиненный вред. Однако в данном случае имеют место факторы иного рода, влияющие на ответственность. Как отмечено в п. 5 постановления Пленума Верховного суда СССР от 23 октября 1963 г. <О судебной практике по искам о возмещении вреда>, владелец источника повышенной опасности должен быть освобожден от ответственности, так как последний выбыл из его владения помимо его воли, <в результате противоправных действий третьих лиц> [\[443\]](#).

Из этого следует, что вторым существенным условием гражданско-правовой ответственности является противоправное поведение нарушителя гражданских прав и обязанностей, к рассмотрению которого мы и перейдем.

3. Противоправное поведение как условие гражданско-правовой ответственности. Продолжим рассмотрение примера, который был приведен выше. Кто же все-таки должен нести ответственность в этом случае? Положение участвующих лиц здесь таково: собственник машины остается ее владельцем; вор украл автомашину и допустил наезд на гражданина, которому причинен вред. Следовательно, вор совершил в данном случае два правонарушения: одно - уголовное правонарушение, кражу чужого имущества, за что он понесет наказание в уголовном порядке, а другое - гражданское правонарушение, он причинил вред человеку, чем нарушил его права. С другой стороны, собственник автомашины, хотя и остался ее владельцем, но никакого правонарушения не допустил, так как автомашина выбыла из его владения помимо его воли. Так как его поведение не нарушает закона, то нет основания и возлагать на него ответственность. Ответить должен тот, кто нарушил закон, т. е. действовал противоправно. Ответственность за причиненный гражданину вред в гражданско-правовом порядке, следовательно, должен нести вор.

Какое же поведение лица следует считать противоправным? Термином <противоправность> обозначают прежде всего такое поведение гражданина или организации, которое противоречит требованиям права, противоречит требованиям тех правил поведения, которые предусмотрены нормами права.

Иногда говорят, что противоправным следует считать такое поведение, которое нарушает выраженные в нормах права запреты. Это не совсем точно. При всем многообразии правовых норм их воздействие на поведение граждан и организаций выражается в трех основных формах: в форме запретов, предписаний и дозволений.

Запрет как форма воздействия права на поведение людей, чаще всего встречается в уголовном праве, которое запрещает определенное поведение граждан, рассматривает такое поведение как преступление и устанавливает на этот случай соответствующее наказание. Известны запреты и советскому гражданскому праву. Так, ч. 3 ст. 105 ГК РСФСР предусматривает, что имущество, являющееся личной собственностью гражданина, не может быть использовано для извлечения нетрудовых доходов; или, например, ст. 169 ГК устанавливает, что односторонний отказ от исполнения обязательства или одностороннее изменение условий договора не допускается, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом.

Однако советскому гражданскому законодательству чаще всего свойственны такие формы, как предписание и дозволение. Это обусловлено тем, что гражданско-правовое регулирование общественных отношений осуществляется путем установления прав и обязанностей участников этих отношений. При этом посредством предписаний

гражданское законодательство определяет обязанности участников гражданского оборота, тогда как дозволения определяют их субъективные гражданские права.

Например, ч. 2 ст. 159 ГК устанавливает, что содержание договора, заключенного на основании планового задания, должно соответствовать этому заданию. Это означает, что закон устанавливает обязанность любого участника гражданского оборота точно отразить в договоре те условия, которые были предусмотрены плановым актом. Или, например, ст. 107 ГК предписывает гражданину в течение года продать один жилой дом, если у него по основаниям, предусмотренным законом, оказалось два жилых дома.

И наоборот, когда ст. 106 ГК устанавливает, что в личной собственности гражданина может находиться лишь один жилой дом (или часть одного дома), то дозволение здесь связано с предоставлением гражданину определенного права.

Следует вместе с тем иметь в виду, что во многих случаях запреты, дозволения и предписания в различных сочетаниях могут вытекать из одной и той же нормы права. Например, когда ч. 2 ст. 102 ГК устанавливает правило о том, что право распоряжения имуществом, составляющим собственность профсоюзных или иных общественных организаций, принадлежит исключительно самим собственникам, то здесь, с одной стороны, только собственнику дозволяется распоряжаться своим имуществом, а с другой стороны, в отношении всех иных лиц устанавливается запрет. Или, в ряде случаев закон предписывает участникам гражданских правоотношений облекать свои отношения в определенную форму. Например, все сделки, совершаемые социалистическими организациями, должны быть совершены в письменной форме. Но вместе с тем ст. 161 ГК, ч. 2 позволяет сторонам использовать различные способы такого письменного их оформления: оформление путем одного документа, подписанного сторонами; путем обмена письмами, телеграммами, телефонограммами, подписанными стороной, которая их посылает, и т. п.

Важно при этом обратить внимание на то, что если запреты и предписания прямо устанавливают определенные обязанности участников гражданского оборота, то дозволения, предоставляя гражданам и организациям определенные права, косвенно также говорят об обязанностях управомоченного лица не выходить за рамки дозволенного ему законом поведения.

Поэтому с полным основанием можно сказать, что противоправным должно быть признано такое поведение, которое связано с нарушением предусмотренных законом юридических обязанностей.

Но и такое определение не является полным. Дело в том, что юридические обязанности участников гражданских правоотношений вытекают не только из закона. Их возникновение всегда связано с определенными юридическими фактами. Они могут возникать, например, из административно-плановых актов, из заключенного сторонами договора, из односторонних сделок граждан и организаций (например, из доверенности, из завещания и т. п.), из так называемых юридических поступков (например, создание автором произведения науки, литературы или искусства).

Особенность гражданского законодательства состоит в том, что оно содержит большое количество норм, которые предоставляют участникам гражданского оборота возможность урегулировать свои взаимоотношения и иным образом, чем указано в законе, например предусмотреть в договоре иные права и обязанности в отличие от предусмотренных законом. Здесь уже юридическая обязанность той или иной стороны возникает не

непосредственно из предписания закона, а из договора. Но такая обязанность как бы санкционирована, дозволена законом.

Поэтому противоправным следует считать такое поведение, которое связано с нарушением предусмотренных или санкционированных законом юридических обязанностей.

Но и это еще не все. Известно, что законодательство, как бы полно оно ни было, никогда не может охватить всего того круга общественных отношений, которые возникают в жизни. Вместе с тем закон принимается в определенный момент и действует в течение более или менее длительного времени. Поэтому в жизни встречаются случаи, которые никаким законом не урегулированы. Учитывая это обстоятельство, ст. 4 Основ гражданского законодательства предусматривает, что гражданские права и обязанности возникают как из оснований, предусмотренных действующим гражданским законодательством, так и <из действий граждан и организаций, которые, хотя и не предусмотрены законом, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности>.

Вот один из таких редких случаев. Три молодых человека купили каждый по шесть билетов денежно-вещевой лотереи и договорились между собой, что, на какой бы из этих восемнадцати билетов ни выпал выигрыш, они делят его между собой. Эта договоренность была оформлена в виде написанного от руки документа, подписанного всеми тремя участниками. При этом каждый из них хранил купленные им билеты. Когда на один из этих билетов выпал крупный выигрыш, то его владелец отказался разделить его между всеми участниками, ссылаясь на то, что такого рода договор гражданским законодательством не предусмотрен и никаких прав и обязанностей у участников не порождает.

Действительно, ни Основы гражданского законодательства, ни гражданские кодексы союзных республик, ни законодательство о денежно-вещевых лотереях ничего на этот счет не говорят. Между тем суду, в котором был заявлен иск о разделе выигрыша по денежно-вещевой лотерее, необходимо было решить основной вопрос: является ли такой договор актом правомерным либо противоправным. Суд правильно решил этот вопрос, сославшись на то, что заключение такого договора не нарушает ни интересы государства, ни интересы граждан и что он не противоречит общим началам и смыслу гражданского законодательства. Договор был признан актом правомерным, и соответствующие части выигрыша были взысканы с держателя билета в пользу двух других соучастников.

Вопрос о правомерности или противоправности может быть решен не только на основе прямых предписаний закона, но и на основании применения к конкретному случаю общих принципов советского гражданского законодательства. Исходя из этого, можно сказать, что противоправным по советскому гражданскому праву следует считать такое поведение, которое нарушает нормы права либо общие правовые принципы советского гражданского права или его отдельных институтов. Под нарушением норм или принципов права понимается несоблюдение лицом юридических обязанностей, независимо от того, вытекают ли эти обязанности из запретов, предписаний или дозволений, являются ли они общими или конкретными.

Нередко возникает вопрос, какое значение для определения правомерности или противоправности правонарушителя имеют правила социалистического общежития и нормы коммунистической морали. Общеизвестно, что право и мораль - различные социальные явления. Если за нарушение норм права применяются меры юридической

ответственности, то нарушение моральных норм влечет за собой лишь общественное осуждение нарушителя, применение мер морального воздействия. С точки зрения закона нарушение правил социалистического общежития и норм коммунистической морали не может рассматриваться как поведение противоправное.

Однако в отдельных случаях нарушения правил социалистического общежития и моральных норм носит настолько серьезный характер, что закон придает этим моральным правилам значение норм права. Так, согласно ст. 333 ГК, граждане, систематически нарушающие правила социалистического общежития, что делает невозможным для других совместное с ними проживание в одной квартире или в одном доме, могут быть выселены с занимаемой ими жилой площади без предоставления другого жилого помещения, если меры общественного воздействия на них не дают должного результата.

До сих пор мы говорили о противоправном поведении участников гражданских правоотношений. Под противоправным поведением необходимо понимать нарушение требований закона как действием, так и бездействием. Например, при причинении вреда путем наезда автомашины на гражданина мы имеем дело с причинением вреда действием, а, скажем, в случае неотгрузки поставщиком покупателю продукции в установленный срок - мы имеем дело с бездействием поставщика.

Бездействие в его юридическом понимании, как одно из условий гражданско-правовой ответственности, нельзя понимать в обыденном смысле как <ничегонеделание>. Бездействие есть одна из форм поведения лица. С юридической точки зрения бездействие будет признано противоправным тогда, когда лицо в силу закона или договора было обязано совершить определенные действия, но от совершения их уклонилось либо не выполнило их надлежащим образом. Поэтому бездействие будет противоправным, например, в случае, когда организация, обязанная в силу планового задания (например, наряда на поставку продукции) заключить с другой организацией договор, уклоняется от его заключения; когда рабочему или служащему на предприятии был причинен вред вследствие того, что администрация предприятия не приняла необходимых мер к соблюдению правил техники безопасности.

По общему правилу возмещение вреда или убытков по советскому гражданскому праву наступает лишь при наличии противоправного поведения. Однако закон знает из этого и исключения. Часть 3 ст. 444 ГК устанавливает, что в случаях, предусмотренных законом, подлежит возмещению также и вред, причиненный правомерными действиями. К случаям возмещения вреда, причиненного правомерными действиями, относятся случаи причинения вреда в состоянии крайней необходимости.

Что такое крайняя необходимость? Понятие крайней необходимости дано уголовным законодательством. Статья 14 УК РСФСР предусматривает, что под действиями, совершенными в состоянии крайней необходимости, понимаются такие действия, которые предпринимаются ли-цом для устранения опасности, угрожающей интересам Советского государства, общественным интересам, личности или правам данного лица или других граждан, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред.

Приведем несколько примеров. Кулаев купался в Волге и, почувствовав себя плохо, стал звать на помощь. Бывший в это время на берегу Лисицын, не умея плавать, бросился к стоявшему у берега баркасу, нагруженному тремя мешками с сахаром, выбросил мешки в

воду, быстро поплыл к месту, где тонул Кулаев, и спас его. Крайняя необходимость таких действий не вызывает сомнения.

Два гражданина обвинялись в хищении продуктов со склада Чаук-Чукотской геологической партии. Однако при рассмотрении дела было установлено, что обвиняемые оказались в тундре без продовольствия. Им грозила голодная смерть. Они набрали на склад геологической партии, откуда и взяли необходимое количество продуктов. На этом основании суд правильно признал, что обвиняемые действовали в условиях крайней необходимости.

Мы видим здесь, что при сложившихся обстоятельствах лица были вынуждены пойти на известное причинение вреда, так как иным способом нельзя было предотвратить возможные более серьезные последствия.

Но, если само понятие крайней необходимости в уголовном и гражданском праве тождественны, то последствия, которые предусмотрены на этот счет уголовным и гражданским законодательством, различны. Причинение вреда в состоянии крайней необходимости - это действие правомерное, допускаемое законом. Поэтому уголовное законодательство исключает ответственность лиц, действовавших в состоянии крайней необходимости. Здесь нет преступления, нет и наказания.

Иное положение мы видим в гражданском праве, которое, как уже отмечалось, допускает возможность возмещения вреда, причиненного правомерными действиями. В частности, ст. 449 ГК устанавливает, что вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, должен быть возмещен лицом, причинившем его. Таково общее правило советского гражданского законодательства. При этом закон разрешает суду исходя из конкретных обстоятельств дела возложить обязанность возмещения вреда на третье лицо, в интересах которого был причинен вред, либо освободить от возмещения вреда полностью или частично как это третье лицо, так и причинившего вред.

Такое предоставление законом различных возможностей решения вопроса имеет важное значение, так как оно обеспечивает возмещение вреда потерпевшему, дает возможность полнее учесть фактические обстоятельства конкретного случая и вместе с тем побуждает лицо, действующее в состоянии крайней необходимости, к известной осмотрительности при выборе различных вариантов своего поведения. Именно по этой последней причине спорными представляются высказываемые в литературе предложения возложить возмещение вреда, причиненного в состоянии крайней необходимости, во всех случаях на лицо, в интересах которого действовал причинитель вреда.

4. Наличие вреда или убытков как условие гражданско-правовой ответственности. Для возложения гражданско-правовой ответственности недостаточно только противоправного нарушения лицом субъективных прав других лиц или возложенных на него обязанностей. В определенных случаях в качестве одного из условий гражданско-правовой ответственности требуется и наличие вреда или убытков.

О вреде обычно говорят применительно к обязательствам из причинения вреда имуществу граждан или организаций либо жизни и здоровью граждан. Сущность этого рода обязательств выражена в ст. 444 ГК, согласно которой <вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный организации, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред>. Из этой статьи видно, что ответственность в данном случае наступает лишь при наличии вреда. Если нет вреда, то нечего и возмещать, нет и гражданско-правовой ответственности.

Что понимается под вредом в советском гражданском праве? Вредом считается всякое умаление личного или имущественного блага. Вредом является, например, повреждение чужого имущества, причинение увечья гражданину и т. п.

Различают вред моральный и вред материальный. Моральный вред не связан с какими-либо имущественными потерями для потерпевшего. Моральным вредом может быть признано, например, умаление чести или достоинства гражданина путем распространения о нем ложных, порочащих его сведений. Или, например, в результате несоблюдения на предприятии техники безопасности рабочему было причинено неизгладимое обезображивание лица. Никакого материального ущерба при этом он не потерпел, так как здоровье его не пострадало, он продолжает работать в той же должности, получает ту же заработную плату и т. п. Однако моральные и физические страдания, вызываемые обезображиванием лица, остаются.

Материальный вред всегда связан с имущественными потерями для потерпевшего. Эти имущественные потери потерпевшего могут выразиться в утрате полностью или частично заработка, в расходах на лечение, на протезирование и т. п.

Советское гражданское законодательство предусматривает ответственность лишь за причинение материального вреда. Это объясняется тем, что хотя моральный вред и приносит известные страдания, стеснения потерпевшему, однако эти моральные потери не могут быть оценены в стоимостном, денежном выражении. Поэтому определить в данном случае размер возмещения вреда практически невозможно. Он всегда был бы либо приблизительным, либо символическим.

Из этого, конечно, не следует, что советскому гражданскому законодательству вообще не известна защита моральных благ человека. Однако защита эта осуществляется не в виде возложения материальной ответственности на правонарушителя, а иными способами. Так, ст. 7 Основ гражданского законодательства устанавливает судебную защиту чести и достоинства гражданина или организации. Защита чести и достоинства осуществляется путем опровержения распространенных о гражданине или организации ложных, порочащих его сведений. Применяются здесь и некоторые меры ответственности. Например, если лицо, распространившее о ком-то ложные, порочащие сведения, не выполняет решение суда, не опровергает эти сведения, то в соответствии со ст. 406 ГПК РСФСР на него может быть наложен штраф в размере до 300 руб. Однако в данном случае материальная ответственность наступает не за нарушение чести или достоинства, а за неисполнение решения суда об опровержении сведений.

Практически возможны два способа возмещения причиненного вреда. Первый способ - это возмещение вреда в натуре, например путем ремонта имущества, которому причинен вред, предоставление вместо поврежденной вещи другой вещи того же рода и качества. Однако этот способ возмещения вреда не всегда приемлем, а в ряде случаев его использование вообще невозможно. Невозможно, например, восстановить какой-либо орган человека, утраченный вследствие причинения ему увечья, трудно восстановить разбитую антикварную вазу и т. п.

Поэтому в большинстве случаев возмещение причиненного вреда сводится к возмещению понесенных потерпевшим убытков. В данном случае под убытками понимается вред, выраженный в денежной форме.

Однако понятие убытков в советском гражданском праве имеет более широкое значение. Дело в том, что убытки могут быть причинены потерпевшему и тогда, когда никакого

вреда его личности или имуществу не причинено. Речь в данном случае идет об убытках, которые возникают вследствие иных обстоятельств, например вследствие совершения сделки под влиянием обмана, заблуждения и т. п., вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства должником. Например, поставщик не отгрузил покупателю в срок сырье, из которого последний не смог своевременно изготовить товар и отправить его торгующим организациям. Торгующие организации взыскали с изготовителя штраф за недопоставку продукции. Эти уплаченные торгующим организациям штрафы по вине поставщика сырья и будут убытками для изготовителя товара.

Необходимо различать понятие убытков в экономическом и правовом смысле. Убытки могут быть различными и возникать по разным причинам. Например, убытки могут возникнуть вследствие неосторожного обращения с имуществом самого собственника, вследствие недостаточно четкой организации труда на предприятии, допустившем перерасход сырья, материалов или денежных средств; вследствие нечеткой работы юридической службы предприятия, по вине которой был пропущен срок давности на взыскание задолженности с другого предприятия и т. п.

Во всех этих случаях мы имеем дело с убытками, которые несет гражданин - собственник вещи или организация. Но эти убытки не являются убытками в юридическом понимании. Они возникли вследствие действий самого потерпевшего. Такого рода убытки не подлежат возмещению с кого-либо; они ложатся на самого потерпевшего.

Юридическое значение имеют лишь те убытки, которые возникли в результате действий других лиц или событий и подлежат возмещению в силу закона или договора.

Что понимается под убытками в юридическом смысле? Статья 36 Основ гражданского законодательства определяет, что под убытками понимаются расходы, произведенные кредитором, утрата или повреждение его имущества, а также неполученные кредитором доходы, которые он получил бы, если бы обязательство было исполнено должником.

Убытки в юридическом их значении включают в себя три основные части. Прежде всего - это расходы, понесенные кредитором, явившиеся результатом неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства должником, например расходы, понесенные покупателем по устранению недостатков в поставленной ему продукции; расходы, понесенные гражданином по капитальному ремонту нанятого жилого помещения, когда наймодатель не выполнил своей обязанности; взысканные с покупателя суммы неустойки за неисполнение им своих обязательств перед третьими организациями по вине поставщика; расходы по хранению и переотправке взятой на ответственное хранение, но не принятой продукции, отгруженной поставщиком с недостатками, и т. п.

Следует, однако, иметь в виду, что не всякие вообще расходы, понесенные кредитором, входят в состав убытков. Например, если наймодатель не выполняет своей обязанности и не производит капитальный ремонт занимаемого нанимателем помещения, то наниматель вправе сам произвести такой ремонт за счет наймодателя. Однако закон, ст. 284 ГК РСФСР, предоставляет нанимателю право произвести лишь такой капитальный ремонт, который предусмотрен договором или вызван неотложной необходимостью. Поэтому только такого рода необходимые расходы нанимателя и могут быть возмещены за счет наймодателя или зачтены в счет наемной платы. Например, затраты, произведенные при проведении неотложного капитального ремонта на украшение помещения и т. п., в понятие расходов, понесенных кредитором, не входят и возмещению не подлежат.

В состав убытков входит также <утрата или повреждение имущества> кредитора. Поскольку убытки всегда выражаются не в натуре, а в денежном выражении, то понятно, что в данном случае речь идет о стоимости утраченного или поврежденного имущества кредитора вследствие противоправного поведения другой стороны. Так, транспортная организация, утратившая груз или багаж при перевозке, обязана возместить его стоимость; гражданин, повредивший вещь, взятую напрокат, должен возместить стоимость ее ремонта прокатной организации.

Наконец, ст. 36 Основ гражданского законодательства относит к убыткам также <неполученные кредитором доходы, которые он получил бы, если бы обязательство было исполнено должником>. Речь в данном случае идет о возмещении так называемой упущенной выгоды, которую не получил кредитор вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства должником.

Расширенное социалистическое производство предполагает постоянное развитие производительных сил страны, увеличение количества производимой продукции, необходимой для удовлетворения постоянно растущих потребностей общества. В условиях действующего в социалистической экономике объективного экономического закона стоимости расширение социалистического воспроизводства осуществляется за счет накоплений, получаемых социалистическими предприятиями в виде прибыли. Введение с 1965 г. в нашей стране новой системы планирования и экономического стимулирования хозяйственной деятельности предполагает создание рентабельной, прибыльной работы всех социалистических предприятий и хозяйственных организаций.

Поэтому в тех случаях, когда вопрос о возмещении неполученных кредитором доходов приходится решать применительно к социалистическим организациям, под такими неполученными доходами понимается та прибыль предприятия-кредитора, которая не была получена им вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства должником. При этом речь идет в данном случае не о прибыли вообще. Дело в том, что наряду с действием в социалистической экономике закона стоимости действует также и объективный экономический закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. Мы имеем здесь дело с таким взаимодействием экономических законов, при которых закон стоимости имеет подчиненное значение по отношению к закону планомерного развития.

В области гражданско-правовых отношений эта особенность взаимодействия указанных законов находит свое выражение в том, что предприятию-кредитору возмещается не всякая вообще прибыль, которую он мог бы получить, если бы должник добросовестно выполнил свои обязанности, а лишь так называемая плановая прибыль предприятия.

Возмещение неполученных кредитором доходов может относиться не только к социалистическим организациям, но также и к гражданам. На практике это редкие случаи. Судебная практика уже в 20-х годах пришла к выводу, что возмещение неполученных кредитором доходов не должно способствовать <спекулятивной наживе>, что при определении необходимо исходить из реального оборота, не завышать прибыли.

5. Причинная связь между противоправным поведением правонарушителя и причиненным вредом или убытком как условие гражданско-правовой ответственности.

Для наступления гражданско-правовой ответственности необходимым условием является наличие причинной связи между противоправным поведением правонарушителя и наступившим вредным результатом. В советском гражданском праве наличие причинной

связи является необходимым условием ответственности не всегда, а лишь тогда, когда речь идет о возмещении вреда или убытков. Государственный арбитраж при Совете Министров СССР в Инструктивном письме от 18 апреля 1951 г. указал, что <иск о возмещении убытка может быть удовлетворен, если доказано, что между невыполнением или ненадлежащим выполнением договорных обязательств и убытками имеется непосредственная причинная связь>.

Необходимость установления причинной связи при возмещении вреда или убытков вытекает непосредственно из закона, который говорит о возмещении причиненных убытков (ст. 36 Основ), о возмещении причиненного вреда (ст. 88 Основ).

Что же такое причинная связь? Проблема причинности - философская проблема. Поэтому и при решении вопроса о причинной связи в праве необходимо исходить из учения марксистско-ленинской философии о причинности. С философской точки зрения причинная связь характеризуется следующими основными чертами.

Причинная связь всегда имеет объективный характер. Это значит, что причинная связь не нечто, существующее только в нашем представлении. Она представляет собой действительную, реально существующую связь между явлениями. Поэтому при решении вопроса об ответственности нельзя исходить лишь из каких-то умозрительных заключений. Необходимо четко выяснить взаимосвязь между противоправным поведением нарушителя с тем вредом или убытком, который понес потерпевший. Ответственность может наступить только за то, что причинено именно поведением правонарушителя.

Например, поставщик отгрузил покупателю металлическую ленту ненадлежащего качества. Покупатель, не проверив нужным образом качество продукции, пустил ее в производство и изготовил пружины, которые впоследствии оказались недоброкачественными, от принятия которых часовой завод отказался и взыскал с изготовителя пружин понесенные убытки, а сверх того еще и штраф за поставку недоброкачественной продукции. Возмещенные часовому заводу убытки и уплаченный штраф составляют убытки для предприятия - изготовителя пружин. Вправе ли он переложить все эти убытки на поставщика металлической ленты? По-видимому, не вправе, так как эти убытки явились не только результатом противоправного поведения поставщика ленты, нарушившего обязанности по поставке качественной продукции, но и самого изготовителя пружин, который нарушил свою обязанность осуществить качественную приемку продукции. Он допустил здесь поведение, которое привело к тому, что его убытки значительно возросли.

Явления могут быть связаны не только как причина со следствием, но и как содержание и форма, сущность и явление; существует также связь между явлениями во времени, в пространстве и т. п. Причинная связь - это лишь одна из сторон взаимосвязи явлений. Ее нельзя смешивать с другими.

Известно, например, что с точки зрения следственной практики при расследовании преступления важно установить, кто из лиц в момент совершения преступления находился на месте совершения преступления. Однако очевидно, что не всякий, кто находился в этот момент в месте совершения преступления, совершил его. Такая взаимосвязь явлений дает лишь основание для выявления круга лиц, которые, возможно, причастны к этому делу, но не дает ответа на вопрос о том, кто именно это сделал.

То же самое можно сказать и о гражданском праве. Например, на предприятии были расхищены государственные средства. Выяснилось, что этому способствовало халатное отношение должностных лиц к учету и сохранности имущества. Кто несет ответственность за причиненный вред? Лица, халатно относившиеся к своим обязанностям, своим поведением создали лишь условия для такого расхищения имущества. Их связь с вредом будет связью условия и обусловленного, но не связью причины со следствием. Поэтому гражданско-правовую ответственность за причиненный вред должен нести расхититель имущества, ибо только его действия находятся в причинной связи с наступившим вредом.

При выяснении вопроса о причинной связи необходимо иметь в виду, что причинная связь всегда конкретна. <...Причина и следствие, - писал Ф. Энгельс, - суть представления, которые имеют значение, как таковые, только в применении к данному отдельному случаю> [444]. Это означает, что одно и то же следствие может быть порождено различными причинами, но в данном конкретном случае речь может идти лишь об одной из них. С другой стороны, следует помнить, что то, что в данном случае является причиной, в другом отношении может быть следствием, и наоборот. Например, недопоставка продукции поставщиком покупателю является, с одной стороны, следствием неполучения им сырья от своих поставщиков, а с другой - причиной убытков, которые понесут покупатели его продукции, если он сам не выполнит свое обязательство перед ними.

Всякое явление в природе и обществе причинно обусловлено. Всякое следствие имеет свою причину, а всякая причина имеет свое следствие. Причем часто бывает, что то или иное следствие порождается рядом причин и, наоборот, одна причина может породить несколько следствий. Все это необходимо учитывать при определении гражданско-правовой ответственности.

Взаимосвязь причины и следствия характеризуется тем, что причина, во-первых, предшествует следствию по времени и, во-вторых, следствие всегда есть результат действия причины. Причинная связь есть необходимая связь между явлениями, при которой одно явление (причина) предшествует другому (следствию) и порождает его.

В сфере юридической ответственности мы всегда имеем дело с такими причинами, которые выступают как противоправное поведение правонарушителя. Для гражданско-правовой ответственности важно, например, установить, явились ли убытки или вред результатом, следствием противоправного поведения должника или они порождены какими-то иными причинами. Причем мы имеем здесь дело не только с естественными причинными связями, но и со связями общественными. Это создает ряд дополнительных трудностей. Дело в том, что человек - существо разумное и во многих случаях использует в своих интересах различного рода естественные явления, достижения науки, техники и др. Поэтому связь поведения лица, причинившего вред или убытки, с результатом не всегда является непосредственной. Нередко в качестве такого промежуточного звена оказываются естественные причинные связи, сознательно используемые правонарушителем. Известен, например, случай, когда один гражданин, рассердившись на соседа, загнал на рельсы его корову, где она и погибла от наезда поезда. Казалось бы, на первый взгляд между действием причинителя вреда и гибелью коровы нет причинной связи. Причиной ее гибели явился наехавший на нее поезд. Однако при более внимательном рассмотрении можно заметить, что нет разницы в том, что правонарушитель использовал в качестве орудия причинения вреда, - топор, ружье или идущий по рельсам поезд.

Основной вопрос, который приходится решать при установлении причинной связи, состоит в том, явились ли убытки или вред результатом противоправных действий правонарушителя? Каковы те критерии, которые позволяют правильно решить поставленную проблему?

Причинные связи в природе и обществе многочисленны и разнообразны. Найти здесь какой-либо единый рецепт трудно, если не невозможно вообще. Во многих случаях причинная связь между поведением нарушителя гражданских прав и обязанностей и наступившим вредом или убытками очевидна. Но так бывает не всегда. В ряде случаев для установления причинной связи органам, рассматривающим спор, приходится прибегать к специальным исследованиям, в частности к проведению экспертизы. Так, по одному из дел, рассмотренных Госарбитражем при Совете Министров СССР, экспертиза установила, что причиной самовозгорания гранитоля явилось, с одной стороны, использование изготовителем в качестве пластификатора вещества с повышенной огнеопасностью, а с другой - неправильное складирование продукции покупателем, вследствие чего и произошло самовозгорание гранитоля.

При определении причинной связи важно точно учесть все обстоятельства конкретного дела. В арбитражной практике нередко встречаются случаи, когда поставщики продукции просят освободить их от ответственности за недопоставку продукции, ссылаясь на неподачу им транспортными организациями перевозочных средств. При проверке материалов дела нередко оказывается, что к тому моменту, когда должны были быть поданы транспортные средства, у поставщика не было необходимого количества продукции для отгрузки покупателю. Даже если бы транспортные средства и были выделены поставщику, он все равно не смог бы отправить нужное количество продукции. Поэтому в действительности причиной недопоставки продукции и возникших у покупателя убытков является плохая работа предприятия-поставщика, а вовсе не отсутствие транспортных средств.

Спорным в литературе является вопрос о том, может ли быть причиной вреда или убытков только действие должника либо такой причиной может быть и бездействие. Одни говорят, что бездействие вообще ничего причинить не может, тогда как другие утверждают, что может. Из приведенного выше примера мы видели, что неизготовление поставщиком в срок продукции привело к срыву поставки, вследствие чего у покупателя возникли убытки. Поэтому последняя точка зрения представляется более правильной.

Дело в том, что бездействие также есть одна из форм поведения лица. И в тех случаях, когда в силу закона или договора это лицо должно было совершить определенное действие, но от его совершения уклоняется, то такое бездействие является нарушением тех общественных связей, которые были установлены, является причиной возникновения последствий. Примером этого является случай, когда стрелочник, обязанный следить за своевременным переводом стрелки, своевременно этого не делает, что приводит к чрезвычайно серьезным последствиям. Или, например, когда мать отказывается кормить грудного ребенка, то такое ее бездействие может привести к смерти ребенка. Иногда говорят, что в данном случае причиной смерти ребенка являются биологические изменения в его организме. Действительно, смерть человека - результат естественных причин биологического порядка. Здесь можно говорить о естественной причинной связи. С правовой же точки зрения речь уже идет не просто о смерти ребенка, а об убийстве, о явлении социальном, общественном. И этот результат явился следствием бездействия матери. Здесь налицо общественный характер причинной связи. Из этого понятно, почему смерть и ее причины устанавливает врач, тогда как факт убийства и его причины выясняет суд на основе следственных материалов.

6. Вина как условие гражданско-правовой ответственности. Когда мы говорили о противоправном поведении правонарушителя, о причиненном им вреде или убытках и о причинной связи между ними, речь шла о так называемых объективных условиях гражданско-правовой ответственности. Но в этом деле есть и субъективный момент, который связан с тем, что поведение лица существует не само по себе, оно неразрывно связано с сознанием и волей человека.

Всякому поведению лица сопутствует сознательный, волевой процесс. Поэтому для общества, а, следовательно, также и для права безразлично, действовал ли человек обдуманно или под влиянием страсти, действовал ли он умышленно, с целью причинить вред, либо его поведение было неосторожным; предвидел ли он последствия своего поведения или не предвидел, не является ли причиной результата какое-то случайное стечение обстоятельств или вмешательство внешних, посторонних факторов и т. п. Все это имеет важное значение для выявления степени социальной полезности или, наоборот, социальной вредности поведения того или иного лица. Важно это и для возложения на лицо юридической ответственности.

Согласно ст. 37 Основ гражданского законодательства, <лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет имущественную ответственность (статья 36 настоящих Основ) лишь при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, предусмотренных законом или договором. Отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство>.

Что следует понимать под виной в советском гражданском праве?

Вина есть прежде всего психическое отношение лица к своему поведению. Она связана с осознанием лицом характера и последствий своего поведения. Поэтому не может быть признан виновным гражданин, который не может правильно осознавать значения своего поведения. Нельзя признать виновным малолетнего ребенка или гражданина, страдающего душевной болезнью. Гражданское законодательство учитывает это обстоятельство и признает таких граждан недееспособными. Недееспособными по советскому гражданскому праву считаются несовершеннолетние дети в возрасте до пятнадцати лет. Поэтому, например, ст. 450 ГК РСФСР устанавливает, что за вред, причиненный несовершеннолетними в возрасте до 15 лет, ответственность несут их родители, опекуны либо те учреждения, под надзором которых находился в данный момент ребенок.

Недееспособными по советскому гражданскому праву могут быть также признаны лица, которые вследствие болезни или слабоумия не могут понимать значения своих действий и руководить ими (ст. 15 ГК РСФСР). За вред, причиненный этими лицами, ответственность несут опекуны либо организации, обязанные осуществлять за ними надзор (ст. 452 ГК РСФСР).

В ряде случаев по таким основаниям может быть признан невиновным и, следовательно, освобожден от ответственности дееспособный гражданин, который в момент правонарушения находился в состоянии временного сильного душевного расстройства и не мог отдавать себе отчета в своем поведении. Сюда относится, в частности, случай совершения лицом правонарушения в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения; случай, когда лицо, заболевшее душевной болезнью, еще не признано в установленном законом порядке лицом недееспособным.

Однако вина и ответственность не исключаются в тех случаях, когда лицо посредством употребления спиртных напитков или наркотических веществ само привело себя в такое состояние. Такое лицо полностью отвечает за совершенное им правонарушение.

Виновным с точки зрения права признается не всякое вообще психическое отношение лица к своему поведению, а лишь психическое отношение лица к своему противоправному поведению, недопустимому как с точки зрения закона, так и моральных принципов нашего общества. Поэтому вина есть такое психическое отношение лица к своему поведению, которое получает отрицательную оценку со стороны закона, со стороны общества.

Вина включает в себя не только отношение правонарушителя к своему поведению, но и к последствиям своего поведения. Она включает в себя: во-первых, возможность предвидения последствий своего противоправного поведения и, во-вторых, сознание возможности их предотвращения. Поэтому, например, когда организация получила скоропортящуюся продукцию, от принятия которой она отказалась вследствие ее недоброкачественности, то она все же обязана принять все меры к скорейшей реализации этой продукции, к тому, чтобы предотвратить дальнейшее увеличение убытков у поставщика. И если работники этой организации не примут необходимых мер к предотвращению убытков, организация может быть признана виновной и понесет ответственность в размере убытков, причиненных вследствие нераспорядительности ее работников.

Таким образом, под виной в гражданском праве понимается психическое отношение лица к своему противоправному поведению и к его результату, основанное на возможности предвидения и предотвращения последствий этого поведения.

Советское гражданское законодательство регулирует отношения не только с участием граждан, но и с участием социалистических организаций. Психическое же отношение характерно лишь для поведения граждан. Возникает вопрос, что в таком случае следует понимать под виной социалистических организаций, под виной юридических лиц?

Всякая социалистическая организация представляет собой определенным образом организованный коллектив рабочих и служащих, из которых каждый выполняет возложенные на него служебные обязанности. Поэтому всякий работник учреждения, предприятия или организации, выполняющий свои служебные обязанности, осуществляет деятельность данной организации. Его действия есть действия самого юридического лица. Поэтому, например, ст. 445 ГК РСФСР предусматривает, что организация обязана возместить вред, причиненный по вине его работников при исполнении ими своих трудовых (служебных) обязанностей.

Из этого следует, что виновное поведение работника организации при исполнении им своих служебных функций следует рассматривать как вину организации в целом.

Однако было бы неправильным считать, что вина организации есть всегда вина ее отдельных рабочих или служащих. Вина организации может быть и виной всего коллектива или значительной его части. Например, в случае, когда на предприятии не соблюдаются правила по технологии производства, низка дисциплина трудового коллектива и т. п., вина в выпуске недоброкачественной продукции может лечь на весь коллектив в целом. Поэтому при рассмотрении дел об ответственности организации, например, за поставку недоброкачественной продукции вовсе необязательно отыскивать, кто из работников предприятия допустил брак в работе, явился ли брак результатом

действия одного или нескольких работников и т. п. Субъектом ответственности в данном случае является организация, и брак есть результат ее работы. Организация и признается здесь виновной в поставке такой продукции. Иначе дело обстоит в уголовном праве, где ответственность за выпуск недоброкачественной продукции несет виновное должностное лицо.

Как указано в ст. 37 Основ, вина может быть в форме умысла или в форме неосторожности. Под умышленным понимается такое поведение нарушителя гражданских прав и обязанностей, когда он осознает противоправный характер своего поведения, предвидит возможность наступления отрицательных последствий и сознательно их не предотвращает. Для гражданского права не имеет значения, был ли этот умысел прямым (когда лицо не только предвидит, но и желает наступления противоправного результата) или косвенным (когда лицо предвидит наступление такого результата и допускает его наступление).

Умышленное нарушение гражданских прав и обязанностей встречается не часто. Наиболее характерный случай - это совершение сделок, заведомо противных интересам государства и общества, которые признаются недействительными со взысканием исполненного (или того, что должно быть исполнено) в доход государства только при наличии умысла. На практике такие сделки встречаются редко.

Чаще всего в гражданском праве мы имеем дело с такой формой вины, как неосторожность. Вина в форме неосторожности имеет место тогда, когда лицо, хотя и не предвидит неблагоприятные последствия своего противоправного поведения, но по обстоятельствам дела могло и должно было их предвидеть и предотвратить.

В гражданском праве известное значение имеет разграничение грубой неосторожности и небрежности (простой неосторожности). Например, если причинению вреда способствовала грубая неосторожность самого потерпевшего, то в зависимости от обстоятельств дела причинитель вреда может быть либо вообще освобожден от ответственности, либо ее размер может быть уменьшен (ст. 458 ГК РСФСР). Закон не дает нам разграничения грубой и простой неосторожности. Поэтому Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении <О судебной практике по искам о возмещении вреда> от 23 октября 1963 г. в п. 17 указал, что <вопрос о том, является ли допущенная потерпевшим неосторожность грубой или же относится к простой неосмотрительности, не влияющей на размер возмещения вреда, должен быть разрешен в каждом случае с учетом конкретных обстоятельств>[\[445\]](#).

В судебной практике, как правило, признается грубой неосторожностью поведение потерпевшего, нарушившего правила уличного движения. Так, грубой неосторожностью было признано поведение гражданина Опихайленко, который, следуя на мотоцикле, выехал на левую сторону дороги, где и был сбит встречной автомашиной. Грубая неосторожность была признана и в поведении гр-ки Баланкиной, которая переходила улицу вдалеке от пешеходной дорожки, внезапно оказалась перед идущим транспортом и тем самым создала аварийную обстановку. Иногда разграничение видов неосторожности зависит от некоторых субъективных качеств лица. Например, если на предприятии во время работы на станке причинен вред молодому рабочему, только что пришедшему на завод, или такой же вред причинен опытному мастеру, который сам является инструктором по технике безопасности, то очевидно, что в первом случае мы имеем дело с простой, а во втором - с грубой неосторожностью.

7. Ответственность независимо от вины. В отличие от уголовного права, где ответственность наступает только при наличии вины, советское гражданское законодательство знает ряд случаев, когда ответственность наступает и независимо от вины. Это объясняется главным образом различием в основных функциях юридической ответственности в уголовном и гражданском праве. Уголовная ответственность всегда будет зависеть от степени вины преступника и опасности данного преступления.

Иное дело в гражданском праве. Главная функция гражданско-правовой ответственности - это возмещение причиненного вреда или убытков. Гражданско-правовая ответственность носит восстановительный характер. Поэтому, например, в гражданском праве по общему правилу не имеет значения, нарушены ли гражданские права и обязанности умышленно или по неосторожности. В любом случае вред или убытки подлежат возмещению в полном объеме. По той же причине в гражданском праве в отдельных случаях допускается и возложение ответственности независимо от вины правонарушителя.

Ответственность независимо от вины означает, что она может быть возложена на правонарушителя не только при наличии его вины, но также и при случайном неисполнении обязательства или случайном причинении вреда, а в отдельных исключительных случаях даже тогда, когда неисполнение обязательства или причинение вреда имело место в условиях действия так называемой непреодолимой силы.

Случайным называется такое событие, которое вообще-то может быть предотвращено, но в данных конкретных условиях не было предотвращено правонарушителем исключительно потому, что о

IV. Виды и размер гражданско-правовой ответственности

Гражданско-правовая ответственность при всем разнообразии общественных отношений, регулируемых нормами советского гражданского права, однородна, так как опирается на единые принципы правового регулирования. Такими общими принципами, из которых исходят нормы советского гражданского права при регулировании ответственности за нарушение гражданских прав и обязанностей, являются: принцип строжайшего соблюдения законности при применении мер гражданско-правовой ответственности, имущественный характер гражданско-правовой ответственности, полнота гражданско-правовой ответственности и принцип вины, которая является важнейшим условием гражданско-правовой ответственности, за теми исключениями, которые были рассмотрены в предыдущей главе.

Несмотря на это единство, следует различать отдельные виды гражданско-правовой ответственности. Разграничение видов гражданско-правовой ответственности можно провести по различным признакам. Так, по основаниям возникновения ответственности различают ответственность договорную и внедоговорную. В тех случаях, когда на стороне должника по обязательству выступают несколько лиц, ответственность этих лиц может быть долевой, солидарной или субсидиарной. В тех случаях, когда наступление вреда или убытков явилось результатом не только поведения нарушителя гражданских прав, но и виновного поведения самого потерпевшего, говорят о так называемой смешанной ответственности. Наконец, особый характер ответственности установлен законом на случай просрочки в исполнении обязательства.

Различной будет и гражданско-правовая ответственность в зависимости от характера тех общественных отношений, которые регулируются тем или иным институтом гражданского права. Например, ответственность за неисполнение обязательств по поставке продукции отлична от ответственности за невыполнение договора подряда на капитальное строительство, от ответственности по транспортным договорам. Ответственность по договорам между социалистическими организациями отлична от ответственности по договорам, заключаемым гражданами. Различна и ответственность за нарушения, допущенные в рамках одного и того же договора. Например, ответственность за недоставку продукции иная, чем, скажем, ответственность за поставку недоброкачественной или некомплектной продукции и т. п.

Поскольку в настоящей работе рассмотреть все частные случаи ответственности не представляется возможным, мы рассмотрим лишь виды гражданско-правовой ответственности, отмеченные выше.

1. Договорная и внедоговорная ответственность. Как с точки зрения гражданского законодательства, так и с точки зрения практики его применения важное значение имеет разграничение договорной и внедоговорной ответственности. Важность такого разграничения неоднократно подчеркивалась высшими судебными и арбитражными органами. Так, Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 23 октября 1963 г. <О судебной практике по искам о возмещении вреда> отмечал: <Правила ст. ст. 88 - 95 Основ гражданского законодательства не распространяются на случаи возмещения вреда, причиненного вследствие неисполнения обязательства, принятого на себя ответчиком по договору или возникшего у него из других оснований, предусмотренных законом. В этих случаях ответственность за вред должна определяться или в соответствии с условиями

договора, заключенного между сторонами (ст. ст. 36 - 38 Основ), или же по правилам того закона, который регулирует данное правоотношение».

Различие договорной и внедоговорной ответственности важно потому, что при нарушении договорных и внедоговорных обязательств мы имеем дело с различными основаниями ответственности, с различным размером и формами ответственности.

Внедоговорная ответственность возникает непосредственно из закона. При причинении вреда закон прямо предусматривает обязанность причинителя возместить вред в полном объеме. Ответственность носит здесь императивный характер, и соглашения сторон на этот счет не требуется. Наоборот, договорная ответственность во многом зависит от соглашения сторон, заключивших договор.

Договорная ответственность также, как правило, определяется гражданским законодательством, регулирующим тот или иной вид договорных отношений. Однако стороны вправе не только включить в договор такие права и обязанности, которые законом не предусмотрены, но и установить за их нарушение соответствующие санкции. При этом в отношении социалистических организаций существует правило о том, что они при заключении договора вправе предусмотреть в договоре санкции лишь за нарушение тех прав и обязанностей, за неисполнение или ненадлежащее исполнение которых действующее законодательство не предусматривает ответственности. Вместе с тем постановлением Совета Министров СССР от 17 октября 1967 г. «О материальной ответственности предприятий и организаций за невыполнение заданий и обязательств» предусмотрено, что стороны по взаимному соглашению вправе повысить размеры санкций за нарушение условий договора, установленные действующим законодательством, за исключением пени за просрочку платежа (п. 30). Но, с другой стороны, ч. 5 ст. 36 Основ гражданского законодательства предусматривает, что соглашения между социалистическими организациями об ограничении их ответственности, если размер ее установлен законом, не допускается.

Различны и формы договорной и внедоговорной ответственности. Внедоговорная ответственность, в частности ответственность за причинение вреда, всегда состоит лишь в возмещении причиненного вреда, тогда как договорная ответственность включает в себя как ответственность в форме возмещения убытков, так и ответственность в форме взыскания с правонарушителя неустойки (пени, штрафа). В связи с этим при разрешении вопросов, связанных с договорной ответственностью, особое значение приобретает вопрос о соотношении этих форм ответственности, т. е. соотношение неустойки (пени, штрафа) с убытками.

Решение этого вопроса практически важно потому, что между этими формами ответственности имеются существенные различия. Если неустойка (пени, штраф) всегда точно и заранее определена законом или договором, то убытки определяются лишь впоследствии, когда выявятся все последствия нарушения обязанности должником. По этой причине для взыскания неустойки установлен сокращенный срок исковой давности, тогда как убытки, как правило, взыскиваются в пределах общего давностного срока, который более продолжителен, чем срок для взыскания неустойки. Так, срок давности для взыскания неустойки установлен в шесть месяцев, тогда как общий срок исковой давности составляет: для отношений с участием граждан - три года, а для отношений между социалистическими организациями - один год. Наконец, если для взыскания убытков суд или арбитраж обязан выяснить наличие всех условий ответственности, то для взыскания неустойки не требуется ни установления размера причиненных убытков, ни выяснения причинной связи между правонарушением и возникшими убытками.

Все это нередко приводит к тому, что иски о взыскании неустойки (пени, штрафа) и иски о взыскании причинных убытков предъявляются в суде и арбитраже в разное время. В связи с этим важно знать, как следует взыскивать неустойку: сверх убытков, зачесть ее в счет убытков или иным образом.

Действующее гражданское законодательство решает этот вопрос следующим образом: <Если за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства установлена неустойка (штраф, пеня), - говорится в ст. 36 Основ гражданского законодательства, - то убытки возмещаются в части, не покрытой неустойкой (штрафом, пеней)>.

При этом, однако, предусматривается что законом или договором могут быть предусмотрены и иные способы взыскания неустойки (штрафа, пени). В частности, взыскание только неустойки, но не убытков; взыскание неустойки сверх убытков или взыскание либо неустойки, либо убытков. Например, Положениями о поставках продукции установлено, что за отказ или уклонение от заключения договора виновная сторона уплачивает другой стороне штраф в размере 50 руб. за каждый день просрочки, но не более 500 руб. Взыскание убытков при этом не предусмотрено. Или, например, за поставку недоброкачественной или некомплектной продукции предусматривается взыскание неустойки сверх убытков.

Наконец, различие договорной и внедоговорной ответственности состоит также в том, что здесь по-разному решается вопрос о размере возмещения вреда или убытков. При договорной ответственности речь идет о возмещении убытков, при внедоговорной, в частности, при причинении вреда, - о возмещении вреда. При этом практика исходит из того, что понятие убытков и понятие вреда - разные вещи. Убытки в соответствии со ст. 36 Основ включают расходы, понесенные кредитором, стоимость утраченного или поврежденного имущества, а также неполученные кредитором доходы. Если первые два момента составляют как бы положительный ущерб в имуществе, то последнее - так называемую <упущенную выгоду>. Возмещение же вреда состоит лишь в возмещении потерпевшему положительного ущерба, но не <упущенной выгоды>. Чем объяснить такое различие?

Дело в том, что договорные отношения как естественное следствие вытекают из отношений товарообмена. Гражданско-правовой договор есть форма товарно-денежных отношений. А так как товарно-денежное ведение хозяйства предполагает хозяйственный расчет, рентабельность, прибыль и т. п., то понятно, что неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств влечет за собой нарушение хозрасчета, снижение рентабельности, прибыли. Взыскание в этом случае так называемой упущенной выгоды является естественным следствием, вытекающим из характера отношений, возникших между сторонами.

Иначе обстоит дело при причинении вреда. Независимо от того, причинен ли вред преступлением или правонарушением гражданско-правового характера, отношения этого вида не вытекают как естественное следствие из товарно-денежного характера отношений. И хотя в данном случае, так же как и при определении убытков, возмещение определяется в денежной форме, ни преступление, ни гражданское правонарушение этого типа ни в какой степени не порождены именно товарным характером производства и обращения. Здесь действуют совсем иные причины. Поэтому практика при возмещении вреда справедливо исходит из принципа возмещения только положительного ущерба.

2. Долевая, солидарная и субсидиарная ответственность. В жизни довольно часто возникают случаи, когда на стороне должника по обязательству оказываются несколько

лиц. При неисполнении или ненадлежащем исполнении ими своих обязанностей перед кредитором либо в случае совместного причинения вреда они несут перед кредитором и совместную ответственность. В зависимости от конкретных обстоятельств такая совместная ответственность нескольких лиц может быть долевой, солидарной или субсидиарной.

При долевой ответственности каждый из содолжников обязан нести ответственность в той доле, которая согласно закону или договору падает на него. Доли эти могут быть равными или неравными, но они всегда определены. В тех случаях, когда из договора или дополнительного соглашения между должниками не явствует, что доли их не равны, они обязаны нести ответственность в равных долях.

Так, долевая ответственность наступает в случае неисполнения участниками общей долевой собственности своих обязанностей перед третьими лицами, например, по уплате собственниками жилого строения налогов, сборов, иных платежей или издержек по его содержанию и сохранению (ст. 118 ГК РСФСР). Или, например, Положениями о поставках продукции предусмотрено, что как покупатель, так и поставщик продукции вправе привлекать к долевому участию в договоре другие предприятия и организации. В этом случае <дольщики> принимают непосредственное участие в разработке всех условий договора и несут ответственность за неисполнение обязательства каждый в пределах своей доли.

В тех случаях, когда из закона или договора не вытекает иного, предполагается, что содолжники несут долевую ответственность. Однако в ряде случаев ответственность может быть и солидарной. Сущность солидарной ответственности очень близка к поговорке: <один за всех и все за одного>. Статья 181, ч. 1 ГК РСФСР определяет, что при солидарной обязанности должников кредитор вправе требовать исполнения как от всех должников совместно, так и от любого из них в отдельности, притом как полностью, так и части долга. Аналогичен этому и принцип солидарной ответственности. При неисполнении или ненадлежащем исполнении солидарного обязательства кредитор вправе предъявить иск ко всем должникам или к одному из них полностью или в части. Если кредитор не получил полного удовлетворения от одного содолжника, он вправе предъявить иск к другому должнику. При этом все солидарные должники остаются обязанными перед кредитором до тех пор, пока обязательство не будет погашено полностью.

В том случае, когда солидарный должник, к которому кредитором был предъявлен иск, полностью выполнил свою обязанность перед кредитором, например, полностью возместил причиненные ему убытки, остальные должники освобождаются от ответственности. При этом должник, полностью исполнивший обязанность, вправе требовать с остальных содолжников возмещения ему уплаченной суммы каждым в равных долях (если иное не оговорено законом или договором) за вычетом доли, которая падает на него самого. Иначе говоря, он как бы занимает место кредитора перед остальными содолжниками с тем, однако, отличием, что остальные должники несут перед ним ответственность в долевом отношении.

В каких случаях наступает солидарная ответственность? Согласно ст. 180 ГК солидарное обязательство имеет место в случаях, когда это предусмотрено договором или установлено законом, в частности, при неделимости предмета обязательства. В ряде случаев закон прямо предусматривает солидарную ответственность.

Например, если какое-либо лицо поручилось перед кредитором за то, что должник надлежащим образом исполнит свое обязательство, то в случае неисполнения обязательства должником должник и его поручитель несут перед кредитором солидарную ответственность. В том случае, если таких поручителей было несколько, они также отвечают перед кредитором солидарно. Однако в этих случаях солидарная ответственность имеет место лишь тогда, когда договором поручительства не предусмотрено иное (ст. 204 ГК).

Один из случаев солидарной ответственности известен советскому жилищному законодательству. Согласно ст. 301 ГК все совершеннолетние члены семьи нанимателя несут солидарную ответственность по обязательствам, вытекающим из договора жилищного найма.

Солидарную ответственность несут также лица, совместно причинившие вред (ст. 455 ГК). Это правило имеет очень важное значение особенно в случаях, когда вред причинен преступными действиями нескольких лиц. Как отмечено в п. 4 постановления Пленума Верховного суда СССР от 28 мая 1954 г. <О судебной практике по взысканию материального ущерба, причиненного преступлением>, солидарная ответственность возлагается на всех лиц, причинивших вред совместными действиями. Однако в тех случаях, когда несколько лиц осуждены по одному делу, но за разные преступления (например, одни - за хищение государственного имущества, другие - за халатность или некорыстные злоупотребления), солидарно должны нести ответственность лишь те лица, которые совместно участвовали в хищении, а также лица, умышленно содействовавшие совершению преступления.

Кроме долевой и солидарной ответственности гражданскому законодательству известна также и ответственность субсидиарная. Субсидиарная ответственность - это дополнительная ответственность, когда наряду с должником, у которого недостаточно средств, на которые может быть обращено взыскание, ответственность несут другие лица. Субсидиарная ответственность имеет место лишь в случаях, предусмотренных законом.

Действующее гражданское законодательство знает лишь один случай субсидиарной ответственности - это ответственность родителей или попечителей за вред, причиненный несовершеннолетними детьми в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет. Несовершеннолетние дети в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет в принципе признаются лицами деликтоспособными, т. е. способными самостоятельно и на общих основаниях отвечать за причиненный ими вред. Однако не всегда они обладают имуществом или заработком, на которое может быть обращено взыскание в возмещение причиненного вреда. Поэтому ст. 451 ГК предусматривает, что в случае, когда у несовершеннолетнего этого возраста нет имущества или заработка, достаточного для возмещения вреда, вред должен быть в соответствующей части возмещен его родителями или попечителями. Однако родители или попечители несут такую субсидиарную ответственность лишь в случае, если не докажут, что вред возник не по их вине. При этом под виной родителей или попечителей, так же как и в случае ответственности родителей за вред, причиненный детьми в возрасте до пятнадцати лет, понимается как вина в надзоре за детьми, так и вина в воспитании детей.

3. Размер гражданско-правовой ответственности. Советское гражданское законодательство исходит из принципа полноты гражданско-правовой ответственности. Это означает, что лицо, причинившее вред или убытки, обязано возместить их в полном объеме. Статья 88 Основ прямо предусматривает, что вред подлежит возмещению <в полном объеме>. Однако из этого общего правила закон устанавливает ряд исключений

как в сторону увеличения размера гражданско-правовой ответственности, так и в сторону ее снижения.

Увеличение размера ответственности может иметь место в силу закона, договора или по решению органов арбитража, рассматривающих споры между социалистическими (кроме колхозов) организациями.

Например, Положениями о поставках продукции предусматривается, что за просрочку поставки или за недопоставку оборудования для пусковых строек, а также за недопоставку продукции в районы Крайнего Севера и в иные районы досрочного завоза либо предприятиям с сезонным характером производства в период заготовки, переработки или изготовления ими скоропортящейся продукции, установленная законом неустойка за недопоставку взыскивается в полуторном размере. Или, например, теми же положениями предусмотрено взыскание санкций за поставку недоброкачественной продукции таким образом, что и неустойка, и убытки взыскиваются полностью.

Повышение размера ответственности может иметь место и в силу договора между сторонами. При этом в настоящее время право повысить размер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства предоставлено не только гражданам, но и социалистическим организациям. Единственное условие, которое при этом закон оговаривает, состоит в том, что такое повышение размера ответственности должно иметь место лишь по взаимному соглашению сторон.

Наконец, повышение размера гражданско-правовой ответственности может иметь место и по решению органов арбитража, которые в случаях злостного неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства вправе повысить размер взыскиваемых с виновной стороны санкций с обращением 50% этих санкций в доход государственного бюджета.

Несколько иначе решается вопрос о снижении размера ответственности. Снижение размера ответственности по соглашению сторон возможно лишь в случаях, когда участниками гражданско-правовых отношений являются граждане. Что же касается социалистических организаций, то в отношениях между ними снижение размера ответственности по их соглашению не допускается, когда размер ответственности точно определен законом.

Однако гражданскому законодательству известно значительное число случаев, когда такое снижение ответственности либо прямо предусмотрено законом, либо право на снижение размера ответственности предоставлено суду или арбитражу.

Ограничение размера ответственности в силу закона, как правило, связано с тем, что закон в некоторых случаях, устанавливая такую форму ответственности, как возмещение убытков, ограничивает размер подлежащих взысканию убытков лишь так называемым положительным ущербом, не допуская взыскания неполученных кредитором доходов, которые он мог бы получить при добросовестном исполнении обязательства должником.

Например, ст. 371 ГК РСФСР предусматривает, что за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по договору подряда на капитальное строительство неисправная сторона обязана возместить другой стороне убытки, <выразившиеся в произведенных другой стороной расходах, в утрате или повреждении ее имущества>. Или, например, ст. 383 ГК устанавливает, что нарушение транспортной организацией договора перевозки, выразившееся в утрате, порче или повреждении имущества при перевозке, влечет за собой

ответственность перевозчика: а) в случае утраты или недостачи груза или багажа - в размере стоимости утраченного или недостающего груза или багажа; б) в случае повреждения груза или багажа - в размере суммы, на которую понизилась его стоимость и т. п. Мы видим здесь снижение размера ответственности в силу закона, который не допускает в ряде случаев взыскания с неисправной стороны неполученных другой стороной доходов, которые она могла бы получить, если бы обязательство было выполнено надлежащим образом.

В ряде случаев закон предоставляет право суду или арбитражу при рассмотрении спора снизить размер взыскиваемых с нарушителя санкций, если для этого есть определенные основания. Такими основаниями могут быть учет интересов сторон, в частности, учет их материального положения, вина самого потерпевшего и др.

Так, согласно ст. 190 ГК, если подлежащая взысканию с должника неустойка (штраф, пеня) чрезмерно велика по сравнению с убытками, то суд вправе уменьшить неустойку. При этом во внимание должны быть приняты степень выполнения обязательства должником, имущественное положение граждан, участвующих в обязательстве; не только имущественный, но и всякий иной интерес кредитора, заслуживающий уважения со стороны общества. Аналогичное право предоставлено законом также арбитражу и третейскому суду, рассматривающим споры социалистических организаций.

Уменьшение размера ответственности граждан по основанию учета их материального положения допускается не только в случае взыскания неустойки (штрафа, пени), но и при возмещении гражданином причиненных им убытков другому лицу. Статья 458 ГК, ч. 2 устанавливает, что суд вправе уменьшить размер возмещения вреда, причиненного гражданином, в зависимости от его материального положения.

Наконец, основанием для уменьшения размера ответственности нарушителя гражданских прав и обязанностей может быть также виновное поведение самого потерпевшего, который известным образом способствовал увеличению или причинению вреда. Общий принцип на этот счет установлен ч. 2 ст. 37 Основ гражданского законодательства, которая гласит: <Если неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства произошло по вине обеих сторон, суд, арбитраж или третейский суд соответственно уменьшает размер ответственности должника>.

Поскольку в данном случае речь идет о неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства, можно сделать вывод, что это правило относится к случаям неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств, возникших из договора, из административно-плановых актов, из односторонних сделок. Такой вывод подтверждается также и тем, что, например, применительно к обязательствам по возмещению причиненного вреда ст. 93 Основ предусмотрены несколько иные правила. В ней говорится, что <если грубая неосторожность самого потерпевшего содействовала возникновению или увеличению вреда, то в зависимости от степени вины потерпевшего (а при вине причинителя вреда - и в зависимости от степени его вины) размер возмещения должен быть уменьшен либо в возмещении вреда должно быть отказано>.

Различие между этими двумя законодательными решениями состоит в том, что, во-первых, договорная ответственность предполагает учет вины как должника, так и кредитора в любой форме, тогда как при внедоговорной ответственности учитывается только грубая неосторожность самого потерпевшего; и, во-вторых, если ч. 2 ст. 36 Основ говорит лишь о снижении размера ответственности, то при причинении вреда ст. 93 Основ

допускает не только снижение ответственности, но и освобождение причинителя вреда от ответственности вообще.

В литературе нередко такой случай называют смешанной ответственностью или смешанной виной. Оба эти термина неудачны. Они лишь означают, что при наличии вины обеих сторон убытки распределяются между ними соответственно степени вины каждой из них. Но так как критерий вины - критерий субъективный и точному определению не всегда поддается, то размер ущерба, который падает на ту или иную сторону, определяется исходя из конкретных обстоятельств дела. На практике учет вины потерпевшего чаще всего имеет место в случаях причинения вреда рабочему или служащему на предприятии, когда вина предприятия состоит в непринятии каких-то мер по технике безопасности, а вина потерпевшего - в несоблюдении им правил техники безопасности, в отношении которых он был надлежащим образом проинструктирован. Применение названного принципа в последнее время получило достаточно широкое распространение и в практике рассмотрения споров между социалистическими организациями при нарушении договорных обязательств.

Печатается по:

В. П. Грибанов,
доктор юридических наук.
Ответственность за нарушение
гражданских прав и обязанностей:
Пособие для слушателей. М.: Знание, 1973.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

Право собственности - коренной институт советского гражданского права. Его ведущее значение определяется тем, что нормы права собственности закрепляют экономическую основу советского строя - социалистическую собственность на средства производства. Нормы права собственности регулируют также производную от социалистической личную собственность граждан. Не случайно поэтому то внимание, которое уделяется изучению этого института в советской гражданско-правовой литературе^[446]. Широко исследуются вопросы права собственности и юристами стран народной демократии^[447].

Несмотря на это, ряд проблем, связанных с правом собственности, до сего времени не получил своего разрешения. Не решен, в частности, вопрос о самом понятии права собственности как института советского гражданского права. Между тем правильное разрешение этого вопроса имеет чрезвычайно важное практическое значение как в связи с дальнейшей кодификацией гражданско-правового законодательства и в особенности для определения содержания и границ института права собственности в будущих гражданских кодексах союзных республик, так и в связи с практическим применением норм гражданского права судебными органами, которым нередко приходится сталкиваться с вопросом о том, нормы какого института гражданского права должны быть применены к разрешению того или иного конкретного случая.

1

Правильный подход к разрешению поставленной проблемы зависит прежде всего от выяснения вопроса о том, следует ли различать право собственности как институт советского гражданского права и как субъективное право собственника и в связи с этим определять право собственности различно применительно к каждому из указанных явлений, либо следует идти по пути формулирования общего понятия права собственности.

Большинство советских цивилистов исходят из того, что право собственности как институт советского гражданского права и право собственности как субъективное право представляют собой различные, хотя и взаимосвязанные друг с другом, правовые явления. Право собственности как институт права представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих определенную группу общественных отношений. Оно определяет, в частности, содержание и объем тех правомочий, которые предоставляются собственнику в отношении принадлежащего ему имущества, т. е. устанавливает содержание и объем субъективного права собственности. Эта взаимосвязь между объективным правом (совокупность правовых норм) и субъективным правом (совокупность правомочий собственника) не колеблет, однако, того положения, что объективное и субъективное право собственности представляют собой два различных правовых явления, которым в науке должны соответствовать и два различных понятия.

Иное мнение нашло свое выражение в работах некоторых ленинградских цивилистов, которые исходят из необходимости и возможности дать <общее определение права собственности>. Впервые попытка дать такого рода определение была предпринята академиком А. В. Венедиктовым в его работе <Государственная социалистическая собственность>^[448]. Однако обсуждение работы показало, что данное в ней определение права собственности является лишь определением субъективного права собственности^[449]. Свое дальнейшее выражение эта концепция нашла в работах Ю. К. Толстого и О. С. Иоффе. <Право собственности, - пишет Ю. К. Толстой, - это

закрепленная за собственником возможность, в пределах, установленных законом, владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом вполне свободно, по своему усмотрению в целях удовлетворения своих интересов». При этом автор подчеркивает, что указанное определение есть <общее определение права собственности>[450]. Близкое к этому определение дает и О. С. Иоффе[451].

Поскольку в обоих случаях речь идет либо о <праве собственника>, либо о <праве индивида или коллектива>, то само собой очевидно, что определения эти относятся лишь к субъективному праву собственности. О том, что такое институт права собственности, каково его содержание и границы, можно только догадываться. Сколько бы раз мы ни повторяли при этом слов <общее определение>, <общее понятие>, - дело не изменится. Право собственности как институт права остается невыясненным, его содержание и границы - неопределенными. Такой способ построения определения права собственности вообще следует признать неприемлемым, так как он с неизбежностью ведет к смешению двух различных правовых явлений и потому не упрощает, а, наоборот, усложняет и запутывает понимание каждого из них.

2

Каковы бы ни были результаты попыток дать <общее определение> права собственности, из приведенных определений с очевидностью вытекает один вывод: их авторы[452] кладут в основу определения института права собственности отношения по владению, пользованию и распоряжению имуществом, связывают институт права собственности только с регулированием этих общественных отношений.

Нельзя не увидеть здесь известной аналогии с тем решением вопроса, которое дают А. В. Годес и В. А. Рясенцев, определяющие институт права собственности как <совокупность установленных государством правовых норм, закрепляющих владение, пользование и распоряжение средствами производства и произведенным продуктом в интересах господствующего класса (в эксплуататорском обществе) или в интересах всего народа (в социалистическом обществе)>[453].

В связи с этим, естественно, возникает вопрос: можно ли сводить содержание института права собственности к совокупности норм, регулирующих отношения по владению, пользованию и распоряжению имуществом? Этого сделать, по-видимому, нельзя, так как такое решение вопроса, с одной стороны, необоснованно ограничивает рамки института права собственности, а с другой стороны, не менее необоснованно их расширяет.

Как правильно показал А. В. Венедиктов, в случае описи или изъятия имущества у собственника последний утрачивает и право владения, и право пользования, и право распоряжения этим имуществом[454]. Но он тем не менее остается его собственником, хотя право собственности и принадлежит ему теперь в меньшем объеме. Но если это так, то сохраняются и отношения собственности, регулируемые нормами права собственности. Поэтому ограничить институт права собственности только регулированием отношений по владению, пользованию и распоряжению имуществом значит сузить рамки его применения.

Возражая против этого, Ю. К. Толстой утверждает, что приведенный пример ничего не доказывает, так как при аресте имущества за долги должник вовсе не лишается самих правомочий по владению, пользованию и распоряжению, поскольку он остается собственником. По мнению Ю. К. Толстого, дело сводится будто бы только к тому, что <он (собственник. - В. Г.) не в состоянии реально осуществлять эти правомочия, как и все

право собственности»[\[455\]](#). С подобным возражением трудно согласиться, так как при таком положении реальные правомочия, предоставленные собственнику, превращаются в голые правомочия, в призраки, лишённые своей юридической сущности. Такое состояние права собственности противоречит самой сущности права.

Есть и другая сторона этого вопроса. Дело в том, что отношения по владению, пользованию и распоряжению имуществом могут возникнуть не только в связи с осуществлением права собственности, но и по другим основаниям. Госорганам принадлежит право владения, пользования и распоряжения имуществом, однако они не являются его собственниками. Правом владения может обладать хранитель; правом владения и правом пользования - наниматель; правом владения и распоряжения - комиссионер и т. п. Указанные отношения по владению, пользованию и распоряжению регулируются не нормами права собственности, а нормами обязательственного права. Но если исходить из определения, данного А. В. Го-десом и В. А. Рясенцевым, то и эти отношения по владению, пользованию и распоряжению имуществом попадают в сферу регулирования права собственности, рамки которого, таким образом, расширяются до пределов гражданского права в целом.

Весьма своеобразное разрешение этого вопроса предложил О. С. Иоффе. По его мнению, нормы права собственности регулируют лишь те отношения, которые выступают как отношения по присвоению. <Экономические, общественно-производственные отношения, - пишет он, - юридически оформляются при помощи норм о праве собственности лишь постольку, поскольку они заключают в себе момент присвоения»[\[456\]](#).

Но если сводить весь вопрос к тому, что право собственности регулирует лишь те общественные отношения, которые выступают как отношения присвоения, то прежде всего необходимо выяснить само понятие <присвоения>. Однако на этот основной вопрос О. С. Иоффе не даёт ответа. А если не ясно, что такое присвоение, то трудно выделить те общественные отношения, которые выражают это присвоение и являются предметом регулирования института права собственности.

Однако выдвигаемая О. С. Иоффе концепция вызывает серьёзные возражения и по существу. Нельзя прежде всего согласиться с утверждением О. С. Иоффе о том, что понятие собственности в экономическом смысле <равнозначно понятию способа производства как неразрывного единства двух его сторон - производительных сил и производственных отношений»[\[457\]](#). Так как способ производства охватывает и отношения людей к природе, к вещам, равно как и отношения между людьми в процессе производства, то, следовательно, выходит, что отношения собственности могут быть и отношениями между людьми и отношениями человека к вещи.

Не говоря уже о том, что отнесение к собственности отношений людей к вещам есть уступка известным буржуазным взглядам на собственность, которые сам автор очень убедительно критикует[\[458\]](#), это соображение неправильно и по другим основаниям. Собственность рассматривается автором как экономическая категория. Но политическая экономия имеет дело с общественными отношениями. <Политическая экономия, - писал В. И. Ленин, - занимается вовсе не <производством>, а общественными отношениями людей по производству, общественным строем производства»[\[459\]](#). Поэтому собственность как экономическая категория есть отношение между людьми.

Указанная позиция О. С. Иоффе не случайна. Она вытекает из предшествующих рассуждений автора и связана с неправильным представлением о соотношении понятий <собственность> и <присвоение>.

Главной отправной точкой этой концепции служит тезис: <Собственность есть присвоение>. Автор рассматривает его как аксиому, не нуждающуюся в доказательстве. <Собственность в экономическом смысле, - пишет он, - есть присвоение индивидом предметов природы внутри и посредством определенной общественной формы>[460]. Как видно из сказанного, О. С. Иоффе взял известное указание Маркса[461], заменил слово <производство> словом <собственность> и положил это в основу своей концепции. Отсюда логично вытекает вывод о том, что производство, способ производства и собственность - понятия равнозначные.

Эта подмена одного термина другим уже отмечалась в гражданско-правовой литературе. Возражая против данного А. В. Венедиктовым определения права собственности, С. Н. Братусь писал: <Присвоение в том смысле, в каком Маркс оперировал этим понятием, - не что иное, как производство. Поэтому нельзя признать правильным определение права собственности как права присвоения: такое определение равнозначно определению права собственности как <права производства>. Нельзя от экономического понятия собственности механически перейти к юридическому ее понятию>[462].

Мы видим, таким образом, два совершенно противоположных вывода из одних и тех же основных положений. Однако ни одно из высказанных мнений нельзя признать приемлемым, так как оба они страдают односторонностью. Каждое из них выдвигает на первый план лишь одну из сторон присвоения.

Присвоение - двуединый процесс. Присвоение состоит прежде всего в том, что общество отвоевывает у природы определенные материальные блага и обращает их в свою пользу. Однако акт присвоения этим не оканчивается. Его продолжением служит распределение отвоеванных у природы благ между членами общества. Причем этот двуединый процесс совершается одновременно.

Содержанием присвоения является производство материальных ценностей, которое во всех случаях носит общественный характер и не может быть иным. Без производства не может быть присвоения, так как нельзя присвоить то, что не произведено, чего не существует в природе. Это также верно и в отношении естественных благ, создаваемых самой природой, по крайней мере с того момента, как человек начал использовать хотя бы и самые примитивные орудия производства.

Но производство осуществляется <внутри и посредством определенной общественной формы>[463]. Форма присвоения результатов производства, способ распределения отвоеванных у природы материальных благ между отдельными лицами, группами лиц, классами или всем обществом, различна на разных этапах развития человеческого общества. Собственность и есть та исторически определенная общественная форма присвоения людьми материальных благ и прежде всего средств производства[464].

Содержание присвоения и его общественная форма - неразрывны. С изменением содержания, с изменением характера производства изменится и его общественная форма, изменится характер собственности. Определенной ступени производства соответствует и определенная форма собственности. Поэтому <ни о каком производстве, а стало быть, ни о каком обществе, не может быть речи там, где не существует никакой формы собственности>[465].

Отношения по присвоению опосредствуются не только гражданским правом, но и другими отраслями права. При этом право опосредствует лишь одну форму присвоения - общественную форму присвоения, отношения собственности, тогда как другая сторона

присвоения - производство опосредствуется техническими нормами. Поэтому попытка О. С. Иоффе ограничить сферу действия института права собственности рамками отношений, выражающих присвоение, по существу снимает сам вопрос, так как делает рамки применения института права собственности безграничными.

3

Основной методологической предпосылкой изучения права собственности является изучение тех реальных экономических отношений, которые определяют сущность, содержание и границы института права собственности. <:Правовые отношения, - писал Маркс, - так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа: наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях:>[\[466\]](#). Из этого следует, что сущность, содержание и границы права собственности определяются не какими-либо субъективными причинами, а объективными экономическими условиями жизни общества и прежде всего характером производственных отношений данного общества.

Нельзя в связи с этим не остановиться на определении института права собственности, которое дает В. Кнапп в работе <Собственность в странах народной демократии>. <Право собственности в объективном смысле, - пишет он, - это исторически определенная совокупность правовых норм, регулирующих отношения собственности между людьми, т. е. правовых норм, принудительно устанавливающих, какое общественное отношение является собственностью в юридическом смысле, а также его содержание, следовательно, в частности, и то, какими субъективными правами обладает участник правоотношения собственности в качестве собственника (т. е. как субъект права собственности)>[\[467\]](#).

Надо прямо сказать, про приведенное определение не обладает необходимой точностью и четкостью, хотя бесспорно содержит во второй своей части совершенно правильное указание на то, что право собственности определяет содержание субъективных правомочий собственника. Последнее вместе с указанием на исторический характер права собственности составляет положительные моменты в данном определении. Но этим, собственно говоря, и исчерпываются все достоинства указанного определения. Вместе с тем оно страдает, на наш взгляд, весьма существенными недостатками методологического порядка.

По мнению В. Кнаппа выходит, что право собственности устанавливает, <какое общественное отношение является собственностью в юридическом смысле>, а какое, следовательно, собственностью в юридическом смысле не является. Но так как нормы права не падают с неба, а устанавливаются законодателем, то выходит, что исключительно от воли законодателя зависит отнести те или иные отношения к <собственности в юридическом смысле> или не отнести. Таким образом, получается, что законодатель одним росчерком пера может отнести к <собственности в юридическом смысле> все вообще отношения, регулируемые правом, либо другим росчерком пера - не отнести к этим отношениям ничего.

Однако несмотря на коренные различия по своему классовому содержанию институтов права собственности различных общественно-экономических формаций, этот институт все же имеет довольно определенные границы. Можно ли объяснить подобное положение лишь случайным совпадением воли различных законодателей? Этого сделать, по-видимому, нельзя. Тот бесспорный факт, что право собственности регулирует более или менее определенный круг общественных отношений или, как пишет В. Кнапп, относит к собственности <в юридическом смысле> именно определенные отношения, нельзя

объяснить никакими субъективными причинами. <Если государство и государственное право определяются экономическими отношениями, - пишет Энгельс, - то само собой понятно, что то же приходится сказать и о гражданском праве, роль которого в сущности сводится к тому, что оно санкционирует существующие, при данных обстоятельствах нормальные, экономические отношения между отдельными лицами>. <Нормы гражданского права представляют собой лишь юридическое выражение экономических условий общественной жизни:>[\[468\]](#).

В применении к институту права собственности это означает, что его содержание и границы определяются не субъективными причинами, а объективными экономическими условиями жизни общества, определенными экономическими отношениями. Поэтому сказать, что право собственности устанавливает, <какие общественные отношения являются собственностью в юридическом смысле>, значит приписать праву не свойственные ему функции, оторвать право собственности от тех экономических отношений, выражением и закреплением которых оно является. И это тем более досадно, что в предшествующих данному определению разделах работы В. Кнапп в целом правильно излагает соотношение экономики и права, хотя и здесь в ряде случаев имеют место не совсем точные, торопливые формулировки.

4

Право собственности неразрывно связано с отношениями собственности. Поэтому закономерными являются попытки многих авторов раскрыть содержание и границы института права собственности посредством выделения тех отношений собственности, которые находят свое выражение и закрепление в нормах данного правового института. Понятия <собственность>, <отношения собственности> - тождественны. В экономическом смысле эти понятия имеют два основных значения, отправляясь от которых обычно и пытаются решить поставленный вопрос.

В одних случаях под <отношениями собственности> в экономическом смысле понимают всю совокупность производственных отношений данного общества[\[469\]](#). Однако отношения собственности в этом их значении нельзя связать с институтом права собственности, так как производственные отношения опосредствуются не только правом собственности, а всей системой права, всеми отраслями и институтами данной системы права.

В других случаях под <собственностью> понимают отношения лиц к условиям производства <как к своим>. По мнению А. В. Венедиктова, эти именно отношения и регулируются правом собственности[\[470\]](#). Аналогично решается вопрос в соответствующем томе курса гражданского права ГДР, где право собственности в объективном смысле определяется как <совокупность норм, которые установлены государственной властью как властью господствующего в данном обществе класса в целях непосредственного регулирования отношения индивида или коллектива к условиям производства как к своим>[\[471\]](#). При этом автор этого определения, Ганс Клейне, обращает особое внимание на <непосредственное> регулирование правом собственности указанных отношений, о чем, по его мнению, необходимо особо указать в определении права собственности, <так как собственность как основа производственных отношений закрепляется и защищается также посредством всей правовой надстройки, что особенно ясно вытекает в обязательственном и наследственном праве>[\[472\]](#).

Такое понимание института права собственности едва ли можно признать приемлемым. Если речь идет о собственности как об условии производства, о собственности как основе

производственных отношений, то само собой разумеется, что это относится лишь к отношениям собственности на средства производства, которые и определяют характер всех других отношений собственности. Поэтому определить институт права собственности как совокупность норм, регулирующих отношения лиц к условиям производства как к своим, значит ограничить сферу применения норм права собственности лишь отношениями по поводу средств производства, тогда как в действительности право собственности регулирует и собственность на предметы потребления.

В связи с этим совершенно непонятным представляется тот логический путь, которым А. В. Венедиктов, исходя из указанных выше предпосылок, неожиданно приходит к выводу о том, что право собственности есть совокупность норм, <закрепляющих систему распределения средств производства и продуктов производства (или предметов производственного и личного назначения)>[\[473\]](#). Такой вывод был бы логически правильным, если бы к условиям производства можно было бы отнести не только собственность на средства производства, но и собственность на предметы потребления. Но так как собственность на предметы потребления производна от собственности на средства производства, что правильно подчеркивает и сам автор[\[474\]](#), то оказывается, что приведенное определение повисает в воздухе. Оно не доказано.

Определение прав собственности как совокупности норм, закрепляющих общественные отношения по распределению средств производства и обусловленные ими общественные отношения по распределению предметов потребления, поддерживается многими другими авторами и по существу занимает господствующее положение в нашей учебной литературе[\[475\]](#).

Несмотря на внешнюю простоту и ясность, оно страдает, однако, весьма существенными недостатками. Дело в том, что отношения по распределению средств производства и зависимые от них отношения по распределению предметов потребления весьма разнообразны и регулируются не только нормами института права собственности, но и другими институтами советского гражданского права. Не случайно поэтому один из авторов этого определения профессор С. Н. Братусь абсолютно тождественно характеризует и право собственности[\[476\]](#), и гражданское право в целом применительно к регулированию им имущественных отношений[\[477\]](#).

С. Н. Братусь утверждает, что как право собственности, так и гражданское право в целом <закрепляет и выражает распределение средств производства и обусловленное им распределение предметов потребления>. Разъясняя свой вывод применительно к гражданскому праву в целом, он справедливо замечает, что <это означает, что гражданское право регулирует и отношения по переходу от одних лиц к другим средств производства и предметов потребления, равно как и отношения, связанные с их использованием>[\[478\]](#). Однако, давая аналогичную характеристику институту права собственности, автор упускает из вида свое совершенно правильное разъяснение и тем самым необоснованно расширяет рамки права собственности до пределов советского гражданского права в целом.

Еще более любопытным в этом отношении является то, что, например, Ю. К. Толстой аналогично характеризует таким образом лишь одно из правомочий собственника - право владения. <Право владения, - пишет он, - юридически закрепляет существующую в обществе систему распределения средств производства и предметов потребления>[\[479\]](#). Аналогичной позиции придерживается, по-видимому, и О. С. Иоффе, который, критикуя приведенное выше определение права собственности, утверждает, что авторы

<фактически сводят право собственности только к праву владения>[\[480\]](#). И с этим есть некоторый смысл. Поскольку С. Н. Братусь ограничивает сферу применения права собственности лишь закреплением <статике общественного производства>, закреплением <предпосылок и результатов> производства[\[481\]](#), то очевидно, что речь идет в данном случае лишь о фактическом обладании средствами и продуктами производства и что отношения, связанные с пользованием и распоряжением этим имуществом, из сферы регулирования права собственности выпадают.

Ограничение сферы применения института права собственности лишь рамками отношений, выражающих <статическую общественную форму>, представляется неправильным и основано на неточном представлении о собственности как экономической категории.

По мнению С. Н. Братуся, <собственность как экономическое явление - это условие или предпосылка присвоения вещества природы, т. е. производства, осуществляемого в определенной общественной форме>. Собственность, по его мнению, выражает <начальный и конечный этапы общественного производства>[\[482\]](#). С таким определением трудно согласиться.

Бесспорно, что производство осуществляется в каждом отдельном случае на базе предшествующих результатов производства, которые не только были отвоены у природы и присвоены обществом в целом, но и распределены между членами общества, поступили в их собственность. Поэтому собственность есть результат предшествующего акта производства и условие последующего акта производства. Процесс присвоения происходит в действительности не в такой расчлененной форме, как это показано выше для наглядности. Процесс присвоения происходит непрерывно, в неразрывной связи его содержания и формы. Поэтому собственность, отношения собственности нельзя рассматривать только как результат предшествующего присвоения и как предпосылку будущего процесса присвоения. Собственность есть вместе с тем и общественная форма протекающего процесса производства. Поэтому собственность опосредствует не только статику, но и динамику общественного производства.

Рассмотрение различных взглядов на институт права собственности показывает, что ни использование традиционных правомочий, ни привязка права собственности к определенному участку экономического базиса пока не дали желаемых результатов. И это не случайно.

Особенность права состоит в том, что оно выражает и закрепляет экономические отношения в различных правовых формах, регулирует общественные отношения различными методами. Поэтому одни и те же экономические отношения находят свое выражение и закрепление в различных отраслях права. Если притом учесть, что право, являясь выражением экономических отношений, имеет вместе с тем и известное самостоятельное значение и играет активную роль в закреплении и дальнейшем развитии экономических отношений, то становится очевидным, что оно не является лишь простой копией этих отношений. Если бы право было простой копией и только копией экономических отношений, то оно смогло бы закреплять существующие экономические отношения, но не могло бы активно способствовать дальнейшему развитию экономического строя.

Поэтому простой <перевод экономических отношений на язык права> и не дал до сего времени более или менее удовлетворительного разрешения проблемы. А из этого следует, что в определении института права собственности надо исходить не только из тех

общественных отношений, которые регулируются институтом права собственности, но и из его служебной роли, из тех функций, которые выполняет институт права собственности в регулировании общественных отношений.

5

Вопрос о понятии института права собственности, как и вопрос о понятии гражданского права в целом, неразрывно связан с понятием имущественных отношений. По вопросу о понятии имущественных отношений в советской гражданско-правовой литературе были высказаны самые разнообразные точки зрения.

Одни авторы понимают под имущественными отношениями юридическое выражение производственных отношений, т. е. правовые отношения как результат урегулирования правом производственных отношений. Эта точка зрения была ярко выражена В. Г. Вердниковым, который писал: <Имущественные отношения, регулируемые советским гражданским правом, будучи правовыми отношениями, входят не в базис, а в надстройку над социалистическим базисом> [483]. Раскрывая далее механизм возникновения имущественных отношений, автор приходит к следующему выводу: <Таким образом, - пишет он, - имущественные отношения возникают в качестве результата закрепления советским гражданским правом складывающихся в нашем обществе экономических отношений. В дальнейшем советское гражданское право регулирует эти имущественные (правовые) отношения:> [484].

Предлагаемая конструкция исходит из <двойного регулирования> правом производственных отношений. Сначала они регулируются правом непосредственно, а затем через посредство регулирования <правоотношений>, возникающих в результате первичного регулирования. При этом не ясно, каков смысл такого вторичного регулирования. Если право может непосредственно регулировать экономические отношения, то нет никакой надобности в том, чтобы прибегать еще к посредствующему регулированию их через регулирование правоотношений, так как непосредственное воздействие права на общественные отношения во всех случаях может быть более эффективным. Поэтому практически такую конструкцию едва ли можно считать пригодной.

Целый ряд сомнений вызывает такая конструкция и с теоретической точки зрения. Если имущественные отношения - это правовые отношения, то отсюда следует, что имущественные отношения существуют только в классовом обществе. Из этого следует также, что те отношения между лицами по поводу вещей, которые не урегулированы правом и, следовательно, не являются правовыми отношениями, не являются и имущественными отношениями. В частности, исходя из данной конструкции, отношения, возникающие на основе договора дарения с условием пожизненного содержания, поскольку они не урегулированы законом, приходится считать <неимущественными отношениями>. На том же основании нельзя считать имущественными такие отношения, которые возникают на основе запрещенных законом сделок, так как, запрещая такие отношения, закон тем самым не придает им характера правовых отношений. Но если это так, то лица, совершившие подобного рода сделки, ссылаясь на автора предлагаемой конструкции, вполне резонно могут заметить, что поскольку такие отношения не являются имущественными, то они и не могут нанести ущерба государственной, кооперативно-колхозной или личной собственности. Выходит, что подобная конструкция теоретически обосновывает безответственность лиц, нарушающих законы.

Очевидно поэтому, что выдвигаемое В. Г. Вердниковым понятие имущественных отношений ни с теоретической, ни тем более с практической точки зрения не может быть приемлемо.

Господствующее мнение относительно характера имущественных отношений сводится к тому, что имущественные отношения есть производственные отношения [\[485\]](#).

Однако указанное решение проблем едва ли можно считать удовлетворительным, так как оно не дает ответа на целый ряд вопросов. В частности, открытым остается вопрос о том, в какой связи такое бесспорно имущественное отношение, как договор, охарактеризованный Марксом как волевое отношение, стоит с производственными отношениями, которые рассматриваются как независимые от воли отдельных людей. Если право регулирует производственные отношения, то как это согласовать с тем фактом, что право регулирует также и волевые отношения, например, договорные. Сама постановка этих вопросов уже свидетельствует о том, что предлагаемое решение по меньшей мере не доведено до конца и что в действительности механизм воздействия права на производственные отношения, по-видимому, значительно сложнее, чем это иногда представляется.

Что же такое имущественные отношения? Право, в том числе и советское гражданское право, регулирует поведение людей в обществе. Оно определяет меру возможного и меру должного поведения людей в их отношениях с другими лицами данного общества. Оказывая влияние на волю людей, определяя правила их поведения в обществе, право тем самым регулирует и те общественные отношения, в которые вступают лица в процессе своей деятельности. Эти общественные отношения могут быть различными по своему содержанию. Они могут возникнуть в связи с принадлежностью имущества определенным лицам или в связи с переходом их от одних лиц к другим и, следовательно, могут иметь экономическое содержание. Они могут возникать по другим основаниям и не иметь экономического содержания. Иначе говоря, они могут быть имущественными или неимущественными.

Исходя из этого, можно было бы определить имущественные отношения как такие отношения, которые связаны с принадлежностью или переходом имущественных благ от одних лиц к другим или, как говорит О. С. Иоффе, <которые обладают определенной экономической ценностью ввиду их связи со средствами производства, предметами потребления или иными продуктами труда человека> [\[486\]](#).

Однако такое определение имущественных отношений нельзя признать достаточным, так как оно показывает лишь специфику объекта этих отношений, но не вскрывает их социальной природы, их социальной сущности, т. е. не дает ответа на вопрос о том, в какой связи находятся имущественные отношения с производственными отношениями и с правовыми отношениями. Искать ответ на поставленный вопрос следует в плане выяснения взаимосвязи волевых отношений с производственными отношениями.

<В общественном производстве своей жизни, - пишет Маркс, - люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения - производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил> [\[487\]](#). Из этого следует, что марксизм рассматривает производственные отношения как необходимые, от воли отдельных людей не зависящие отношения.

Производственные отношения не зависят от воли людей и выступают как необходимые в двух отношениях. С одной стороны, люди, рождаясь, застают уже определенную ступень развития производительных сил и производственных отношений, которые не могут быть изменены по воле отдельных лиц. В силу этого люди вынуждены с необходимостью действовать в рамках существующих производственных отношений, выйти за пределы которых они практически не в состоянии. С другой стороны, чтобы удовлетворять свои жизненные потребности, люди с необходимостью должны вступать в различные отношения друг с другом. В этом и только в этом смысле деятельность людей, их поведение и возникающие между людьми отношения являются необходимыми, не зависящими от их индивидуальной воли.

Но человек - существо, наделенное волей и сознанием. В рамках этой необходимости люди проявляют свою волю, действуют обдуманно, и сознательно добиваются поставленных перед собой целей. По своей воле люди вступают в различные отношения друг с другом, которые в силу этого приобретают характер волевых отношений. Однако волевые отношения являются лишь формой проявления необходимости, формой, в которой производственные отношения как необходимые находят свое выражение на поверхности общественной жизни как отношения между лицами. Причем содержание этой формы, содержание волевых отношений дано самими экономическими отношениями.

Эту взаимосвязь между экономическими отношениями и волевыми отношениями особенно ярко показал Маркс на примере договорных отношений. Характеризуя отношения между товаровладельцами, Маркс писал: <Это юридическое отношение, формой которого является договор, - все равно, закреплен ли он законом или нет, - есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением> [\[488\]](#).

Аналогично подходит Маркс и к характеристике отношений собственности. В своем письме И. Б. Швейцеру от 24 января 1865 г. Маркс, критикуя Прудона, писал: <То, о чем в сущности шла речь у Прудона, была существующая современная буржуазная собственность. На вопрос: что она такое? - можно было ответить только критическим анализом <политической экономии>, обнимающей совокупность этих отношений собственности не в их юридическом выражении как волевых отношений, а в их реальной форме, т. е. как производственных отношений> [\[489\]](#).

Из этого следует также, что необходимо различать производственные отношения в их реальной форме и те волевые отношения, в форме которых они проявляются в отношениях между людьми и которые представляют лишь выражение этих материальных, производственных отношений в волевой деятельности людей. Важно заметить, что Маркс не только различает производственные отношения в их реальной форме и волевые отношения как форму их выражения (проявления) на поверхности общественной жизни, но и связывает волевые и юридические отношения. При этом в отношении договора совершенно отчетливо выступает мысль о том, что договор, не урегулированный законом, есть волевое отношение, но не юридическое отношение. Волевое отношение становится юридическим (правовым) отношением, когда оно урегулировано законом. А из этого вытекает, что право регулирует не производственные отношения в их реальной форме, а те волевые отношения, в которые вступают люди в процессе своей деятельности и которые являются выражением этих материальных, производственных отношений.

Поэтому под имущественными отношениями и следует понимать волевые отношения, в которых производственные отношения находят свое выражение на поверхности

общественной жизни, складывающиеся в связи с принадлежностью и переходом имущественных благ.

Поскольку содержание этих постоянно возникающих, изменяющихся и прекращающихся имущественных отношений определяется производственными отношениями данного общества, постольку, регулируя эти имущественные (волевые) отношения, право, в том числе и советское гражданское право, оказывает активное воздействие и на производственные отношения. Запрещая одни, закрепляя и развивая другие имущественные отношения, советское гражданское право тем самым содействует укреплению и дальнейшему развитию социалистических производственных отношений по пути коммунистического строительства.

В самое последнее время вопрос о волевом характере регулируемых правом имущественных отношений был поставлен профессором С. Н. Братусем^[490]. Однако ряд высказанных им положений вызывает сомнение.

В частности, весьма сомнительным представляется утверждение о том, что <имущественные отношения - это волевая сторона производственных отношений в общественно-экономических формациях, в которых сохраняется неравенство в распределении благ между людьми (даже если это неравенство существует только в отношении предметов потребления)> и что, следовательно, <имущественных отношений между людьми не было в первобытном коммунистическом обществе, их не будет при полном коммунизме>.

Едва ли правильно связывать существование имущественных (волевых) отношений с имеющимся в обществе неравенством. Как в условиях классового общества, так и при коммунизме производственные отношения реализуются через волевою деятельность людей, через волевые отношения. Коммунистическая общенародная собственность не исключает волевых имущественных отношений как формы выражения и реализации производственных отношений. И при коммунизме будут существовать, например, отношения, связанные с использованием отдельными членами общества жилых помещений, входящих в общенародный жилищный фонд. Эти имущественные отношения не будут возмездными, не будут правовыми, но они останутся и волевыми, и имущественными.

Кроме того, при коммунизме наряду с общенародной коммунистической собственностью останется и личная собственность на предметы личного потребления, так как <коммунизм ни у кого не отнимает возможности присвоения общественных продуктов, он отнимает лишь возможность посредством этого присвоения поработать чужой труд>^[491]. Но отношения, связанные с владением, пользованием и распоряжением личной собственностью, не могут не быть волевыми имущественными отношениями.

Сомнительным представляется также и утверждение С. Н. Братуся о том, что <правовое регулирование имущественных отношений всегда связано с равенством сторон в этом регулировании даже в том случае, если одной из них является планово-регулирующий орган>. Если, как полагает автор, при наделении предприятия основными, оборотными и иными средствами возникают имущественные отношения и эти отношения возникают <не между органом государственного управления и предприятием, а между государством в целом и предприятием>, то, чтобы быть последовательным, надо признать такие отношения равноправными. Но в чем заключается это равенство в отношениях между государством в целом и отдельным государственным предприятием? Можно ли вообще говорить о равенстве между целым и его частью? Не означает ли такая постановка

вопроса на деле противопоставления государства как целого государственному предприятию?

Искусственной представляется постановка вопроса о разграничении гражданского и административного права по линии отграничения имущественных и организационных отношений. <Организационные отношения, - пишет С. Н. Братусь, - возникающие из регулирующей деятельности органов государственного управления, если они даже и направлены на имущественные цели, не являются имущественными отношениями>. Но почему они не являются имущественными отношениями, приходится только догадываться.

Представляется, что данное С. Н. Братусем разграничение имущественных и организационных отношений основано не на характере, не на содержании этих отношений, а на той правовой форме, в которой они осуществляются. Между тем имущественные отношения, связанные с владением, пользованием и распоряжением государственной социалистической собственностью, независимо от того, в какой правовой форме они реализуются, по своему существу были и остаются имущественными отношениями.

Так, например, право распоряжения государственной социалистической собственностью осуществляется Советским государством: а) в форме нормативной деятельности высших органов государственной власти (например, закрепление в Конституции СССР передачи государственных земель в вечное и бесплатное пользование колхозов и др.); б) в форме административной деятельности (например, наделение предприятий основными и оборотными средствами, плановое распределение продукции между госорганами, отвод земельных участков гражданам под индивидуальное жилищное строительство и т. д.); в) в форме гражданско-правовых сделок (например, посредством договоров, заключаемых госорганами между собой, с кооперативно-колхозными организациями и гражданами). Но какова бы ни была форма осуществления права распоряжения, отношения, возникающие в связи с распоряжением имуществом, во всех случаях являются волевым имущественными отношениями. Формы правового регулирования этих отношений изменяют лишь порядок их осуществления, но не изменяют их имущественного характера.

6

Какие же из имущественных отношений регулируются нормами института права собственности и каковы те функции, которые выполняет институт права собственности в регулировании этих отношений?

Среди имущественных отношений следует различать две основные группы отношений: а) отношения, связанные с принадлежностью имущества определенным лицам, и б) отношения, связанные с переходом имущества от одних лиц к другим.

Право собственности регулирует отношения, связанные с принадлежностью имущества определенным лицам, тогда как обязательственное право регулирует отношения, связанные с переходом имущества от одних лиц к другим.

Отсюда вытекает, что одной из важнейших функций права собственности является закрепление принадлежности имущества за определенными лицами, группами лиц, классами или за всем обществом. Так, Конституция СССР определяет, какое имущество может принадлежать исключительно государству (ст. 6), какое - кооперативно-колхозным организациям (ст. 7) и какое имущество может принадлежать на праве личной

собственности (ст. 10, ч. 2 ст. 7). Вместе с тем, закон определяет способы приобретения имущества теми или иными лицами в свою собственность. Имущество, приобретенное лицом по указанным в законе основаниям, считается принадлежащим данному лицу. Закрепление этих отношений осуществляется различными методами, главным из которых является предоставление собственнику права истребовать имущество из чужого незаконного владения. Причем закрепление этих отношений осуществляется не только нормами гражданского права, но и нормами других отраслей права.

Принадлежность имущества нельзя отождествлять с владением имуществом. Имущество может принадлежать только собственнику, который вправе передать его по договору или другим установленным в законе способом во владение, пользование и даже распоряжение других лиц. Так, государство передает имущество во владение, пользование и распоряжение госорганов; государственная земля передана во владение и пользование колхозов; жилые помещения государственного жилого фонда передаются по договору во владение и пользование граждан, которые в известной мере могут и распоряжаться этим имуществом (например, сдавать в поднаем, обменивать) и т. п. Однако во всех указанных случаях имущество остается в собственности государства и принадлежит только государству.

При этом закон закрепляет принадлежность имущества определенным лицам независимо от охраны права владения этим имуществом. В частности, по советскому гражданскому праву иск об истребовании имущества из чужого незаконного владения может предъявлять не только, например, наниматель, комиссионер или залогодержатель, которым эти права предоставлены именно в целях охраны их права владения, но и собственник вещи, т. е. лицо, которому данная вещь принадлежит.

Было бы, однако, неправильным сводить роль института права собственности только к закреплению самого факта принадлежности имущества определенному субъекту или, как иногда говорят, к закреплению <статистики общественного производства>, к закреплению <состояния присвоенности материальных благ>. Такое понимание роли и значения института права собственности является слишком узким. Оно не только противоречит действующему законодательству, но и противоречит самой сущности собственности, действительным целям правового регулирования этих отношений.

Лица приобретают имущество в собственность, а закон закрепляет его за ними не ради самой принадлежности имущества данному лицу, а для того, чтобы это имущество могло быть использовано собственником с определенной целью: либо для организации производства, либо для удовлетворения личных потребностей. Поэтому закон предоставляет лицам право владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом. Классовый характер отношений собственности и соответствующего им права собственности находит свое выражение при этом не только в том, кому принадлежит то или иное имущество: отдельному лицу, группам лиц, классам или всему обществу, но и в том, каков объем и содержание тех правомочий, которые предоставляются собственнику в отношении принадлежащего ему имущества.

Отсюда вытекает, что функция института права собственности состоит не только в закреплении принадлежности имущества за определенным субъектом, но и в определении содержания и объема предоставляемых собственнику правомочий по использованию принадлежащего ему имущества. Но и этим не исчерпывается содержание норм и функции института права собственности. Для того чтобы собственник действительно смог использовать представленные ему правомочия, необходимо обеспечить их реальное осуществление. Поэтому право собственности включает также и нормы, гарантирующие

осуществление данных правомочий. Собственнику, в частности, предоставляется право требовать устранения препятствий со стороны других лиц, мешающих или затрудняющих ему осуществление права собственности.

Исходя из сказанного можно дать следующее определение института права собственности: право собственности есть установленная государством совокупность правовых норм, закрепляющих исторически определенную форму присвоения средств и продуктов производства путем установления принадлежности имущества определенным лицам, определения объема и содержания правомочий по использованию принадлежащего им имущества, а также гарантий их осуществления.

Данное определение является самым общим и применимо к характеристике института права собственности любой общественно-экономической формации. Вместе с тем рассмотрение этого определения применительно к каждой из них дает возможность выяснить классовое содержание института права собственности любой общественно-экономической формации, так как с этой точки зрения первостепенное значение имеют вопросы: кому принадлежит имущество и прежде всего средства производства - отдельным лицам, группам лиц, классам или всему обществу; каков объем и содержание правомочий, предоставляемых собственнику, в чьих интересах собственник осуществляет данные правомочия и каковы гарантии их осуществления.

Исходя из указанной общей предпосылки и следует определить содержание института прав собственности в будущем законодательстве. Структура института права собственности в будущем законодательстве представляется следующей:

1. Общая норма, определяющая задачи правового регулирования отношений собственности в СССР.
2. Нормы, устанавливающие принадлежность имущества определенным лицам. Сюда должны входить: а) нормы, определяющие формы собственности в СССР; б) нормы, определяющие, какое имущество является исключительной государственной собственностью, какое имущество может быть кооперативно-колхозной и личной собственностью; в) нормы, определяющие способы приобретения права собственности, а также норма, устанавливающая момент возникновения права собственности у приобретателя.
3. Нормы, устанавливающие содержание и объем правомочий, предоставляемых собственнику. Сюда, в частности, должны быть включены: а) общая норма о том, что собственнику предоставляется право владения, пользования и распоряжения имуществом, и о том, что запрещается использовать эти правомочия в противоречии с интересами всего общества; б) норма о том, что государство использует общенародное достояние в интересах всего общества, и нормы, определяющие, какие государственные имущества могут передаваться во владение и пользование кооперативно-колхозных организаций и отдельных граждан; в) нормы, определяющие содержание владения, пользования и распоряжения кооперативно-колхозной собственностью, в частности нормы, определяющие, какие промышленные предприятия могут организовываться колхозами и т. д.; г) нормы, определяющие правомочия личного собственника, где, в частности, должно быть указано на потребительский характер права личной собственности.
4. Нормы, устанавливающие охрану права собственности. Сюда должны быть включены нормы о предоставлении собственнику права истребовать свое имущество из чужого незаконного владения; норма о предоставлении собственнику права требовать устранения препятствий, мешающих осуществлению предоставленных ему правомочий, а также норма, устанавливающая презумпцию

государственной собственности, а по спорам между кооперативными организациями и гражданами также и презумпцию кооперативной собственности.

В будущем законодательством должна быть установлена преимущественная защита государственной собственности. Истребование государственного имущества должно осуществляться независимо ни от добросовестности или недобросовестности приобретателя государственного имущества, ни от истечения сроков исковой давности.

Печатается по:

В. П. Грибанов.

К вопросу о понятии права собственности //

Вестник Московского университета.

Сер. экономики, философии, права.

1959. N 3. Отдельн. оттиск. С. 173 - 190.

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРЕХОДА ИМУЩЕСТВА ПО ДОГОВОРУ КУПЛИ-ПРОДАЖИ В СОВЕТСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Одним из самых интересных и практически важных вопросов, возникающих при изучении договора купли-продажи в советском гражданском праве, является вопрос о правовых последствиях перехода имущества от продавца к покупателю по договору купли-продажи.

Важность этого вопроса определяется правовыми последствиями перехода имущества от продавца к покупателю. В частности, переход имущества от продавца к покупателю предопределяет распределение между контрагентами риска случайной гибели или порчи имущества, возможность обращения взыскания на это имущество кредиторами той или другой стороны, возможность для собственника истребовать свою вещь из чужого незаконного владения, а также возникновение у покупателя реальной возможности осуществить предоставленные ему законом правомочия по владению, пользованию и распоряжению приобретенным по договору имуществом.

Этот вопрос, и ранее обращавший на себя внимание советских цивилистов, сейчас приобретает особую важность в связи с разработкой общесоюзного Гражданского кодекса. Необходимость изучения правовых вопросов купли-продажи диктуется также осуществляемым на основе развития тяжелой промышленности повышением обеспеченности населения продовольственными и промышленными товарами, что требует дальнейшего развития и совершенствования форм, опосредствующих социалистический товарооборот. Важность разрешения поставленного вопроса определяется также и тем, что он тесно связан с правом социалистической собственности, являющимся основным институтом советского гражданского права.

При рассмотрении правовых последствий перехода имущества от одного лица к другому по договору купли-продажи возникает ряд вопросов как общего, так и частного характера. В настоящей статье будут рассмотрены лишь некоторые из них, имеющие наиболее важное теоретическое и практическое значение: а) о <переходе права собственности>; б) о юридической силе правил ст. 66 ГК РСФСР; в) о моменте возникновения права собственности на купленное строение.

I

Вопрос о <переходе права собственности> от продавца к покупателю по договору купли-продажи в советском гражданском праве неоднократно рассматривался в научной и учебной юридической литературе. Общим для всех указанных работ является то, что сама формула о <переходе права собственности> не вызывает у авторов никаких сомнений. Вопрос о ее пригодности для советского гражданского права освещался в литературе [\[492\]](#), однако он затрагивался лишь мимоходом, в связи с рассмотрением других проблем советского гражданского права.

Такая постановка вопроса в литературе базировалась прежде всего на том, что действующий Гражданский кодекс РСФСР и ряд других нормативных актов нередко употребляют термин <переход права собственности> (ст. ст. 66, 186, 187 ГК РСФСР и др.). Однако в настоящее время вряд ли правильно говорить о <переходе права собственности>. В условиях социалистического строя, при наличии двух форм социалистической собственности - государственной и кооперативно-колхозной, при наличии производной от социалистической - личной собственности, такое утверждение не

соответствует существу дела и не выражает действительных отношений, которые возникают при переходе имущества от одного лица к другому по договору купли-продажи.

Существует ли вообще в советском гражданском праве так называемый <переход права собственности> от продавца к покупателю на проданное имущество по договору купли-продажи?

Вопрос этот следует рассмотреть в двух аспектах: во-первых, применительно к договорам купли-продажи, заключаемым собственниками, обладающими разнородным правом собственности на имущество (сюда относятся договоры купли-продажи, заключаемые государственными организациями с кооперативно-колхозными организациями и с гражданами, а также договоры, заключаемые кооперативно-колхозными организациями с гражданами), и, во-вторых, применительно к договорам купли-продажи, заключаемым лицами, обладающими однородным правом собственности на имущество (сюда относятся договоры, заключаемые между двумя колхозами, двумя кооперативными организациями, гражданами).

В первом случае, когда договор купли-продажи заключают лица, обладающие различным по форме (виду) правом собственности, нет оснований для утверждения о переходе права собственности от продавца к покупателю. Различный правовой режим государственной, кооперативно-колхозной и личной собственности приводит к тому, что при переходе имущества от продавца к покупателю у последнего возникают иные по своему содержанию правомочия по владению, пользованию и распоряжению имуществом, отличные от правомочий, которыми обладал отчуждатель на то же самое имущество.

В самом деле, когда государственный магазин продает имущество гражданину, то о переходе какого именно права собственности может идти речь в данном случае? Государственный магазин продает гражданам вещи, являющиеся государственной собственностью. Однако у гражданина, купившего вещь, возникает лишь право личной собственности на это имущество, которое по своему содержанию и по объему правомочий, предоставленных собственнику, значительно уже права государственной социалистической собственности. Покупатель-гражданин получает лишь такие правомочия, которые обеспечивают использование купленной вещи в целях удовлетворения личных потребностей покупателя и его семьи, тогда как право государственной собственности закрепляет за Советским государством прежде всего возможность производственного использования государственных имуществ в интересах максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего социалистического общества.

Достаточно указать, например, на тот факт, что государство, имея в своей собственности легковые автомашины, организует таксомоторные парки, которые перевозят пассажиров за определенную плату. Что же касается гражданина - собственника автомашины, то он не вправе заниматься перевозкой пассажиров за плату и получать такого рода доходы, так как подобное использование автомашины противоречит потребительскому характеру права личной собственности и потому является незаконным.

Вместе с тем продавец - государственная торгующая организация - не может передать покупателю права государственной социалистической собственности также и потому, что сам он такого права не имеет. Государственный орган лишь управляет этим имуществом в соответствии с уставом или положением, регулирующим его деятельность. Не может служить основанием для утверждения о переходе в данном случае права собственности

также и тот факт, что госорган осуществляет продажу гражданам предметов народного потребления по поручению государства.

Выходит, таким образом, что при продаже гражданам государственным магазином предметов народного потребления нет и не может быть перехода права собственности.

Не переходит право собственности также и в тех случаях, когда в качестве продавца товаров гражданам выступает кооперативная организация. Обладая правом кооперативной собственности, кооперативная организация не может тем не менее передать его гражданину, так как покупатель-гражданин в условиях социалистического строя не может приобрести иного права, кроме права личной собственности. Аналогичное положение имеет место и в тех случаях, когда государство продает сельскохозяйственный инвентарь и другие товары колхозам и, наоборот, когда колхозы продают свою продукцию государству, а равно и в случае покупки государственной или кооперативно-колхозной организацией имущества у граждан.

Еще более неточным представляется указание на переход права собственности при рассмотрении внешнеторговых сделок купли-продажи. Д. Ф. Рамзайцев пишет, например, что <именно путем осуществления обязательств, принятых сторонами по договору купли-продажи, во внешнеторговом обороте происходит переход права собственности на товары, являющиеся предметом этого договора>[\[493\]](#). Употребление традиционной формулы о переходе права собственности для характеристики внешнеторговой купли-продажи представляется неправильным прежде всего потому, что оно основано на ошибочном отождествлении явлений экономического порядка (переход имущества в собственность) с явлениями юридического порядка (переход права собственности). Такое решение вопроса затушевывает различия в существующих типах и формах права собственности, так что само право собственности (независимо от желания автора) выступает по существу как некая космополитическая категория, существующая вне времени и пространства, безотносительно к особенностям того или иного экономического строя.

Четкое разграничение типов и форм права собственности дает основание утверждать, что изменение типа или формы права собственности при купле-продаже не приводит и не может привести к <переходу> права собственности. В данном случае происходит одновременное прекращение права собственности продавца и возникновение права собственности у покупателя на приобретенное по договору купли-продажи имущество.

Утверждают иногда, что в рассматриваемых случаях имеют место преобразование (трансформация)[\[494\]](#) или переход[\[495\]](#) одного вида (формы) права собственности в другой вид (форму) права собственности. С таким утверждением нельзя согласиться.

Право собственности как совокупность юридических норм регулирует принадлежность имущества тому или иному субъекту и связанные с этим общественные отношения по владению, пользованию и распоряжению имуществом[\[496\]](#). В силу этого право собственности есть предпосылка перехода имущества от одного лица к другому, поскольку оно создает для собственника возможность распоряжаться этим имуществом. Отчуждение имущества посредством договора купли-продажи есть осуществление собственником принадлежащего ему права распоряжения. Совершив акт распоряжения имуществом, собственник исчерпал (осуществил до конца) свое право собственности[\[497\]](#), которое вместе с этим и прекратило свое существование.

Поскольку продавец, распорядившись вещью, исчерпал принадлежащее ему право собственности, постольку последнее не может ни перейти к другому лицу, ни преобразоваться (трансформироваться) в другой вид (форму) права собственности. Правовой режим имущества, приобретенного покупателем, изменяется не в силу перехода, преобразования или трансформации права собственности продавца, а лишь в силу того, что закон предоставляет приобретателю иные по содержанию и по объему правомочия по владению, пользованию и распоряжению этим имуществом, отличные от правомочий, которыми обладал его предшественник.

Едва ли можно говорить о переходе права собственности также и в тех случаях, когда продавец и покупатель обладают однородными правомочиями по владению, пользованию и распоряжению имуществом (например, когда договор купли-продажи заключают два колхоза, две кооперативные организации, два гражданина).

Право собственности в объективном смысле есть возведенная в закон воля господствующего класса, а в социалистическом обществе - воля всего советского народа. Оно представляет собой совокупность правовых норм, определяющих объем и содержание тех правомочий, которые предоставляются отдельным субъектам по владению, пользованию и распоряжению принадлежащим им имуществом. Договор купли-продажи является тем юридическим фактом, с которым нормы права собственности связывают наступление тех или иных правовых последствий, в том числе и возникновение права собственности у покупателя.

Из этого следует, что хотя одно лицо и может передать другому лицу имущество в собственность, однако содержание и объем правомочий покупателя по владению, пользованию и распоряжению этим имуществом определяются не им самим и не его контрагентом по договору, равно как и не их общей волей, а волей господствующего в данном обществе класса, выраженной в законах.

Так, при переходе права собственности от наймодателя к другому лицу договор найма сохраняет свою силу и для нового собственника. Но он сохраняет свою силу не потому, что пределы субъективных прав приобретателя зависят от воли его предшественника, а потому, что такое правило установлено советским законом (ст. 169 ГК РСФСР) в интересах охраны прав трудящихся - съемщиков жилых помещений. При отсутствии такого указания в законе у суда не было бы оснований для отказа новому собственнику в выселении такого нанимателя, поскольку последний с ним ни в каких договорных отношениях не состоит.

Вместе с тем переход права собственности предполагает, что субъективные правомочия отчуждателя на отчуждаемое имущество переходят к приобретателю в том же объеме. Однако в ряде случаев объем прав приобретателя оказывается иным по сравнению с объемом прав отчуждателя на то же имущество. Так, добросовестный приобретатель, купив вещь у несобственника, при известных условиях приобретает также и право собственности, тогда как продавец таким правом не обладал. Добросовестный приобретатель заложенного имущества, оставленного у должника (ст. 98 ГК РСФСР), приобретает в некоторых случаях больше прав, чем имел сам должник на то же самое имущество.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что и в данном случае едва ли можно говорить о переходе или передаче права собственности. И здесь речь может идти лишь об одновременном прекращении права собственности продавца и возникновении права собственности у покупателя. Это положение находит подтверждение и в действующем

законодательстве. Так, ст. 66 ГК РСФСР во второй своей части говорит не о переходе права собственности, как это имеет место в ее первой части, а о <возникновении> права собственности у приобретателя. Вместе с тем ст. 180 ГК РСФСР, определяя договор купли-продажи, вообще не содержит указания на переход права собственности, а говорит лишь о переходе имущества в собственность покупателя.

Но если при купле-продаже происходит прекращение права собственности продавца и возникновение права собственности покупателя, то встает вопрос, не следует ли отнести договор купли-продажи к первоначальным способам приобретения права собственности.

Для такого решения этого вопроса нет оснований. Право собственности покупателя является производным. Но оно является производным не потому, что существует <переход> или <передача> права собственности, и не потому, что пределы субъективных прав покупателя определяются объемом прав его предшественника, а потому, что возникновение права собственности у покупателя зависит от продажи ему имущества, а следовательно, и от воли продавца, так как отчуждение имущества осуществляется по воле собственника. Иначе говоря, от воли продавца в известной степени зависит создание тех фактических обстоятельств, с которыми закон связывает прекращение права собственности продавца и возникновение права собственности покупателя на приобретенное имущество.

II

Вопрос о юридической силе правил ст. 66 ГК РСФСР является спорным. Одни юристы полагают, что ст. 66 ГК содержит правила императивного характера, которые не могут быть изменены соглашением сторон [498]. Другие же, наоборот, считают, что указания ст. 66 ГК относительно момента возникновения права собственности в лице покупателя носят диспозитивный характер и могут быть изменены сторонами при заключении договора [499].

Понятно, что теоретическая спорность указанного вопроса не может не найти отклика также и при применении ст. 66 ГК на практике. В связи с этим четкость и ясность формулировки соответствующих правил в будущем общесоюзном Гражданском кодексе представляется безусловно необходимой. А это положение в свою очередь требует предварительного теоретического обсуждения поставленного вопроса.

Задача в данном случае состоит в том, чтобы найти такое решение, которое бы наилучшим образом удовлетворяло потребности социалистического народного хозяйства. С этой точки зрения наиболее правильным, на наш взгляд, является толкование правил ст. 66 ГК в смысле их диспозитивности.

Основанием для такого вывода является прежде всего сама формулировка ст. 66 ГК. Первая часть этой статьи устанавливает правило, согласно которому право собственности на вещи переходит на основании договора, заключаемого отчуждателем и приобретателем. Логично предположить, что именно первая часть ст. 66 является общим правилом, тогда как вторая часть, устанавливающая конкретные правила о возникновении права собственности у покупателя на индивидуально-определенные и родовые вещи, является лишь дополнением общего правила, установленным на тот случай, когда стороны не разрешат этого вопроса в договоре. Некоторые основания для такого вывода дают также формулировки ст. ст. 67 и 186 ГК, которые устанавливают диспозитивный характер правил о том, что следует считать передачей вещи (ст. 67) и к какому моменту

приурочивается переход риска случайной гибели или порчи имущества на покупателя (ст. 186 ГК).

Наряду с этими указаниями ГК, в советском гражданском праве имеют место случаи, когда момент возникновения права собственности у покупателя приурочивается не к моменту заключения договора и не к моменту передачи вещи, как это указано в ст. 66 ГК, а к иным моментам. Так, в соответствии с Инструкцией Министерства финансов СССР <о порядке продажи гражданам одно- и двухэтажных жилых домов с числом комнат от 1 до 5 включительно> от 10 января 1949 г. рабочие, инженерно-технические работники и служащие, купившие у предприятий,строек и учреждений дома, приобретают право собственности на эти дома либо после полной оплаты стоимости дома (если дом продается за наличный расчет), либо после погашения банковской ссуды (если дом продается с рассрочкой платежа на 2 - 3 года). Аналогичные правила установлены в отношении домов, продаваемых гражданам исполкомами местных Советов депутатов трудящихся[500].

Этот порядок возникновения права собственности у покупателя на проданное имущество, отличный от порядка, установленного ст. 66 ГК, имеет то преимущество, что возникновение права собственности в лице покупателя лишь с момента полной оплаты строения или после погашения кредита создает более прочную гарантию исполнения обязательства со стороны покупателя. С другой стороны, тот факт, что риск случайной гибели проданного имущества до момента полной оплаты дома или до погашения кредита берет на себя государство, является в известной мере преимуществом покупателя - советского гражданина - и способствует наилучшему удовлетворению потребностей рабочих и служащих в жилище.

Наличие в советском гражданском праве указанных способов разрешения вопроса о моменте возникновения права собственности у покупателя, отличных от правил, установленных ст. 66 ГК, также свидетельствует о диспозитивном характере этих правил.

Статья 66 ГК РСФСР помещена, как известно, в разделе о праве собственности. Это означает, что она применима не только к договорам купли-продажи, но и к ряду других договоров, одним из элементов содержания которых является переход имущества одного лица в собственность другого. Она применима, в частности, и к договору подряда, урегулированному Гражданским кодексом. Однако в договоре подряда императивный характер ст. 66 ГК не находит своего подтверждения. Несмотря на то, что при договоре подряда изготавливаемая подрядчиком из своего материала вещь всегда является индивидуально-определенной, право собственности на нее возникает у заказчика лишь с момента ее передачи, но не с момента заключения договора, как этого требует ст. 66 ГК. Это и понятно. Дело в том, что предмет подряда, хотя и может быть индивидуализирован в договоре в момент его заключения по определенным признакам, однако он в этот момент еще не существует в натуре. Таким образом, толкование правил ст. 66 ГК в смысле их императивности применительно к договору подряда теряет свое значение, тогда как диспозитивный характер этих правил вполне согласуется с нормами, регулирующими договор подряда.

Диспозитивный характер правил ст. 66 ГК находит свое оправдание также и в экономике социалистического общества. Основной экономической закон социализма, а также проводимая в соответствии с этим законом политика партии и правительства требуют всемерного учета потребностей всего общества. В частности, только посредством всестороннего учета потребностей советских граждан может быть осуществлено наиболее полное удовлетворение их материальных и культурных потребностей. В соответствии с

этим вопрос о моменте возникновения права собственности у покупателя на проданное ему по договору купли-продажи имущество и следует решать с позиции наилучшего удовлетворения потребностей граждан.

В советской гражданско-правовой литературе была высказана мысль о том, что в будущем ГК СССР следует сформулировать ст. 66 ГК таким образом, чтобы приурочить момент возникновения права собственности у покупателя к моменту передачи ему вещи, независимо от того, является ли продаваемая вещь родовой или индивидуально-определенной. Вместе с тем предлагалось придать указанной норме императивный характер[501].

Такое решение вопроса имеет то преимущество, что оно ставит в более выгодное положение покупателя с точки зрения распределения между сторонами риска случайной гибели или порчи имущества. Если учесть при этом, что в качестве продавцов товаров у нас выступают, как правило, государственные или кооперативные торгующие организации, то такое решение, т. е. сохранение риска случайной гибели или порчи имущества до его передачи на стороне продавца, способствует наилучшему удовлетворению материальных и культурных потребностей граждан и вместе с тем не нарушает интересов государства, ибо государственные и кооперативные торгующие организации обладают более широкими возможностями в деле устранения случайных причин гибели или порчи продаваемых товаров.

Но договоры купли-продажи заключаются у нас не только розничными государственными и кооперативными организациями с гражданами; они заключаются также и между кооперативными организациями, между колхозами, между гражданами. И если можно с известным основанием предоставить некоторую льготу гражданину-покупателю в сравнении с продавцом - государственной или кооперативной торговой организацией, то при заключении договора купли-продажи между двумя гражданами, двумя колхозами, двумя кооперативными организациями нет никаких оснований для предоставления льготы одному из контрагентов по договору. Поэтому принцип возникновения права собственности у покупателя во всех случаях с момента передачи имущества, ставящий в преимущественное положение интересы покупателя, не может быть применим к такого рода договорам.

Более того, такое решение вопроса в некоторых случаях не может удовлетворить также и покупателя. Дело в том, что интересы покупателя не ограничиваются лишь возможностью распорядиться вещью после ее получения и распределением риска случайной гибели или порчи имущества между контрагентами. В известных случаях покупатель желает обеспечить реальное исполнение договора, реальную передачу вещи именно ему, а не какому-либо другому лицу. В особенности это имеет большое значение при покупке индивидуально-определенной вещи, приобретение которой и является основным интересом покупателя. С этой точки зрения существующие правила ст. 66 ГК о возникновении права собственности у покупателя на индивидуально-определенную вещь уже с момента заключения договора создают больше гарантий для реального получения вещи покупателем.

При рассмотрении этого правила ст. 66 ГК в литературе были высказаны сомнения в его правильности по той причине, что если право собственности, а вместе с тем и риск случайной гибели или порчи имущества переходят на покупателя уже с момента заключения договора, то при фактическом нахождении вещи у продавца покупатель лишен возможности принять все необходимые меры для предотвращения случайной гибели или порчи этого имущества[502]. С этими выводами нельзя согласиться.

Случайность всегда есть случайность. Однако нельзя решать вопросы, опираясь лишь на одни случайные обстоятельства. Да и сама-то случайность гибели или порчи имущества сведена у нас во многих случаях до минимума, соответствующего развитию современной науки и техники.

Нельзя поэтому правильно решить вопрос, исходя из явлений, которые возникают в жизни лишь как редкое исключение, игнорируя при этом те явления, которые являются обычными в нашей жизни. Обычным же в данном случае является то, что покупатель, заключая договор на покупку индивидуально-определенной вещи, преследует прежде всего цель получить саму вещь. При этом, как правило, в интересах реального получения вещи он согласен нести и известный риск случайной гибели этой вещи. Именно это жизненное явление и нашло свое выражение в формулировке правил ст. 66 ГК.

Исходя из сказанного, следует сделать вывод о том, что вторая часть ст. 66 РФ наилучшим образом обеспечивает удовлетворение потребностей граждан в приобретении предметов народного потребления. Однако для того, чтобы нормы ст. 66 ГК более точно отражали экономические особенности социалистического строя и еще более эффективно служили интересам советских граждан, формулировку их в будущем общесоюзном Гражданском кодексе целесообразно, на наш взгляд, уточнить в двух направлениях: во-первых, следует устранить неправильную формулу о так называемом <переходе права собственности> и, во-вторых, необходимо яснее подчеркнуть диспозитивный характер этих правил путем указания на то, что они применимы лишь в случаях, когда иное не установлено законом или договором.

III

Указом Президиума Верховного Совета СССР <О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов> от 26 августа 1948 г. установлено, что каждый гражданин имеет право купить или построить для себя на праве личной собственности жилой дом в один или два этажа с числом комнат от одной до пяти включительно как в городе, так и вне города^[503]. В связи с этим Указом резко повысилась роль договоров купли-продажи строений, и целый ряд вопросов, связанных с куплей-продажей строений, приобрел актуальное значение, в частности вопрос о моменте возникновения права собственности на купленное строение.

Строение - вещь индивидуально-определенная. В соответствии со ст. 66 ГК, право собственности на индивидуально-определенные вещи переходит к покупателю с момента заключения договора, т. е. с того момента, когда стороны выразили друг другу согласие по всем существенным пунктам. Статья 185 ГК предусматривает особую форму, в которую должен быть облечен договор купли-продажи строений, а именно нотариальное удостоверение договора с последующей регистрацией в коммунальном отделе. В связи с такой формулировкой ст. 185 ГК возник вопрос о том, с какого именно момента следует считать заключенным договор купли-продажи строений: с момента его нотариального удостоверения или с момента его последующей регистрации.

В литературе были высказаны разные точки зрения: одни авторы относят момент возникновения права собственности у покупателя к моменту нотариального удостоверения договора^[504], другие - к моменту последующей регистрации нотариально удостоверенного договора^[505]. Сторонники обеих точек зрения основывают свои выводы прежде всего на чисто грамматическом толковании смысла ст. 185 ГК. Однако грамматическое толкование ст. 185 ГК в отрыве от других его норм, без учета иных

законодательных и нормативных материалов и судебной практики не может дать сколь угодно обоснованного ответа на поставленный вопрос.

Статья 185 ГК в ее настоящей редакции была введена в Гражданский кодекс декретом ЦИК и СНК РСФСР от 4 октября 1926 г. [506], который изменил формулировки ряда статей ГК в связи с введением в действие постановления ЦИК и СНК СССР от 14 мая 1926 г. об основных принципах организации государственного нотариата [507]. Рассмотрение изменений, внесенных в ГК декретом от 4 октября 1926 г., дает основание утверждать, что правила примечания 1 к ст. 130 ГК были сформулированы законодателем именно с учетом своеобразия оформления некоторых видов договоров, в том числе и договоров купли-продажи строений, и что, следовательно, законодатель считал возможным признать заключенным договор купли-продажи строений лишь при условии соблюдения нотариального оформления договора с последующей регистрацией его в соответствующем коммунальном отделе. При этом обе стадии оформления договора купли-продажи строений признавались существенными с точки зрения его действительности [508].

Однако в последующем законодательстве и в судебной практике этот основной принцип проводится недостаточно четко. Так, § 1 инструкции Наркомхоза РСФСР <О порядке регистрации строений в городах, рабочих, дачных и курортных поселках РСФСР> от 25 декабря 1945 г., согласованной с НКЮ РСФСР [509], устанавливает, что целью регистрации строений является не установление права владения строением или права собственности на него, а уточнение права владения строениями и учет строений по фондам. Вместе с тем § 14 инструкции дает перечень основных документов, устанавливающих право собственности на строение, и среди этих документов указывает на <нотариально удостоверенные договоры купли-продажи, мены и дарения строения>. Таким образом, согласно приведенной инструкции право собственности на строение возникает у покупателя уже с момента нотариального удостоверения договора купли-продажи строения, тогда как регистрация лишь уточняет, кто именно в данный момент является собственником строения и ведет учет строений по фондам [510].

Это положение нашло свое отражение и в судебной практике, которая нередко приходит к выводу о том, что сам по себе факт регистрации строения на то или иное лицо еще не свидетельствует о праве собственности этого лица на зарегистрированное строение. Вместе с тем вопрос о действительности нотариально удостоверенного договора в судебной практике не вызывает сомнений, и признание договоров купли-продажи строений недействительными имеет место, как правило, лишь при отсутствии нотариального удостоверения договора, независимо от регистрации договора в коммунальном отделе и от выполнения покупателем всех обязанностей, вытекающих из того, что данное строение зарегистрировано на его имя (уплата налогов, страховых платежей и т. д.).

Более того, даже при отсутствии нотариального удостоверения суды в исключительных случаях признают такого рода договоры купли-продажи строений действительными, поскольку они ничего противозаконного не содержат, не затрагивают интересов государства и в большей части или полностью выполнены сторонами. При этом суды лишь обязывают заинтересованную сторону оформить договор в нотариальном порядке, не указывая на обязательность последующей регистрации такого рода сделок в соответствующем коммунальном отделе.

Такое направление последующего законодательства и судебной практики нельзя считать случайным. Оно свидетельствует о том, что признание договора недействительным как

последствие нарушения установленного законом порядка регистрации строений недостаточно хорошо служит поставленной цели: учету строений и контролю за законностью содержания договоров купли-продажи строений со стороны коммунальных органов. Это свидетельствует также и о том, что ст. 185 ГК в ее настоящей формулировке недостаточно стимулирует своевременную регистрацию сделок по строениям как со стороны продавца, так и со стороны покупателя. Вместе с тем во многих случаях само признание недействительной сделки, оформленной в нотариальном порядке, представляется нецелесообразным, так как нотариальное удостоверение сделок в подавляющем большинстве случаев исключает незаконность содержания такого рода договора.

В соответствии со сказанным представляется целесообразным в будущем общесоюзном Гражданском кодексе несколько изменить формулировку ст. 185 ГК.

В целях контроля за законностью содержания договоров купли-продажи строений надо признать необходимым и достаточным для возникновения у покупателей права собственности только нотариальное удостоверение договора. С этого же момента следует считать возникшим право собственности на строение у покупателя. Что же касается вопроса о регистрации приобретенных строений в коммунальном отделе, то представляется более правильным возложить на покупателя строения обязанность зарегистрировать строение в течение установленного срока в коммунальном отделе, установив административно-правовые штрафные санкции за невыполнение указанной обязанности.

Такая санкция явится более реальной гарантией своевременной регистрации приобретенного строения в коммунальных органах и обеспечит лучший контроль со стороны коммунальных органов за изменением собственников строений.

Признание же права собственности на строение за покупателем уже с момента нотариального удостоверения договора вовсе не исключает возможности постановки вопроса о признании недействительным противозаконного по содержанию или направленного к явному ущербу для государства договора, поскольку ни нотариальное удостоверение договора, ни последующая регистрация его в коммунальном отделе не могут придать такому договору законной силы.

Печатается по:

В. П. Грибанов, кандидат юридических наук.

Правовые последствия перехода имущества

по договору купли-продажи

в советском гражданском праве //

Советское государство и право.

1955. N 8. Отдельн. оттиск. С. 64 - 73.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА В. П. ГРИБАНОВА

1953 г.

1. Основные черты плановых гражданско-правовых договоров и история их развития: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1953.

1955 г.

2. Правовые последствия перехода имущества по договору купли-продажи в советском гражданском праве // Сов. гос-во и право. 1955. N 8.

1956 г.

3. Договор купли-продажи по советскому гражданскому праву. М.: Изд-во МГУ, 1956.

4. Сборник задач по советскому гражданскому праву. М.: Изд-во МГУ, 1956 (в соавторстве).

5. Охрана права социалистической собственности: План спецсеминара. М.: Изд-во МГУ, 1956 (в соавт. с А. М. Беляковой).

6. Хозяйственные договоры и арбитражная практика: План спецсеминара. М.: Изд-во МГУ, 1956 (в соавт. с Г. С. Амерхановым, А. А. Каравайкиным).

7. Рецензия на кн.: *Новицкий И. Б.* Роль советского гражданского права в осуществлении хозрасчета и режима экономии // Моск. ун-т. 1956. 18 мая.

8. Рецензия на кн.: *Иоффе О. С.* Ответственность по советскому гражданскому праву // Соц. законность. 1956. N 5 (в соавт. с П. Д. Каминской).

9. Рецензия на кн.: Отдельные виды обязательств // Соц. законность. 1956. N 6 (в соавт. с А. А. Каравайкиным).

1957 г.

10. Плановый характер договора железнодорожной перевозки // Вопросы транспортного права: Сб. статей. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

1958 г.

11. Закон о договорной системе в социалистическом хозяйстве ГДР // Государство и право зарубежных стран: Сб. статей N 2 (9). М.: Изд-во МГУ, 1958.

1959 г.

12. Понятие советского гражданского права; Содержание права государственной социалистической собственности; Основания возникновения права государственной социалистической собственности; Понятие и основные принципы исполнения

обязательств; Значение гражданско-правовой ответственности и условия ее наступления; Наличие вреда или убытков как условие наступления гражданско-правовой ответственности; Противоправность поведения обязанного лица как условие наступления гражданско-правовой ответственности // Советское гражданское право: Учебник. Т. 1. М.: Госюриздат, 1959.

13. К вопросу о понятии права собственности // Вестник Московского университета. 1959. N 3.

1960 г.

14. Краткий юридический словарь-справочник для населения. М.: Госюриздат, 1960 (редактирование раздела <Гражданское и жилищное право>).

15. Договор поставки. Пособие для студентов юридического факультета. М.: Изд-во МГУ, 1960.

16. Ответственность за недопоставку продукции по договору поставки в арбитражной практике // Вопросы гражданского права в практике суда и арбитража: Сб. статей. М.: Изд-во МГУ, 1960.

17. Договор купли-продажи с рассрочкой платежа // Советское государство и право. 1960. N 8 (в соавт. с А. Ю. Кабалкиным).

18. Закон о хозяйственных отношениях между социалистическими организациями в Чехословакии // Вестник Московского университета. сер. Право. 1960. N 1 (в соавт. с В. Мироновым).

19. О достоинствах и недостатках курса лекций О. С. Иоффе // Советское государство и право. 1960. N 3.

20. Вопросы гражданского права // Юридический справочник депутата местного Совета. М.: Изд-во МГУ, 1960 (раздел).

21. Вопросы советского семейного права // Юридический справочник депутата местного Совета. М.: Изд-во МГУ, 1960 (раздел).

22. Сборник задач по советскому гражданскому праву. М.: Изд-во МГУ, 1960 (в соавторстве).

1961 г.

23. Договор поставки; Обязательства из неосновательного получения или сбережения имущества // Советское гражданское право: учебник. т. 2. М.: Госюриздат, 1961.

24. Юридические лица. М.: Изд-во МГУ, 1961.

25. Важный этап в развитии советского законодательства (к обсуждению проекта Основ гражданского законодательства) // Сов. гос-во и право. 1961. N 1 (в соавт. с С. М. Корнеевым, В. П. Мозолиным).

26. Народный университет правовых знаний // Соц. законность. 1961. N 5 (в соавт. с В. К. Гулевич).

27. Порядок распределения ведомственной жилой площади // Советы депутатов трудящихся. 1961. N 8.

28. Толкование и применение гражданских законов в арбитражной практике // Тезисы научной конференции. Киев, 1961.

1962 г.

29. Вопросы гражданского и семейного права // Юридический справочник депутата местного Совета. Изд. 2. М.: Изд-во МГУ, 1962.

30. Ответственность сторон по договору поставки. М.: Госюриздат, 1962.

31. Новое в регулировании отношений собственности Основами гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик // Вестник Московского университета. сер. Право. 1962. N 5.

Пер. на румынском яз. в журнале: Drept Buc. 1962. N 6. p. 38 - 42.

32. Рецензия на кн.: *Маслов В. Ф.* Осуществление и защита права личной собственности // Сов. гос-во и право. 1962. N 9.

1963 г.

33. Правовое регулирование бытовой и снабженческой деятельности // Юридический справочник хозяйственника. М.: Изд-во МГУ, 1963.

34. Народные университеты правовых знаний. М.: Знание, 1963 (в соавторстве с В. К. Гулевич).

35. Право личной собственности в период развитого строительства коммунизма. М.: Госюриздат, 1963 (в соавт. с Л. А. Дульневой).

36. Дальнейшее развитие юридической личности государственного предприятия // Вестник Московского университета. сер. Право. 1963. N 2.

37. Право на защиту как одно из правомочий субъективного гражданского права // Вестник Московского университета. сер. Право. 1963. N 3.

1964 г.

38. Пределы осуществления субъективных гражданских прав // Сов. гос-во и право. 1964. N 7 (в соавт. с О. С. Иоффе).

39. Жилищные права советских граждан. М.: Знание, 1964 (в соавт. с А. Ю. Кабалкиным).

40. Сборник задач по советскому гражданскому праву. М.: Госюриздат, 1964 (в соавторстве).

41. Основные принципы социалистического планирования и вопросы правового регулирования материально-технического снабжения // Вопросы советского гражданского права. М.: Изд-во МГУ, 1964 (редактирование).

42. Что надо знать о гражданском законодательстве. М.: Знание, 1964 (в соавт. с В. К. Пучинским).

1965 г.

43. Договор купли-продажи по советскому гражданскому праву. М.: Изд-во МГУ, 1965.

1966 г.

44. Народните университети за правни знания в СССР // Соц. право. 1966. N 2 (на болгарском яз.).

45. Принципы осуществления гражданских прав // Вестник Московского университета. сер. Право. 1966. N 3.

46. У юристов Болгарии // Сов. юстиция. 1966. N 3.

1967 г.

47. Интерес в гражданском праве // Сов. гос-во и право. 1967. N 1. Пер. на венгерском яз. в журнале: Magyar jog.-Budapest. 1967. N 8.

48. О понятии нетрудового дохода // Сов. юстиция. 1967. N 9.

49. О применении санкций за извлечение нетрудового дохода // Вестник МГУ. Сер. Право. 1967. N 3.

50. Сроки в гражданском праве. М.: Знание, 1967.

51. Учебный план и примерная программа факультета гражданского и трудового законодательства народных университетов правовых знаний. М.: Знание, 1967.

1968 г.

52. Границы свободы завещаний вкладов // Сов. гос-во и право. 1968. N 3.

53. Пределы самозащиты гражданских прав // Вестник Московского университета. сер. Право. 1968. N 4.

54. Пределы применения мер оперативного характера при поставках продукции // Сов. юстиция. 1968. N 7.

55. Право на защиту как одно из правомочий субъективного гражданского права // Вестник Московского университета. Сер. Право. 1968. N 3.

56. Сборник задач по гражданскому праву. М.: Юрид. лит., 1968 (в соавторстве).

1969 г.

57. К вопросу о разграничении права государственной социалистической собственности и права оперативного управления // Вестник Московского университета. сер. Право. 1969. N 3. Пер. на чешском яз. в журнале: Arbitrazní práxe. 1969. N 9.

58. Советское государство как субъект гражданского права; Юридические лица; Понятие и основания возникновения обязательств; Ответственность сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств; Общая характеристика гражданского права других социалистических стран // Гражданское право: Учебник. М.: Изд-во Юрид. лит., 1969.

1970 г.

59. Основные проблемы осуществления и защиты гражданских прав // Автореф. дисс. : докт. юрид. наук. М.: Изд-во МГУ, 1970.

1971 г.

60. Парторганизация и учебный процесс // Московский университет. 1971. 25 мая.

61. Правоприменительная практика в области хозяйственного законодательства // Научно-техническое сотрудничество <Предприятие-ВУЗ>. М.: Изд-во МГУ, 1971.

62. Рецензия на кн.: Теоретические проблемы гражданского права. Сборник ученых трудов Свердловского юридического ин-та. Свердловск, 1970. Вып.13 // Сов. гос-во и право. 1971. N 9.

1972 г.

63. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М.: Изд-во МГУ, 1972. Рец.: Соц. законность. 1974. N 1. с. 89 - 90.

1973 г.

64. Основы гражданского, трудового, земельного и колхозного права: Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 1973 (ответственное редактирование).

65. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей. М, 1973.

66. Основные тенденции развития советского обязательственного права // Сов. гос-во и право. 1973. N 1.

1974 г.

67. Программа курса <Советское гражданское и семейное право>. М., 1974 (ответственное редактирование и соавторство).

68. Семейное право: Учебник. М.: Юрид. лит., 1974 (ответственное редактирование).

69. Гражданско-правовая охрана имущественных и личных прав советских граждан // Сов. гос-во и право. 1974. N 12.

1975 г.

70. Социалистическая система хозяйства и хозяйственное законодательство. Тезисы доклада // Вопросы государства и права развитого социалистического общества. Харьков, 1975.

71. Роль хозяйственных договоров в обеспечении качества продукции, выполнения работ и оказания услуг // Тезисы докладов на Всесоюзной научно-практической конференции по правовым проблемам стандартизации, качества продукции и метрологии. М., 1975.

72. Пути развития советского хозяйственного законодательства // Правоведение. 1975. N 6 (в соавт. с О. С. Иоффе).

73. Правовые проблемы управления качеством продукции. По результатам хоздоговорных исследований кафедры гражданского права юридического факультета МГУ // Управление и право. М., 1975. Вып. 2.

1976 г.

74. Основы советского жилищного законодательства. М., 1976.

75. Хозяйственное законодательство и гражданское право // Сов. гос-во и право. 1976. N 3 (в соавт. с О. С. Иоффе).

1977 г.

76. Хозяйственное право: Учебное пособие. М.: Юрид. лит., 1977 (ответственное редактирование и соавторство).

1978 г.

77. Что надо знать каждому о гражданском законодательстве. М.: Знание, 1978.

78. Роль гражданско-правового договора в обеспечении высокого качества продукции // Правовые проблемы управления качеством продукции на базе стандартизации и метрологического обеспечения: Тезисы докладов на Всесоюзной научно-практической конференции. 18 - 19 октября 1978 г. Свердловск, 1978.

79. Программа курса <Советское гражданское и семейное право>. М., 1978 (в соавт. с С. М. Корнеевым, В. А. Рясенцевым и А. М. Беляковой).

80. Программа курса <Советское хозяйственное право>. М., 1978 (в соавт. с О. А. Красавчиковым).

1979 г.

81. Понятие советского гражданского права; Наука советского гражданского права; Гражданское правоотношение; Сроки в гражданском праве; Осуществление и защита

гражданских прав; Ответственность по советскому гражданскому праву // Советское гражданское право: Учебник. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1979 (переведен на испанский и китайский языки).

82. Семейное право зарубежных европейских социалистических стран. М.: Прогресс, 1979 (совместное редактирование с А. М. Беляковой).

1980 г.

83. Договор купли-продажи. Купля-продажа дома с условием пожизненного содержания. Мена. Дарение; Авторское право // Советское гражданское право: Учебник. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1980 (переведен на испанский и китайский языки).

84. Вознаграждение при издании произведений советского автора в переводе на другой язык // Соц. законность. 1980. N 10 (в соавт. с И. В. Са-вельевой).

1981 г.

85. XXVI съезд КПСС и проблемы советского гражданского права // Вестник Московского университета. Сер. 11 <Право>. N 5.

86. Основы гражданского законодательства и проблемы совершенствования правового регулирования гражданских отношений // Вестник Московского университета. Сер. 11 <Право>. N 6 (в соавт. с С. М. Корнеевым).

87. Юридический справочник депутата местного Совета народных депутатов. Раздел VI. Вопросы гражданского законодательства. М.: Изд-во МГУ, 1981.

88. Советское право: Учебник. М.: Высшая школа, 1981 (редактирование и соавторство).

1982 г.

89. Роль гражданского права в обеспечении удовлетворения потребностей граждан в жилых помещениях // Доклад на I Международной конференции по гражданскому праву социалистических стран. Берлин, 1982 (на немецком яз.).

90. Договор о строительстве промышленных и иных объектов во внешнеэкономических связях СССР // Внешняя торговля. 1982. N 9.

1983 г.

91. Основы советского жилищного законодательства. М., 1983. Рец.: Сов. юстиция. 1984. N 19. С. 25 - 26.

92. Хозяйственный договор. Гавана, 1983 (в соавт. с О. А. Красавчи-ковым, на испанском яз.).

1984 г.

93. Эффективность гражданского законодательства. М.: Изд-во МГУ, 1984 (§ 1, 2, 3 гл. 1 и ответственное редактирование). Рец.: Правоведение. 1985. N 5; Сов. гос-во и право. 1986. N 12.

94. Практикум по советскому гражданскому праву. В 2 ч. М.: Высшая школа, 1984 (в соавторстве).

95. Гражданско-правовые обязанности: содержание и факторы, его определяющие // Вестник Московского университета. сер. Право. 1984. N 6 (в соавт. с В. С. Емом).

96. Рецензия на кн.: Чехословацкое гражданское право. В 2 ч. Прага, 1982 // Правоведение. 1984. N 5 (в соавт. с Е. А. Сухановым).

1985 г.

97. Гражданское право в период Великой Отечественной войны // Вестник Московского университета. сер. Право. 1985. N 3.

98. Рец. на кн.: *Зыкин И. С.* Обычай и обыкновения в международной торговле. М., 1983 // Сов. гос-во и право. 1985. N 5.

1986 г.

99. Методологические проблемы советского гражданского права // Вестник Московского университета. сер. Право. 1986. N 1.

100. Роль советского гражданского права в реализации решений XXVII съезда КПСС // Вестник Московского университета. сер. 11 <Право>. 1986. N 5.

101. Юридическая служба и локальные нормативные акты // Сов. юстиция. 1986. N 6 (в соавт. с М. Горбуновым).

102. Экономический эксперимент и право. М., 1986 (в соавторстве).

1987 г.

103. Проблемы изменения Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик // Вестник Московского университета. сер. 11 <Право>. 1987. N 4.

104. Эффективность правовых средств в обеспечении качества продукции. Ч. 1. М., 1987 (ответственное редактирование и соавторство).

105. Право личной собственности // сборник материалов II Международной конференции по социалистическому гражданскому праву, состоявшейся 28 - 30 мая 1985 г. в Праге. Прага, 1987 (на чешском яз.).

1988 г.

106. О перестройке преподавания курса гражданского права // Правоведение. 1988. N 1.

107. Закон о государственном предприятии (объединении) // Вестник Московского университета. сер. 11 <Право>. 1988. N 3.

108. Правовое обеспечение нового хозяйственного механизма // Вестник Московского университета. сер. 11 <Право>. 1988. N 6.

109. Эффективность правовых средств в обеспечении качества продукции. Ч. 2. М., 1988 (редактирование).

1989 г.

110. О возрастании социальной ценности гражданского права // Советское государство и право. 1989. N 9 (в соавт. с Е. А. Сухановым).

111. Право собственности в новой редакции Основ гражданского законодательства // Вестник Московского университета. сер. 11 <Право>. 1989. N 5 (в соавт. с Е. А. Сухановым).

112. Правовые формы реализации отношений собственности // Вестник Московского университета. сер. 11 <Право>. 1989. N 4 (в соавт. с Е. А. Сухановым).

113. Гражданско-правовое регулирование отношений по удовлетворению потребностей граждан. М., 1989 (ответственное редактирование и соавторство).

114. Право и собственность // Экономическая газета. 1989. N 23 (в соавт. с Е. А. Сухановым).

1990 г.

115. Рецензия на кн.: Материальное гражданское право. В 2 т. Прага, 1987 // Вестник Московского университета. сер. Право. 1990. N 1 (в соавт. с Е. А. Сухановым).

1992 г.

116. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. 2-е изд. М.: Российское право, 1992.

1993 г.

117. Наука гражданского права; Гражданское право в системе права; Юридические лица // Гражданское право: Учебник. Т. 1. М.: Бек, 1993 (последняя глава - в соавт. с Е. А. Сухановым).

118. Понятие договора купли-продажи // Гражданское право: Учебник. Т. 2. М.: Бек, 1993.

119. Осуществление и защита гражданских прав (теоретический семинар); Понятие гражданско-правовой ответственности. Виды гражданско-правовой ответственности. Размер гражданско-правовой ответственности // Практикум по гражданскому праву. Ч. 1. М.: Бек, 1993 (последние три главы - в соавт. с Н. В. Козловой).

1994 г.

120. Сборник учебно-методических материалов по гражданскому праву. М.: Де-Юре, 1994 (соавторство).

- [1] Автобиография В. П. Грибанова любезно предоставлена его вдовой Еленой Аркадьевной Грибановой и публикуется с ее согласия.
- [2] Второй Орден <Отечественной войны I степени> был вручен В.П. Грибанову в 1985 г. в честь 40-летия Победы в Великой отечественной войне.
- [3] О военных заслугах и подвигах В. П. Грибанова см. статью его фронтового друга, профессора, генерал-лейтенанта Евгения Андреевича Евстигнеева <Лейтенанты сорок первого>, опубликованную в журнале <Ветеран войны> (Бюллетень Российского комитета ветеранов войны). 1995. N 4. С. 54 - 55.
- [4] Война оставила неизгладимый след в душе В. П. Грибанова. Именно в качестве участника Великой Отечественной войны в 1985 г. он опубликовал статью <Гражданское право в период Великой Отечественной войны> // Вестник МГУ. Серия 11 <Право>. 1985. N 3. С. 31 - 46.
- [5] См., например: *Грибанов В. П., Иоффе О. С.* Хозяйственное законодательство и гражданское право // Советское государство и право. 1976. N 3. С. 59 - 68.
- [6] См.: Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Отв. ред. проф. Е. А. Суханов. Т. 1. М., 1998; полутом 1 т. 2. М., 1999; полутом 2 т. 2. М., 2000.
- [7] См.: *Грибанов В. П.* К вопросу о понятии права собственности // Вестник Московского университета. Серия экономики, философии и права. 1959. N 3. С. 186 (сноска 45), или с. 375 - 376 настоящего издания.
- [8] Советское государство и право. 1955. N 8. С. 64 - 73, или с. 383 - 398 настоящего издания.
- [9] Вестник Московского университета. Серия экономики философии и права. 1959. N 3. С. 173 - 190, или с. 357 - 382 настоящего издания.
- [10] См. с. 379 - 380 настоящего издания.
- [11] См. п. 14 - 16 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 февраля 1998 г. N 8 <О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав> // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1998. N 10.
- [12] См.: *Грибанов В. П.* Основные проблемы осуществления и защиты гражданских прав. Автореф. дисс. : докт. юрид. наук. М., 1970. С. 3.
- [13] Советское государство и право. 1967. N 1. С. 49 - 56, или с. 233 - 244 настоящего издания.
- [14] См. с. 243 - 244 настоящего издания.
- [15] Вестник МГУ. Серия XII <Право>. 1966. N 3. С. 10 - 23, или с. 213 - 232 настоящего издания.
- [16] В этой связи любопытно отметить, что в свое время выдающийся теоретик права советского периода профессор А. И. Денисов, которому В. П. Грибанов подарил свою

книгу <Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей>, на странице этой книги, содержащей вышеприведенное определение правовых принципов, написал, что такое определение новое, никем не подмеченное явление в юридической науке - ранее не известная концепция объективности принципов права. Экземпляр упомянутой книги был подарен после смерти А. И. Денисова одному из авторов настоящего предисловия В. С. Емму вдовой А. И. Денисова.

[17] См. с. 225 настоящего издания.

[18] См.: Лауреаты Ломоносовских премий 1944 - 1994 гг. Библиографический словарь / Под ред. профессоров В. А. Садовниченко и В. И. Ильченко. М., 1996. С. 64 - 66.

[19] Данный вывод стал поводом для жесткой полемики. Наиболее видным оппонентом В. П. Грибанова был профессор С. Н. Малейн. См.: *Малейн С. Н.* Гражданский закон и права личности в СССР. М., 1981. С. 67 - 71.

[20] См. с. 63 - 64 настоящего издания.

[21] См.: Антология мировой философии. В 4 т. М., 1970. Т. 2. С. 323.

[22] См.: Гражданское право: Учебник / Отв. ред. проф. Е. А. Суханов Т. 1. С. 392 - 395.

[23] См.: *Грибанов В. П.* Право на защиту как одно из правомочий субъективного гражданского права // *Грибанов В. П.* Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М.: Изд-во МГУ, 1972. С. 152 - 168, или с. 104 - 117 настоящего издания.

[24] См.: *Грибанов В. П.* Пределы самозащиты гражданских прав // Вестник Московского университета. 1968. N 4. С. 3 - 16.

[25] Более подробно об этом см.: Гражданское право: Учебник / Отв. ред. проф. Е. А. Суханов. Т. 1. С. 418 - 420.

[26] См. с. 285 - 356 настоящего издания.

[27] См.: *Грибанов В. П.* Сроки в гражданском праве. М., 1967. С. 3 - 48, или с. 245 - 284 настоящего издания.

[28] Чтобы убедиться в этом можно также обратиться к комментарию ст. 120 ГК РСФСР 1964 г., написанному Г. Н. Полянской. В нем убедительно показано, что рассматриваемый срок является по своей сути искомым (см.: Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР 1964 г. / Под ред. профессоров Братуся С. Н и Садикова О. Н. М., 1982. С. 157).

[29] См., например: Эффективность гражданского законодательства. М., 1984; Эффективность правовых средств в обеспечении качества продукции. Ч. 1. М., 1987; ч. 2. М., 1988; Гражданско-правовое регулирование отношений по удовлетворению потребностей граждан. М., 1989 и др.

[30] Только из работ послевоенного времени см., например: М. М. Агарков. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве. <Известия АН СССР>, отделение экономики и права, 1946, N 6; С. И. Вильнянский. Значение судебной практики в гражданском праве. <Ученые труды ВИЮН>, вып. IX. М., Юриздат, 1947; М. И. Бару. О ст. 1 Гражданского кодекса. <Советское государство и право>, 1958, N 12; В. А. Рясенцев.

Условия и юридические последствия отказа в защите гражданских прав. <Советская юстиция>, 1962, N 9; В. А. Тархов. Осуществление гражданских прав. В сб.: <Развитие прав граждан СССР и усиление их охраны на современном этапе коммунистического строительства>. Саратов, 1962; О. С. Иоффе, В. П. Грибанов. Пределы осуществления субъективных гражданских прав. <Советское государство и право>, 1964, N7; С. Н. Братусь. О пределах осуществления гражданских прав. <Правоведение>, 1967, N 3; М. И. Цукерман. Некоторые вопросы применения ст. 5 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. <Правоведение>, 1967, N 3, и др.

[31] См.: М. М. Агарков. Ук. соч., стр. 435; С. И. Вильнянский. Ук. соч., стр. 267.

[32] См., например: С. Братусь. Имущественные отношения, регулируемые советским гражданским правом. <Вопросы экономики>, 1960, N 9; П. Е. Орловский. О проекте Основ гражданского законодательства. <Советское государство и право>, 1961, N 1, стр. 92; В. П. Грибанов, С. М. Корнеев, В. П. Мозолин. Важный шаг в развитии советского законодательства. <Советское государство и право>, 1961, N 1, стр. 98; А. Михайлов, Н. Гудимов, А. Ерошенко, Б. Алексеев. К проекту Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. <Социалистическая законность>, 1961, N 2, стр. 47, и др.

[33] Как отмечает Поль Лафарг, <юристы, политики, философы и религиозные реформаторы очень часто спорили о неограниченности права собственности> (см.: Поль Лафарг. Происхождение и развитие собственности. <Московский рабочий>, 1925, стр. 68).

[34] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 126.

[35] Там же, стр. 127.

[36] Там же.

[37] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 235.

[38] Именно поэтому нельзя согласиться с А. Н. Арзамасцевым в том, что вещно-правовые способы защиты права собственности имеют меньшее значение, чем <обязательственно-правовые>, так как на практике с ними приходится встречаться значительно реже (см.: А. Н. Арзамасцев. Охрана социалистической собственности по советскому гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1956, стр. 23 - 26).

[39] См. по этому вопросу: М. И. Бару. О ст. 1 Гражданского кодекса. <Советское государство и право>, 1958, N 12, стр. 117; С. А. Голунский. О творческой революционной роли социалистического права в период развернутого строительства коммунизма. <Советское государство и право>, 1961, N 10; Л. С. Явич. Творческая роль советского права в строительстве коммунизма. <Советское государство и право>, 1962, N 2; О. С. Иоффе. Юридические нормы и человеческие поступки. В сб.: <Актуальные вопросы советского гражданского права>. М., <Юридическая литература>, 1964, стр. 10 - 15.

[40] См.: В. Доманжо. Ответственность за вред, причиненный путем злоупотребления правом. <Уч. зап. Казанск. ун-та>, книга пятая, 1913, стр. 1.

[41] См.: И. С. Перетерский. Дигесты Юстиниана. М., Госюриздат, 1956, стр. 14.

[42] <Римское частное право>. М., Юриздат, 1948, стр. 53.

[43] См.: В. М. Хвостов. Система римского права, часть общая, изд. 2. М., 1902, стр. 103.

[44] Настоящий отрывок дан в переводе проф. И. С. Перетерского, который значительно отличается от перевода в издании Ф. Дыдынского (<Институции Гая>, текст в переводе, изд. Ф. Дыдынского. Варшава, 1892).

[45] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 11.

[46] Подробное рассмотрение современных буржуазных правовых теорий выходит за рамки настоящей работы. Поэтому представляется целесообразным ограничиться здесь лишь кратким указанием на основные направления буржуазной правовой науки, имеющие отношение к рассматриваемой проблеме.

[47] O.-W. Jakobs. Der Grundinhalt der subjektiven Rechte im deutschen und sowjetischen Rechtssystem. , Heft 4, 1964, S. 281.

[48] Planiol. Traité élémentaire de droit civil, t. II, n° 871; Л. Жюллио де ла Морандьер. Гражданское право Франции, т. I. М., ИЛ, 1958, стр. 67.

[49] См.: Евгений Годэме. Общая теория обязательств. М., Юриздат, 1948, стр. 327.

[50] , 28. Aufl., Kommentare. München. 1969. Komm. zum § 826.

[51] См.: Рене Давид. Основные правовые системы современности. М., <Прогресс>, 1967, стр. 156 - 158.

[52] Одна из особенностей буржуазного гражданского права состоит в том, что оно включает в себя также и нормы, регулирующие семейные отношения. Это обусловлено тем, что брак рассматривается буржуазным законодательством и теорией как обычная гражданско-правовая сделка, что естественно вытекает из отношений, покоящихся на частной капиталистической собственности. Поэтому Германское Гражданское Уложение содержит также ряд норм, касающихся злоупотребления правом и в сфере семейных отношений.

[53] Л. Эннекцерус. Курс германского гражданского права, т. I, полутом 2. М., ИЛ, 1950, стр. 437.

[54] , 28 Aufl., Kommentare. Komm. zum § 226. Возможность такого отступления от принципа <чистой шиканы> в одном случае допускал уже Эннекцерус, полагавший, что § 226 может быть применен и тогда, когда наряду с целью причинить вред другому существует и другая цель, но последняя <противоречит праву или безнравственна>.

[55] Josef Esser. Schuldrecht. Allgemeiner und besonderer Teil, 2. Aufl., Verl. C. F. Müller. Karlsruhe, 1960, S. 851.

[56] Швейцарское Гражданское Уложение, перевод К. М. Варшавского. Петроград, 1915.

[57] , Ministry of justice. Japan, 1962. Японский Гражданский кодекс был принят в 1898 г. и в своей первоначальной редакции не содержал нормы о злоупотреблении правом.

Однако критерий <добрых нравов> постепенно входил в судебную практику, а в 1947 г. в ГК было внесено соответствующее правило и сформулировано в ст. I ЯГК. См. <Гражданское и торговое право капиталистических государств>, под ред. проф. К. К. Яичкова. М., <Международные отношения>, 1966, стр. 48.

[58] См.: Рене Давид. Основные правовые системы современности. М., <Прогресс>, 1967, стр. 156.

[59] Нормы, включающие критерии <добрых нравов>, <доброй совести>, встречаются в современном буржуазном праве очень часто. То же Германское Гражданское Уложение содержит, например, правила о недействительности сделок, <противоречащих добрым нравам> (§ 138); об обязанности должника предоставить исполнение, как этого требует <добрая совесть> (§ 242), и др.

[60] , 28 Aufl., Kommentare. Komm. zum § 826.

[61] Karl Larenz. Lehrbuch des Schuldrechts. 1. Band. Allgemeiner Teil. München und Berlin, 1967, S. 49.

[62] Ibid., S. 50.

[63] См. по этому вопросу: В. П. Доманжо. Вопрос об ответственности за вред, причиненный при осуществлении права, в проекте нашего гражданского уложения. <Сборник статей по гражданскому и торговому праву>, посвященный памяти Г. Ф. Шершеневича. М., 1915.

[64] <Французский гражданский кодекс 1904 г.>, перевод проф. И. С. Перетерского. М., Юриздат, 1941.

[65] Е. А. Флейшиц. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М., Госюриздат, 1952, стр. 50.

[66] См.: Евгений Годэме. Общая теория обязательств, перевод проф. И. Б. Новицкого. М., Юриздат, 1948, стр. 328 - 329.

[67] Рене Давид. Основные правовые системы современности, стр. 157.

[68] Там же, стр. 157.

[69] Следует, однако, отметить, что Р. Давид, разделяя идею <общих принципов, не предусмотренных законом>, не отвергает и известного значения норм права, как это делают, например, сторонники <социологического направления> в США. Р. Давид стремится к более или менее объективному изложению существа правовых норм, но, как и всякий буржуазный ученый, он не поднялся до уровня понимания действительных (прежде всего экономических) причин происходящих правовых процессов в капиталистическом обществе. Его идеал состоит в том, чтобы <в каждом случае найти решение, наиболее соответствующее общему чувству справедливости, основанному на примирении самых различных интересов частных лиц и общества> (там же, стр. 158). И независимо от того, какова степень искренности веры автора в эти идеалы, идеалы эти -

суть <несбыточные надежды>, которым в условиях капиталистического общества не суждено стать реальностью.

[70] Эту особенность развития капитализма в России отмечает В. И. Ленин. В своей работе <Развитие капитализма в России> В. И. Ленин показывает, что по сравнению с дореформенной Россией после реформы капитализм в России начал развиваться <чрезвычайно быстро>. Однако темпы его развития все же были замедленными. Это развитие, писал В. И. Ленин, <не может не быть медленным, ибо ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом, задерживающие его развитие, безмерно ухудшающие положение производителей, которые <страдают и от капитализма и от недостаточного развития капитализма>> (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 601).

[71] В. П. Доманжо. Вопрос об ответственности за вред, причиненный при осуществлении права, в проекте нашего гражданского уложения. <Сборник статей по гражданскому и торговому праву>, стр. 319.

[72] В. П. Доманжо. Вопрос об ответственности за вред, причиненный при осуществлении права, в проекте нашего гражданского уложения. <Сборник статей по гражданскому и торговому праву>, стр. 320.

[73] А. И. Гуляев. Русское гражданское право, изд. 4. СПб., 1913, стр. 133, примечание I.

[74] В. П. Доманжо. Вопрос об ответственности за вред, причиненный при осуществлении права, в проекте нашего гражданского уложения. <Сборник статей по гражданскому и торговому праву>, стр. 323.

[75] М. М. Агарков. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве. <Известия АН СССР>, отделение экономики и права, 1946, N 6, стр. 427.

[76] М. В. Самойлова. Право личной собственности граждан СССР. Автореферат кандидатской диссертации. Изд-во ЛГУ, 1965, стр. 11.

[77] М. М. Агарков. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве. <Известия АН СССР>, отделение экономики и права, 1946, N 6, стр. 429.

[78] М. И. Бару. О ст. 1 Гражданского кодекса. <Советское государство и право>, 1958, N 12, стр. 118.

[79] С. Н. Братусь. О пределах осуществления гражданских прав. <Правоведение>, 1967, N 3, стр. 82.

[80] Там же, стр. 82.

[81] См.: В. А. Рясенцев. Условия и юридические последствия отказа в защите гражданских прав. <Советская юстиция>, 1962, N 9, стр. 8 - 9.

[82] См., например: О. Э. Лейст. Санкции в советском праве. М., Госюриздат, 1962, стр. 63; И. С. Самошенко. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., <Юридическая литература>, 1963, стр. 71, 76 и др.; В. Ф. Маслов. Основные проблемы права личной собственности в период строительства коммунизма в СССР. Харьков, 1968, стр. 204; В. П. Шахматов. Составы противоправных сделок и обусловленные ими

последствия. Томск, 1967, стр. 107; <Общая теория советского права>, под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самощенко. М., <Юридическая литература>, 1966, стр. 396; И. И. Цукерман. Некоторые вопросы применения ст. 5 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. <Правоведение>, 1967, N 3.

[83] В. Ф. Маслов. Основные проблемы права личной собственности в период строительства коммунизма в СССР, стр. 204.

[84], 1967, N 13.

[85] О понятии <охраняемого законом интереса> см., например: М. А. Гурвич. Гражданские процессуальные отношения и процессуальные действия. <Труды ВЮЗИ>, т. III. М., 1965.

[86] М. И. Бару. О ст. 1 Гражданского кодекса. <Советское государство и право>, 1958, N 12, стр. 117 - 118.

[87] См.: О. С. Иоффе, В. П. Грибанов. Пределы осуществления субъективных гражданских прав. <Советское государство и право>, 1964, N 7, стр. 77.

[88] См.: М. М. Агарков. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве. <Известия АН СССР>, отделение экономики и права, 1946, N 6, стр. 436.

[89] О. С. Иоффе. Советское гражданское право. М., <Юридическая литература>, 1967, стр. 311.

[90] См.: М. В. Самойлова. Осуществление права личной собственности граждан СССР. В сб.: <Вопросы гражданского права и процесса>. Изд-во ЛГУ, 1969, стр. 37.

[91] С. Н. Братусь. О пределах осуществления гражданских прав. <Правоведение>, 1967, N 3, стр. 80 - 81.

[92] Там же, стр. 82. Следует, однако, отметить неясность и спорность утверждения о том, что кроме содержания субъективное право также <включает в себя> и его социальное назначение. Под социальным назначением С. Н. Братусь понимает <социальную цель> субъективного права (там же, стр. 82). Цель есть то, на достижение чего направлено данное субъективное право, и потому она не может входить в само субъективное право. Вместе с тем субъективное право есть средство для достижения определенной цели и потому не ясно, как именно это средство может <включать в себя> определенную цель, даже если ее и назвать <социальной целью>.

[93] См.: М. М. Агарков. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве. <Известия АН СССР>, отделение экономики и права, 1946, N 6, стр. 425; В. А. Рясенцев. Условия и юридические последствия отказа в защите гражданских прав. <Советская юстиция>, 1962, N 9, стр. 8.

[94] См.: В. П. Грибанов. Сроки в гражданском праве. М., <Знание>, 1967.

[95] Подробнее по этому вопросу см. раздел II настоящей работы.

[96] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 189.

- [97] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 423 - 424.
- [98] См.: О. С. Иоффе, В. П. Грибанов. Пределы осуществления гражданских прав. <Советское государство и право>, 1964, N 7, стр. 79; С. Н. Братусь. О пределах осуществления гражданских прав. <Правоведение>, 1967, N 3, стр. 84; <Советское гражданское право Казахской ССР>. Алма-Ата, 1968, стр. 60.
- [99] См., например: Г. К. Матвеев. Вина в советском гражданском праве. Киев, 1955, стр. 26; Б. С. Антимонов. Основания договорной ответственности социалистических организаций. М., Госюриздат, 1962, стр. 30.
- [100] См.: Е. А. Флейшиц. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М., Госюриздат, 1951, стр. 30; М. В. Гордон. Лекции по советскому гражданскому праву. Харьков, 1960, стр. 246; его же. Радянське цивільне право. Харьков, 1966, стр. 223.
- [101] См.: С. Н. Братусь. Субъекты гражданского права. М., Госюриздат, 1950, стр. 198; О. С. Иоффе. Юридические нормы и человеческие поступки. В сб.: <Актуальные вопросы советского гражданского права>. М., <Юридическая литература>, 1964, стр. 25.
- [102] См.: О. С. Иоффе. Юридические нормы и человеческие поступки. В сб.: <Актуальные вопросы советского гражданского права>, стр. 25; <Гражданское право>, т. I. М., <Юридическая литература>, 1969, стр. 525.
- [103] <Гражданское право>, т. I. М., Юриздат, 1944, стр. 319; <Советское гражданское право>, т. 2. М., <Юридическая литература>, 1965, стр. 335.
- [104] См.: И. С. Самощенко. Понятие правонарушения по советскому законодательству, стр. 70.
- [105] Л. А. Майданик, Н. Ю. Сергеева. Материальная ответственность за повреждение здоровья. М., <Юридическая литература>, 1968, стр. 17.
- [106] См.: О. С. Иоффе. Юридические нормы и человеческие поступки. В сб.: <Актуальные вопросы советского гражданского права>, стр. 16 - 25.
- [107] См.: О. С. Иоффе. Советское гражданское право, курс лекций. Изд-во ЛГУ, 1958, стр. 443.
- [108] См.: В. А. Рахмилович. О противоправности как основании гражданской ответственности. <Советское государство и право>, 1964, N 3, стр. 53.
- [109] См.: И. С. Самощенко. Понятие правонарушения по советскому законодательству, стр. 76.
- [110] См.: О. Э. Лейст. Санкции в советском праве. М., Госюриздат, 1962, стр. 47 - 62; И. С. Самощенко. Понятие правонарушения по советскому законодательству, стр. 69 - 77; В. П. Шахматов. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия. стр. 100 - 109.

- [111] Вопрос о понятии юридической обязанности в настоящей работе не рассматривается. Он получил известное освещение в работах О. Э. Лейста и И. С. Самощенко.
- [112] См.: О. Э. Лейст. Санкции в советском праве, стр. 63; И. С. Самощенко. Понятие правонарушения по советскому законодательству, стр. 75; В. П. Шахматов. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия, стр. 107.
- [113] См.: О. С. Иоффе, В. П. Грибанов. Пределы осуществления субъективных гражданских прав. <Советское государство и право>, 1964, N 7, стр. 77.
- [114] М. В. Самойлова. Осуществление права личной собственности граждан СССР. В сб.: <Вопросы гражданского права и процесса>, стр. 38.
- [115] <Общая теория советского права>. М., <Юридическая литература>, 1966, стр. 393 - 394.
- [116] См.: В. А. Рясенцев. Условия и юридические последствия отказа в защите гражданских прав. <Советская юстиция>, 1962, N 9, стр. 8 - 9; О. Н. Кудрявцев. Условия осуществления гражданских прав. В сб.: <Научная конференция профессорско-преподавательского состава Харьковского юридического института>, тезисы докладов. Харьков, 1968, стр. 97.
- [117] См., например: <Комментарий к Уголовному кодексу Казахской ССР>. Алма-Ата, 1966, стр. 312.
- [118] См.: Н. М. Ершова. Опекa и попечительство над несовершеннолетними. М., Госюриздат, 1959, стр. 91.
- [119] А. И. Пергамент. Опекa и попечительство. М., <Юридическая литература>, 1966, стр. 70.
- [120] Г. М. Свердлов. Советское семейное право. М., Госюриздат, 1951, стр. 157.
- [121] См.: В. А. Рясенцев. Семейное право. М., <Юридическая литература>, 1967, стр. 152.
- [122] См.: Е. М. Ворожейкин. Правовые основы брака и семьи. М., <Юридическая литература>, 1969, стр. 91.
- [123] См.: И. С. Самощенко. Понятие правонарушения по советскому законодательству, стр. 159.
- [124] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 398.
- [125] Там же.
- [126] Там же, стр. 399 - 400.
- [127] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 401.
- [128] П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964, стр. 487.

[129] Там же, стр. 475.

[130] Л. Ж. де ла Морандьер, в своем курсе гражданского права Франции заявляет, что концепция злоупотребления правом доведена до крайности учением социализма (см.: Морандьер. Гражданское право Франции, т. I. М., ИЛ, 1958, стр. 67). При этом автор ошибочно ссылается на ст. 1 ГК СССР, которого никогда не существовало, если не считать опубликованного проекта 1947 г.

[131] И. С. Перетерский. Принудительные и диспозитивные нормы в обязательственном праве гражданского кодекса. <Советское право>, 1924, N 4 (10), стр. 72.

[132] Я. Канторович. Первая статья гражданского кодекса. <Право и жизнь>, 1925, кн. 2 - 3, стр. 9.

[133] <Гражданский кодекс советских республик>, текст и комментарий под ред. Ал. Малицкого, изд. 3. НКЮ УССР, 1927, стр. 8.

[134] <Вопросы советского хозяйственного права>, сб. I. М., 1933, стр. 12.

[135] П. Стучка. Так называемое советское право. <Революция права>, 1924, сб. I.

[136] См.: Л. Дюги. Общие преобразования гражданского права. М., 1920, стр. 87 и др.

[137] Эта идея впервые была высказана Гойхбаргом уже в его докладе на IV сессии ВЦИК при принятии Гражданского кодекса (подробнее по этому вопросу см.: А. Добров. Статья первая Гражданского кодекса. <Право и жизнь>, 1927, кн. первая). По мнению В. И. Славицкого, социально-хозяйственное назначение прав <состоит в том, чтобы служить средством для развития производительных сил страны>. <Комментарий к ГК>, под ред. Ал. Малицкого, изд. 3, стр. 30.

[138] См.: В. И. Вильнянский. Значение судебной практики в гражданском праве. <Ученые труды ВИЮН>, вып. IX. М., Юриздат, 1947, стр. 263.

[139] <Судебная практика РСФСР>, 1929, N 6, стр. 2 - 3.

[140] См., например: Н. А. Топоров. Основные идеи Гражданского кодекса. <Рабочий суд>, 1923, стр. 8; С. Аскназий. Ст. 1 Гражданского кодекса. <ЕЖСЮ>. 1923, N 38 и 39 (см. N 38, стр. 873); Б. Рубинштейн. Принцип социально-экономического назначения права в гражданском кодексе РСФСР. <Советское право>, 1926, N 3 (21) и N 4 (22) (см. N 4, стр. 69).

[141] См.: А. М. Ладыженский. Оговорка изменившихся обстоятельств в советском праве. <Право и жизнь>, 1925, кн. 2 - 3, стр. 19.

[142] См.: И. Б. Новицкий. Право собственности. М., 1925, стр. 31.

[143] См.: И. С. Перетерский. Принудительные и диспозитивные нормы в обязательственном праве гражданского кодекса. <Советское право>, 1924, N 4 (10).

[144] См.: Е. И. Кельман. Спор о ст. 1 Гражданского кодекса. <Вестник советской юстиции>, 1927, N 18.

[145] В литературе приводится интересный факт. В зале N 1 Гражданского отдела Мосгубсуда текст ст. 1 ГК был написан на полотнище и вывешен над головами судей, так что всякий, кто приходил в суд, так или иначе обращал на него внимание.

[146] <Гражданский кодекс с постатейно-систематизированными материалами>, под ред. С. Александровского. М., 1928, стр. 17.

[147] Там же, стр. 18.

[148] <Гражданский кодекс>, комментарий под ред. С. Александровского. М., Юриздат, 1928, стр. 17.

[149] <Судебная практика РСФСР>, 1929, N 12, стр. 2.

[150] <Судебная практика РСФСР>, 1929, N 17, стр. 18.

[151] <Судебная практика РСФСР>, 1929, N 1, стр. 6.

[152] <Практический комментарий Гражданского кодекса РСФСР>, под ред. Ф. М. Нахимсона. М., Госюриздат, 1931, стр. 13.

[153] Я. А. Канторович. Имущественные права граждан СССР. Л., 1925, стр. 24.

[154] Б. Рубинштейн. Принцип социально-экономического назначения права в гражданском кодексе РСФСР. <Советское право>, 1926, N 4, стр. 83.

[155] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 199.

[156] Там же, стр. 198.

[157] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 328.

[158] См.: Г. М. Свердлов, В. С. Тадевосян. Гражданский кодекс РСФСР в судебной практике. М., Юриздат, 1929, стр. 16 - 17 (раздел III этой работы, посвященной ст. 1 ГК, был написан С. М. Прушацким).

[159] <Гражданский кодекс>, комментарий под ред. С. Александровского. М., Юриздат, 1921, стр. 19.

[160] <Практический комментарий Гражданского кодекса РСФСР>, под ред. Ф. М. Нахимсона, стр. 13.

[161] Там же, стр. 9.

[162] <Практический комментарий Гражданского кодекса РСФСР>, под ред. Ф. М. Нахимсона, стр. 11 - 12.

[163] См.: П. Е. Орловский. Право собственности в практике Верховного Суда СССР. <Социалистическая законность>, 1944, N 9 - 10.

[164] <Советская юстиция>, 1940, N 22, стр. 32.

- [165] <Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924 - 1957 гг.>, стр. 128 - 137.
- [166] <Судебная практика Верховного Суда СССР>, 1951, N 2, стр. 36; 1952, N 9, стр. 32 - 33 и др.
- [167] С. И. Вильнянский. Значение судебной практики в гражданском праве. <Ученые труды ВИЮН>, вып. IX. М., Юриздат, 1947, стр. 267.
- [168] <Судебная практика Верховного Суда СССР>, 1954, N 3, стр. 13.
- [169] <Судебная практика Верховного Суда СССР>, 1954, N 3, стр. 14 - 15.
- [170] <Известия>, 12 февраля 1957 г.
- [171] Приложение к журналу <Советская юстиция>, 1960, N 7.
- [172] См.: С. Н. Братусь. О пределах осуществления гражданских прав. <Правоведение>, 1967, N 3, стр. 79.
- [173] См.: В. А. Рясенцев. Условия и юридические последствия отказа в защите гражданских прав. <Советская юстиция>, 1962, N 9, стр. 7.
- [174] См., например: С. Н. Братусь. О пределах осуществления гражданских прав. <Правоведение>, 1967, N 3, стр. 79; В. А. Рясенцев. Условия и юридические последствия отказа в защите гражданских прав. <Советская юстиция>, 1962, N 9, стр. 8; О. С. Иоффе, В. П. Грибанов. Пределы осуществления субъективных гражданских прав. <Советское государство и право>, 1964, N 7, стр. 78 и др.
- [175] См.: С. Н. Братусь. О пределах осуществления гражданских прав. <Правоведение>, 1967, N 3, стр. 81.
- [176] См. по этому вопросу: Е. С. Компанец, Э. Г. Полонский. Применение законодательства в кредитовании и расчетах, гл. III. М., <Юридическая литература>, 1967.
- [177] СП СССР 1965 г. N 19 - 20, ст. 155.
- [178] Там же.
- [179] СП СССР 1967 г. N 2 - 3, ст. 9; СП РСФСР 1966 г. N 32, ст. 158.
- [180] В. А. Рясенцев. Условия и юридические последствия отказа в защите гражданских прав. <Советская юстиция>, 1962, N 9, стр. 8.
- [181] См.: О. С. Иоффе, В. П. Грибанов. Пределы осуществления субъективных гражданских прав. <Советское государство и право>, 1964, N 7, стр. 79.
- [182] С. Н. Братусь. О пределах осуществления гражданских прав. <Правоведение>, 1967, N 3, стр. 86.
- [183] Там же, стр. 86.

[184] См.: Б. Б. Базарбаев, Ю. Г. Басин, М. А. Ваксберг, С. И. Меерзон. Советское гражданское право Казахской ССР, вып. 1. Алма-Ата, 1968, стр. 60 - 61.

[185] Следует отметить, что в законодательстве некоторых социалистических стран моральным принципам придается весьма серьезное значение. Так, в соответствии со ст. 5 Гражданского кодекса ПНР 1964 г. <нельзя пользоваться своим правом в противоречии с социально-хозяйственным назначением этого права или принципами социалистического общежития. Такого рода действие или бездействие управомоченного не признается осуществлением права и не пользуется охраной>.

[186] См.: О. Н. Кудрявцев. Условия осуществления гражданских прав. В сб.: <Научная конференция профессорско-преподавательского состава Харьковского юридического института. Тезисы докладов>. Харьков, 1968, стр. 88.

[187] Подробнее по этому вопросу см.: О. С. Иоффе, В. П. Грибанов. Пределы осуществления субъективных гражданских прав. <Советское государство и право>, 1964, N 7, стр. 80 - 85.

[188] См.: В. П. Грибанов. Принципы осуществления гражданских прав. <Вестн. Моск. ун-та>, серия право, 1966, N 3.

[189] См.: В. А. Рясенцев. Условия и юридические последствия отказа в защите гражданских прав. <Советская юстиция>, 1962, N 9, стр. 9; М. М. Агарков. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском процессе. <Известия АН СССР>, отделение экономики и права, 1946, N 6, стр. 426.

[190] См.: М. И. Цукерман. Некоторые вопросы применения ст. 5 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. <Правоведение>, 1967, N 3, стр. 93.

[191] Данное предложение В. П. Грибанова было реализовано в Конституции СССР от 7 октября 1977 г. В ней, в ч. 2 ст. 39, было указано, что использование гражданских прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства, правам других граждан. - *Ред.*

[192] Подробнее по этому вопросу см.: В. П. Грибанов. Границы свободы завещания вкладов. <Советское государство и право>, 1968, N 3.

[193] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 383.

[194] См.: В. А. Рясенцев. Условия и юридические последствия отказа в защите гражданских прав. <Советская юстиция>, 1962, N 9, стр. 9; О. С. Иоффе. Важный этап новой кодификации советского гражданского законодательства. <Правоведение>, 1962, N 2, стр. 59; О. С. Иоффе, В. П. Грибанов. Пределы осуществления субъективных гражданских прав. <Советское государство и право>, 1964, N 7, стр. 78; С. Н. Братусь. О пределах осуществления гражданских прав. <Правоведение>, 1967, N 3, стр. 81 - 82; М. И. Цукерман. Некоторые вопросы применения ст. 5 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. <Правоведение>, 1967, N 3.

[195] В. Ф. Маслов. Основные проблемы права личной собственности в период строительства коммунизма в СССР. Харьков, 1968, стр. 203.

[196] См. там же, стр. 203 - 204.

- [197] См.: В. А. Рясенцев. Условия и юридические последствия отказа в защите гражданских прав. <Советская юстиция>, 1962, N 9, стр. 9.
- [198] См.: М. И. Цукерман. Некоторые вопросы применения ст. 5 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. <Правоведение>, 1967, N 3, стр. 88.
- [199] <Гражданский кодекс советских республик>, практический комментарий под ред. Ал. Малицкого, изд. 3. Киев, Юриздат, НКЮ УССР, 1927, стр. 31.
- [200] См.: А. Фарбштейн. Ст. 1 Гражданского кодекса и права госорганов по договорам. <Ежегодник Советской юстиции>, 1924, N 27.
- [201] <Судебная практика Верховного Суда СССР>, 1951, N 8, стр. 47.
- [202] Дела N 423/14 и 777/14 Госарбитража при Совете Министров СССР.
- [203] Дела N 423/14 и 777/14 Госарбитража при Совете Министров СССР.
- [204] Следует иметь в виду, что в новых Положениях о поставках продукции и товаров правило ч. 2 ст. 168 ГК РСФСР нашло свое прямое закрепление. Пунктом 3 Положений о поставках предусмотрено, что <каждая из сторон при заключении и исполнении договоров должна соблюдать хозрасчетные интересы другой стороны, исполнять свои обязанности наиболее экономичным для социалистического народного хозяйства образом и оказывать другой стороне всевозможное содействие в исполнении ею своих обязанностей> (СП СССР 1969 г. N 11, ст. 64).
- [205] С. Н. Братусь. О пределах осуществления гражданских прав. <Правоведение>, 1967, N 3, стр. 81.
- [206] Там же.
- [207] См.: Г. С. Амерханов. Значение правил социалистического общежития и принципов морали в осуществлении и защите гражданских прав. <Ученые записки ВЮЗИ>, вып. XV. М., 1967, стр. 100.
- [208] Следует вместе с тем отметить, что даже в работах последнего времени, опубликованных после введения в действие Основ гражданского законодательства, нередко говорят о третьей возможности как о возможности обратиться с требованием защиты права лишь к **государственным** органам (см., например: Н. И. Матузов. Субъективные права граждан СССР. Саратов, 1966, стр. 45 - 46). Такое мнение нельзя признать правильным, так как ст. 6 Основ предусматривает, что защита гражданских прав осуществляется не только государственными органами (судом, арбитражем и др.), но также третейским судом, товарищеским судом, профсоюзными или иными общественными организациями.
- [209] Следует иметь в виду, что в тех случаях, когда для предъявления иска в суд или арбитраж закон требует соблюдения обязательного претензионного порядка, право на обращение к этим органам возникает только после соблюдения этого порядка.
- [210] В литературе О. В. Ивановым было высказано мнение, что защита гражданских прав представляет собой <применение наделенным властными государственными полномочиями юрисдикционным органом специальных мер, направленных на

обеспечение управомоченному реальной возможности осуществления его права» (<Вопросы советского государства и права>. <Тр. Иркутск. гос. ун-та>, серия юридическая, 1967, т. XIV, вып. 8, ч. 3, стр. 44). Из этого следует, что право на защиту сводится автором лишь к требованию защиты права, обращенному к юрисдикционному органу. Такое понимание права на защиту представляется чрезмерно узким, не охватывающим всех тех правоохранительных возможностей, которые действующее гражданское и гражданско-процессуальное законодательство предоставляют лицу, чье право нарушено.

[211] См.: С. С. Алексеев. Общая теория социалистического права, вып. 2. Свердловск, 1964, стр. 203.

[212] А. А. Добровольский. Исковая форма защиты права. Изд-во ЛГУ, 1965, стр. 10.

[213] Исключением из этого общего правила является попытка решить этот вопрос в более широком плане, предпринятая С. В. Курылевым в статье: <Формы защиты и принудительного осуществления субъективных прав и право на иск>. <Тр. Иркутск. гос. ун-та>, серия юридическая, 1957, т. XXII, вып. 3, стр. 159 - 215.

[214] Так, С. И. Вильнянский, не разграничивая права на иск в материальном и процессуальном смысле, под правом на иск понимает <возможность осуществления своего права принудительным путем, помимо и против воли обязанного лица> (см.: С. И. Вильнянский. Лекции по советскому гражданскому праву. Харьков, 1958, стр. 179 - 181).

[215] Такой позиции, в частности, придерживается проф. К. С. Юдельсон, по мнению которого <право на иск есть обеспеченная законом возможность обращения к суду за защитой своих гражданских прав, а в случаях, предусмотренных законом, - в целях защиты гражданских прав других лиц и организаций> (<Советское гражданское процессуальное право>, под ред. К. С. Юдельсона. М., <Юридическая литература>, 1965, стр. 190).

[216] См.: Н. И. Авдеенко. Иск и его виды в советском гражданском процессуальном праве. Автореф. канд. дисс. Л., 1951; А. Ф. Клейнман. Советский гражданский процесс. Изд-во МГУ, 1954, стр. 147; <Советский гражданский процесс>, под ред. А. Ф. Клейнмана. Изд-во МГУ, 1964, стр. 123; А. А. Добровольский. Исковая форма защиты права. Изд-во МГУ, 1965, стр. 29; А. Ф. Клейнман. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. Изд-во МГУ, 1967, стр. 30 - 32.

[217] См., например: М. А. Гурвич. Право на иск. М. - Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 46 - 145; <Гражданское право>, т. I. М., Юриздат, 1944, стр. 108 - 109; <Советское гражданское право>, т. I. М., Госюриздат, 1950, стр. 254; <Советское гражданское право>, т. I. М., Госюриздат, 1959, стр. 199; <Советское гражданское право>. М., <Юридическая литература>, 1965, стр. 231 - 232; М. Я. Лапиров-Скобло. Исковая давность по имущественным спорам между хозяйственными организациями. М., Госюриздат, 1961, стр. 6 - 7; М. П. Ринг. Исковая давность и ее значение в укреплении хозяйственного расчета. <Вопросы советского гражданского права>. М., Госюриздат, 1955, стр. 73; И. М. Болотников. Проблемы исковой давности в советском гражданском праве. Автореф. канд. дисс. Л., 1964, стр. 6; М. Я. Кириллова. Исковая давность. М., <Юридическая литература>, 1966, стр. 17; О. С. Иоффе. Советское гражданское право. М., <Юридическая литература>, 1967, стр. 332.

[218] См.: М. А. Гурвич. Право на иск, стр. 31, 178.

[219] В. Г. Даев. Применение исковой формы защиты права в советском уголовном процессе. Автореф. канд. дисс. Л., 1967, стр. 7.

[220] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 158.

[221] <Советское гражданское процессуальное право>, под ред. К. С. Юдельсона. М., <Юридическая литература>, 1965, стр. 16, примечание 1.

[222] Исключение из этого правила составляют лишь случаи совершения исполнительных надписей нотариусами по документам, подтверждающим бесспорное право заявителя. Как предусмотрено ст. 76 Положения о Государственном нотариате РСФСР, исполнительная надпись совершается, если представленные документы подтверждают бесспорность задолженности или иной ответственности должника перед взыскателем (<Ведомости Верховного Совета РСФСР>, 1965, N 40, ст. 991).

[223] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 158.

[224] Там же, стр. 159.

[225] А. Ф. Клейнман. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. Изд-во МГУ, 1967, стр. 31; <Советский гражданский процесс>, под ред. А. Ф. Клейнмана. Изд-во МГУ, 1964, стр. 123.

[226] В литературе при определении права на иск нередко не учитывается, что иск и право на иск неразрывно связаны лишь с исковым производством. Обычно право на иск в материальном смысле определяют как правомочие осуществить гражданское право помимо и против воли обязанного лица, т. е. в принудительном порядке (см., например: С. И. Вильнянский. Лекции по советскому гражданскому праву. Харьков, 1958, стр. 180; <Гражданское право>, т. I, стр. 109; М. Я. Лапиров-Скобло. Исковая давность по имущественным спорам между хозяйственными организациями, стр. 7 и др.). С таким определением невозможно согласиться, так как принудительное осуществление права возможно в ряде случаев и в неисковом порядке, например через административные органы.

[227] <Вечерняя Москва>, 5 марта 1964 г.

[228] См.: Н. Малеин. Возмещение вреда, причиненного в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости. <Советская юстиция>, 1964, N 20, стр. 24; <Научно-практический комментарий к ГК РСФСР>, под ред. Е. А. Флейшиц. М., <Юридическая литература>, 1966, стр. 522; <Комментарий к Гражданскому кодексу Казахской ССР>. Алма-Ата, 1965, стр. 512; <Гражданский кодекс РСФСР>, под ред. О. А. Красавчикова, учебно-практическое пособие, ч. II. Свердловск, 1965, стр. 358; О. С. Иоффе, Ю. К. Толстой. Новый гражданский кодекс РСФСР. Изд-во ЛГУ, 1965, стр. 368.

[229] См., например: В. Ф. Кириченко. Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве. М., Изд-во АН СССР, 1948; И. И. Слуцкий. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Изд-во ЛГУ, 1956; А. Н. Трайнин. Общее учение о составе преступления. М., Госюриздат, 1957; Н. Д. Дурманов. Обстоятельства, исключающие общественную опасность и противоправность деяния. <Советское уголовное право>, часть общая, вып. 9. М., Изд-во ВЮЗИ, 1961; Н. Н. Паше-Озерский. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М.,

<Юридическая литература>, 1962; И. Тишкевич. Условия ответственности за превышение пределов необходимой обороны. <Советская юстиция>, 1967, N 13, и др.

[230] <Бюллетень Верховного Суда СССР>, 1970, N 1, стр. 15 - 20.

[231] Так, например, по делу К. судом было установлено, что он, будучи сторожем, стрелял в проходивших мимо подростков, а когда последние побежали, К. погнался за ними и выстрелом из ружья смертельно ранил одного из них. Как отметила в своем определении Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, в данном случае вообще не было нападения, поэтому и не было оснований обсуждать вопрос как о необходимой обороне, так и о превышении ее пределов (<Бюллетень Верховного суда РСФСР>, 1967, N 2, стр. 12).

[232] <Бюллетень Верховного Суда СССР>, 1970, N 1, стр. 18.

[233] Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1969 г. <Бюллетень Верховного Суда СССР>, 1970, N 1, стр. 16, 18.

[234] <Бюллетень Верховного суда РСФСР>, 1967, N 2, стр. 12. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР не нашла превышения пределов необходимой обороны в деле Кочерыгина, когда в качестве средства отражения нападения было применено огнестрельное оружие с тяжелыми последствиями. Суть дела такова:

[235] <Бюллетень Верховного Суда СССР>, 1966, N 3, стр. 20.

[236] <Бюллетень Верховного Суда СССР>, 1967, N 4, стр. 18.

[237] <Бюллетень Верховного суда РСФСР>, 1963, N 3, стр. 5.

[238] Н. Малейн. Возмещение вреда, причиненного в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости. <Советская юстиция>, 1964, N 20, стр. 24.

[239] <Бюллетень Верховного суда РСФСР>, 1967, N 4, стр. 7.

[240] См.: О. С. Иоффе, Ю. К. Толстой. Новый гражданский кодекс РСФСР. Изд-во ЛГУ, 1965, стр. 368.

[241] В связи с этим нельзя согласиться с утверждением В. С. Якушева, по мнению которого <при крайней необходимости создается ситуация, при которой одно лицо с целью предотвратить имущественный вред [подчеркнуто мною. - В. Г.] у себя или у третьего лица, причиняет **имущественный вред** другому лицу> (<Гражданский кодекс РСФСР> (учебно-практическое пособие), ч. II. Свердловск, 1965, стр. 369).

[242] Кулаев купался в Волге и, почувствовав себя плохо, стал звать на помощь. Стоявший на берегу Лисицын, не умея плавать, бросился к стоявшему на берегу баркасу, нагруженному тремя мешками с сахаром, выбросил их в воду, быстро поплыл к месту, где тонул Кулаев, и спас его (дело приведено проф. Н. Д. Дурмановым. <Советское уголовное право>, ч. общая, вып. 9. М., Изд-во ВЮЗИ, 1961, стр. 32). В данном случае спасение Кулаева зависело от быстроты действий Лисицына, которые при таких обстоятельствах являются необходимыми.

[243] Примером такого случая может быть дело Шмика К. К., рассмотренное Верховным судом Казахской ССР 28 июля 1965 г. Возвращаясь домой из клуба совхоза, Шмик увидел лежащего на улице Михалкина, избитого неизвестными лицами. По просьбе Михалкина Шмик поднял его, довел до гаража, без разрешения кого-либо посадил в кабину пожарной автомашины и повез в больницу в с. Чистополье. Однако, не имея достаточного опыта в вождении автомашины, он по дороге наехал на кочку и опрокинул машину. Несмотря на это, он довел Михалкина в больницу. В результате аварии совхозу был причинен вред в сумме 611 руб. 70 коп., который Шмик погасил еще до рассмотрения дела.

[244] Н. Малейн. Возмещение вреда, причиненного в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости. <Советская юстиция>, 1964, N 20, стр. 25.

[245] Нельзя согласиться с высказанным в литературе мнением о неприменимости к данным случаям ч. 2 ст. 458 ГК (<Гражданский кодекс РСФСР> (учебно-практическое пособие), ч. II. Свердловск, 1965, стр. 359). Наряду с другими обстоятельствами дела суд вправе учесть в данном случае также и материальное положение причинителя вреда, тем более, что сама ст. 458 ГК никаких ограничений на этот счет не содержит.

[246] Постановление Совета Министров СССР от 3 апреля 1967 г., п. 24 (СП СССР 1967 г. N 10, ст. 56).

[247] СП СССР 1967 г. N 26, ст. 186.

[248] СП СССР 1967 г. N 22, ст. 156.

[249] Так, например, Типовым договором найма жилого помещения в доме местного Совета, действующим в БССР, предусмотрено возмещение домоуправлением понесенных нанимателем расходов в пределах <сметной стоимости> произведенного капитального ремонта (<Жилищное законодательство>. Минск, 1961, стр. 163).

[250] Пункты 62, 63 соответствующих Положений о поставках продукции (СП СССР 1969 г. N 11, ст. 64).

[251] Пункт 8 Положения об имущественной ответственности объединений <Сельхозтехника>, а также колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий и организаций за нарушение обязательств по заказам на сельскохозяйственную технику и иные материально-технические средства (СП СССР 1966 г. N 12, ст. 118).

[252] СП СССР 1967 г. N 26, ст. 186.

[253] СП СССР 1967 г. N 26, ст. 186.

[254] Статья 99 Устава железных дорог 1954 г. предусматривала обязанность железной дороги в 15-дневный срок по выявлении переборов перечислять грузополучателям излишне полученные суммы за перевозки, не ожидая предъявления претензии.

[255] <Социалистическая законность>, 1967, N 7, стр. 84.

[256] СП СССР 1967 г. N 10, ст. 56.

[257] Пункт 56 Положения о поставках продукции производственно-технического назначения и п. 54 Положения о поставках товаров народного потребления 1959 г.

[258] СП СССР 1967 г. N 26, ст. 186.

[259] СП СССР 1967 г. N 10, ст. 56. В настоящее время это правило закреплено также в пп. 58, 59 Положений о поставках 1969 г.

[260] СП СССР 1969 г. N 11, ст. 64.

[261] О порядке внесения в депозит денежных сумм или ценных бумаг см. ст. 185 ГК РСФСР, ст. ст. 73 - 74 Положения о Государственном нотариате РСФСР (<Ведомости Верховного Совета РСФСР>, 1965, N 40, ст. 991).

[262] Типовой устав ломбарда, утвержденный постановлением Совета Министров РСФСР от 7 июня 1968 г. (СП РСФСР 1968 г. N 10, ст. 54).

[263] З. М. Заменгоф. Изменение и расторжение хозяйственных договоров. М., <Юридическая литература>, 1967, стр. 117.

[264] Так, в ст. 290 ГК, которая озаглавлена <досрочное расторжение договора по требованию нанимателя>, содержатся как правила о расторжении договора, так и правила об отказе нанимателя от договора бытового проката в любое время. Неточным в данном случае является не сам текст закона, а его заголовок, который не охватывает всего содержания данной статьи. Или, например, ст. 337 ГК говорит о расторжении договора жилищного найма в случае угрозы обвала дома. Поскольку выселение в указанных случаях производится в административном порядке, термин <расторжение договора>, обычно применяемый в связи с предъявлением требования в суд, арбитраж и т. п. о расторжении договора, здесь не сов-сем подходит. Правильнее, по-видимому, было бы в данном случае говорить о <прекращении договора> с наступлением такого юридического факта, как аварийность дома.

[265] Научно-практический комментарий к ГК РСФСР, под ред. Е. А. Флейшиц. М., <Юридическая литература>, 1966, стр. 195.

[266] З. М. Заменгоф. Изменение и расторжение хозяйственных договоров, стр. 119.

[267] См.: З. М. Заменгоф. Изменение и расторжение хозяйственных договоров, стр. 119.

[268] Настоящее правило закреплено в пп. 60, 61 Положений о поставках.

[269] Пункт 31 Положения о поставках продукции производственно-технического назначения и п. 28 Положения о поставках товаров народного потребления (СП СССР 1969 г. N 11, ст. 64).

[274] С. В. Курылев. Формы защиты и принудительного осуществления субъективных прав и право на иск. <Труды Иркутск. гос. ун-та>, серия юридическая, 1957, т. XXII, вып. 3, стр. 80.

[275] Характер административного порядка рассмотрения споров широко обсуждается в нашей правовой литературе. Ряд авторов не без оснований говорят об административном процессе рассмотрения дел. См., например: Г. И. Петров. О кодификации советского

административного права. <Советское государство и право>, 1960, N 5, стр. 30; А. Е. Лунев. Административная ответственность за правонарушения. М., Госюриздат, 1961, стр. 177; Б. Б. Хангельдыев. О системе советского административного права. <Сб. ученых трудов Свердловск. юрид. ин-та>, вып. 2. Свердловск, 1964, стр. 57 и др.; Н. Г. Салищева. Административный процесс в СССР. М., Госюриздат, 1964; В. П. Воложа-нин. Некоторые теоретические проблемы защиты гражданских прав в административном порядке. <Сб. ученых трудов Свердловск. юрид. ин-та>, вып. 6. Свердловск, 1967, стр. 207 и след.; В. Д. Сорокин. Проблемы административного процесса. М., <Юридическая литература>, 1968.

[276] В связи с этим нельзя согласиться с утверждением К. С. Юдельсона, что <отнесение дел к подведомственности судебных или иных органов зависит от особенности политики государства на данном этапе его развития, а в некоторой степени диктуется практическими соображениями> (см.: К. С. Юдельсон. Советский гражданский процесс. М., <Юридическая литература>, 1956, стр. 182). Такое решение вопроса не может быть признано приемлемым, так как оно в значительной мере способствует проявлению волюнтаристских тенденций в законодательном решении проблемы подведомственности. Задача же состоит в том, чтобы выявить те объективные закономерности, объективные предпосылки, которые определяют то или иное законодательное решение. Вместе с тем было бы неправильным полностью игнорировать при решении вопросов подведомственности соображения политического или практического порядка. В необходимых случаях они также должны учитываться при принятии того или иного законодательного решения. Однако решение, основанное на таких мотивах, на наш взгляд, всегда может иметь только временный, преходящий характер.

[277] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 158.

[278] В. Д. Сорокин. Проблемы административного процесса, стр. 98.

[279] СЗ 1937 г. N 69, ст. 314.

[280] <Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 - ноябрь 1958 г.)>. М., Госюриздат, 1959.

[281] См.: С. Ордынский. Некоторые проблемы работы органов Госарбитража в новых условиях управления промышленностью. <Советская юстиция>, 1966, N 5, стр. 5.

[282] См.: Ф. Либерман. Развитие прямых договорных связей предприятий легкой промышленности и торговли. <Советская юстиция>, 1965, стр. 10.

[283] См.: Е. В. Анисимов. Роль арбитража в новых условиях хозяйственного управления. <Советское государство и право>, 1967, N 2, стр. 19.

[284] В литературе рядом авторов высказан и ряд других аргументов в подтверждение указанной позиции. См. по этому вопросу: Р. Каллистратова, Н. Клейн. Авторитет договора. <Известия>, 10 марта 1966 г.; Н. И. Клейн. Законодательство о планировании производства товаров народного потребления. М., <Юридическая литература>, 1967, стр. 68 - 70; А. Г. Дмитриев. Условие об ассортименте в договоре поставки. Автореф. канд. дисс. М., 1968, стр. 172 и след.

[285] Следует вместе с тем иметь в виду, что органы защиты прав также возникают не произвольно, а в зависимости от общественных потребностей. Их специфика также определяется характером тех субъективных прав, которые они призваны защищать. Как

правильно отмечает П. В. Логинов, <организация арбитража говорит о том, что органы государственного управления не приспособлены для защиты гражданских прав в сфере товарных отношений, возникающих между предприятиями, организациями и учреждениями, и что для осуществления этой функции нужны были специальные органы с присущими только им принципами организации и деятельности> (П. В. Логинов. Сущность государственного арбитража. Изд-во МГУ, 1968, стр. 93).

[286] В отличие от судов, деятельность которых регламентирована Основами гражданского судопроизводства и ГПК союзных республик, порядок рассмотрения споров государственными арбитражами регламентирован Правилами рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами (<Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР>, вып. 24. М., <Юридическая литература>, 1964, стр. 3 - 23).

[287] <Положение о третейском суде> (Гражданский процессуальный кодекс РСФСР). М., <Юридическая литература>, 1968, стр. 129 - 130.

[288] <Временные правила рассмотрения хозяйственных споров третейским судом>. <Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР>, вып. 15. М., Госюриздат, 1951, стр. 72 - 74.

[289] <Ведомости Верховного Совета СССР>, 1955, N 5, стр. 116.

[290] <Сборник инструктивных указаний Госарбитража при Совете Министров СССР>, вып. 3. М., Госюриздат, 1956, стр. 37.

[291] <Сборник инструктивных указаний Госарбитража при Совете Министров СССР>, вып. 4. М., Госюриздат, 1957, стр. 41 - 42.

[292] Письмо Госарбитража при Совете Министров СССР от 22 декабря 1958 г. <Сборник инструктивных указаний Госарбитража при Совете Министров СССР>, вып. 8. М., Госюриздат, 1959, стр. 26 - 27; Инструктивное письмо Госарбитража при Совете Министров СССР от 3 июня 1960 г. <Сборник инструктивных указаний Госарбитража при Совете Министров СССР>, вып. 14. М., Госюриздат, 1960, стр. 16.

[293] <Сборник инструктивных указаний Госарбитража при Совете Министров СССР>, вып. 24. М., <Юридическая литература>, 1964, стр. 56 - 67.

[294] СП СССР 1961 г. N 20, ст. 146.

[295] См.: Ю. К. Толстой. Гражданское право и принцип материальной заинтересованности. <Правоведение>, 1967, N 1, стр. 53.

[296] <Социалистическая законность>, 1967, N 9, стр. 86.

[297] Следует вместе с тем отметить неустойчивость практики по этой категории дел. Так, например, тот же орган - Президиум Верховного суда РСФСР - по аналогичному делу Королевой вынес совершенно противоположное постановление, в котором указал: <Предоставление Королевой жилой площади не той, которая была указана в постановлении прокурора, а также отмена постановления прокурора не могут служить основанием для отмены постановления Президиума Волгоградского областного суда и определения Судебной коллегии Верховного суда РСФСР. Все споры, связанные с

выселением граждан из домов, грозящих обвалом, и предоставлением им в этих случаях жилых помещений, разрешаются в административном порядке и судам неподведомственны» (<Бюллетень Верховного суда РСФСР>, 1966, N 12, стр. 4).

[298] Иную позицию в этом вопросе занимает А. А. Добровольский, по мнению которого такое решение приводит к отрицанию за исковой давностью ее процессуального значения, к ликвидации права на обращение в суд как субъективного права (см.: А. А. Добровольский. Исковая форма защиты права, стр. 99 и след.). Доводы эти не представляются убедительными. Во-первых, утверждение о том, что право на предъявление иска не погашается исковой давностью, ни в коей мере не умаляет значения этого субъективного права, а, наоборот, устанавливает еще более широкую сферу его применения во времени; во-вторых, такое решение закона вовсе не отрицает за исковой давностью ее процессуального значения, так как связывает исковую давность лишь с исковой формой защиты. Вместе с тем закон определяет иные условия прекращения права на предъявление иска, в частности вследствие несоблюдения сторожами доарбитражного порядка урегулирования спора.

[299] См.: И. Б. Новицкий, Л. А. Лунц. Общее учение об обязательстве. М., Госюриздат, 1950, стр. 68.

[300] См.: И. Б. Новицкий, Л. А. Лунц. Общее учение об обязательстве, стр. 70.

[301] См. там же, стр. 69; этой же точки зрения придерживается И. Б. Новицкий и в другой своей работе - <Сделки. Исковая давность>. М., Госюриздат, 1959, стр. 223 - 231.

[302] <Советское гражданское право>, т. I. М., Госюриздат, 1950, стр. 255.

[303] См.: М. Я. Лапиров-Скобло. Исковая давность по имущественным спорам между хозяйственными организациями, стр. 43 - 44.

[304] См., например: Б. Б. Черепяхин. Виндикационные иски в советском праве. <Уч. зап. Свердловск. юрид. ин-та>, т. I. Свердловск, 1945, стр. 66; его же. Спорные вопросы понятия и действия исковой давности. <Советское государство и право>, 1957, N 7, стр. 67.

[305] Там же, стр. 64. Аналогичного мнения придерживается и М. Я. Кириллова. См. ее работу <Исковая давность>. М., <Юридическая литература>, 1966, стр. 26.

[306] См., например: М. М. Агарков. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940, стр. 56 - 68; Ю. К. Толстой. Проблема обеспечения субъективных гражданских прав. <Вестн. Ленингр. ун-та>, 1952, N 3, стр. 126 - 127 и др.; его же. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Изд-во ЛГУ, 1955, стр. 159 - 163; Г. Ф. Деревянко. Последствия истечения исковой давности. <Уч. зап. ВЮЗИ>, вып. V. М., 1958, стр. 37 и след.; О. С. Иоффе. Советское гражданское право. Изд-во ЛГУ, 1958, стр. 267; <Советское гражданское право> (учебное пособие ВЮЗИ). М., Изд-во ВЮЗИ, 1960, стр. 226; М. А. Гурвич. Пресекательные сроки в советском гражданском праве. М., Изд-во ВЮЗИ, 1961, стр. 22, 40; М. Ринг. Действие исковой давности в советском гражданском праве. <Советское государство и право>, 1953, N 8, стр. 79 и др.

[307] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 99.

[308] Ю. К. Толстой. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР, стр. 102.

[309] Г. Ф. Деревянко. Последствия истечения исковой давности. <Уч. зап. ВЮЗИ>, вып. V. М., 1958, стр. 49.

[310] Там же.

[311] О. С. Иоффе. Советское гражданское право. Изд-во ЛГУ, 1958, стр. 267.

[312] Там же.

[313] В судебной практике прочно укоренился принцип недопустимости отказа в принятии искового заявления по мотивам пропуска исковой давности. <Советская юстиция>, 1939, N 1, стр. 79; <Судебная практика>, 1943, вып. IV, стр. 35; <Судебная практика Верховного Суда СССР>, 1950, N 1, стр. 44; 1951, N 1, стр. 36; <Сборник Постановлений Пленума и Определений Коллегии Верховного Суда СССР>. М., Юриздат, 1948, стр. 167 - 168 и др.

[314] О. С. Иоффе. Советское гражданское право. М., <Юридическая литература>, 1967, стр. 346.

[315] <Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924 - 1963 гг.>. М., <Известия депутатов трудящихся СССР>, 1964, стр. 83.

[316] <Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924 - 1957 гг.>. М., Госюриздат, 1958, стр. 125.

[317] Там же, стр. 151.

[318] <Судебная практика Верховного Суда СССР>, 1951, N 2, стр. 34.

[319] <Судебная практика Верховного Суда СССР>, 1951, N 3, стр. 31.

[320] <Судебная практика Верховного Суда СССР>, 1950, N 8, стр. 23 - 24.

[348] См.: Б. В. Шейндлин. Сущность советского права. Изд-во ЛГУ, 1959.

[349] См., например: М. М. Агарков. Основные принципы советского гражданского права. <Советское государство и право>, 1947, N 11; Н. Д. Казанцев. Основные принципы колхозного права. <Советское государство и право>, 1947, N 11; М. Я. Савицкий. К вопросу о системе принципов советского уголовного процесса. <Советское государство и право>, 1950, N 1; С. Н. Братусь. Принципы советского гражданского права. <Правоведение>, 1960, N 1; Н. А. Чечина. Принципы советского гражданского процессуального права и их нормативное закрепление. <Правоведение>, 1960, N 3.

[350] См.: <Основы теории государства и права>, под ред. проф. Н. Г. Александрова. М., Госюриздат, 1960, гл. VIII, § 2; М. А. Гурвич. Лекции по советскому гражданскому процессу. М.: Изд-во ВЮЗИ, 1950, стр. 25; О. С. Иоффе. Советское гражданское право (курс лекций), т. I. Изд-во ЛГУ, 1958, стр. 16 - 17; О. В. Иванов. Принцип объективной истины в советском гражданском процессе, лекция для студентов вечернего отделения.

Изд-во МГУ, 1964, стр. 4 - 12 (ротапринт); <Советское гражданское право>, под ред. проф. В. А. Рясенцева, т. I. М., <Юридическая литература>, 1965, стр. 13 - 14, и др.

[351] См.: С. Н. Братусь. Принципы советского гражданского права, стр. 47 - 48; А. Е. Пашерстник. О сфере действия и принципах советского трудового права. <Советское государство и право>, 1957, N 10, стр. 100.

[352] См.: М. М. Агарков. Ук. статья; Н. Д. Казанцев. Ук. статья.

[353] См.: <Толковый словарь русского языка>, т. 3, под ред. Б. М. Волна и Д. Н. Ушакова. М., Изд-во иностранных и национальных словарей, 1939, стр. 827; <Словарь русского языка>, сост. С. И. Ожеговым. М., Изд-во иностранных и национальных словарей, 1953, стр. 543; <Толковый словарь>, т. I, сост В. Далем. М., Изд-во иностранных и национальных словарей, 1955, стр. 431; <Словарь иностранных слов>, изд. 6, под ред. Ф. Н. Петрова. М., <Советская энциклопедия>, стр. 520; БСЭ, изд. 2, т. 34, стр. 529.

[354] Ст. 4 Основ гражданского законодательства; ст. 12 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик.

[355] Т. Н. Творческая научная дискуссия о принципах советского уголовного процесса. <Социалистическая законность>, 1952, N 6, стр. 81.

[356] Т. Н. Творческая научная дискуссия о принципах советского уголовного процесса, стр. 81 - 82.

[357] Б. В. Шейндлин. Ук. работа, стр. 65.

[358] Н. А. Чечина. Ук. статья, стр. 78.

[359] М. Я. Савицкий. Ук. статья, стр. 55. Утверждение М. Я. Савицкого представляется весьма сомнительным. Если следовать идее автора, то с таким же успехом и нормы права, регулирующие деятельность суда и участников процесса, можно считать конкретными формами их деятельности. Нетрудно заметить, что автор допускает здесь смешение разнородных, хотя и взаимосвязанных, явлений. Принципы, конечно, определяют характер и формы поведения граждан и организаций, но от этого сами они не становятся <конкретными формами поведения>.

[360] Т. Н. Творческая научная дискуссия о принципах советского уголовного процесса, стр. 80.

[361] М. А. Гурвич. Лекции по советскому гражданскому процессу. М.: Изд-во ВЮЗИ, 1950, стр. 25.

[362] Т. Н. Творческая научная дискуссия о принципах советского уголовного процесса, стр. 80.

[363] С. Н. Братусь. Принципы советского гражданского права. <Правоведение>, 1960, N 1, стр. 48; его же. Предмет и система советского гражданского права. М., Госюриздат, 1963, стр. 135.

[364] См. там же.

[365] <Основы теории государства и права>. под ред. проф. Н. Г. Александрова, стр. 205.

[366] Следует отметить, что практически к тому же выводу в конечном счете пришел и проф. С. Н. Братусь, когда он от общих рассуждений о понятии принципа переходит к конкретному анализу. В связи с этим чрезвычайно важным представляется сделанный им вывод о том, что принципы гражданского права есть юридическое выражение экономических закономерностей развития общества (см.: его же. Предмет и система советского гражданского права, стр. 138).

[367] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 133.

[368] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., Госполитиздат, 1950, стр. 34.

[369] Именно по этому прежде всего и нельзя согласиться с идеей проф. С. Н. Братуся о том, что принципы есть <законы движения материи>. Законы движения материи есть категории объективные, существующие независимо от нашего сознания. отождествить их с принципами - значит, говоря словами Ф. Энгельса, <подсовывать природе сознательный образ действия>.

[370] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II. М., Госполитиздат, 1948, стр. 473.

[371] Нельзя в связи с этим согласиться с А. Ф. Шебановым в том, что <государственная воля правящего класса - это и есть право> (см.: А. Ф. Шебанов. О понятиях источника права и формы права. <Правоведение>, 1965, N 4, стр. 28, сноска). Право есть одна из форм выражения этой воли, если хотите, основная форма выражения этой воли, но не сама воля.

[372] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, стр. 474.

[373] С. Н. Братусь. Предмет и система советского гражданского права, стр. 138.

[374] Г. М. Свердлов. Советское семейное право. М., Госюриздат, 1958, стр. 168.

[375] См.: Б. В. Шейндлин. Ук. работа, стр. 67.

[376] <Основы теории государства и права>, под ред. проф. Н. Г. Александрова, стр. 205; С. Н. Братусь. Предмет и система советского гражданского права, стр. 137.

[377] Б. В. Шейндлин. Ук. работа, стр. 67.

[378] Н. Г. Александров. Социалистические принципы советского права. <Советское государство и право>, 1948, N 11, стр. 17; <Основы теории государства и права>, под ред. проф. Н. Г. Александрова, стр. 205.

[379] См. там же, стр. 205, 207 - 217.

[380] Нельзя признать эту формулировку достаточно точной, так как из сказанного можно сделать вывод, будто бы философские принципы - ненаучны. Между тем принципы, выведенные материалистической философией, в такой же степени научны, как и принципы, выведенные другими науками.

[381] Н. А. Чечина. Ук. статья, стр. 79.

[382] К. Маркс. К критике политической экономии. М., Госполитиздат, 1949, стр. 7.

[383] Следует иметь в виду, что принципы осуществления гражданских прав полностью подпадают под общее определение правового принципа. В данном определении отражены лишь их специфические особенности, дополняющие признаки, указанные в общем определении правового принципа.

[384] См.: М. М. Агарков. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве. <Известия АН СССР>, отд. экономики и права, 2946, N 6, стр. 427; М. В. Самойлова. Право личной собственности граждан СССР (понятие, осуществление, основные средства защиты). Автореферат канд. диссертации. Изд-во ЛГУ, 1965, стр. 11.

[385] См.: С. Н. Братусь. Предмет и система советского гражданского права, стр. 138.

[386] <Программа Коммунистической партии Советского Союза>. М., Госполитиздат, 1961, стр. 120.

[387] См.: И. Б. Новицкий. Участие кредитора в исполнении договорного обязательства. <Советское государство и право>, 1947, N 7.

[388] См.: В. К. Райхер. Правовые вопросы договорной дисциплины в СССР. Изд-во ЛГУ, 1958, гл. II.

[389] См.: И. Б. Новицкий. Солидарность интересов в советском гражданском праве. М., Госюриздат, 1951.

[390] См.: <Советское гражданское право>, учебник для юридических вузов, под ред. проф. П. Е. Орловского и проф. И. Б. Новицкого, т. I. М., Госюриздат, 1959, стр. 421 - 424; А. Волин. сотрудничество и взаимная помощь - основа социалистических отношений между предприятиями. <Коммунист>, 1959, N 3.

[391] См.: <Советское гражданское право>, учебник для юридических вузов, под ред. проф. В. А. Рясенцева, т. I. М., <Юридическая литература>, 1965, стр. 488 - 489.

[392] См. И. Б. Новицкий. Роль советского гражданского права в осуществлении хозрасчета и режима экономии. М., Госюриздат, 1955, стр. 28.

[393] См.: А. В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность, АН СССР, М. - Л., 1948, с. 38; О. С. Иоффе. Советское гражданское право, т. 1, изд. ЛГУ, 1958, с. 73; Ю. К. Толстой. К теории правоотношения, изд. ЛГУ, 1959, с. 44 - 45; его же. Понятие права собственности (<Проблемы гражданского и административного права>, изд. ЛГУ, 1962, с. 193 и сл.).

[394] См.: С. Н. Братусь. О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав (<Советское государство и право>, 1949, N 8); его же. Субъекты гражданского права, Госюриздат, М., 1950, с. 20 - 21; В. И. Серебровский. Вопросы советского авторского права, АН СССР, М. 1956, с. 95.

[395] См.: И. Б. Новицкий. Солидарность интересов в советском гражданском праве, Госюриздат, М., 1951.

[396] См.: БСЭ, т. 18, с. 280; Б. М. Теплов. Психология, Учпедгиз, М., 1952, с. 219 - 220; Т. Г. Егоров. Психология, Воениздат, М., 1955, с. 45; В. Г. Иванов. Основные положения теории интереса в свете проблемы отношений человека (<Ученые записки> ЛГУ, 1956, N 214, с. 68).

[397] Г. М. Гак. Общественные и личные интересы и их сочетание при социализме (<Вопросы философии>, 1955, N 4, с. 19).

[398] <Философский словарь>, под ред. М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина, Госполитиздат, М., 1963, с. 170.

[399] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 82.

[400] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 31.

[401] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, с. 271.

[402] М. А. Гурвич. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия (<Труды ВЮЗИ>, т. III, М., 1965, с. 86).

[403] См.: И. Л. Брауде. К вопросу об объекте правоотношения по советскому гражданскому праву (<Советское государство и право>, 1951, N 3, с. 57).

[404] См.: <Судебная практика Верховного суда СССР>, 1949, N 10, с. 27 - 28.

[405] См.: <Бюллетень Верховного суда СССР>, 1959, N 4, с. 39 - 40.

[406] См.: С. Н. Братусь. Субъекты гражданского права, Госюриздат, М., 1950, с. 20.

[407] С. Ф. Кечекьян. Правоотношение в социалистическом обществе, изд. АН СССР, М., 1958, с. 53.

[408] См.: <Проблемы гражданского и административного права>, изд. ЛГУ, 1962.

[409] О. С. Иоффе. Правоотношение по советскому гражданскому праву, изд. ЛГУ, 1949, с. 50.

[410] О. С. Иоффе. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Изд. ЛГУ, 1949, стр. 120.

[411] О. А. Красавчиков. Юридические факты в советском гражданском праве. Госюриздат, 1958, стр. 166, 169 - 170.

[412] Там же, стр. 168.

[413] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1946, стр. 49.

[414] Не является бессрочным, например, право пользования товарным знаком, действие которого без перерегистрации ограничено максимальным десятилетним сроком. См. п. 6 Пост. СМ СССР от 16 мая 1962 г. <О товарных знаках> (СП СССР 1962 г. N 7, ст. 59); см. также п. 19 Положения о товарных знаках, утвержденного Комитетом по делам

изобретений и открытий при Совете Министров СССР 23 июня 1962 г. (сб. <Нормативные материалы по гражданскому праву>, сост. А. Ю. Кабалкиным. М., <Юрид. лит.>, 1965, стр. 51 - 64).

[415] <Ведомости Верховного Совета СССР>, 1948 г. N 36.

[416] СП СССР 1959 г. N 9, ст. 59.

[417] <Советская юстиция>, 1964 г., N 10, стр. 27.

[418] См., например: В. А. Рясенцев. Применение судами сроков исковой давности (<Социалистическая законность>, 1950 г., N 4, стр. 28; <Социалистическая законность>, 1950 г., N 9, стр. 93).

[419] Г. Н. Амфитеатров. Права на жилые строения и пользование жилыми помещениями. М., Юриздат, 1948, стр. 54.

[420] См. п. 40 Положения о поставках продукции производственно-технического назначения и п. 37 Положения о поставках товаров народного потребления (СП СССР 1959 г. N 11, ст. 68).

[421] См.: <Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР>, вып. 21. М., Госюриздат, 1963, стр. 4.

[422] См.: <Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР>, вып. 21. М., Госюриздат, 1963, стр. 77.

[423] Н. А. Яхнина. Значение гарантийных сроков в повышении качества продукции (<Советское государство и право>, 1966, N 7, стр. 94).

[424] См. ст. ст. 42, 48 Основ. <Научно-практический комментарий к Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик>, под ред. проф. С. Н. Братуся и проф. Е. А. Флейшиц. М., Госюриздат, 1962, стр. 213; <Научно-практический комментарий к ГК РСФСР>, под ред. проф. Е. А. Флейшиц. М., <Юрид. лит.>, 1966, стр. 306 - 307.

[425] О. С. Иоффе, Ю. К. Толстой. Новый Гражданский кодекс РСФСР. Изд-во ЛГУ, 1965, стр. 257. Примечание 3.

[426] С. Г. Хинной. Роль гарантийных сроков в повышении качества продукции (сб. <Актуальные вопросы советского гражданского права>. М., <Юрид. лит.>, 1964, стр. 103).

[427] Н. А. Яхнина. Указ. раб, стр. 93.

[428] См., например, РТУ РСФСР 678 - 60, РТУ РСФСР 658 - 59, РТУ РСФСР 668 - 59, рту рсфср 683 - 60 и др.

[429] Н. А. Яхнина. Значение гарантийных сроков в повышении качества продукции (<Советское государство и право>, 1966, N 7, стр. 94).

[430] Я. И. Раппопорт. Давностные сроки в обязательствах по грузовым железнодорожным перевозкам. Харьков, 1969, стр. 14 - 15.

[431] Там же, стр. 22.

[432] М. А. Гурвич. Пресекательные сроки в советском гражданском праве. М., ВЮЗИ, 1961, стр. 47 - 49; <Советское гражданское право>, том I, под ред. проф. В. А. Рясенцева. М., <Юрид. лит.>, 1965, стр. 248.

[433] М. А. Гурвич. Пресекательные сроки в советской гражданском праве, стр. 48.

[434] Более подробные сведения по этим вопросам читатель может найти в учебнике <Гражданское право> под ред. чл.-корр. АН СССР профессора П. Е. Орловского и доцента С. М. Корнеева. М., <Юридическая литература>, 1969, т. 1.

[435] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 94.

[436] <Сборник Постановлений Пленума Верховного суда СССР 1924 - 1970 гг.>. М., Изд. <Известия>, 1970, стр. 85.

[437] СП СССР 1967 г. N 26, ст. 186.

[438] См.: <Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР>, вып. 30. М., <Юридическая литература>, 1971, стр. 167 - 168.

[439] См. п. 60 Положения о поставках продукции производственно-технического назначения и п. 61 Положения о поставках товаров народного потребления.

[440] См. пп. 66, 67 Положения о поставках продукции и товаров.

[441] О размере возмещения вреда или убытков см. главу IV настоящей работы.

[442] См.: <Советская юстиция>, 1966, N 19, раздел <Арбитражная практика>.

[443] <Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924 - 1970 гг.>. М., Изд. <Известия>, 1970, стр. 112.

[444] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 22.

[445] <Сборник постановлений Пленума Верховного суда СССР 1924 - 1970 гг.>. М., Изд. <Известия>, 1970, стр. 119.

[446] См., например: А. В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность. М. - Л., 1948; его же. Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР. Изд-во АН СССР, М. - Л., 1954; Н. Д. Казанцев. Право колхозной собственности. М., 1948; Г. А. Аксененок. Право государственной собственности на землю в СССР. Госюриздат, 1950; А. В. Карасс. Право государственной социалистической собственности. Изд-во АН СССР, М., 1954; Ю. К. Толстой. содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Изд-во ЛГУ, 1955; А. Н. Арзамасцев. Охрана социалистической собственности по советскому гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1958; Р. О. Халфина. Право личной собственности граждан СССР. Изд-во АН СССР, М., 1955 и др.

- [447] См., например: В. Кнапп. Собственность в странах народной демократии. ИЛ, 1954; Das Zivilrecht der Deutschen Demokratischen Republik. В., 1956.
- [448] См.: А. В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность, стр. 34.
- [449] См.: А. В. Венедиктов. Право социалистической собственности в свете учения И. В. Сталина о базисе и надстройке. <Изв. АН СССР>, отд. экономики и права, 1951, N 2, стр. 97.
- [450] Ю. К. Толстой. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР, стр. 60.
- [451] См.: О. С. Иоффе. Советское гражданское право, курс лекций. Изд-во ЛГУ, 1958, стр. 274.
- [452] Речь идет об определениях, данных Ю. К. Толстым и О. С. Иоффе.
- [453] <Советское гражданское право>, учебное пособие для студентов ВЮЗИ, под ред. проф. В. А. Рясенцева, ч. I, 1955, стр. 110.
- [454] См.: А. В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность, стр. 15 - 16.
- [455] См.: Ю. К. Толстой. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР, стр. 54.
- [456] О. С. Иоффе. Советское гражданское право, курс лекций, стр. 271; см. также: <Об основных проблемах советского гражданского права>. Уч. зап. ЛГУ, сер. юрид. наук, вып. 4, 1953, стр. 51.
- [457] О. С. Иоффе. Советское гражданское право, стр. 270.
- [458] См. там же, стр. 278 - 279 и др.
- [459] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 40 - 41.
- [460] О. С. Иоффе. Советское гражданское право, стр. 269.
- [461] См.: К. Маркс. К критике политической экономии, 1949, стр. 198.
- [462] См.: С. Н. Братусь. Субъекты гражданского права. Госюриздат, М., 1950, стр. 106.
- [463] К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 198.
- [464] <Политическая экономия>, изд. 3. Госполитиздат, 1958, стр. 9.
- [465] К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 198.
- [466] К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 7.
- [467] В. Кнапп. Собственность в странах народной демократии, стр. 87 - 88.

- [468] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв. в двух томах, т. II, 1948, стр. 376.
- [469] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв. в двух томах, т. II, 1948, стр. 427; Соч., т. 4, стр. 168; Избр. письма, 1953, стр. 153 - 154; К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 7.
- [470] См.: А. В. Венедиктов. Право социалистической собственности в свете учения И. В. Сталина о базисе и надстройке, стр. 93.
- [471] Das Zivilrecht der Deutschen Demokratischen Republik, Sachenrecht. В., 1956, S. 14.
- [472] Там же.
- [473] А. В. Венедиктов. Право социалистической собственности в свете учения И. В. Сталина о базисе и надстройке, стр. 95.
- [474] См. там же, стр. 93 - 94.
- [475] См., например: <Гражданское право>, т. I. М., 1944, стр. 220; <Советское гражданское право>, т. I. М., 1950, стр. 264; <Советское гражданское право>, учебник для юридических школ, под ред. проф. С. Н. Братуся. М., 1950, стр. 168; С. И. Вильнянский. Лекции по гражданскому праву. Харьков, 1958, стр. 195.
- [476] <Советское гражданское право>, учебник для юридических школ, под ред. проф. С. Н. Братуся, стр. 168.
- [477] Там же, стр. 6.
- [478] <Советское гражданское право>, учебник для юридических школ, под ред. проф. С. Н. Братуся, стр. 6.
- [479] Ю. К. Толстой. Содержание права социалистической и общественной собственности в СССР. <Вестник Ленинградского университета>, 1953, N 6, стр. 155; см. также: <Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР>, стр. 51.
- [480] О. С. Иоффе. Советское гражданское право, курс лекций, стр. 274.
- [481] <Советское гражданское право>, учебник для юридических школ, под ред. проф. С. Н. Братуся, стр. 169.
- [482] С. Н. Братусь. Понятие имущественных отношений и их правовое регулирование в СССР. Тезисы доклада, прочитанного в ВИЮН 24 октября 1958 г., стр. 3.
- [483] В. Г. Вердников. Предмет советского социалистического гражданского права, лекция для студентов ВЮЗИ, 1954, стр. 7.
- [484] Там же. Эта же мысль по существу выражена автором в учебном пособии по гражданскому праву для студентов ВЮЗИ. См.: <Советское гражданское право>, учебное пособие для студентов ВЮЗИ, под ред. проф. В. А. Рясенцева, ч. I, стр. 3.
- [485] <Советское гражданское право>, учебник для юридических школ, под ред. проф. С. Н. Братуся, стр. 4; В настоящее время С. Н. Братусь изменил свою позицию по данному

вопросу и рассматривает имущественные отношения как волевые отношения (см. указанные тезисы); <О предмете советского гражданского права> (к итогам дискуссии), редакционная статья журн. <Советское государство и право>, 1955, N 5, стр. 53.

[486] О. С. Иоффе. Советское гражданское право, курс лекций, стр. 7.

[487] К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 7.

[488] К. Маркс. Капитал, т. I, 1950, стр. 91.

[489] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. письма, стр. 153 - 154.

[490] В тезисах доклада <Понятие имущественных отношений и их правовое регулирование в СССР> (стр. 5) С. Н. Братусь указывает, что <волевая природа имущественных отношений не была раскрыта> советскими юристами. Это утверждение неточно. Волевая природа имущественных отношений была раскрыта советскими юристами. Так, в кандидатской диссертации В. П. Грибанова, защищенной в Ученом совете Московского юридического института в 1953 г., на тему <Основные черты плановых гражданско-правовых договоров и история их развития> на основе соответствующего анализа дается следующий вывод: <Таким образом, имущественные отношения, являясь волевыми отношениями, вместе с тем выступают как формы выражения производственных отношений> (стр. 114). Аналогично решается вопрос и в гл. 1, т. I учебника по советскому гражданскому праву, подготовленного кафедрой гражданского права юридического факультета МГУ.

[491] К. Маркс, Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, 1953, стр. 50.

[492] См.: И. Л. Брауде. Переход права собственности на строение (<Советское государство и право>, 1946, N 7, с. 62).

[493] Д. Ф. Рамзайцев. Правовые вопросы внешней торговли СССР, Внешторгиздат, М., 1954, с. 53.

[494] См.: Д. М. Генкин и др. Советское гражданское право, т. I, Госюриздат, М., 1950, с. 286.

[495] См.: И. Л. Брауде. Переход права собственности на строение (<Советское государство и право>, 1946, N 7, с. 62).

[496] В этом смысле следует согласиться с указанием С. Н. Братуся о том, что право собственности выражает <статическую общественную производственную> (см.: <Советское гражданское право>, под ред. С. Н. Братуся, Госюриздат, М., 1950, с. 169).

[497] Следует иметь в виду, что собственник может исчерпать свое право собственности и иным способом, например, путем потребления вещи и т. п.

[498] См.: М. М. Агарков и др. Гражданское право, т. II, Юриздат, М., 1944, с. 13; <Советское гражданское право>, под ред. С. Н. Братуся, с. 328.

- [499] См.: Е. А. Флейшиц. Момент перехода права собственности по договору купли-продажи в гражданском праве крупнейших иностранных государств и СССР (<Ученые труды> ВИЮН, вып. IX, Юриздат, М., 1947).
- [500] См.: <Жилищное законодательство. Сборник официальных материалов>, Госюриздат, М., 1950, с. 86 и сл.
- [501] См.: Б. Л. Хаскельберг. Переход права собственности по договору купли-продажи в советском гражданском праве. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1950, с. 19.
- [502] См.: Б. Л. Хаскельберг. Переход права собственности по договору купли-продажи в советском гражданском праве, с. 18.
- [503] См.: <Ведомости Верховного Совета СССР>, 1948, N 36.
- [504] См.: Г. Н. Амфитеатров. Права на жилые строения и пользование жилыми помещениями, Юриздат, М., 1948, с. 22 - 24.
- [505] См.: И. Л. Брауде. Переход права собственности на строение (<Советское государство и право>, 1946, N 7, с. 63); его же. Право на строение и сделки по строениям по советскому праву, изд. 2, Госюриздат, М., 1954, с. 92 - 97.
- [506] См.: СУ РСФСР, 1926, N 77, ст. 579.
- [507] См.: СЗ СССР, 1926, N 35, ст. 252.
- [508] В связи с этим следует признать более правильным толкование ст. 185 ГК, данное И. Л. Брауде в приведенных выше работах.
- [509] См.: <Жилищное законодательство. Сборник официальных материалов>, с. 78 и сл.
- [510] Следует признать неосновательным указание И. Л. Брауде о том, что приведенная инструкция не свидетельствует в пользу возникновения права собственности у покупателя уже с момента нотариального удостоверения договора (см.: И. Л. Брауде. Право на строение и сделки по строениям по советскому праву, с. 98).